Только
для слушательницъ
автора.

Н. Грацiанскiй.

ИСТОРIЯ

Западной Европы въ средніе вѣка.

Часть 1-я.

РАННЕЕ СРЕДНЕВѢКОВЬЕ.

(Лекцiи, читанныя въ 1912—13 учебномъ году на Казанскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ).

Складъ изданiя въ книжномъ магазинѣ
МАРКЕЛОВА и ШАРОНОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ДѢЛЕНІЕ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ НА ПЕРІОДЫ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ТЕРМИНА „СРЕДНЕВѢКОВЬЕ". ГЕНЕЗИСЪ СРЕДНЕВѢКОВАГО ОБЩЕСТВА И ХАРАКТЕРНЫЯ ЕГО ОСОБЕННОСТИ.

Въ текущемъ учебномъ году наши занятія будутъ лежать въ области такъ называемой „средневѣковой" исторіи, въ объемъ которой принято вкладывать приблизительно тысячелѣтній промежутокъ времени - отъ половины или конца У-го столѣтія - до половины или конца ХУ-го столѣтія христіанской эры. Прежде чѣмъ приступить къ изученію этого періода жизни человѣческихъ обществъ, вполнѣ естественно отчетливо уяснить себѣ, что такое представляютъ изъ себя средніе вѣка, что заставляетъ насъ выдѣлять ихъ въ отдѣльный періодъ всеобщей исторіи, каковы наиболѣе отличительныя особенности этого періода.

Историческій процессъ, всегда и неизмѣнно обозначающій наростаніе новаго, не бывшаго ранѣе, очевидно, не можетъ быть схваченъ системою общихъ понятій, всегда и неизмѣнно обозначающихъ то, что есть въ фактахъ и явленіяхъ дѣйствительности общаго, или сходнаго. Вотъ почему такіе принципы періодизаціи всемірной исторіи, которые исходятъ изъ представленія о неизмѣнности хода историческаго процесса, о вѣчной повторяемости его рядовъ, не могутъ соотвѣтствовать духу нашей науки. Таковы теоріи о непрерывномъ кру-

говоротѣ историческихъ явленій-Вико, объ опредѣленныхъ фазахъ развитія мірового духа-Гегеля,о культурныхъ періодахъ-Конта и Лампрехта,о смѣнѣ поколѣній Отт. Лоренца, и другія подобнаго же рода построенія, насчитывающія очень мало сторонниковъ. Историческій процессъ, сущность котораго-непрерывное измѣненіе въ пространствѣ и времени, есть рядъ двухъ измѣреній - широты и долготы. Съ точки зрѣнія любого изъ этихъ измѣреній онъ и можетъ быть, ради удобства изученія, расчленяемъ на части. Тѣмъ самымъ для нашей науки открывается возможность двоякаго рода періодизаціи-или такой, которая основана преимущественно на пространственномъ, географическомъ принципѣ, или такой,которая построена на принципѣ хронологическомъ. Не совсѣмъ удачную попытку расчлененія всемірной исторіи съ точки зрѣнія географическаго принципа мы находимъ въ Weltgeschichte Гельмольта. Расчлененіе всемірно-историческаго процесса преимущественно съ точки зрѣнія хронологическаго принципа есть традиціонное расчлененіе, практиковавшееся еще въ древности.

По мѣрѣ того, какъ расширялось въ своемъ объемѣ могучее римское государство, имѣвшее тенденцію охватить весь извѣстный въ то время міръ, отдѣльныя народности,входившія въ составъ всемірной монархіи,все болѣе и болѣе проникались сознаніемъ общности судебъ человѣчества. Такимъ образомъ постепенно вырабатывалось представленіе о единствѣ всемірно-историческаго

процесса, ходъ котораго подраздѣляли на четыре періода,сообразно чередованію четырехъ величайшихъ монархій древняго міра - Ассировавилонской,Мидо-Персидской, Греко-Македонской и Римской.Представленіе о единствѣ судебъ человѣчества еще болѣе было упрочено и углублено христіанствомъ, которое вѣрило въ самое тѣсное общеніе людей, какъ дѣтей Божіихъ,и въ теченіи событій всемірной исторіи усматривало постепенное осуществленіе предначертаній Божественнаго домостроительства. Сообразно такому взгляду, различали слѣдующія 6 эпохъ /aetates/ исторіи человѣчества: отъ Адама до Ноя, отъ Ноя до Авраама, отъ Авраама до Давида, отъ Давида до Вавилонскаго плѣна,отъ Вавилонскаго плѣна до Рождества Христова и отъ Р.Х. до конца міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилась и схема четырехъ монархій, изъ которыхъ - первыя три приходились на Ветхій Завѣтъ, а четвертая на Новый Завѣтъ и всю христіанскую эпоху. Эта старая схема съ III-го вѣка пріобрѣла болѣе высокое внутреннее значеніе благодаря приложенію къ ней извѣстнаго пророчества Даніила, который олицетворилъ враждебное іудейской теократіи свѣтское государство въ видѣ колосса, составленнаго изъ четырехъ элементовъ. Согласно этому пророчеству, утвержденное на глиняныхъ ногахъ чудовище должно разсыпаться и уступить свое мѣсто Царству Божьему на землѣ, когда изживетъ послѣдній изъ четырехъ вѣковъ - желѣзный. Желѣзный вѣкъ хри-

стіанскіе писатели воплощали въ Римской Имперіи, которая и казалась имъ послѣднею земною формою, объединяющей человѣчество. Послѣ нея должна была послѣдовать катастрофа - Страшный Судъ Божій.

Однако Римская Имперія пала, а пророчество Даніила не исполнилось. Тогда понятіе послѣдняго - желѣзнаго вѣка стали растягивать. Христіанскіе писатели говорили, что Римская Имперія не умерла, что она продолжаетъ существовать въ видѣ Священной Имперіи, возстановленной Карломъ и германскими королями. Все же наступленія Страшнаго Суда Божія ждали съ минуты на минуту. Ждали его не отдѣльныя группы людей. Передъ нимъ трепетало все западно-европейское общество. Въ XI столѣтіи тысячи обстоятельствъ указывали на исполненіе древнихъ пророчествъ. Предвѣщенные Спасителемъ признаки Второго Пришествія:-землетрясенія, голодовки, ужасныя эпидеміи, кровопролитныя внѣшнія и внутреннія войны - все это было. И казалось, что вотъ - вотъ раздадутся трубные звуки Архангела, возвѣщающіе конецъ существующему. Однако проходили года за годами, поколѣнія смѣняли поколѣнія, а земной міръ оставался по прежнему. Общество понемногу излечивалось отъ своихъ ранъ, накопляло новыя матеріальныя и культурныя блага, и тотъ зловѣщій кошмаръ, который отравлялъ существованіе каждаго отдѣльнаго человѣка, мало по малу разсѣявался. Вырабатывался болѣе радужный взглядъ на жизнь, умѣвшій цѣнить ее саму по себѣ, безъ отношенія къ будущей жизни, умѣвшій отыскивать въ ней тысячи радостей. Люди Возрожденія уже не ждали трубнаго звука Архангела. Они не видѣли необходимости скораго прекращенія человѣческой жизни, которая, забивши новыми источниками, нуждалась въ длительномъ и плодотворномъ развитіи. Обаяніе Даніиловыхъ пророчествъ, которыя усердно поддерживались Церковной тридиціей, мало по малу исчезало. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала и основанная на толкованіи этихъ пророчествъ періодизація всемірной исторіи. Общество, въ лицѣ своихъ интеллигентныхъ представителей, начинало понимать, что нельзя смѣшивать Римскую Имперію и слѣдующія за ней столѣтія въ одномъ періодѣ римскаго, или желѣзнаго вѣка. Увлеченіе классической древностью, носившее рѣзко выраженный филологическій характеръ, съ отчетливостью вырисовывало обособленность той эпохи испорченной, или варварской латыни, которая отдѣляетъ чистую классическую латынь отъ возрожденной латыни XVI сл.-столѣтій. Эту эпоху и стали обозначать столь знакомымъ намъ терминомъ „Средніе вѣка" /*media aetas, medium aevum*/, положивши ее гранью между древнимъ міромъ, т.е. римскою эпохою, съ одной стороны, и новымъ временемъ, т.е. эпохою Возрожденія, съ другой. Такъ возникло дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую прежде всего въ области языка и литературы. Однако, изъ области чисто филологической данный принципъ дѣленія перенесли въ область ис-

торіи вообще, причемъ піонеромъ этого дѣла былъ Гальскій профессоръ Кристофъ Колларіусъ, жившій въ ХУІІ вѣкѣ. Въ своихъ руководствахъ Колларіусъ различалъ древнюю исторію до Константина Великаго, среднюю исторію до завоеванія Константинополя турками и новую исторію до своего времени включительно. Съ теченіемъ времени дѣленіе Колларіуса пріобрѣло всеобщее признаніе, причемъ въ немъ были сдѣланы лишь очень несущественныя измѣненія. Въ XIX столѣтіи учебники и руководства по исторіи усвоили такое дѣленіе: древняя исторія - до занятія западно-римскаго престола Одоакромъ /476 г./, средняя исторія - до открытія Америки /1492 г./или начала реформаціи /1517/ и новая исторія до новѣйшаго времени включительно.

Такимъ образомъ, терминъ средніе вѣка придуманъ историками языка и литературы - филологами, и уже отъ этихъ послѣднихъ заимствованъ историками въ собственномъ смыслѣ даннаго слова, т.е. историками человѣческихъ обществъ. Спрашивается теперь, имѣемъ ли мы право и въ настоящее время употреблять этотъ терминъ ? Согласуется ли онъ съ новѣйшими данными нашей науки?

Въ послѣднее время трехчленное дѣленіе всемірной исторіи на древнюю, среднюю и новую подверглось справедливымъ нападкамъ. Многіе говорятъ, что это традиціонное дѣленіе есть пережитокъ младенческаго состоянія нашей науки, когда кругозоръ ея былъ очень ограниченъ и во времени и въ пространствѣ. И если для

ХУІІ вѣка, когда центръ тяжести міровой жизни усматривали въ Европейской культурѣ, такое дѣленіе было естественнымъ и законнымъ, то теперь, когда открылась старинность и самостоятельность культуръ восточной Азіи и Америки и глубокая древность ближневосточной культуры, оно совершенно неестественно и неумѣстно. Неумѣстно прежде всего потому, что отдѣлъ древности, охватывающій тысячелѣтія, оказывается несоразмѣрно длиннымъ по отношенію къ двумъ остальнымъ третямъ дѣленія, охватывающимъ только столѣтія. Кътому же терминъ средневѣковье, приспособленный исключительно къ исторіи Западно-европейской культуры, оказывается ничего не значущимъ терминомъ даже для ближне-восточной-Византійской и славяно-русской культуры, не говоря уже о богатѣйшей культурѣ мусульманскаго міра, процвѣтавшей въ Дамаскѣ, Багдадѣ, Кордовѣ и другихъ столицахъ ислама. Нѣкоторые прямо называютъ терминъ средніе вѣка пустымъ, ненаучнымъ и даже опаснымъ терминомъ, въ виду того, что онъ, такъ сказать, совершенно выбрасываетъ изъ поля зрѣнія историка культуру дальне- и ближне-восточныхъ народовъ. Вотъ почему нѣкоторые сознательно стараются избѣгать термина средневѣковье, и многіе историки начинаютъ дѣлить всемірную исторію всего лишь на два періода, соединяя послѣднія двѣ трети традиціоннаго дѣленія въ одну новую исторію. Словомъ, схема трехраздѣльной исторіи за послѣднее время сильно ко-

леблется.

Нельзя не признать справедливость всѣхъ этихъ возраженій противъ традиціоннаго раздѣленія всемірной исторіи на три періода.

Однако, отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, что самый терминъ средніе вѣка долженъ быть уничтоженъ. Считаясь съ современнымъ состояніемъ исторической науки, мы лишь должны сузить его содержаніе. Не имѣя права говорить о среднихъ вѣкахъ вообще, т.е. въ примѣненіи ко всему всемірно-историческому процессу, мы имѣемъ полное право говорить о средневѣковьѣ западно-европейскомъ, подобно тому, какъ говорятъ о средневѣковьѣ египетскомъ, греческомъ, японскомъ и т.п. Иначе говоря, самъ по себѣ смутный и неопредѣленный терминъ средніе вѣка мы должны точнѣе обозначать географическими границами - и тогда онъ получитъ опредѣленное, строго научное содержаніе, неспособное ввести кого бы то ни было въ заблужденіе.

Правда, этимъ самымъ традиціонная схема всемірно-историческаго процесса разрушится. Вмѣсто одного средневѣковья, какъ опредѣленнаго этапа общественной жизни, получится ихъ нѣсколько, и примѣнены они будутъ къ различнымъ эпохамъ и странамъ. Однако этимъ смущаться не слѣдуетъ, такъ какъ научная терминологія прежде всего требуетъ ясности и отчетливости. Намъ здѣсь нѣтъ надобности строить новыя схемы всемірной исторіи, которыя отвѣчали бы всѣмъ запросамъ науки. Для насъ достаточно запомнить, что мы будемъ изучать средневѣковье западно-европейское, понимая подъ этимъ терминомъ такую эпоху, которая служила переходомъ отъ древняго греко-римскаго міра къ новому западно-европейскому обществу. Намъ и предстоитъ прежде всего познакомиться съ происхожденіемъ и характерными особенностями этого своеобразнаго средневѣковаго общества.

Средневѣковое государство и общество, какъ извѣстно, сложилось изъ взаимодѣйствія двухъ культурныхъ началъ - римскаго - христіанскаго и германскаго - языческаго. Комбинація этихъ двухъ различнымъ міровъ, одного древняго, гордаго и величественнаго, какъ и все классическое, другого сравнительно новаго, бьющаго молодостью и силой, и породило все разнообразіе средневѣковой жизни, со всѣми ея отличительными особенностями. Не вдругъ народилось это новое общество. Исторія никогда не дѣлаетъ скачковъ. Ея движеніе всегда планомѣрно и размѣрено. Если же мы и говоримъ иногда о революціяхъ, о быстрыхъ и стремительныхъ переворотахъ въ строѣ человѣческихъ обществъ, то эти революціи, при болѣе внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, всегда оказываются просто на просто эволюціями, т.е. медленными и постепенными процессами въ нормальномъ теченіи обще-человѣческой жизни. То же самое слѣдуетъ сказать и о томъ коренномъ переворотѣ, который совершился при переходѣ отъ древняго міра къ эпохѣ средневѣковья. Много

разъ повторяли намъ о той, будто бы, грандіознѣйшей революціи, которая имѣла мѣсто въ V столѣтіи нашей эры. Намъ указывали даже опредѣленный годъ, когда совершилась эта революція, выразившаяся въ паденіи величественнаго зданія Римской имперіи и утвержденіи новаго строя, принесеннаго изъ болотъ и лѣсовъ дикой Германіи. Но уже a priori трудно предположить, чтобы въ одинъ годъ и даже въ одинъ вѣкъ пало выкованное многовѣковыми усиліями римскаго генія государство. А при болѣе глубокомъ проникновеніи въ нѣдра историческаго процесса, мы замѣчаемъ, что въ V-то вѣкѣ въ сущности и не было никакой революціи. Пресловутое паденіе Римскаго государства не есть дѣло одного только вѣка. Оно началось въ очень отдаленное время и совершалось въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій и поколѣній. Еще со времени кимвротевтонской войны, т.е. за цѣлое столѣтіе до наступленія нашей эры, начинають нападать на него дикіе варвары. И уже въ I-вѣкѣ по Р.Хр. проницательный умъ римскаго историка Тацита отчетливо сознаетъ опасное положеніе имперіи. Правда, римскіе легіоны почти всегда торжествуютъ надъ нестройными скопищами германцевъ. И даже въ половинѣ V-го вѣка римскій полководецъ Аэцій наноситъ страшное пораженіе варварамъ на Каталаунской равнинѣ. Частичные случаи побѣды со стороны германцевъ, въ родѣ пораженія Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу, очень немногочисленны и не имѣютъ серьезныхъ результатовъ.

Но вовсе не въ качествѣ побѣдителей наводняютъ германцы имперію. Тихо и незамѣтно просачиваются они сквозь желѣзную цѣпь укрѣпленнаго римскаго limes'a то какъ смиренные рабы или покорные земледѣльцы римскаго народа, то какъ подданные и союзники римскаго императора, то, наконецъ, какъ отважные солдаты имперскихъ легіоновъ. И въ то же самое время, когда Аэцій, казалось, на вѣки сокрушилъ силу варваровъ, эти варвары успѣли крѣпко осѣсть на территоріи побѣдоноснаго государства; да и самое войско Аэція почти цѣликомъ состояло изъ германцевъ. Страшная опасность грозила имперіи отъ этого пришлаго элемента. Германскія дружины, изъ которыхъ почти цѣликомъ состояли римскіе легіоны, во всякое время могли безнаказанно произвести государственный переворотъ, подобный перевороту 476 года.

Параллельно съ натискомъ варваровъ, все болѣе и болѣе осложняются внутреннія нестроенія въ сердцѣ имперіи. Деспотизмъ Римскаго Императора, воплощенный въ системѣ бюрократическаго управленія, стройной только по внѣшности, но гнилой и безпорядочной въ основаніи, страшный финансовый гнетъ, тяжелымъ бременемъ ложившійся на римское гражданство, закрѣпощеніе всѣхъ массъ населенія, начиная отъ высшихъ слоевъ общества до самыхъ низшихъ, разложеніе древнихъ традицій и измельчаніе народнаго характера - вотъ чѣмъ характеризуется состояніе Имперіи въ эпоху

упадка. Всѣ эти условія приводятъ міровую державу къ погибели. Однако не слѣдуетъ придавать буквальнаго значенія терминамъ. Если мы говоримъ, что Римская Имперія погибла, то это не значитъ, что она была сметена съ лица земли варварами. Я уже замѣтилъ ранѣе, и еще разъ подчеркиваю, что въ V вѣкѣ въ сущности не произошло никакой революціи, никакого стремительнаго переворота въ жизни человѣческихъ обществъ. Юридически не была даже уничтожена власть римскаго принцепса, каковымъ оставался властитель Западной половины Имперіи. Не уничтожена была на Iхъ порахъ и система римской администраціи. Остался непоколебимымъ экономическій и соціальный строй римскаго общества. Въ чемъ же тогда выразилось паденіе Имперіи? Паденіе Имперіи сказалось въ томъ, что она уже перестала претендовать на міровое господство. Скопившіеся въ ея нѣдрахъ варвары образовали рядъ совершенно самостоятельныхъ и лишь номинально зависимыхъ отъ Римскаго Императора государствъ, управлявшихся своими самобытными законами, совокупность которыхъ извѣстна въ наукѣ подъ именемъ „Варварскихъ Правдъ" „Leges Barbarorum". Необходимо принять во вниманіе то обстоятельство, что варвары вовсе не враги римскихъ порядковъ, римской государственности. Напротивъ, они питаютъ къ ней глубочайшее уваженіе. Они не навязываютъ римскому населенію своихъ законовъ и обычаевъ. Напротивъ, они издаютъ для своихъ

подданныхъ - римлянъ кодексы римскаго права. Такъ возникла „Римская Правда Бургундовъ" / Lex Romana Burgundionum / и „Римская Правда Вестготовъ" / Lex Romana Wisigothorum /. А „Эдиктъ" короля остготовъ - Теодориха представляетъ изъ себя замѣчательную попытку даже и варварское населеніе подчинить дѣйствію римскихъ законовъ. Римскіе и варварскіе порядки, римская и варварская цивилизація, такимъ образомъ, мирно уживаются (рядомъ) другъ съ другомъ. Но не далеко то время, когда они смѣшаются окончательно. Это смѣшеніе, начавшееся еще съ принятія варварами христіанства, окончательно завершилось при каролингахъ, когда исчезло всякое различіе между romani и barbari. Тогда то и отлилась въ опредѣленныя формы культура средневѣковаго общества, какъ результатъ отнюдь не революціи, а долгаго и томительнаго процесса ассимиляціи римскаго міра и міра германскаго. Эта вновь сложившаяся культура настолько оригинальна и самобытна, настолько непохожа на культуру древняго и новаго міровъ, что для удобства изученія ее пришлось выдѣлить въ особый періодъ жизни человѣческихъ обществъ, обозначивши терминомъ „средневѣковье".

Прослѣдивши, правда въ самыхъ краткихъ словахъ, генезисъ средневѣковаго общества и государства, остановимся теперь на разсмотрѣніи отличительныхъ его особенностей. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, средніе вѣка - это эпоха безпросвѣтнаго мрака и невѣже-

ства, эпоха кровавыхъ смутъ и политическихъ неурядицъ, экономическихъ и соціальныхъ несправедливостей и гнета, культурнаго застоя, духовнаго и нравственнаго убожества. По мнѣнію другихъ, средніе вѣка это эпоха ослѣпительнаго свѣта и блеска, эпоха рыцарскаго великодушія и подвиговъ, эпоха могучаго подъема человѣческаго духа, просвѣтленнаго дивнымъ ученіемъ христіанства. Откуда такія противорѣчивыя воззрѣнія на одну и ту же эпоху? Сказать, что они сложились подъ вліяніемъ предвзятыхъ теорій-значитъ, сказать очень немного. Нѣтъ, объясненіе этихъ противорѣчій надо искать глубже, именно, въ самыхъ нѣдрахъ средневѣковаго общества. Если намъ говорятъ, что эпоха средневѣковья есть эпоха безпросвѣтнаго мрака, мы условно не можемъ съ этимъ не согласиться. Если намъ скажутъ, что эпоха среднихъ вѣковъ есть эпоха свѣта и блеска, мы отвѣтимъ, что и въ этомъ мнѣніи заключается истина. И это вовсе не абсурдъ, такъ какъ эпоха среднихъ вѣковъ есть эпоха рѣзкихъ противорѣчій и контрастовъ по преимуществу. Два противорѣчивыхъ культурныхъ начала, римское и германское, христіанское и языческое, слившись въ одинъ цѣлый организмъ и переродившись сообразно условіямъ мѣста и времени, создали удивительную общественную структуру, отмѣченную характеромъ двойственности и противоположности. Средневѣковая жизнь, можно сказать, цѣликомъ соткана изъ контрастовъ и крайностей, меж-

ду которыми совершенно нѣтъ посредствующихъ звеньевъ. Это что то въ высшей степени сложное и нелѣпое, почти уродливое, но до крайности интересное именно въ силу своей нелѣпости, заманчивое и притягательное въ силу своей загадочности. Это такая эпоха, которая можетъ до крайности увлечь человѣка, одареннаго богатой фантазіей. И не даромъ французскій историкъ Мишле, изображая минувшую судьбу своей родины, умѣлъ въ буквальномъ смыслѣ слова облекаться плотью и кровью средневѣковаго человѣка: радоваться его радостями, плакать его слезами, словомъ, переживать до болѣзненности всѣ его ощущенія. И въ своей "Исторіи Франціи" онъ оставилъ намъ удивительныя картины средневѣковой жизни, бьющія по нервамъ, потрясающія ужасомъ душу, висящія какимъ то зловѣщимъ кошмаромъ въ нашемъ воображеніи. Не даромъ другой французскій историкъ - Шатобріанъ видѣлъ въ средневѣковой жизни неистощимый матеріалъ, позволявшій ему слагать великолѣпные гимны въ честь возрождавшейся католической Церкви. Не даромъ, наконецъ, вошло у насъ въ моду называть средневѣковымъ все то, что выходитъ изъ предѣловъ обыкновенной людской уравновѣшенности.

Итакъ, средневѣковая жизнь - переплетеніе противоположностей и контрастовъ по преимуществу. Приведу нѣсколько наглядныхъ примѣровъ для иллюстраціи этого положенія. Начну съ политическаго строя средневѣковаго общества. Съ одной стороны, оно раздроблено на массу

мелкихъ феодальныхъ сеньорій, изъ которыхъ каждая совершенно самостоятельна и не хочетъ считаться ни съ какою постороннею властью, съ другой стороны, мы находимъ здѣсь Св.Римскую Имперію, пытающуюся обнять собою весь міръ, и тоже несчитающуюся ни съ какими географическими, національными и культурными подраздѣленіями. И лишь въ эпоху поздняго средневѣковья между этими двумя нелѣпыми, съ нашей точки зрѣнія, институтами выростаетъ національное государство, но опять таки не во всѣхъ странахъ З.Европы. Напримѣръ, его совершенно не было въ Германіи. Если мы теперь глубже вникнемъ въ существо одного изъ названныхъ институтовъ - Св.Римской Имперіи, то мы легко убѣдимся, что и въ немъ заложены двойственности. Съ одной стороны, это воплощеніе лучшихъ сторонъ средневѣковаго человѣка, жаждущаго мира и тишины, страстно ищущаго общечеловѣческаго счастья. И какъ таковая, Св.Римская Имперія пытается обласкать и успокоить весь міръ, гармонично соединить въ немъ Божеское съ человѣческимъ и въ конечномъ итогѣ дать всѣмъ народамъ земного шара не только благополучіе на землѣ, но и вѣчное блаженство въ будущей жизни. Съ другой стороны, Св.Римская Имперія - это ужасающее пугало для отдѣльныхъ народовъ, источникъ свѣтскаго и духовнаго деспотизма. И какъ таковая, она душитъ въ своихъ желѣзныхъ тискахъ самостоятельное развитіе богато-одаренныхъ національностей, а, поднимая папу на

императора, сѣетъ кровавую смуту по всему христіанскому міру.

Та же двойственность наблюдается и въ области отношеній соціально-экономическихъ. Наряду съ крупнымъ земельнымъ собственникомъ, владѣющимъ чуть ли не цѣлымъ государствомъ, надѣленнымъ тысячью сословныхъ правъ и привиллегій, стоитъ бѣдный, запуганный крестьянинъ - земледѣлецъ, пользующійся какъ милостью маленькимъ кусочкомъ земли, лишенный всякой защиты самыхъ элементарныхъ правъ своей личности, обремененный массой поборовъ, которые онъ и самъ, пожалуй, не въ состояніи перечислить. И нельзя сказать, чтобы экономическій и соціальный строй средневѣковаго общества былъ очень примитивенъ. Напротивъ, онъ чрезвычайно сложенъ и запутанъ до крайности. Здѣсь такая масса тонкихъ юридическихъ подраздѣленій видовъ собственности и видовъ владѣнія, такая пестрота соціальныхъ перегородокъ, что въ нихъ положительно трудно разобраться. И все-таки всѣ эти сервы домашніе и земледѣльческіе, всѣ эти полусвободные, вольноотпущенники разныхъ разрядовъ, homines, hospites, liberi, ingenui, nobiles — могутъ быть раздѣлены на два противоположныхъ разряда: тѣхъ, кто пользуется только правами, и тѣхъ, кто несетъ только повинности. Средняго нѣтъ. Средній классъ опять-таки появляется только въ эпоху поздняго средневѣковья. Это такъ называемое третье сословіе

или буржуазія.

Еще болѣе рѣзокъ контрастъ въ области отношеній чисто культурныхъ. Средневѣковое міросозерцаніе, средневѣковая мораль - это что то неподходящее ни подъ какую рамку, неуловимое никакой опредѣленною схемою. Это - чистое, глубокое, первобытное христіанство, прошедшее сквозь призму грубаго варварскаго міровоззрѣнія. Тысячи противоположностей представляетъ изъ себя духовная жизнь средневѣковаго человѣка, глубоко набожнаго, искренно благоговѣющаго предъ завѣтами Христа, но не имѣющаго силъ стряхнуть съ себя варварскія привычки. Вотъ почему рядомъ съ примѣрами глубочайшаго милосердія мы находимъ здѣсь факты самой отталкивающей жестокости. Колокольный звонъ, зовущій людей на подвиги любви и милосердія, сплошь и рядомъ заглушается лязгомъ оружія и изступленными криками побѣдителей, не знающихъ пощады слабымъ и беззащитнымъ. Представьте себѣ рыцаря, съ ногъ до головы закованнаго въ желѣзо, рыцаря разбойника и насильника, рыцаря хищника большой дороги, обагреннаго кровью своихъ собратьевъ. Онъ плачетъ какъ малый ребенокъ, слушая проповѣдь Петра Амьенскаго. Онъ готовъ бросить всѣ свои разбойничьи наклонности и идти для искупленія грѣховъ въ знойную Палестину, на защиту чего то далекаго, но дорогого его сердцу. Здѣсь нѣтъ мѣста ханжеству, расчету и лицемѣрію.

Всѣ поступки вполнѣ искренни, сердечны и глубоко прочувствованы. Передъ нами не воображаемые типы, а живые примѣры въ образѣ рыцарей - пилигримовъ. Таковъ, напримѣръ, Фротмондъ, могущественный герцогъ Бретани, злодѣйски умертвившій своего дядю и младшаго изъ братьевъ. Накрѣпко стянутый цѣпью, съ головою, посыпанной пепломъ, и власяницею на тѣлѣ, онъ отправляется для искупленія своего ужаснаго грѣха въ Іерусалимъ, проходитъ по пустынѣ до Нила, идетъ въ Карѳагенъ, переплываетъ по морю въ Римъ, вторично отправляется, по повелѣнію папы, въ Палестину, проходитъ до Синая и Арарата, а, возвратившись на родину, смиренно оканчиваетъ свою жизнь въ кельѣ монаха. А вотъ, напримѣръ Фулько Черный - графъ Анжу, тревожимый многочисленными тѣнями людей, невинно имъ убіенныхъ. Онъ трижды совершаетъ пѣшеходное путешествіе въ Палестину, и умираетъ по дорогѣ оттуда въ Мецѣ, всѣми оплакиваемый и всѣми прощенный... Таковъ рыцарь - представитель военной аристократіи. Не уступитъ ему и монахъ, отрекшійся отъ міра, всецѣло посвятившій себя служенію ближнихъ. Отслуживши или отслушавши обѣдню, принесши съ умиленіемъ и благоговѣніемъ безкровную жертву Искупителю человѣческаго рода, онъ часто надѣваетъ на себя ратные доспѣхи и кидается въ самый пылъ битвы, а въ мирное время тѣшится кровавою охотою. Я уже не говорю о намѣстникѣ Христа на землѣ - папѣ, „рабѣ рабовъ Божіихъ" и въ то же время господинѣ всего под

луннаго міра. Простой народъ робокъ, покоренъ и беззащитенъ. Но и онъ можетъ сдѣлаться звѣремъ и тогда нѣтъ предѣла его ярости и жестокости.

Мы знаемъ, до какого дикаго отчаянія дошли широкія народныя массы во Франціи во время періодических голодовокъ X-XI столѣтій. Почитайте лѣтопись современника этихъ событій - Рауля Лысаго и вы найдете здѣсь картинные разсказы о многочисленныхъ злодѣяхъ, которые подстерегали по дорогамъ беззащитныхъ и одинокихъ путниковъ, убивали ихъ, разрывали тѣла на части, наскоро жарили и пожирали. Но верхъ людского злодѣйства - это чудовище въ образѣ человѣка, проживавшее въ лѣсу возлѣ Макона. Въ хижинѣ этого злодѣя, разсказываетъ лѣтописецъ, нашли около полусотни головъ отъ съѣденныхъ имъ людей обоего пола. Не слѣдуетъ забывать, что лѣса, укрывавшіе людоѣдовъ, въ то же самое время давали пріютъ настоящимъ рыцарямъ духа, которые отъ шума и нестроенія общественной жизни удалялись въ уединенныя хижины, въ сообществѣ съ дикими звѣрями питались исключительно травами и кореньями, и здѣсь, очистивши себя постомъ и молитвою, наслаждались бесѣдою съ Богомъ.

Всѣ эти выхваченные наудачу примѣры, надѣюсь, вполнѣ уясняютъ то положеніе, что средневѣковая жизнь представляетъ изъ себя два ряда крайнихъ противоположностей. И если мы обратимъ вниманіе на верхній рядъ этихъ противоположностей, то средневѣковую

жизнь, пожалуй, можно назвать періодомъ свѣта; если же мы сосредоточимъ свое вниманіе на нижнемъ ряду, она окажется эпохою мрака. Оба опредѣленія слишкомъ узки, ненаучны, и носятъ скорѣе публицистическій характеръ, поэтому лучше всего ихъ оставить въ покоѣ.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ характеризуется средневѣковая жизнь, средневѣковое общество? Если мы скажемъ, что средніе вѣка есть эпоха противорѣчій, мы выразимся слишкомъ обще и не уловимъ этимъ опредѣленіемъ всѣхъ особенностей эволюціи средневѣковаго общества. Современная историческая наука опредѣляетъ средніе вѣка, какъ эпоху католико-феодальныхъ отношеній. Это значитъ, что духовной культурой средневѣковья управляло христіанство въ формѣ католицизма, а соціально-экономической и политической жизнью - феодальныя отношенія. По поводу такого опредѣленія замѣтимъ слѣдующее: правда, католицизмъ никогда не былъ такъ крѣпокъ, никогда не имѣлъ такого огромнаго вліянія на жизнь Евр. общества, какъ въ періодъ средневѣковья. Но развѣ масса того общества, широкіе народные круги жили въ средніе вѣка католицизмомъ? Развѣ это наивное міросозерцаніе, населяющее природу тьмою ангеловъ и демоновъ, злыхъ и добрыхъ духовъ, колдунами и вѣдьмами, развѣ это міросозерцаніе католическое? Верхніе слои народа, пожалуй, да, жили католицизмомъ, и то въ очень условномъ смыслѣ. Что же касается міросозерцанія массы, то оно также похоже на католицизмъ, какъ и на чи-

стое язычество. И если церковь залила потоками крови цвѣтущія равнины Лангедока, искореняя ересь альбигойцевъ, то вѣдь эти альбигойцы, эти еретики были вездѣ. Они только не думали заявлять о себѣ открыто, замыкаясь въ кругъ своихъ суевѣрій втихомолку.

Съ другой стороны, и феодальными отношеніями не характеризуется вся сложность соціально-экономической и политической жизни средневѣковаго общества. Вѣдь феодализмъ въ его окончательномъ видѣ сложился очень поздно, въ XI и XII столѣт. А едва сложившись, онъ уже разлагался, какъ результатъ возрожденія кипучей торгово-промышленной жизни городовъ, разрушившей основы натуральнаго хозяйства. Такимъ образомъ, феодализмомъ характеризуется только очень небольшой періодъ жизни средневѣковаго общества и обозначать этимъ терминомъ всю эпоху по меньшей мѣрѣ рискованно. Итакъ, если мы скажемъ, что средніе вѣка есть эпоха мрака - неправда. Если мы скажемъ, что это эпоха свѣта - тоже неправда. Если мы скажемъ, что это эпоха католико-феодальныхъ отношеній - и такое опредѣленіе не будетъ соотвѣтствовать истинѣ. Да и зачѣмъ намъ непремѣнно гнаться за подобными опредѣленіями? Средневѣковая жизнь - это интереснѣйшая эпоха въ исторіи человѣчества - настолько сложна, настолько глубока, запутана и загадочна, что подводить ее подъ какое нибудь опредѣленіе -это значитъ насиловать факты. Будетъ гораздо цѣлесообразнѣе, если, воздержавшись отъ всѣхъ

этихъ опредѣленій, мы дадимъ сжатую, очень краткую схему общаго процесса средневѣковой эволюціи, начиная съ эпохи упадка Имперіи.

Римское общество эпохи упадка въ политическомъ отношеніи характеризуется деспотизмомъ императора, чрезмѣрной бюрократизаціей и централизаціей управленія, постепеннымъ умираніемъ широкой вольности муниципій, а въ общемъ, полнымъ разстройствомъ политическаго организма. Экономическія отношенія характеризуются ослабленіемъ широкихъ торговыхъ сношеній, упадкомъ промышленности, а въ результатѣ этого - поворотъ къ натуральному хозяйству. Растетъ крупная земельная собственность, развивается колонатъ, типомъ хозяйства становится villa, имѣющая тенденцію быть самодовлѣющей. Въ области соціальныхъ отношеній эта эпоха характеризуется закрѣпленіемъ всѣхъ классовъ общества государствомъ по принципу происхожденія /origo/ развитіемъ частно-правовыхъ сдѣлокъ, въ результатѣ чего появленіе новыхъ видовъ зависимости. Культура падаетъ; опекаемыя государствомъ народныя массы теряютъ всякій вкусъ къ общественнымъ дѣламъ и обремененныя заботами повседневнаго существованія, замыкаясь въ своей личной жизни, грубѣютъ.

Приходятъ новые люди, а вмѣстѣ съ ними приходятъ и новые порядки. Германцы знаютъ племенныхъ вождей племенную и служилую знать, власть которой сдерживается народнымъ собраніемъ. Промышленность и тор -

говля у нихъ въ зачаточномъ состоянiи. Они agriculturae non student и живутъ главнымъ образомъ скотоводствомъ. Они дѣлятся на знатныхъ, свободныхъ, полусвободныхъ и рабовъ, при чемъ послѣднiе три класса не замкнутыя касты, такъ какъ свободный легко можетъ перейти въ полусвободу и рабство. Они воинственны, свирѣпы, жестоки до крайности. Но это объясняется условiями ихъ существованiя. Пересаженные на мирную территорiю, они становятся кротки, трудолюбивы и послушны.

Двѣ нацiи, два государственныхъ строя мало по малу ассимилируются. Послѣ неудачной попытки благороднаго Теодориха возродить культуру погибшей Имперiи, попытки, стоившей жизни лучшей изъ варварскихъ нацiональностей, - выростаетъ франкское или меровингское государство. Это государство монархическое, централизованное, управляемое черезъ посредство служилыхъ людей - графовъ, и ихъ помощниковъ. Въ административномъ дѣленiи замѣчается смѣшенiе римскихъ и германскихъ порядковъ. То же смѣшенiе замѣчается въ экономической и соцiальной жизни, однако съ явнымъ перевѣсомъ на сторону римскаго строя. Натуральное хозяйство окончательно торжествуетъ, торговля и промышленность сводятся къ минимуму. Земля становится единственнымъ источникомъ богатства, единственнымъ мѣриломъ соцiальной цѣнности человѣка. Типомъ земельной собственности дѣлается помѣстье, имѣвшее свой прообразъ въ формѣ

villa эпохи Имперiи. Во главѣ помѣстья стоитъ собственникъ, владѣющiй dominium eminens /правомъ распоряженiя/, а внутри помѣстья живетъ масса несвободнаго населенiя, владѣющаго только dominium utile / правомъ пользованiя /и подчиненнаго этому собственнику. Феодальной системы еще нѣтъ, но она уже подготовлена въ видѣ бенефицiя и патроната, выросшихъ на почвѣ частно-правовыхъ отношенiй, и иммунитета, какъ королевскаго пожалованiя-добровольнаго или вынужденнаго. Среди всеобщаго мрака и огрубѣнiя Церковь выступаетъ въ качествѣ вѣрной хранительницы римской культуры, стойкой защитницы просвѣщенiя. Она становится „Kulturmacht des Mittelalters" по мѣткому опредѣленiю нѣмецкихъ историковъ.

Меровингское государство смѣняется каролингскимъ, достигшимъ высшаго блеска и могущества при Карлѣ Великомъ и пришедшимъ въ крайнiй упадокъ при его слабыхъ преемникахъ. Феодализирующiе процессы, дѣйствiе которыхъ было сдерживаемо желѣзной рукой Императора, теперь дробятъ территорiю З. Европы на массу отдѣльныхъ независимыхъ сеньорiй, прикрытыхъ причудливой фикцiей Св. Римской Имперiи. Каждая сеньорiя, каждое хозяйство - помѣстье вполнѣ удовлетворяетъ своимъ собственнымъ нуждамъ, имѣя собственныхъ земледѣльцевъ - крестьянъ и ремесленниковъ. Ей нѣтъ никакого дѣла до остального Божьяго мiра. Трудную эпоху переживаетъ З. Европа въ IX, X - XI столѣтiяхъ. Кровавыя неурядицы

внутри, характеризуемые борьбою отдѣльныхъ сеньорій и соперничествомъ двухъ міровыхъ властей - папской и императорской, набѣги венгровъ и норманновъ извнѣ - все это тушитъ последніе остатки римской культуры, незначительные осколки которой укрываются въ скромныхъ монастыряхъ и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе смиренными монахами. Простой народъ стонетъ, обремененный непосильными поборами, разоряемый разбойничьими подвигами воинствующихъ рыцарей. Мы уже не замѣчаемъ въ его средѣ той пестроты соціальныхъ различій, которую наблюдали ранѣе, въ меровингскій періодъ. Здѣсь нѣтъ болѣе рабовъ, литовъ, вольноотпущенниковъ и лично свободныхъ колоновъ. Все нивелировано, подведено подъ одну рамку крѣпостныхъ крестьянъ - земледѣльцевъ. Въ своей духовной жизни эти массы совершенно оторваны отъ высшаго общества. Предоставленныя исключительно собственнымъ силамъ, эти нѣдры народа вырабатываютъ оригинальное, грубо-наивное и дѣтски нелѣпое міросозерцаніе, темное міросозерцаніе средневѣковья.

Съ конца XI в. начинаются крестовые походы. Они всколыхнули до самыхъ низовъ застывшую въ своей безпорядочности средневѣковую жизнь и имѣли громадное вліяніе и на политическую, и на экономическую, и на соціальную, и на культурную структуру тогдашняго общества. Наиболѣе безпокойные бродячіе феодальные элементы схлынули въ далекую Палестину. Это облег-

чало дѣло роста національной королевской власти, дѣло сплоченія національнаго государства. Свободнѣе стали дышать и низы общества, широкія народныя массы. Благочестивый рыцарь, отправляясь на защиту святого дѣла, нерѣдко въ порывѣ великодушія освобождалъ своихъ сервовъ. Очень часто, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, онъ назначалъ имъ опредѣленный ежегодный оброкъ, превращая, такимъ образомъ, крѣпостного въ чиншевика, а это уже шагъ къ освобожденію. Съ другой стороны, воинственные пилигриммы приносятъ съ Востока новыя культурныя вѣянія, новую цивилизацію, а предпріимчивые итальянцы заводятъ съ вновь открытыми народами дѣятельныя торговыя сношенія на капиталистическихъ началахъ. Это даетъ громадный толчекъ для развитія промышленности. И вотъ мы имѣемъ возможность наблюдать интереснѣйшее явленіе въ жизни З. Европы. Въ XII - въ XIII ст, откуда то изъ тьмы вѣковъ вдругъ выростаютъ передъ нами кадры свободныхъ, трудолюбивыхъ ремесленниковъ, организованныхъ въ цехи. Укрѣпленные бурги и замки превращаются въ торгово-промышленные центры - города, съ многолюднымъ, кипящимъ дѣятельностью населеніемъ. Происходитъ кровавое движеніе, извѣстное подъ именемъ освобожденія коммунъ изъ подъ феодальнаго гнета. Въ результатѣ мы видимъ образованіе новаго могучаго класса, т.н. третьяго сословія - буржуазіи. Феодализмъ трещитъ по всѣмъ швамъ, рушится и натура-

льное хозяйство. Человѣчеству открываются новыя перспективы, новые горизонты. Верховная власть, черпающая свои силы въ 3-мъ сословіи, быстро всасываетъ въ себя отдѣльныя феодальныя сеньоріи, подготовляя торжество абсолютизма. Но пока еще абсолютизма нѣтъ. Напротивъ, народъ принимаетъ сравнительно широкое участіе въ управленіи, будучи призываемъ въ сословно-представительныя учрежденія, гдѣ на ряду съ двумя старыми привиллегированными сословіями, выступаетъ новое - бурзуазія. Въ экономической области центръ тяжести перемѣщается изъ помѣстья въ города. Развивается городское хозяйство - эта переходная ступень къ хозяйству капиталистическому. А въ итальянскихъ городахъ - республикахъ уже ясно сказываются первые слѣды дѣйствія капитала. Здѣсь же сквозь тьму невѣжества брызнулъ первый свѣтъ свободной науки, загорѣлись первые лучи Возрожденія. Средніе вѣка окончились. Мы стоимъ на рубежѣ новаго времени.

Вотъ тотъ фонъ, на которомъ мы будемъ вести наши занятія. Но предварительно сдѣлаемъ бѣглый обзоръ того, что сдѣлано крупнѣйшими представителями нашей науки при разработкѣ средневѣковой исторіи.

II. Разработка средневѣковой исторіи, преимущественно въ XIX столѣтіи.

1. Изданіе памятниковъ средневѣковой исторіи.

Прежде чѣмъ сдѣлаться предметомъ строго научнаго изслѣдованія, средневѣковая жизнь послужила матеріаломъ для цѣлаго ряда злободневныхъ, чисто публицистическихъ произведеній. Правда, еще Лоренцо Валла /1407-1457/ далъ образецъ критическаго изученія средневѣковыхъ памятниковъ въ своемъ сочиненіи „О ложномъ дарѣ Константина"/1440/, однако это единичный примѣръ, долгое время не находившій себѣ подражанія. Схоластики и гуманисты, католики и протестанты различныхъ лагерей, вступившіе другъ съ другомъ въ ожесточенную полемику, часто выхватывали изъ средневѣковой исторіи единичные факты, долженствовавшіе дать торжество ихъ предвзятымъ теоріямъ. А французскіе энциклопедисты XУIII в. надолго утвердили односторонній взглядъ на средневѣковую жизнь, какъ на эпоху самаго безпросвѣтнаго мрака и грубѣйшаго варварства. Передовые люди старой разлагавшейся Франціи съ отвращеніемъ относились къ тому періоду жизни человѣческихъ обществъ, который завѣщалъ новому времени остатки феодализма, католицизма и абсолютизма. Можно сказать, что средніе вѣка, давно уже отошедшіе въ вѣчность, тѣмъ не менѣе самымъ осязательнымъ образомъ давали себя чувство-

нать французу XVIII ст. Они разоряли и угнетали мелкаго землевладѣльца и земледѣльца массою мелочныхъ, крайне тяжелыхъ феодальныхъ повинностей; они держали въ оковахъ торгово-промышленную жизнь страны, пытаясь заключить ее въ узкія рамки цехового режима; они тушили всякій проблескъ свободной мысли, подчиняя ее ярму католицизма; наконецъ они оскорбляли и возмущали національное чувство французовъ, отдавая ихъ произволу абсолютизма. Вотъ почему съ такимъ ожесточеніемъ нападали на средніе вѣка предвѣстники революціи, забывая то обстоятельство, что и феодализмъ и католицизмъ и даже абсолютизмъ въ свое время явились могучими орудіями прогресса человѣческихъ обществъ. Великая революція властно освободила Францію отъ пережитковъ средневѣковья. Но и она не могла окончательно порвать съ традиціями прошлаго, и принесла съ собою новыя нестроенія, въ видѣ грандіознаго финансоваго краха и ожесточенной борьбы политическихъ партій, близкой къ анархіи. Когда пронеслись революціонныя бури и изстрадавшаяся Франція снова склонилась подъ властью императоровъ, средніе вѣка, которымъ были враждебны принципы революціи, выступили, окруженные ореоломъ свѣта и блеска. Утомленное продолжительными неурядицами, образованное З. Европейское общество съ увлеченіемъ зачитывалось дивнымъ произведеніемъ Шатобріана „Геній христіанства"/1802/. Обладая яркимъ талантомъ писателя-поэта, Шатобріанъ сумѣлъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ

изобразить красоты старой средневѣковой Франціи, мирно покоившейся подъ сѣнью католицизма. Тогда то и выработался другой односторонній взглядъ на средневѣковую жизнь, какъ на эпоху ослѣпительнаго свѣта и блеска. Однако увлеченіе романтизмомъ, стоявшее въ связи съ обще-европейской реакціей начала XIX ст., продолжалось недолго. Уже въ 30 году во Франціи послѣдовала новая революціонная вспышка, отразившаяся и на другихъ странахъ Европы, и Шатобріанъ сталъ достояніемъ исторіи еще задолго до своей кончины. Около этого времени и начинается строго-научная разработка среднихъ вѣковъ, чему способствовало изданіе ряда памятниковъ средневѣковой исторіи, прежде всего въ романскихъ странахъ, въ частности во Франціи.

Еще въ 1643 году ученый іезуитъ Болландъ, защищая культъ святыхъ отъ рѣзкихъ нападковъ протестантовъ, началъ / въ Антверпенѣ/ изданіе „Собранія житія святыхъ" въ календарномъ порядкѣ, извѣстное подъ именемъ *Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur*. Издательская дѣятельность продолжателей Болланда, такъ называемая „братьевъ Болландистовъ", къ 1794 году доведшихъ свой трудъ до 14 октября, была прервана болѣе, чѣмъ на 40 лѣтъ, и закончена лишь въ текущемъ столѣтіи /съ 1837 года/. Въ результатѣ получилась грандіозная коллекція, содержащая въ себѣ 63 огромныхъ тома *in f-o* и дающая массу драгоцѣннаго матеріала для уясненія не только культурной, но и соціальной

и даже экономической жизни средневѣковаго общества Такъ какъ сборникъ Болландистовъ является въ настоящее время большою рѣдкостью и стоитъ огромнѣйшихъ денегъ, то имъ обыкновенно пользуются въ переизданіи другого французскаго аббата - Миня, издавшаго въ 463 томахъ in 4° „Полный курсъ патрологіи" - Patrologiae cursus completus.

Почти одновременно съ отцами іезуитами на поприще изданія средневѣковыхъ памятниковъ выступили отцы бенедиктинцы - члены конгрегаціи св. Мавра во Франціи. XYII в. далъ Франціи двухъ знаменитыхъ историковъ бенедиктинцевъ - Дюканжа и Мабильона. Въ 1678 г. Дюканжъ издалъ „Словарь средневѣкой и варварской латыни" - Glossarium mediae et infimae latinitatis (3 т. in f-o). Классическая латынь, какъ извѣстно, въ средніе вѣка была испорчена привнесеніемъ въ нее варварскаго элемента и переродилась въ латынь средневѣковую, многіе термины которой являются мало понятными. Въ „Словарѣ" Дюканжа объяснено не менѣе 14 т. такихъ словъ, даны цѣлыя диссертаціи по отдѣльнымъ вопросамъ средневѣковой исторіи, и опубликована масса неизданныхъ памятниковъ, сличеніе которыхъ и позволило Дюканжу установить точное значеніе терминовъ. Выдержавшій нѣсколько изданій и въ послѣднее время разросшійся до 10 т. in 4° /1883-1887. Niort/, словарь Дюканжа является настольною книгою для каждаго медіевиста - историка. Тому же Дюканжу принадлежить двухтомный Glossarium mediae et infimae graecitatis

незамѣнимое пособіе для исторіи Византіи по преимуществу. Что касается Мабильона, создавшаго своимъ талантливымъ произведеніемъ „De re diplomatica libri III" / 1681 / новую науку дипломатику, то онъ далъ прекрасное изданіе „Acta sanctorum ordinis Sancti Benedicti" /1688-1701/ - „Житій святыхъ ордена св. Бенедикта" и „Анналовъ" того же ордена до 1157 г. /1703 и слѣд/ - цѣнныхъ памятниковъ, ярко освѣщающихъ культурныя заслуги монаховъ съ У-го по XII стол.-

Если въ XYII ст. изданіемъ средневѣковыхъ памятниковъ прославились отдѣльные члены конгрегаціи Св. Мавра, то въ XYIII ст. въ этомъ дѣлѣ принимаетъ участіе вся конгрегація. По почину Мартэна Букэ, она взялась за грандіозное изданіе „Rerum Gallicarum et Francicarum Scriptores" - „Историки Галліи и Франціи". Кромѣ хроникъ, эта коллекція содержить различные документы, грамоты и письма, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ по отдѣльнымъ династіямъ, тщательно изданные по лучшимъ манускриптамъ. До начала революціи отцы - бенедиктинцы успѣли издать XIII т. in f-o своей обширной коллекціи. Французская республика, вообще „не нуждавшаяся въ ученыхъ", еще менѣе нуждалась въ историкахъ средневѣковья. Дѣятельность почтенныхъ тружениковъ монаховъ была признана вредною. Сами они подверглись изгнанію, но, къ счастью для исторической науки, ихъ рукописи и книги - плодъ кропотливыхъ и томитель-

ныхъ изысканій - по большей части уцѣлѣли. Со времени Наполеона дѣло бенедиктинцевъ продолжали свѣтскія ученыя общества, издавшіе II новыхъ томовъ *Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores*. Изданіе не закончено и до настоящаго времени. Остается неизданнымъ томъ 25-й.

Въ 1833 году, по почину министра народнаго просвѣщенія и историка Гизо, было начато опубликованіе „*Collection de documents inédits sur l'histoire de France* „Неизданныхъ документовъ по исторіи Франціи", давшее до настоящаго времени 225 том. текста *in 4°*. Эти документы, въ изданіи которыхъ принимали участіе лучшіе историки того времени /напр., Герарь, Деппингъ, Жеро, Ог. Тьерри, Мишле и др./, рисуютъ не только политическую, экономическую, соціальную, но и культурную жизнь средневѣковой Франціи, до мельчайшихъ подробностей. Наконецъ, въ 40 годахъ прошедшаго столѣтія было закончено начатое еще въ XVIII вѣкѣ изданіе „*Ordonnances des rois de France jusqu'en 1514*", содержащее въ 22-хъ томахъ *in f-o*[1] ордоннансы французскихъ королей третьей династіи.

1/ Съ 1886 г. лучшія научныя силы Франціи издаютъ „*Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'histoire*. Небольшія книжки этого очень хорошаго и недорогого изданія даютъ лучшія хроники и важнѣйшія акты не только средневѣковой, но и новой исторіи Франціи.

Изъ другихъ странъ З.Европы изданіе памятниковъ средневѣковой исторіи прежде всего было начато въ Италіи. Отецъ современной итальянской исторіографіи - неутомимый Муратори - жилъ и подвизался въ XVIII стол. Можно сказать, что дѣятельность скромнаго Миланскаго священника Муратори дала Италіи культурное объединеніе гораздо ранѣе объединенія національно-политическаго. „Не побоюсь никакихъ трудовъ, писалъ Муратори, лишь бы принести посильную пользу Италіи - моему дорогому отечеству". Будучи горячимъ патріотомъ, который только и мечталъ о единой Италіи, свободной отъ мелочныхъ домашнихъ дрязгъ и варварскаго австрійскаго гнета, Муратори издалъ въ 28 фоліантахъ „*Rerum italicarum scriptores ab anno aerae christianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum* /1723-1751/ - „Итальянскіе историки съ 500 по 1500 г. христіанской эры". Здѣсь опубликовано болѣе 2 т. разнаго рода историческихъ памятниковъ средневѣковья, съ приложеніемъ многочисленныхъ гравюръ, факсимиле и таблицъ - и все это Муратори собралъ единолично, почти безъ всякаго посторонняго участія. Чуть ли не всѣ итальянскіе архивы посѣтилъ труженикъ Муратори. И лишь генуэзцы отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, и, движимые, какъ онъ жаловался, „*politico inani metu*", т.е. мелкой политической завистью, закрыли ему доступъ въ свои архивы.[1]

1/ Цѣннымъ добавленіемъ къ *scriptores* являются изданія Муратори „*Antiquitates italicae medii aevi*" (1738-1742)

Съ 1890 г. громоздкое изданіе Муратори начало переиздаваться подъ редакціей извѣстнаго итальянскаго поэта и историка-Джозуэ Кардуччи. А когда въ 1907 году маститый Кардуччи скончался на 71 году своей жизни, дѣло переизданія „Scriptores" перешло къ его ученикамъ - Фіорини, Монтиколо и Скіапарелли. Новая коллекція въ небольшихъ по объему томикахъ in 4° издается на средства правительства. Она будетъ значительно превышать объемъ старой коллекціи, такъ какъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ памятниковъ, которые не были извѣстны Муратори.

Изъ другихъ коллекцій средневѣковыхъ памятниковъ Италіи слѣдуетъ отмѣтить „Monumenta Historica Patriae"- „Памятники отечественной исторіи" и „Regesta chartarum Italiae"-„Собраніе грамотъ Италіи". Первыя издаются съ начала XIX в. Сардинскимъ Правительствомъ, вторыя - двумя историческими институтами въ Римѣ - итальянскимъ и прусскимъ. Вообще, въ настоящее время традиціи великаго Муратори находятъ себѣ широкое распространеніе въ различныхъ областяхъ королевства. Кипучая издательская дѣятельность различныхъ историческихъ обществъ, особенно разросшаяся и вглубь и вширь со времени историческаго конгресса 1903 г., съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе прогрессируетъ и даетъ самые плодотворные результаты.

Въ Германіи изданіе памятниковъ средневѣковой исторіи стало на твердую ногу лишь съ начала XIX ст.

Правда, еще въ началѣ XVIII в. геніальный философъ и математикъ Лейбницъ, всеобъемлющій умъ котораго дѣлаетъ его подобнымъ древнему Аристотелю и гуманисту Леонардо де Винчи, находясь въ дружескихъ сношеніяхъ съ Муратори предпринялъ трехтомное изданіе „Scriptores rerum Brunswiciensium" — „Брауншвейгскіе историки" / 1703-1716/.

Однако традиціи Лейбница, въ силу культурной отсталости тогдашней политически раздробленной Германіи, не получали распространенія въ теченіе цѣлаго столѣтія. И только національный подъемъ, вызванный борьбой съ Наполеономъ, заставилъ нѣмецкую націю оглянуться на свое прошлое. Когда появились пылкія „Рѣчи Фихте къ нѣмецкой націи", когда былъ основанъ Берлинскій Университетъ и зародились первыя студенческія общества, тогда горячій патріотъ и непримиримый ненавистникъ Бонопарта баронъ Штейнъ основалъ историческое общество для изученія родной старины во Франкфуртѣ на Майнѣ. Впрочемъ, молодое общество на первыхъ порахъ не завоевало себѣ симпатій реакціонной Европы. Напуганныя призракомъ революціи, правительства нѣмецкихъ государствъ крайне несочувственно отнеслись къ замысламъ барона Штейна и ставили всевозможныя препятствія осуществленію его плановъ. И лишь денежная субсидія русскаго Императора Александра I-го дала обществу возможность предпринять изданіе обширнаго сборника памятниковъ отечественной исторіи.

ріи, извѣстнаго подъ именемъ „Monumenta Germaniae Historica"-„Историческіе памятники Германіи". Съ 1820 по 1873 г.г. во главѣ предпріятія стоялъ Перцъ, выработавшій основной планъ изданія. Оно распадалось на слѣдующіе отдѣлы: 1/ scriptores, т.е. анналы, хроники, жизнеописанія; 2/ leges - законодательные памятники, 3/ diplomata - грамоты, 4/ epistolae - письма и наконецъ, 5/ antiquitates - мелкія произведенія, стихи и т.п. До 1873 г. Перцъ успѣлъ издать 32 т. in f-o, а затѣмъ, въ виду разногласій съ своими сотрудниками, вынужденъ былъ отказаться отъ редакторства, и въ 1876 г. скончался. Его дѣло продолжали Вайцъ, Дюммлеръ, Ваттенбахъ и др. Monumenta стали издавать in 4°; планъ изданія нѣсколько измѣнился. Можно сказать, что M.G.H., незаконченныя и до настоящаго времени, являются лучшимъ изданіемъ памятниковъ средневѣковой исторіи, какъ по тщательности обработки матеріала, такъ и по цѣнности привлекаемыхъ источниковъ.

Тщательное сличеніе, по возможности, всѣхъ существующихъ рукописей при изданіи каждаго источника, глубокій анализъ и всесторонняя критика текста; выдѣленіе всѣхъ заимствованныхъ мѣстъ посредствомъ мелкаго шрифта /начиная съ 4 тома/ и указаніе, откуда взяты эти заимствованія; хронологическій порядокъ, въ то же время сохраняющій цѣльность каждаго памятника, - вотъ черты, характеризующія „Monumenta Germaniae Historica", не говоря уже о массѣ изданнаго здѣсь мате-

ріала, о тѣхъ многочисленныхъ памятникахъ, которые впервые сдѣлались извѣстными именно благодаря этому изданію.

Изданіе памятниковъ въ Германіи не ограничилось одними Monumenta. Въ этомъ отношеніи немало заслугъ оказала Историческая Комиссія при Баварской Академіи Наукъ, основанная королемъ Максимиліаномъ /II/ и Историческая Комиссія въ Вѣнѣ.

Наконецъ, многіе памятники средневѣковой Германіи изданы частными лицами, по частной инициативѣ и на частныя средства.

Что касается Англіи, то здѣсь изданіе памятниковъ отечественной исторіи, о которомъ мечталъ еще въ XVIII в. Гиббонъ, лишь въ XIX вѣкѣ было поручено парламентомъ Петри. Въ 1822 г. Петри сталъ подготовлять опубликованіе „Monumenta Historica Britannica" - „Историческіе памятники Британіи", но въ продолженіи 20 лѣтъ приготовилъ къ печати лишь I-й томъ этой коллекціи, и умеръ отъ огорченія вслѣдствіе отказа парламента выдавать ему субсидію / 1842 г./. И лишь съ 1858 г. Ромильи сталъ издавать новый сборникъ „Rerum Britannicarum medii aevi Scriptores" — „Британскіе историки средневѣковья". Всего вышло около 100 томовъ in 4°, содержащихъ историческіе памятники до Генриха VIII, т.е. до начала XVI столѣтія.

Наконецъ, въ Испаніи въ XVIII в. началъ Флоресъ, а въ XIX в. закончила Мадридская Академія Наукъ изданіе сборника памятниковъ средневѣковой исторіи,

извѣстнаго подъ именемъ „Espana Sagrada"

Вотъ тотъ богатый матеріалъ, который послужилъ неисякаемымъ источникомъ для цѣлаго ряда монографій, посвященныхъ изученію средневѣковой исторіи . Если ранѣе историки средневѣковья руководствовались по большей части отвлеченными и апріорными построеніями, то съ начала XIX вѣка они становятся на путь строго текстуальнаго изученія памятниковъ. Конечно, человѣческая мысль не могла сразу овладѣть всѣмъ матеріаломъ источниковъ и оцѣнить его по достоинству. Истина выяснилась постепенно, путемъ долгой и упорной борьбы разнообразныхъ историческихъ школъ и направленій. Не задаваясь цѣлью прослѣдить всѣ течения исторической мысли въ разработкѣ средневѣковой исторіи XIX столѣт., мы остановимся лишь на главнѣйшихъ.

Подробности объ источникахъ средневѣковой исторіи см. у Potthast'a. Bibliotheca historica medii aevi. 2 Aufl., tt. I-II. Berlin, 1896. Chevalier. Répertoire des sources historiques du moyen âge. N. éd. Paris, t. I, 1905, t. II, 1907. Herre. Quellenkunde zur Weltgeschichte. Leipzig. 1910. Dahlmann'a и Waitz'a. Quellenkunde der deutschen Geschichte. 7 Aufl. Leipzig. 1906. Wattenbach'a. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, tt. I-II. 7 Aufl. Berlin, 1904. Molinier. Les sources de l'histoire de France, tt. I-VI. Paris, 1901 sqq. Gross'a. The sources and literature of Englisch History. 1900. Balzani. Le cronache Italiene nel medio evo. Milano. 1884. На русскомъ языкѣ статья проф. Пискорскаго „Новыя изданія памятниковъ итальянской исторіи". Казань, 1908.

2. ГЛАВНѢЙШІЯ ТЕЧЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦІИ. ГИЗО, ОГ. ТЬЕРРИ, МИШЛЕ, ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛЯНЖЪ, ФЛАКЪ И ДРУГ.

Во Франціи твердыя основанія исторической науки положены Гизо, который былъ типичнымъ представителемъ эпохи реставраціи, понимаемой въ болѣе широкомъ и либеральномъ смыслѣ этого слова. Революція оторвала Францію отъ ея прошлаго; реставрація была попыткою связать вышедшую изъ революціи Францію съ ея прошедшимъ. Исконная династія, родовая знать и духовенство снова заняли видное мѣсто въ политической жизни королевства. Одновременно съ этимъ ощущалась потребность снова завязать въ самомъ сознаніи общества нить, которая соединяла бы народную жизнь новой Франціи съ ея коренными началами. Отсюда великое значеніе исторической школы, возникшей тогда во Франціи, какъ и въ Германіи, изъ одинаковой потребности эпохи. Эту историческую школу, съ присущимъ ей стремленіемъ просвѣтить настоящее и примирить враждующіе интересы и страсти современности съ помощью прошлаго и олицетворялъ собою названный нами историкъ.

Какъ видимъ, для Гизо историческая наука имѣетъ не одинъ только теоретическій интересъ. Она прежде всего преслѣдуетъ цѣли практическія. Горячій поклонникъ констатуціоннаго правленія, Гизо служилъ ему дѣломъ, въ правительственной сферѣ, когда это было

возможно. Когда же политическая дѣятельность была для него закрыта, онъ перенесъ свои убѣжденія на каѳедру и продолжалъ развивать ихъ при помощи живого слова. Основною цѣлью его лекцій, открывшихся съ 1820 года въ Сорбоннѣ, было стремленіе доказать, что конституціонный образъ правленія вытекалъ естественно изъ всего предшествовавшаго историческаго развитія Франціи, и историкъ развивалъ эту мысль съ жаромъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ, безпрерывно имѣя передъ глазами Англію и стараясь отыскать аналогію между ея судьбами и судьбами собственнаго отечества. „Я имѣлъ въ виду не только удовлетворять научную философскую наблюдательность своихъ слушателей, сознается въ оноихъ мемуарахъ историкъ, но кромѣ того преслѣдовалъ двойную цѣль, практическую и вызываемую современными потребностями: я хотѣлъ доказать, что усилія нашего времени къ утвержденію въ государственной жизни начал гарантіи и политической свободы не имѣютъ въ себѣ ничего новаго, ни удивительнаго; что Франція въ теченіе своей исторіи преслѣдовала эту цѣль болѣе или менѣе ясно, болѣе или менѣе несчастно, возобновивъ нѣсколько разъ свои попытки; и что поколѣніе 1789 г., бросившись къ этой цѣли съ увлеченіемъ, было справедливо и несправедливо: оно поступило справедливо, возобновивъ великую попытку предковъ; оно было несправедливо, когда думало приписать честь новаго открытія одному себѣ, и считало себя призваннымъ сотворить новый міръ при

помощи своихъ собственныхъ идей и своей личной воли".

Такимъ образомъ, Гизо, съ одной стороны, отдаетъ должное революціи, съ другой стороны, склоненъ умалять ея значеніе, выдвигая на первый планъ историческую традицію. Въ этомъ и состоитъ сущность такъ называем. доктринерства-особаго направленія, которое, возникши въ эпоху реставраціи, объединило цѣлую плеяду блестящихъ французскихъ ученыхъ и въ періодъ іюльской монархіи поставило ихъ во главѣ правительства Франціи. Доктринеры въ одно и то же время и утверждали и отрицали старыя начала и начала революціонныя. Но старыя и новыя начала были до того противоположны другъ другу, что одновременное утвержденіе и опроверженіе ихъ было равносильно наименованію одной и той же вещи бѣлою и черною, справедливою и несправедливою.

Подобное возможно только подъ покровомъ какой нибудь доктрины, т.е. извѣстнаго философскаго принципа. Такимъ принципомъ Гизо и провозгласилъ общность началъ государственной жизни народовъ и непрерывность исторической эволюціи, при неизмѣнномъ ея стремленіи къ прогрессу.

Само собой разумѣется, что въ практической жизни строго проводимая доктрина часто не выдерживаетъ критики и противорѣчитъ здравому смыслу. Но въ наукѣ она можетъ дать блестящіе результаты. Если мы выбросимъ изъ произведеній Гизо все, что было навѣяно современной политикой, то передъ нами останется величествен -

ный памятникъ историческаго построенія. „Histoire générale de la civilisation en Europe“ /tt. I-II. Paris, 1828/[1], „Histoire de la civilisation en France“ /tt. I-V. Paris, 1829-1832/[2], „Histoire des origines du gouvernement représentatif et des institutions politiques de l'Europe“ /tt. I-II. N. éd. Paris, 1855/[3] и „Essais sur l'histoire de France“ /tt. I-II, 1837/[4] - таковы капитальныя работы Гизо, какъ медіэвиста. Въ „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ" Гизо, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, „перескакивая съ вершины на вершину", далъ общій контуръ развитія матеріальной и духовной культуры Европы. Въ „Исторіи цивилизаціи во Франціи" онъ изучилъ типъ средневѣковой Европейской культуры - культуру французскую. Въ „Исторіи началъ представительнаго правленія въ Европѣ" онъ далъ очеркъ возникновенія и развитія народнаго представительства во Франціи, Испаніи и Англіи до XIV вѣка. Наконецъ, „Опыты" это рядъ очерковъ по исторіи Франціи /преимущественно феодальныхъ учрежденій/ и Англіи / представительныя учрежденія/ въ эпоху средневѣковья. Нигдѣ мы не найдемъ у Гизо простого повѣствованія о событіяхъ. Его цѣль - не изложеніе событій, а ихъ объясненіе путемъ тщательнаго анализа. Это не столько исто-

---

1/ Исторія цивилизаціи въ Европѣ.
2/ Исторія цивилизаціи во Франціи /есть рус. пер/.
3/ Исторія началъ представительнаго правленія и политическихъ учрежденій Европы.
4/ Опыты по исторіи Франціи.

рія, сколько философія исторія. Это мастерская кар-
тина развитія общечеловѣческой цивилизаціи, разсмат-
риваемой съ двухъ сторонъ - со стороны внѣшней и
внутренней, со стороны роста „соціальнаго" порядка
и порядка „интеллектуальнаго" въ ихъ взаимодѣйствіи.
Иначе говоря, это исторія учрежденій, и идей, обуслов-
ленныхъ данными учрежденіями и въ свою очередь ихъ
обусловившихъ. Умъ историка, по преимуществу теорети -
ческій, охотно вращающійся въ сферѣ отвлеченныхъ
идей, дѣлающій легкими и общедоступными самые слож-
ные и затруднительные вопросы мышленія, не любитъ
останавливаться на подробностяхъ и схватывать тѣ мел-
кія штрихи, которыми иногда обрисовывается цѣлая
эпоха.

Міръ римскій и варварскій, христіанская Церковь,
феодализмъ, папство, королевская власть, коммуны, тре-
тье сословіе - вотъ тѣ элементы французской и въ то
же время общечеловѣческой цивилизаціи, около кото -
рыхъ вращается мысль автора попреимуществу.

Гизо привлекъ для своихъ изысканій громадное коли-
чество главнымъ образомъ неизданныхъ источниковъ. Къ
сожалѣнію, мы не найдемъ у него методической крити-
ки этого сырого матеріала. Къ нѣкоторымъ подозритель-
нымъ памятникамъ /наприм., мемуары, политическіе процес-
сы / Гизо относится съ полнымъ довѣріемъ. Что каса -
ется внѣшней формы изложенія, то его рѣчь - это рѣчь
профессора, просвѣщающаго и поучающаго молодое поколѣ-

ніе съ университетской каѳедры, рѣчь, которая, при всемъ ея величавомъ безпристрастіи, проникнута благородною любовью историка къ представительному образу правленія, къ началамъ политической и граждан - ской свободы, попираемыхъ правительствомъ вернувшихся къ власти Бурбоновъ. Не даромъ Гизо назвалъ свои лекціи „mon opposition". Эта „opposition", прогремѣвшая на всю Европу, вмѣстѣ съ преподаваніемъ Кузена, Виллѣмена и др., открыла новую эпоху въ умственномъ движеніи Франціи. 1/

Если Гизо далъ научную исторію французскихъ учрежденій, то его современникъ Ог. Тьерри былъ первымъ соціальнымъ историкомъ Франціи. Подобно Гизо, Ог. Тьерри изучалъ прошлое, исходя изъ интересовъ современности. Но если Гизо болѣе интересовался вопросами политическими, то Ог. Тьерри интересовался исключительно вопросами соціальными. Усвоивши себѣ нѣкоторые взгляды С. Симона, секретаремъ котораго онъ одно время состоялъ, Ог. Тьерри выступилъ въ качествѣ горячаго идеолога либеральной буржуазіи эпохи реставраціи. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что неравенство сословій - фактъ отнюдь не правовой, а насильственный, основанный на незаконной власти завоевателей-чужеземцевъ. Для обоснованія своихъ взглядовъ онъ и превратился изъ публициста въ историка. Исторія образованія и развитія

1/ См. о Гизо ст. Ѳеоктистова. „Записки Гизо". Русскій Вѣстникъ, 1858. т. 15-й.

сословій во Франціи - вотъ цѣль его научныхъ изысканій. Завоеваніе Галліи франками Ог. Тьерри считалъ исходнымъ пунктомъ этого длиннаго процесса. Завоеваніе, по его мнѣнію, породило расовый антагонизмъ между пришельцами - франками и туземцами галлами. Съ теченіемъ времени расовый антагонизмъ превращается въ борьбу сословій, которая и опредѣляетъ всю исторію Франціи.

Исторія Англіи послѣ завоеванія ея норманнами, по мнѣнію Ог. Тьерри, является тѣмъ зеркаломъ, которое отражаетъ соціальный процессъ, составляющій сущность исторіи Франціи. Вотъ почему Ог. Тьерри и выпускаетъ въ 1825 году свою „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands (7 éd., I-IV. Paris, 1846) 1/ - эту подготовительную работу, которая окончательно убѣдила его въ справедливости своихъ чисто гипотетически высказанныхъ ранѣе взглядовъ относительно роли завоеванія. Теперь Ог. Тьерри обращается непосредственно къ Франціи. Въ 1827 г. появляются „Lettres sur l'histoire de France" (8 éd, Paris, 1846) 2), въ 1834 г. „Dix ans d'études historiques" (5 éd. Paris, 1846) 3), и въ 1840 г. „Récits des temps mérovingiens précédés de considerations sur l'histoire de France" (t. I-II, 3 éd. Paris, 1846) 4). Первыя двѣ

1/ Исторія завоеванія Англіи норманнами.
2/ Письма по исторіи Франціи.
3/ Десять лѣтъ историческихъ изысканій.
4/ Разсказы изъ временъ меровинговъ / есть рус. пер. /

работы - это рядъ критическихъ и историческихъ статей, захватывающихъ различныя эпохи ранняго и поздняго средневѣковья и новаго времени. Среди нихъ особенно важны статьи, посвященныя коммунальной революціи и, слѣдовательно, выясняющія зачатки общественнаго строя современной Франціи. „Разсказы"- это рядъ историко-бытовыхъ картинъ, написанныхъ блестящимъ языкомъ главнымъ образомъ на основаніи Григорія Турскаго. Присоединенныя къ „разсказамъ", въ качествѣ введенія, „разсужденія" представляютъ изъ себя замѣчательную попытку дать исторію философіи исторіи во Франціи. Критикуя предыдущія направленія въ исторіи , Тьерри провозглашаетъ здѣсь новый историческій методъ-генетическаго изученія прошлаго. Онъ ярко выдвигаетъ на первый планъ принципъ непрерывности развитія З.Европейскаго общества, унаслѣдовавшаго культуру общества романскаго, и въ широкой народной массѣ видитъ главнаго дѣятеля отечественной исторіи. Наконецъ, въ 1853 году онъ издаетъ /въ качествѣ введенія къ „Recueil des documents inédits de l'histoire du Tiers-État"/ свой замѣчательный „Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers état"/N.éd. Paris, 1868/.[1] Это, какъ онъ самъ выражается въ введеніи, „резюме всѣхъ его работъ по исторіи Франціи". И на самомъ дѣлѣ, здѣсь прослѣжена вся многовѣковая судьба королевства

1/Опытъ исторіи образованія и развитія третьяго сословія /есть русскій переводъ/.

объединенная принципомъ возникновенія и постепеннаго роста третьяго сословія. Соглашаясь съ Сійесомъ, Тьерри утверждаетъ, что третье сословіе - это не только буржуазія. Это весь французскій народъ, вся нація, за исключеніемъ дворянства и высшаго духовенства. И судьба его - это судьба всей націи. Авторъ и слѣдитъ за исторіей постепеннаго роста третьяго сословія съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго времени. Предковъ третьяго сословія онъ ищетъ въ томъ униженномъ городскомъ и деревенскомъ населеніи Галліи, которое было порабощено завоевателями франками. Съ VI по XII ст. этотъ классъ находился въ состояніи медленнаго и незамѣтнаго роста. Первые крупные успѣхи этого класса - движеніе XII в., извѣстное подъ именемъ коммунальной революціи. Тогда то и образовалось „tiers état", быстро затѣмъ прогрессировавшее и политически и экономически. До ХУIII ст. судьба tiers état тѣсно связана съ судьбою королевской власти, которая растетъ и усиливается вмѣстѣ съ силой народа. Отказъ королей ХУIII ст. отъ традиціонной политики, отъ испытаннаго союза съ народомъ приводитъ къ катастрофѣ конца ХУIII ст. Великая революція уничтожаетъ королевскую власть и унижаетъ два высшихъ сословія. Правительство реставраціи снова возвращается къ старому политическому союзу съ народомъ. Разрывъ этого союза былъ для него гибелью, возобновленіе - спасеніемъ. Революція 30 г. даетъ окончательное торжество треть-

му сословію и завершаетъ собою грандіозный процессъ борьбы французскаго народа за свободу и право.

Такова историческая концепція Ог. Тьерри, въ которой самое важное - принципъ непрерывной эволюціи, непрерывнаго генезиса человѣческихъ обществъ. Что касается самой формы изложенія историка, то это разсказъ, повѣствованіе съ стремленіемъ сохранить всю колоритность дѣйствія и эпохи. Тьерри не желаетъ, подобно Гизо, парить надъ историческими фактами, выбирая лишь главнѣйшія изъ нихъ и ихъ анализируя. Онъ хочетъ собрать все, даже самые мелочные факты; онъ хочетъ изобразить жизнь во всей ея красотѣ и многообразіи, не возвышаясь до отвлеченныхъ разсужденій, а тѣмъ болѣе нравоученій. Въ этомъ несомнѣнное сходство французскаго историка съ его нѣмецкимъ собратомъ Ранке. И тотъ и другой повѣствуютъ, и повѣствуютъ преимущественно о внѣшнихъ событіяхъ. Но если Тьерри превосходитъ Ранке въ красочности изложенія, то онъ уступаетъ ему въ другомъ отношеніи. Разсказъ Ранке болѣе правдивъ и реаленъ въ томъ смыслѣ, что онъ вскрываетъ передъ нами не только внѣшнюю оболочку общества, но и глубоко захватываетъ его психологію. У Тьерри этого нѣтъ. Вотъ почему его разсказъ, часто скользящій по поверхности, сплошь и рядомъ имѣетъ дѣло не съ живыми людьми, а съ манекенами, облеченными въ національный костюмъ, брящающими своимъ національнымъ оружіемъ - и только. Даже въ „Разсказахъ о

временахъ меровинговъ"-этомъ шедеврѣ историко-бытового описанія - психики эпохи не чувствуется. Еще яснѣе выступаетъ разница между двумя историками въ дѣлѣ критической обработки источниковъ. Какъ критикъ источниковъ, Ранке мастеръ своего дѣла, едва ли имѣющій соперниковъ. Онъ тщательно анализируетъ достоинства каждаго памятника, и никогда не воспользуется матеріаломъ подозрительнымъ. Что касается Тьерри, то для него всякій памятникъ хорошъ, разъ онъ служитъ для колоритнаго воспроизведенія эпохи. Легенда для него почти такой же источникъ, какъ и актъ оффиціальный. Отсюда часто происходитъ насильственное соединеніе источниковъ для цѣлей, ничего общаго съ наукой неимѣющихъ. Если Гизо былъ идеологомъ политики реставраціи, а Тьерри - идеологомъ господствующаго класса этой эпохи- буржуазіи, то ихъ младшаго современника Мишле можно назвать пѣвцемъ французской демократіи, французскаго крестьянства. Горькая доля въ дѣтствѣ и отрочествѣ, тяжелыя физическія муки въ дальнѣйшей жизни выработали въ Мишле чувство сострадательной любви ко всему слабому и беззащитному и придали этому чувству мистическій оттѣнокъ. Вотъ почему соціальныя идеи революціи и пламенная соціальная проповѣдь С.Симона, Ог.Конта, Ламменэ и др., проповѣдь провозглашавшая сострадание къ бѣднымъ и борьбу во имя нравственнаго идеала противъ соціальнаго эгоизма, нашли себѣ живѣйшій откликъ въ сердцѣ молодого ученаго. Разрѣ

шить соціальную проблему путемъ моральнаго возрожденія человѣчества, дать такимъ образомъ торжество приниженнымъ классамъ народа - такова идея, захватившая будущаго историка въ юности. Однако два вовродившіеся въ немъ интереса - патріотическій и ученый, неразрывно другъ съ другомъ связанные, -о[illegible] ли его отъ соціальной проблемы, которую онъ признавалъ насущною потребностью времени, и онъ посвятилъ всѣ свои силы воспроизведенію историческаго прошлаго Франціи.

Сдѣлавшись историкомъ, Мишле, по своему порывистому и страстному характеру, не могъ примкнуть ни къ направленію Гизо, ни къ направленію Ог.Тьерри. Онъ не могъ относиться къ прошлому спокойно. Онъ желалъ въ настоящемъ не реставраціи историческихъ правъ, созданныхъ прошлымъ, а возстановленія идеаловъ революціи, ниспровергнувшихъ это прошлое .Онъ мечталъ не о примиреніи между отдѣльными элементами національной жизни, а о рѣшительномъ торжествѣ самаго младшаго изъ нихъ - демократіи. И исторія Франціи была для него лишь повѣствованіемъ о постепенномъ ростѣ демократіи въ борьбѣ со всѣми другими силами. Это повѣствованіе не могло вылиться въ холодный и безстрастный разсказъ Ог.Тьерри. Мишле не хотѣлъ и не могъ быть эпическимъ разсказчикомъ прошлаго. Онъ хотѣлъ быть лирическимъ пѣвцомъ этого прошлаго. Если у Гизо исторія - анализъ, а у Тьерри - повѣствованіе,

то у Мишле она - воскрешеніе /résurrection /, т.е. живое и яркое возсозданіе прошлаго, при помощи прозорливаго угадыва[illegible] его сущности полетами широкой фантазіи. Душевный органъ, сквозь который Мишле угадывалъ и воспроизводилъ прошедшее, это чувство сострадания, жалости. Фантазія историка работала преимущественно для того, чтобы доставить пищу этому чувству. Какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ Мишле вездѣ искалъ и находилъ страждущаго и плачущаго человѣка и, встрѣтившись съ нимъ, начиналъ всѣми фибрами своей трепещущей души негодовать противъ свирѣпой и жестокой исторіи.

Главная работа Мишле "Histoire de France". Первые шесть томовъ этой работы, посвященные средневѣковой исторіи / 1833-1844. Bruxelles-Paris/, съ особою яркостью отразили въ себѣ всѣ отличительныя особенности его своеобразнаго таланта. Здѣсь онъ страдаетъ вмѣстѣ съ жертвой, кто бы она ни была, и ненавидитъ гонителя. Оттого его вниманіе особенно приковываютъ къ себѣ эпохи несчастій и бѣдствій, какъ отдѣльныхъ лицъ такъ и цѣлыхъ массъ - альбигойскій погромъ, процессъ тампліеровъ, столѣтняя война и т.д. Оттого Мишле такъ любитъ останавливаться на изображеніи мучительнаго психическаго состоянія, которое переживали отдѣльныя лица или цѣлыя общества. Чуткость Мишле къ такимъ психическимъ страданіямъ усиливается по мѣрѣ того, какъ въ нихъ появляется патологическій оттѣнокъ. Къ самымъ

яркимъ страницамъ французской исторіографіи принадлежатъ тѣ, на которыхъ Мишле изображаетъ муки и страданія людей, терпѣвшихъ отъ навожденія дьявола,отъ вѣры въ колдовство и отъ жестокаго преслѣдованія этой страшной психической эпидеміи. Такое непрерывное изображеніе людскихъ страданій и психической уродливости было бы слишкомъ тяжело, кошмарно для читателя,если бы картина не смягчалась и не согрѣвалась другою страсти историка - его пламенной любовью къ отечеству, которая становится все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ самый образъ Франціи выростаетъ все рельефнѣе изъ хаоса галло-римской и феодальной эпохи.Поэтому вѣнцомъ всего сочиненія является тотъ его отдѣлъ, гдѣ оба преобладающихъ чувства историка - его сострадательность и его патріотизмъ - сливаются въ патріотическомъ изображеніи крестьянской дѣвушки,спасшей Францію отъ иноземцевъ и погибшей на кострѣ жертвою фанатизма и суевѣрія. Бѣдное дитя народа,чистая дѣвственница и святая мученица Жанна д'Аркъ - вотъ кто, по мнѣнію Мишле, явился страждущимъ воплощеніемъ національнаго генія Франціи эпохи средневѣковья. I/

Мишле говорилъ, что онъ воскрешаетъ прошедшее.Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что никто не угадывалъ съ такою отзывчивостью къ страданіямъ страсти прошедшаго,и не

I/Одна изъ работъ Мишле - „Вѣдьма"недавно переведена на русскій языкъ.См.о Мишле статью Герье.„Народникъ во Французской исторіографіи" Вѣстникъ Европы,1896,3-4.

воспроизводилъ ихъ съ такою страстностью и такимъ мастерствомъ,какъ авторъ „Исторіи Франціи".Но въ то же время никто болѣе Мишле не отдалилъ исторію отъ науки, никто такъ не приблизилъ ее къ искусству, къ поэзіи. Здѣсь читатель прежде всего соприкасается не съ объективной дѣйствительностью, а съ субъективными переживаніями автора.Это вовсе не исторія, какъ мы привыкли ее понимать, не наука. Скорѣе это лирическія переживанія автора, вызванныя, созерцаніемъ прошлаго родины.Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть мѣста строгой критикѣ памятниковъ.Отдѣльныя картины „Исторіи Франціи" великолѣпны и реальны.Но въ своемъ цѣломъ она - не научное произведеніе.

Крупнѣйшій изъ французскихъ историковъ - медіевистовъ - Фюстель де Куланжъ, ученая дѣятельность котораго, начавшаяся въ 60 гг. XIX столѣтія,можно сказать, была однимъ сплошнымъ подвигомъ на поприщѣ нашей науки. Если предыдущіе историки - французы перенесли въ изученіе прошлаго современные злободневные интересы, то Фюстель-де Куланжъ первый положилъ твердое начало реалистическому изученію исторіи,т.е.изученію,отрѣшенному отъ всякихъ вѣяній современности, отъ всякихъ предразсудковъ. Правда, нѣмецкіе историки не разъ высказывали мысль, что Histoire des institutions Фюстеля стоитъ въ тѣсной связи съ такъ называем.„Revanche Idée", т.е.той жаждою мщенія нѣмцамъ, которая охватила все

французское общество послѣ несчастной войны 70 года. Однако въ настоящее время доказано, что основоположенія названной работы Фюстеля зародились еще ранѣе войны, и, слѣдовательно, ранѣе возникновенія преслоутой „Revanche-Idée". Конечно, Фюстель де Куляпжъ не былъ глухъ къ политическимъ вопросамъ современности. Неслыханный позоръ родной страны глубоко подѣйствовалъ на Ф.де Кулян.,лично испытавшаго всѣ ужасы осады Парижа. Онъ страстно протестовалъ передъ всѣмъ цивилизованнымъ обществомъ З.Европы противъ вандализма новаго времени.Однако обстоятельства не сдѣлали Фюстеля шовинистомъ. Онъ до конца дней своихъ остался патріотомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Горячая любовь къ униженной родинѣ не помѣшала ему провозгласить своимъ отечествомъ все, что есть лучшаго въ мірѣ. И служеніе родинѣ было для него служеніемъ культурѣ всего міра. Оно выражалось у Фюстеля не въ воинственномъ бряцаніи оружіемъ, а въ мирной идейной работѣ. Расширеніе знанія - вотъ что, по его мнѣнію, являлось залогомъ процвѣтанія родного народа и вмѣстѣ всего человѣчества.Вотъ почему служеніе наукѣ было для Ф.де Кулян. священнымъ культомъ, которому онъ посвятилъ лучшіе дни своей жизни. Въ наукѣ Ф.де К. ничего не искалъ, кромѣ истины. И если ему удавалось путемъ упорныхъ усилій разыскать крупицы этой истины, онъ ихъ отстаивалъ съ пламеннымъ,чисто религіознымъ одушевленіемъ. Этимъ и объясняется воинственный характеръ полемики французскаго историка, такъ неправившійся его нѣмецкимъ собратьямъ.

Сначала Ф.де К. находился подъ сильнымъ вліяніемъ Гизо и Токвиля. Но потомъ онъ сбросилъ съ себя это вліяніе и явился въ своей области геніальнымъ новаторомъ. По его мнѣнію, исторію до сихъ поръ слишкомъ засоряли и искажали современными предразсудками.Онъ рѣшилъ воскресить историческій процессъ такъ,какъ онъ существовалъ въ реальности и обратиться непосредственно и исключительно къ текстамъ. Такъ онъ подошелъ прежде всего къ исторіи древняго міра и въ своей „Cité antique" /1864/ [1/] далъ замѣчательный синтезъ всего развитія гражданской античной общины отъ семьи черезъ городъ государство до всемірной державы. Здѣсь французскій историкъ особенно подчеркнулъ религіозную сторону жизни древняго общества,попытавшись примѣнить религіозный факторъ къ истолкованію всей сложной эволюціи античной общины. Далѣе Ф.де К. обратился къ изученію прошлаго родины. Современная ему эпоха была эпохою господства германизма въ исторіи-направленія, которое пыталось вывести всю сложную культуру средневѣковаго общества изъ культуры общества древней Германіи. Ф.де К. съ жаромъ возсталъ противъ этого направленія, которое онъ считалъ однимъ изъ вредныхъ результатовъ привнесенія въ науку поли-

1/ Есть рус. перев.,подъ заглавіемъ „Гражданская община древняго міра".

тическихъ вопросовъ современности. Ф. де К. рѣшилъ дать новое построеніе исторіи, свободное отъ заблужденій и предразсудковъ и основанное только на истинѣ. И вотъ 15 мая 1872 г. Фюстель напечаталъ въ „Revue des Deux Mondes" статью, походившую почти на манифестъ. Онъ развивалъ въ ней ту мысль, что германское нашествіе V вѣка не оказало непосредственнаго вліянія на культуру Галльскаго общества, что жители Галліи не были ни порабощены, ни разорены, что варвары не создали ничего новаго, и что ихъ появленіе только способствовало развитію тѣхъ феодальныхъ процессовъ, которые начались еще ранѣе, въ Римской Имперіи. Эти положенія очень удивили всѣхъ своею смѣлостью и рѣшительностью, а такъ какъ они не были подкрѣплены доказательствами, многіе взглянули на нихъ какъ на шутку.

Черезъ годъ вторая статья о земельной собственности въ Римской Имперіи и Меровинской Галліи показала, что Фюстель упорно доискивается происхожденія феодализма гдѣ то внѣ Германіи. Подобное заблужденіе могло вызвать только улыбку. Всѣ н…ялись, что историкъ рано или поздно увидитъ свою ошибку. Однако бѣда оказалась непоправимой, такъ какъ высказанные Фюстелемъ взгляды, въ нѣсколько смягченномъ видѣ легли въ основу его „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France" _______________ /Исторія общественн. строя древней Франціи/.

Первый томъ этой работы, трактующій о „Римской Имперіи" о „Германцахъ" и о „Меровингскомъ Королевствѣ" вышелъ въ 1876 г. Слѣдующіе три тома должны были охватить исторію Франціи до Революціи. Однако обстоятельства заставили автора отказаться отъ своего первоначальнаго плана. Какъ и слѣдовало ожидать, высказанныя Фюстелемъ положенія вызвали такое волненіе въ критикѣ, что онъ счелъ себя вынужденнымъ подкрѣпить ихъ твердыми доказательствами.

Фюстель де Кулянжъ убѣдился воочію, что для новаго построенія исторіи Франціи нужно предварительно расчистить почву, расшатать традиціонную систему германистовъ. Цѣлымъ рядомъ статей, впослѣдствіи собранныхъ въ „Recherches" /1885/, „Nouvelles Recherches" /189 / и „Questions historiques" / 1893/, Ф. де Кулянжъ и началъ свою ожесточенную полемику съ германистами; въ этихъ произведеніяхъ данъ тонкій и художественный образецъ историческаго анализа. Глубокій и остроумный мыслитель, ѣдкій полемикъ и удивительный мастеръ слога, какъ бы шутя справляющійся съ самыми запутанными положеніями исторической науки, - вотъ обликъ Ф. де К. по этимъ работамъ. Здѣсь онъ по большей части ломаетъ и разрушаетъ, подкапывая самыя основныя положенія ученія германистовъ. Рядъ самыхъ ожесточенныхъ полемическихъ статей со стороны послѣднихъ - вотъ что было отвѣтомъ на эти выступленія. Страсти разгорѣлись до того, что нѣкоторые нѣмецкіе историки не могли даже

выносить одного имени Ф.де К. демонстративно игнорируя его сочиненія.

Расчищая почву для новаго построенія исторіи, Ф.де Кулянжъ въ то же время переработываетъ I томъ своей „Histoire des institutions politiques", вводя въ него массу новыхъ документальныхъ данныхъ и принимая во вниманіе возраженія критиковъ. Въ двухъ новыхъ изданіяхъ /1888-1891/ этотъ томъ разросся въ три тома - I. „La Gaule romaine"[1] II. „L'invasion germanique"[2] III. „La Monarchie franque".[3] Въ 1889 г. появился IV т. „L'Alleu et le Domaine rural pendant l'époque mérovingienne"[4]

12 сентября 1889 г. Ф.де Кулянжъ скончался, и уже послѣ его смерти Камиллъ Жюліанъ издалъ слѣдующіе два тома „Histoire des institutions" - V. „Les origines du système féodale" (1890)[5] и - VI. „Les Transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne" (1892)[6]

Такимъ образомъ Фюстель де Кулянжъ выполнилъ лишь часть задуманной работы. Но выполнилъ онъ ее превосходно. „Histoire des institutions politiques" — это классическій образецъ историко-аналитическаго изслѣдованія; здѣсь предъ глазами читателя проходи[тъ] по-

---

1/ Римская Галлія.
2/ Германское нашествіе.
3/ Франкская монархія.
4/ Аллодъ и сельское помѣстье въ меровингскую эпоху.
5/ Начала феодальной системы.
6/ Перерожденіе корол. власти въ каролингскую эпоху.

давляющее количество историческихъ памятниковъ и дается мастерская сводка положительныхъ результатовъ, добытыхъ кропотливой работой историка. По общепризнанному мнѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ другой работы, которая такъ ярко и всесторонне освѣтила бы жизнь Франціи эпохи ранняго средневѣковья.

Фюстель де Кулянжа многіе считали и считаютъ романистомъ. Самъ онъ былъ очень недоволенъ, когда его окрестили этимъ названіемъ. И на самомъ дѣлѣ, онъ никогда не былъ представителемъ школы романистовъ. По его мнѣнію, движущимъ факторомъ исторіи является отнюдь не раса, но совокупность всего культурнаго наслѣдія человѣчества, передаваемаго изъ одной эпохи въ другую. Исторія для Ф.де Кулянжа не есть рядъ катаклизмовъ, смѣняющихъ одну эпоху съ ея культурою другою, новою эпохою съ ея особою культурою. Исторія есть живой и непрерывный процессъ, въ которомъ ничто не уничтожается и не пропадаетъ безслѣдно. Вотъ почему Римская Имперія не могла погибнуть подъ ударами варваровъ. Она завѣщала среднимъ вѣкамъ богатое наслѣдство - зерно позднѣйшаго феодализма. Это не есть результатъ римскаго генія, какъ таковаго. Это естественное слѣдствіе неразрывности культурнаго развитія человѣчества и непреложнаго закона необходимости дальнѣйшаго роста человѣческихъ обществъ. Германское вліяніе имѣло свое мѣсто. Но это вліяніе было скорѣе отрицательнымъ, нежели поло-

жительнымъ, какъ вліяніе некультурнаго общества на общество культурное. Съ другой стороны, рѣшающее вліяніе имѣла та среда, въ которой развивалось новое общество. Словомъ, Ф.де Кулянжъ является ,какъ мы уже говорили, представителемъ реалистическаго направленія въ исторіи, сторонникомъ школы органическаго роста человѣческихъ обществъ. По его мнѣнію, принципъ непрерывной эволюціи управляетъ не только исторіей каждаго отдѣльнаго общества въ каждую отдѣльную эпоху его существованія; онъ управляетъ исторіей всего человѣчества.

Основныя положенія работы Ф.де Кулянжа слѣдующія: Зерно средневѣковой эволюціи лежитъ въ строѣ Римской Имперіи эпохи упадка. Римская Имперія не умерла. Она подарила среднимъ вѣкамъ богатѣйшее наслѣдство, главнымъ образомъ, въ видѣ большого помѣстья съ его своеобразными распорядками, цѣликомъ принятаго германцами. Германскаго завоеванія не было. То,что нѣмецкіе историки называютъ терминомъ „Völkerwanderung“ -пустой звукъ, ничего незначущая фикція. Германцы не завоевали имперію, а наводняли ее постепенно, въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій. Политическій строй германцевъ примитивенъ, и къ эпохѣ паденія Имперіи онъ уже разлагался. Общинныхъ порядковъ у германцевъ не существуетъ. Ученіе о марковомъ строѣ простая игра воображенія нѣмецкихъ историковъ. Переселившись на территорію Имперіи,германцы не могли существенно измѣнить естественной эволюціи

римскихъ порядковъ. Базисъ политическаго,экономическаго и соціальнаго строя средневѣковаго общества - большое помѣстье, а вовсе не свободная сельская община въ духѣ Маурера, которой никогда не было. Патронатъ / вассалитетъ/, бенефиціи и иммунитетъ - эти существенные элементы феодальной системы - не результатъ германскаго нашествія, а прямое наслѣдіе древняго міра.

Таковы основныя положенія работъ Ф.де Кулянжа, высказанныя имъ съ рѣдкою смѣлостью, настойчивостью и послѣдовательностью. Главная заслуга французскаго историка въ томъ, что онъ въ корнѣ сокрушилъ господство односторонней теоріи германистовъ, противопоставивши ей широкую концепцію неразрывности исторической эволюціи, обусловленной наслѣдіемъ прошлаго, съ одной стороны, и совокупностью физической и моральной обстановки, въ которой вращается все общество,съ другой. Не менѣе разошелся Ф.де Кулянжъ со своими противниками и въ самыхъ методахъ и пріемахъ изслѣдованія. По его мнѣнію единственный матеріалъ для историка - тексты. Путемъ выясненія точнаго смысла источниковъ и должна создаваться исторія . Тамъ,гдѣ тексты отсутствуютъ, историкъ долженъ констатировать ихъ отсутствіе и только. Онъ не имѣетъ права заполнять пробѣлы отвлеченными построеніями и гипотезами, такъ какъ исторія не есть игра воображенія;это-трудная наука, точное знаніе. И въ своихъ работахъ Ф.де Кулянжъ неуклонно слѣдовалъ

этимъ принципамъ, пытаясь сообщить своей наукѣ точность естествознанія; болѣе всего онъ боялся внести въ интерпретацію источниковъ понятія современнаго общества. Всегда и неизмѣнно онъ вскрывалъ точный смыслъ памятника, строго руководствуясь терминологіей эпохи. И можно сказать, что въ толкованіи отдѣльныхъ выраженій памятниковъ средневѣковья Ф. де Куланжъ не имѣетъ себѣ равнаго. Къ сожалѣнію, Ф. де К. не всегда даетъ надлежащую критическую оцѣнку историческихъ памятниковъ въ ихъ цѣломъ. Это сказалось и въ „Cité antique" /напр. слишкомъ довѣрч. отношеніе къ Діонисію Галикарнасскому/ и въ „Histoire des institutions" / довѣріе къ легендамъ Фредегара/. Съ другой стороны, Ф. де К. совершенно напрасно сузилъ кругъ своего изслѣдованія, отбросивши всѣ вещественные памятники. Наконецъ, едва ли можно согласиться съ уничтоженіемъ такого важнаго вспомогательнаго пріема историческаго изслѣдованія, какъ пользованіе переживаніями и аналогіями для уясненія и дополненія данныхъ источниковъ.

Нельзя обойти молчаніемъ внѣшнюю форму изложенія у Фюстеля. Много говорили и писали о литературныхъ достоинствахъ „Cité antique" -этого небольшого шедевра, который будетъ жить „до тѣхъ поръ, пока будетъ звучать французская рѣчь". По справедливости расхваливали этотъ „нервный и вмѣстѣ съ тѣмъ гладкій слогъ..., имѣющій плотность, прозрачность и острыя грани хрусталя". Словомъ, языкъ автора „Cité antique" -это языкъ

скромнаго и благороднаго ученаго, дышащій свѣжестью весны и очарованіемъ юности.

Десять лѣтъ тернистой дѣятельности ученаго, полныя горькихъ разочарованій и незаслуженныхъ обидъ, наложили неизгладимую печать на форму изложенія Фюстеля. Языкъ „Histoire des institutions" -это уже не тотъ спокойный и ясный языкъ, которымъ блисталъ въ первые года своей ученой дѣятельности историкъ. Характеръ изложенія съ годами измѣнился. Все оно-сплошной критическій споръ, въ которомъ выступаютъ и воинствующая горячность ученаго, ратующаго противъ заблужденій, и опасеніе быть разбитымъ въ сраженіи. Здѣсь Фюстель съ ногъ до головы увѣшанъ оружіемъ и, двигаясь медленнымъ шагомъ, тащитъ за собою тяжелую артиллерію, въ видѣ безчисленнаго количества памятниковъ. Здѣсь весь онъ на сторожѣ, готовый въ любой моментъ метать стрѣлы по неуловимымъ противникамъ. Подобные пріемы могли бы вызвать въ читателѣ охлажденіе и скуку, если бы таящаяся въ изслѣдованіи и оживляющая его страстность не уничтожали всякихъ опасеній въ указанномъ смыслѣ. Здѣсь мы невольно и сами начинаемъ увлекаться борьбой, внимательно присматриваясь ко всѣмъ ея перепитіямъ. Борьба ведется съ такимъ безстрашнымъ мужествомъ, съ такою неутомимостью и жаждою побѣды, что мы не можемъ не желать автору успѣха, и когда онъ считаетъ своего противника разбитымъ, мы не можемъ не радоваться его побѣдѣ. Словомъ, если въ „Cité antique" мы очаро-

ваны невозмутимостью и яснымъ спокойствіемъ автора, то въ „Histoire des institutions" насъ возбуждаетъ и уноситъ съ собою вдохновеніе, которое неудержимо влечетъ автора къ открытію истины.

Таковы характерныя особенности работъ Фюстель де Куланжа - этого величайшаго изъ медіэвистовъ новаго времени. Но этотъ выдающійся ученый не дождался признанія своихъ заслугъ при жизни, и скончался въ самомъ расцвѣтѣ силъ, затравленный злыми и мелочными придирками современниковъ. Фюстель никогда не боялся критики. „Когда человѣкъ посвящаетъ жизнь и душу изученію науки, говорилъ онъ, то маленькіе уколы авторскаго самолюбія не имѣютъ значенія наряду съ тѣми внутренними удовлетвореніями, которыя я получилъ бы, если бы мнѣ указали истину". Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ себя человѣкомъ, „который вопрошаетъ, испытываетъ, вывѣдываетъ, трудится и страдаетъ". „Счастливы тѣ изслѣдователи, восклицаетъ Фюстель, которые думаютъ, что они все знаютъ. Они не испытываютъ мукъ искателя и довольствуются полуистинами . Неясныя фразы ихъ вполнѣ удовлетворяютъ. Они увѣрены въ себѣ и ходятъ съ высоко поднятой головой, считая себя учителями и судьями". У самого Фюстеля не было ни такой увѣренности, ни такого самомнѣнія. Его жизнь была однимъ сплошнымъ умственнымъ усиліемъ, состоявшимъ изъ живыхъ восторговъ и мучительныхъ тревогъ. Даже въ тѣ минуты, когда ему, повидимому, удавалось отыскать истину, онъ всетаки спрашивалъ себя съ тоскою, не ошибся ли онъ въ деталяхъ? Вотъ почему онъ предоставлялъ критикамъ полную свободу въ оцѣнкѣ своихъ сочиненій; онъ даже желалъ этой оцѣнки, требуя, однако, чтобы послѣдняя отличалась строго научнымъ характеромъ. Но онъ почти никогда не получалъ удовлетворенія. Обыкновенно серьезнаго спора съ Фюстелемъ избѣгали, довольствуясь голословными обвиненіями его въ стремленіи къ парадоксамъ, къ апріорнымъ понятіямъ и т.п.

Подобные выпады сильно раздражали Фюстеля. Ему казалось, что всѣ дали другъ другу слово игнорировать его труды и умалять его значеніе. Тысячи обстоятельств утверждали въ немъ это убѣжденіе. Его книгамъ закрывали доступъ въ библіотеки, надъ нимъ втихомолку подсмѣивались глупые люди. Ему дали нелѣпое прозвище „вельможи науки". Все это причиняло Фюстелю глубокое огорченіе, усугублявшееся со дня на день прогрессивнымъ ходомъ его болѣзни. Это было одно изъ страданій, отравившихъ историку конецъ существованія.

Вотъ какъ самъ Фюстель въ своемъ обращеніи къ учетникамъ охарактеризовалъ отношеніе къ нему современниковъ: „Я приближаюсь къ тому возрасту, когда человѣкъ перестаетъ уже думать о себѣ, но много думаетъ о томъ дѣлѣ, надъ которымъ трудился. Мои книги встрѣчены съ слишкомъ большимъ ропотомъ и злобою для того, чтобы онѣ могли оказать какое либо вліяніе. Ваше поколѣніе сдѣлаетъ то, что хотѣлъ сдѣлать я, и поставитъ исто-

рію на научную почву. Я нашелъ себѣ слишкомъ много враговъ, сражаясь противъ субъективнаго метода и вытекающихъ изъ него заблужденій..... Вашъ путь будетъ легче. Я сыгралъ роль аппарата, помѣщаемаго передъ колесами локомотива для устраненія съ пути постороннихъ предметовъ: я разбросалъ камни - и меня осыпали проклятіями. Но вы пройдете свободно, а вмѣстѣ съ вами пройдетъ и историческая наука".

А вотъ какъ 20 лѣтъ спустя охарактеризовалъ Фюстеля нашъ русскій профессоръ И.М.Гревсъ - восторженный почитатель французскаго медіэвиста: „Фюстель де Кулянжъ жизнь свою отдалъ на отысканіе научной истины о прошломъ, подобно тому какъ блаженный Августинъ посвятилъ свой геній и свою волю на постиженіе истины религіозной о будущемъ; но и первый своей научной истинѣ придавалъ почти религіозное значеніе. Онъ вѣрилъ, что находилъ истину, но зналъ, что не нашелъ ее всю; поэтому радѣніе его не ослабѣвало до послѣдняго вздоха. Оттого онъ заражаетъ своимъ убѣжденіемъ, создаетъ преданныхъ адептовъ. Но онъ не подавляетъ ихъ. Онъ говоритъ: не подчиняйся, а провѣряй, самъ изслѣдуй. Онъ честный, хорошій учитель; за нимъ можно свободно итти. Онъ закаляетъ ученика и друга въ борьбѣ познающаго ума противъ тайнъ познаваемаго". I/

I/ См. о Фюстелѣ прекрасную книгу его ученика проф. Гиро "Фюстель де Кулянжъ", русск. пер. Чеботаревской. Москва, 1898. См. также предисловія проф. Гревса къ рус. пер. пяти томовъ "Исторіи общественнаго строя Древней Франціи

Фюстель де Кулянжу, какъ мы уже говорили, не удалось докончить своей работы. Онъ умеръ въ самомъ расцвѣтѣ силъ, надорванный тяжелыми трудами. Его работа продолжена и дополнена другимъ извѣстнымъ изслѣдователемъ - Флакомъ, не такъ давно выпустившимъ свои „Les origines de l'ancienne France" (H. I-III. Paris. 1886-1904). Правда, Флакъ выступилъ въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя, по многимъ вопросамъ рѣзко расходящагося съ Ф. де Кулянжемъ. Однако съ перваго же взгляда ясно, что вездѣ и повсюду онъ опирается на могучія плечи своего соотечественника и предшественника. Цѣль Флака - выяснить происхожденіе и оригинальную комбинацію различныхъ элементовъ соціально-политической жизни Франціи въ X-XI столѣт. и вскрыть тѣ причины, которыя привели къ возрожденію общества на новыхъ началахъ. Иначе говоря, задача Флака - прослѣдить феодальныя отношенія въ ихъ послѣдовательной формаціи и ихъ результатахъ, и такимъ путемъ дополнить и продолжить изслѣдованіе Фюстеля. Провозглашенная послѣднимъ широкая концепція непрерывности эволюціи человѣческихъ обществъ всецѣло усвоена и Флакомъ. Но привлеченіе новаго матеріала позволило ему выдвинуть и нѣкоторыя новыя точки зрѣнія на эволюцію французскаго общества.

Первый томъ „Les origines" трактуетъ о сеньоріальномъ режимѣ, воплощенномъ въ строѣ большого помѣстья. Сеньоріальный режимъ и германскаго и римскаго происхожденія. И тамъ и здѣсь существовали своеобразныя патронатныя

отношенія, которыя, переродившись въ вассалитетъ, легли въ основу отношенія сеньора къ своимъ вассаламъ. Связи личнаго подчиненія подкрѣпились связями территоріальнаго характера - бенефиціемъ. Могущество сеньоровъ, выросшее на землѣ, но проявлявшееся въ господствѣ надъ личностями, повело къ насильственному присвоенію ими государственныхъ функцій-иммунитета. Такъ постепенно расцвѣталъ сеньоріальный режимъ, окончательно выросшій послѣ Карла Великаго и приведшій къ дезорганизаціи общества, къ полному торжеству силъ центробѣжныхъ надъ центростремительными

Томы II и III „Les origines" трактуютъ о началахъ коммунальной свободы, о феодализмѣ и рыцарствѣ, о королевской и княжеской власти-возродительныхъ началахъ общества, воплотившихъ, вопреки сеньоріальному режиму, силы центростремительныя. Въ происхожденіи коммунъ, феодализма и рыцарства рѣшительную роль сыграли личныя, клановыя отношенія, т.е. разросшіяся благодаря расширенію фиктивнаго или дѣйствительнаго духовнаго родства семейныя связи. Коммунальная организація выросла изъ сельскихъ общинъ, изъ которыхъ однѣ сохранились отъ Галльской эпохи, другія возникли вновь на пустопорожнихъ пространствахъ, благодаря усиліямъ новоселовъ /hospites/. Город , добившійся хартіи, это кланъ, получившій феодальный характеръ. Въ феодальномъ контрактѣ, постепенно проникавшемъ и верхи общества, и его низы, первую роль играетъ личный, духовный /идеальный/ элементъ, вдохновившій рыцарство, какъ явленіе чисто культурное. Территоріальный элементъ - простой придатокъ, скрѣпляющій личныя связи. Феодальный контрактъ вноситъ стойкость въ раздираемое анархіей общество и, приводя къ іерархическому подчиненію отдѣльныхъ сеньорій другъ къ другу, мало по малу даетъ торжество центробѣжнымъ силамъ надъ центростремительными, воплощенными въ безпорядочномъ сеньоріальномъ режимѣ. Мелкія сеньоріи соединяются въ крупныя княжества /principautés/, а эти послѣднія объединяются подъ властью монарха. Власть монарха по существу своему этническаго происхожденія. Она не является ни территоріальнымъ суверенитетомъ, ни территоріальнымъ сюзеренитетомъ. Король - глава разросшейся фамиліи - племени, привязавшій къ себѣ чисто личными связями естественныя фамильныя и религіозныя группы. Монархія каролинговъ есть торжество феодализма, и вмѣстѣ начало его разрушенія. Слѣдовательно, схема внутренней эволюціи средневѣковой Франціи, по Флаку, такова: сеньоріальный режимъ разрушаетъ монархію каролинговъ и ввергаетъ общество въ анархію. Коммунальный и феодальный режимъ разрушаетъ режимъ сеньоріальный и создаетъ централизацію. Созданная феодализмомъ, монархія обращается въ орудіе его же разрушенія.

Такова въ двухъ словахъ сущность теоріи Флака. Подробно мы будемъ разбирать ее въ другомъ мѣстѣ. Пока же замѣтимъ, что попытка Флака объяснить сущность феодальныхъ отношеній личными связями вызываетъ цѣлый рядъ

возраженій. Однако данное обстоятельство не умаляетъ значенія работы Флака въ ея цѣломъ. Никто такъ тонко не разобрался въ запутанномъ процессѣ формаціи феодальныхъ отношеній, какъ этотъ ученый. Мастерское разграниченіе между сеньоріальнымъ и собственно феодальнымъ режимами, не менѣе мастерское отличіе такъ называемаго инкубаціоннаго періода феодализма отъ позднѣйшаго періода его окончательной формаціи, остроумная теорія о происхожденіи коммунальной свободы - все это дѣлаетъ работу Флака превосходнымъ дополненіемъ къ работѣ Фюстель де Куляна. Оба ученые чрезвычайно выпукло и отчетливо изобразили феодализмъ въ его постепенномъ генезисѣ, постепенномъ развитіи и тѣмъ самымъ уничтожили старыя заблужденія германистовъ и романистовъ. „Histoire des institutions" Фюстеля и „Les origines" Флака - это лучшее, что создано по исторіи Франціи въ эпоху средневѣковья. Здѣсь историческая наука сказала свое послѣднее слово.

Изъ другихъ крупнѣйшихъ работъ французскихъ медіевистовъ политическимъ отношеніямъ посвящены „Histoire des institutions politiques et administratives de la France" Віоллэ (тт. I-III. Paris. 1890-1903), „Histoire du droit et des institutions de la France" Глассона (тт. I-VIII. Paris, 1887-1903) и Manuel des institutions françaises" — Люшера /Paris, 1892/. Послѣдняя работа, являющаяся краткою сводкою результатовъ, добытыхъ другими изслѣдованіями того же автора, - лучшее руководство для изученія французскихъ учрежденій при прямыхъ капетингахъ.

Тому же Люшеру принадлежитъ блестящая работа о французскихъ коммунахъ - „Les communes françaises à l'époque des capetiens directs" (1890). Трудъ Жири „Histoire de la ville de S. Omer et de ses institutions jusqu'au XIVe siècle" (1877) открываетъ собою цѣлый рядъ монографій, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ городовъ королевства. Лучшая работа по исторіи рабочаго класса во Франціи - „Histoires des classes ouvrières et de l'industrie en France, avant 1789" Левассера /2 éd., тт. I-II. Paris, 1900/. Для исторіи французской торговли важна „Histoire du commerce de la France" Пижонно /тт. I-II, Paris. 1885-1889/.

Изученіе аграрныхъ отношеній французскаго королевства открылось классическими Prolégomènes Герара, предпосланными имъ изданію Полиптика аббата Ирминона. Очень хорошею работою по аграрной исторіи Франціи въ эпоху средневѣковья являются недавно вышедшія „Les classes rurales et le régime domaniale en France au moyen âge" Сэ /Paris, 1901/.

Для экономической исторіи Франціи вообще важна „Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'en 1800" — виконта Авенеля /тт. I-V, grand in 8°. Paris. 1893sqq./ Наконецъ, прекраснымъ общимъ трудомъ по исторіи средневѣковой и новой Франціи является начавшая выходить съ 1902 г., подъ редакціей Лависса „Histoire de France depuis les origines jusqu'à

la Revolution, въ которой принимаютъ участіе лучшіе спеціалисты.

3. ГЛАВНѢЙШІЯ ТЕЧЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВЪ ГЕРМАНІИ.
РАНКЕ, ВАЙЦЪ И ЕГО ПРОТИВНИКИ, МАУРЕРЪ, ГИЗЕБРЕХТЪ, ЗИБЕЛЬ, ДАНЪ И ДР.

Въ Германіи разработка средневѣковой и новой исторіи была поставлена на твердую почву стараніями Ранке. До него не существовало ни методическихъ пріемовъ изслѣдованія по исторіи, ни сколько нибудь твердо установленныхъ результатовъ, ни общей схемы развитія, - все, что было сдѣлано и дѣлалось въ этомъ смыслѣ, имѣло случайный и произвольный характеръ. Ранке - авторъ и Ранке - преподаватель создалъ цѣлую школу. Его ученики заняли почти всѣ каѳедры исторіи въ нѣмецкихъ университетахъ. Они же, усвоивъ методъ учителя, обладали необходимою подготовкою для такой дѣятельности, какъ изданіе источниковъ. Достаточно сказать, что изъ нихъ преимущественно и образовалось большинство сотрудниковъ по изданію Monumenta Germaniae Historica.

Ученый обликъ Ранке сложился въ ту эпоху, когда Германія вообще, и Пруссія въ частности, была захвачена сильнѣйшимъ броженіемъ въ обществѣ. Въ политической жизни военная монархія мало по малу уступала конституціоннымъ стремленіямъ; въ религіи, философіи, наукѣ и литературѣ романтизмъ XIX вѣка боролся съ раціонализмомъ вѣка

XVIII. Всѣ эти противоположныя теченія наложили свой отпечатокъ и на міровоззрѣніе Ранке. Съ одной стороны, захваченный общеевропейской реакціей, онъ питаетъ непримиримую вражду къ революціи, стремится къ національному объединенію Германіи и выражаетъ увѣренность, что прочною опорою германскихъ отношеній должна стать военная Пруссія. Онъ постоянно высказываетъ мысль, что слѣдуетъ строго различать между нѣмецкими и французскими отношеніями, что революціонное движеніе во Франціи совершается въ зависимости отъ мѣстныхъ особенностей и не должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія какихъ-либо всемірныхъ идей. Въ государствѣ, выростающемъ органически, монархическая власть, вышедшая изъ глубины вѣковъ вмѣстѣ съ народомъ, есть лучшій представитель народа, какъ историческаго цѣлаго, чѣмъ депутаты, выражающіе настроеніе минуты. Каждый народъ имѣетъ свою особую исторію, а соотвѣтственно этому и свою особую политику, которая не есть что либо наносное, а прямое отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ фактовъ народной жизни. Всемірная исторія - борьба самобытныхъ, имѣющихъ одинаковое право на существованіе народностей. Виноватыми и побѣжденными въ этой борьбѣ оказываются тѣ, кто не умѣетъ отстоять свою самобытность.

Но преклоняясь предъ традиціонной военной монархіей отстаивая ея право на существованіе, Ранке, съ другой стороны, признаетъ, что пора патріархальной бюрократіи прошла, что необходимо открыть обществу самодѣятельность. Нельзя не считаться съ пробудившимся самосозна-

ніемъ общественныхъ классовъ - этою моральною силою, которую нельзя задавить деспотизмомъ. Сдѣлка съ конституціонализмомъ необходима

Таковы политическія воззрѣнія Ранке. Что касается его отношенія къ чисто духовнымъ теченіямъ времени - романтизму и раціонализму, то и здѣсь онъ не увлекся односторонне тѣмъ или другимъ направленіемъ. Романтики, какъ извѣстно, во всѣхъ областяхъ отстаивали право чувства, инстинкта, непосредственнаго душевнаго воспріятія противъ отвлеченностей раціонализма. Послѣ неудачной попытки сознательно перестроить безсознательное - общая реакція безсознательнаго элемента противъ сознательнаго расходилась все шире и шире. Изученіе языка, религіи, литературы и права становилось въ рукахъ Гримма средствомъ, чтобы постигнуть индивидуальныя особенности народнаго духа. Савиньи разъяснялъ безсознательный ростъ учрежденій и права, подобный росту языка, не подчиняющійся произвольнымъ измѣненіямъ и улучшеніямъ. Шлейермахеръ органически выводилъ протестантизмъ изъ непосредственной нравственной потребности человѣческаго духа. Словомъ, новое движеніе охватывало всѣ сферы духовной жизни и приносило чрезвычайно плодотворные результаты. Однако старый раціонализмъ нельзя было вытѣснить сразу. И онъ еще разъ показалъ себя въ философіи Гегеля. Его геніальная попытка овладѣть при помощи діалектической схемы всею областью бытія и познанія съ необыкновенною силою провела плодотворную идею развитія.

Въ частности, философія исторіи Гегеля уравновѣшивала національныя увлеченія романтиковъ. Борьба и разрѣшеніе противоположностей составляли для него содержаніе исторіи, и въ этомъ процессѣ не было основанія односторонне привязываться къ одному народу, формѣ, партіи, воззрѣнію. Дѣйствительное одинаково разумно. Все вступаетъ звеномъ въ общую цѣпь эволюціи.

Ранке сумѣлъ уловить все, что было плодотворнаго и въ томъ и въ другомъ направленіи. Для него каждое общество развивается органически, самобытно /безсознательно/. И идеи, управляющія даннымъ обществомъ, являются продуктами его преемственнаго развитія, отраженіями цѣлаго ряда внѣшнихъ фактовъ его исторіи. Но онъ не только устанавливаетъ разнообразіе и различіе идей. Онъ старается уловить ихъ взаимодѣйствіе и преемственность въ общемъ ходѣ мірового процесса. Для Ранке, какъ и для Гегеля, вся исторія состоитъ въ борьбѣ и разрѣшеніи противоположностей, только противоположности эти добыты осторожнымъ обобщеніемъ отъ дѣйствительныхъ фактовъ, а не наложены на факты извнѣ. Для него также все дѣйствительное разумно. Но опять таки эта разумность вытекаетъ не изъ принциповъ логики, а изъ принциповъ біологіи.

Главный историческій трудъ Ранке - итогъ его долголѣтнихъ изысканій - „Weltgeschichte"[I] /tt. I, 1-2; II, 1-2; III, 1-2; IV, 1-2; V; VI, 1-2; VII; VIII; IX, 1-2. Leipzig. Er.-Dr. Auflage/ 1881-1888. Средніе вѣка начинаются съ IV тома/

I/ Всемірная исторія.

съ древнѣйшихъ временъ до начала XУI стол. Здѣсь и отразилось съ особою яркостью и полнотою только что описанное общее міросозерцаніе Ранке, какъ политика, и какъ ученаго. Какъ приверженецъ традиціонной Прусской монархіи военнаго образца, Ранке исходилъ изъ внѣшняго выраженія государственной жизни и подчинялъ ему внутреннюю организацію общества, въ силу борьбы за существованіе. Вотъ почему какъ историкъ, онъ отстранялъ отъ себя цѣлый рядъ задачъ которыя касаются внутренней эволюціи общества. Онъ слѣдилъ за внѣшними фактами и отражающими ихъ идеями, иначе говоря, за смѣной поколѣній и партій. Въ этомъ смыслѣ онъ являлся историкомъ внѣшняго, а не внутренняго развитія человѣческихъ обществъ.

Далѣе, опять таки сообразно своимъ политическимъ воззрѣніямъ съ одной стороны, и симпатіямъ къ романтизму , съ другой, Ранке признавалъ право каждаго самобытнаго. органически выросшаго существованія. Вотъ почему какъ историкъ, Ранке проявляетъ равномѣрный интересъ къ разнороднымъ и враждующимъ силамъ-къ Франціи, Испаніи, къ папству и протестантизму, къ монархистамъ и радикаламъ и т.п.Знаменитая объективность Ранке прямо вытекаетъ изъ провозглашеннаго имъ принципа:каждый правъ на своемъ мѣстѣ.Наконецъ, раціонализмъ Гегеля сказался въ широкой концепціи единаго міроваго процесса, понимаемаго въ смыслѣ біологической борьбы отражающихъ внѣшніе факты идей за право существованія.

Таковы историческія воззрѣнія Ранке, сложившіяся подъ вліяніемъ окружающей обстановки. Но не въ этомъ геніальность Ранке, создавшая ему безсмертную славу. Главная его сила въ созданіи новыхъ методовъ и пріемовъ изслѣдованія, въ чемъ сказался чисто личный элементъ его творчества. Исключительно своему личному таланту Ранке обязанъ тѣмъ, что онъ сдѣлался руководителемъ исторической критики не только для Германіи, но и для всей Европы. Всѣ отдѣльныя задачи исторической критики въ сущности сводятся къ одной-къ отстраненію субъективнаго элемента въ передачѣ источниковъ о событіяхъ. Нибуръ первый показалъ, какъ невозможно историческое повѣствованіе, безъ предварительной оцѣнки источниковъ. Но Нибуръ отличался горячею односторонностью иниціатора, и Ранке полнѣе и вѣрнѣе его установилъ пріемы перекрестнаго допроса критики. Тонкія наблюденія надъ разнорѣчіями и различіями окраски сводились у него на коренныя особенности лицъ и партій. Опредѣливъ уголъ зрѣнія свидѣтеля, Ранке умѣлъ художественно отдѣлить въ его показаніяхъ истину отъ заблужденія, и на основаніи этого отобраннаго матеріала создать факты и характеры прошлаго.

„Geschichte der romanischen und germanischen Völker" /1494-1535/,[1] гдѣ данъ первый образецъ блестящаго примѣненія критико-филологическаго метода изслѣдованія памятниковъ, появилась въ 1824 г. /Leipzig und Berlin /,т.е. почти одновременно съ выходомъ

1/ Исторія романскихъ и германскихъ народовъ.

въ свѣтъ произведеній Aug. Thierry во Францiи. И тотъ и другой изслѣдователи выступили, какъ историки -разсказчики по преимуществу. Но мы уже видѣли, насколько разсказъ Ранке стоитъ выше разсказа французскаго историка. Съ одной стороны, онъ тверже обосновалъ перекрестною критикою источниковъ, съ другой стороны, онъ дѣйствительно изображаетъ людей и эпоху со всѣми ихъ переживанiями, со всей ихъ психологiей. Ранке, какъ психологъ, едва ли менѣе знаменитъ, чѣмъ Ранке, какъ критикъ источниковъ. 1/

Мы уже говорили, что Ранке - авторъ и Ранке преподаватель создалъ многочисленную школу историковъ. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать Вайца - автора капитальной "Deutsche Verfassungsgeschichte" 2/ /Н. I-VIII. Kiel, 1844-1878, первые три тома въ 60-хъ и 80-хъ гг. вышли двумя новыми изданiями; второе изданiе IV т. - въ 1884 году/. Усвоивши методъ учителя, Вайцъ собираетъ огромный матерiалъ источниковъ и, тщательно критикуя его, создаетъ исторiю древне-нѣмецкихъ учрежденiй въ эпоху ранняго средневѣковья. Къ сожалѣнiю, историческiя построенiя ученика оказались гораздо ниже построенiй учителя. Громадный матерiалъ часто подавляетъ читателя своею излишнею подробностью, а чрезмѣрная осторожность выводовъ даетъ мѣсто неясностямъ и двусмысленностямъ. Нѣтъ

1/ См. о Ранке ст. проф. Виноградова. Русск. Мысль, 1886, Ч.

2/ Исторiя нѣмецкихъ государственныхъ учрежденiй.

здѣсь и того безпристрастiя, которое характеризуетъ произведенiя Ранке. Националистическая тенденцiя, хотя и въ умѣренной формѣ, проникаетъ отъ начала и до конца Исторiю нѣмецкихъ учрежденiй. Заслуга Вайца та, что онъ первый поставилъ на строго-научную почву изученiе внутренней жизни средневѣковой Германiи, въ частности, изученiе феодальныхъ отношенiй.

Первый томъ Verfassungsgeschichte, изучающiй самые корни нѣмецкихъ учрежденiй, въ свое время открылъ походъ противъ французовъ, въ защиту политическаго строя древней Германiи, которой Вайцъ склоненъ приписывать особую интеллигентность и культурность. Наиболѣе важны и интересны томы II-IУ, изучающiе внутреннее устройство франкской монархiи при меровингахъ и каролингахъ. Главный вопросъ здѣсь - о времени возникновенiя и характерѣ бенефицiальныхъ и ленныхъ отношенiй. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, Вайцъ выясняетъ незначительность роли дружины въ развитiи бенефицiальныхъ и вассальныхъ отношенiй и выводитъ эти элементы феодальной системы изъ всего внутренняго строя меровингскаго королевства. Еще при меровингахъ, говоритъ Вайцъ, королевское пожалованiе доставляетъ получавшему его не полную, а условную собственность, обязываетъ къ особой признательности и вѣрности - зародышъ бенефицiя и лена. Въ то же время государственная защита становится недостаточною, и слабые люди ищутъ частнаго покровительства - зародышъ вассалитета. Наконецъ, развивается смѣшенiе государственной и частной точки зрѣнiя, кото-

рая заставляетъ смотрѣть на судъ и подать, какъ на источники частныхъ доходовъ, и позволяетъ освобождать отъ нихъ или дарить ими частныхъ лицъ - зародышъ судебной и финансовой самостоятельности территоріи. При каролингахъ бенефиціальныя отношенія сливаются съ вассольными, но феодальная система возникаетъ не сразу, а складывается медленно и постепенно. Томы У-УIII и слѣдятъ за дальнѣйшимъ ростомъ феодальныхъ отношеній до XII ст. Несмотря на всѣ уступки ленному началу и самостоятельности частей, сила германскаго государственнаго начала, олицетворяемаго королемъ, по мнѣнію Вайца, такъ велика, что до самой половины XII ст. центральное значеніе въ жизни Германіи принадлежало государственной центральной власти, а не феодализму. И лишь съ половины XII в. феодализмъ торжествуетъ окончательно.

Взгляды Вайца вызвали возраженіе со стороны болѣе радикальныхъ германистовъ - Рота /Geschichte des Beneficialwesens/ и Зома /Die Fränkische Reichs- und Gerichtsverfassung/. Соглашаясь съ Вайцемъ относительно древне-германскаго быта, эти изслѣдователи считали организацію меровингскаго государства совершенно правильною и здоровою, знающею только одну связь между своими членами - связь подданства, и только одну власть - государственную. Широкое государственное начало покоилось на военной службѣ всѣхъ гражданъ. И лишь каролинги подкопали основы этой государственности, выдѣливши изъ общества одинъ военный классъ и награждая

его за службу раздачею земель въ условное владѣніе. Нарождается могучая вооруженная аристократія, группирующаяся по образцу королевской дружины и простирающая свой сеньоратъ на людей беззащитныхъ. Такимъ образомъ, отвѣтственность за образованіе феодализма слагается съ германскаго племени на каролинговъ и ихъ политику.

Другой ученикъ Ранке - Мауреръ, при объясненіи происхожденія феодализма, обратилъ вниманіе не на политическую сторону процесса, не на перерожденіе верховной власти, а на экономическую и соціальную, на послѣдовательную эволюцію сельской общины /марки/ - этой первоначальной клѣточки въ государствѣ. Въ своемъ „Einleitung zur Geschichte der Mark- Hof- Dorf und Stadt- Verfassung und öffentlichen Gewalt"/München, 1854/ I/ Мауреръ сводитъ процессъ феодализаціи къ постепенному перерожденію марки въ сеньорію. Пока сильна была марка, сильна была и государственная власть, покоившаяся на службѣ всѣхъ свободныхъ. И лишь съ разложеніемъ общиннаго союза могли возобладать сословныя первенства, феодальное землевладѣніе и присвоеніе государственной части крупнѣйшими земельными магнатами. Всего яснѣе связь между экономическимъ и политическимъ процессомъ сказалась на развитіи иммунитета. Сначала это простое изъятіе извѣстнаго клочка земли изъ хозяйственнаго

I/ Есть русскій переводъ, подъ заглавіемъ „Введеніе въ исторію марковаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти".

вмѣшательства марки. Впослѣдствіи институтъ это ъ разросся до освобожденія отъ вмѣшательства чиновниковъ и отъ подчиненія извѣстнымъ государственнымъ повинностямъ.

Слѣдующій ученикъ - Ранке - Гизебрехтъ остановилъ свое вниманіе на изученіи эпохи нѣмецкихъ императоровъ „Geschichte der deutschen Kaiserzeit“ I/ таково заглавіе его громадной работы / Bd. I; II; III, 1 u.; IV; V, 1-2; VI. Braunschweig-Leipzig, 1855-1895 /. Это одинъ изъ самыхъ неумѣренныхъ германистовъ, отражавшій взгляды великогерманской партіи и мечтавшій о прежней могучей Германіи. Видя свое отечество разрозненнымъ и безсильнымъ, историкъ находитъ утѣшеніе въ изображеніи эпохи его минувшаго блеска и могущества, когда воля, слово и меч нѣмецкихъ императоровъ рѣшали судьбы запада и когда существовала единая, великая, могущественная Германія. Цѣль работы болѣе политическая, нежели научная. Она сводится къ стремленію возбудить въ нѣмецкомъ народѣ любовь къ изученію славнаго прошлаго и пробудить въ немъ національное самосознаніе. Можно сказать, что никто не ушелъ такъ далеко отъ завѣтовъ маститаго Ранке, какъ его ближайшій ученикъ - Гизебрехтъ. У послѣдняго нѣтъ самаго необходимаго условія научной работы - объективности и безпристрастія. Неумѣренный патріотизмъ Гизебрехта мѣстами преображается въ самый нелѣпый шовинизмъ, отталкивающій читателя. Не разъ Гизебрехтъ изображаетъ напыщеннымъ, высокопарнымъ языкомъ какую ни-

I/ Исторія эпохи нѣмецкихъ императоровъ.

будь побѣду нѣмцевъ надъ непріятелями или явно злорадствуетъ по поводу ихъ звѣрской расправы надъ славянами. Въ одной изъ своихъ статей Гизебрехтъ не постѣснялся даже открыто заявить, что лишь нѣмецкая нація, создавшая исторію новаго времени, имѣетъ право на самобытное существованіе. Всѣ остальныя націи должны безприкословно ей подчиняться. Самая наука, въ частности, исторія, есть исключительная монополія нѣмецкаго народа - и никого болѣе. „Это ложь заявилъ онъ, что наука должна быть космополитною. Она должна быть національною. Она должна быть нѣмецкою". Эти нелѣпые взгляды въ свое время вызвали противъ себя пламенную и полную негодованія филиппику со стороны противника всякихъ узко-националистическихъ точекъ зрѣнія - Фюстель де Куланжа / см. ст. его въ Questions Historiques /.

Изложеніе Гизебрехта не свободно и отъ другихъ недостатковъ. По заглавію его работы можно было бы ожидать, что мы найдемъ здѣсь исторію эпохи императоровъ. На самомъ же дѣлѣ, это только исторія императоровъ, а отнюдь не эпохи. Это рядъ біографій, чрезвычайно подробныхъ и по большей части чрезвычайно скучныхъ. Даже не всегда полно изображается политическое состояніе Германіи. Что же касается экономической, соціальной и культурной жизни, то объ этомъ или совсѣмъ ничего не говорится, или же говорится только вскользь, мимоходомъ.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что трудъ Гизебрехта занимаетъ видное мѣсто въ ряду спеціальныхъ про-

изведенiй по политической исторiи средневѣковой Германiи. Это не компиляцiя, а самостоятельное изслѣдованiе, въ основанiе котораго положена масса подвергнутыхъ тщательной критикѣ источниковъ. А находящiяся въ концѣ каждаго тома приложенiя и примѣчанiя, съ указанiемъ и оцѣнкой этихъ источниковъ, д..ютъ очень хорошiе обзоры средневѣковой исторiографiи.

Особое мѣсто среди учениковъ Ранке занимаетъ едва ли не самый талантливый изъ нихъ - Зибель. Первоначально Зибель всецѣло раздѣлялъ общiя историческiя воззрѣнiя и методъ учителя. Послѣднiй и примѣненъ имъ самымъ блестящимъ образомъ въ юношескомъ произведенiи „Geschichte des ersten Kreuzzugs" / 1841, съ 80-хъ г. вышло двумя новыми изданiями / [1]. И лишь съ 1848 г., подъ влiянiемъ событiй соцiальной и политической жизни Европы, онъ измѣнилъ свои историческiя воззрѣнiя и рѣзко разошелся съ учителемъ. Ран..е, какъ мы видѣли, изображалъ исторiю, какъ она есть. Приз..авая все дѣйствительное разумнымъ, онъ не пытался оцѣнивать историческiя событiя съ точки зрѣнiя современности. Зибель сталъ придерживаться другихъ принциповъ. По его мнѣнiю, задача правительства-защищать образованные классы отъ необузданныхъ страстей низшихъ слоевъ населенiя и тѣмъ самымъ оберегать финансовую и военную силу государства. Лишь строго-нацiональное государство можетъ выполнить эту задачу - Пруссiя, а не Австрiя. Какъ политикъ и публицистъ, Зибель и сдѣлался ярнимъ выразителемъ

1/ Исторiя перваго крестоваго похода.

идей малогерманской партiи, желавшей для Германiи не федерацiи со включенiемъ интернацiональной Австрiи, а крѣпкаго соединенiя ея частей подъ гегемонiей Пруссiи, безъ Австрiи. Какъ историкъ, онъ не просто изображалъ смѣну политическихъ идей въ прошломъ. Онъ оцѣнивалъ эти идеи съ точки зрѣнiя стремленiй малогерманской партiи. Это направленiе историка особенно сказалось въ его капитальной „Geschichte der Revolutionszeit" / B. I-V. N. Aufl. 1882/ [1]. Здѣсь Зибель высказываетъ на революцiю тотъ взглядъ, что, поскольку она ратовала противъ стараго ..ежима, она была права и благотворна, но, поскольку она втягивала низшiя слои народа въ ..олитику, она производила чисто разрушительную работу.

Сообразно своимъ политическимъ и историческимъ воззрѣнiямъ, Зибель не могъ согласиться съ великогерманскими илеями, пр возглашенными Гизебрехтомъ. Онъ и обрушился на послѣдняго въ своей рѣчи „Ueber die neueren Darstellungen der deutschen Kaiserzeit" / 1859/. По мнѣнiю Зибеля, германская имперiя, съ ея широкими политическими замыслами, никогда не отражала нацiональныхъ стремленiй нѣмецкаго народа и во многихъ случаяхъ дѣйствовала отрицательно на ростъ его могущества. Да и по своему происхожденiю, нѣмецкая королевская власть не есть нацiональное учрежденiе германцевъ. Въ „Entstehung des deutschen Königthums" / Frankfurt am Main, 1844, втор. издан. въ 188 г

1/ Исторiя эпохи Революцiи.

ду I/ Зибель утверждаетъ, что древніе германцы не знали королевской власти, которая возникла исключительно подъ вліяніемъ Рима - изъ званія предводителя войска, или благодаря римскому foedus. Зибель отвергаетъ всякое національное сознаніе у германцевъ въ первый моментъ поселенія ихъ въ предѣлахъ Римской Имперіи, и выводитъ ихъ внутреннее устройство изъ кровныхъ, родовыхъ отношеній.

Стремленіе Зибеля оцѣнить идеи прошлаго съ точки зрѣнія идей современности не мѣшаетъ его безпристрастію. Слѣдуя завѣтамъ Ранке, Зибель всегда и неизмѣнно пользуется матеріаломъ изъ первыхъ рукъ и тщательно его критикуетъ. Въ подборѣ историческихъ памятниковъ онъ не одностороненъ, подобно многимъ германистамъ. Напротивъ, онъ привлекаетъ ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и умѣетъ освѣтить всесторонне. А наличность руководящей тенденціи, въ видѣ стремленія приложить ко всему современную мѣрку, позволяетъ ему связать весь громадный матеріалъ въ одно стройное цѣлое, чего опять таки мы не видимъ даже у такихъ историковъ, какъ авторъ „Verfassungsgeschichte."

Воззрѣнія Зибеля на происхожденіе и сущность германской королевской власти вызвали возраженія со стороны историка и поэта - Феликса Дана, автора капитальной работы „Die Könige der Germanen" / BB. I; II; III; IV; V; VI; VII, 1-3; VIII, 1-6; IX, 1-2; X; XI. München, 1861-1909/, I/ изучающей эпоху переселенія народовъ и образованіе новыхъ романо-германскихъ государствъ на развалинахъ Римской Имперіи. Вопреки Зибелю, Данъ полагаетъ, что королевская власть не заимствована изъ Рима, а является исконнымъ достояніемъ германскаго народа. Основа ея въ древнѣйшія времена - миѳологическая, патріархально-героическая. Правда, Данъ признаетъ, что борьба съ римлянами и передвиженія германскихъ племенъ должны были неизбѣжно отразиться на характерѣ королевской власти, способствуя ея росту за счетъ народоправства. Съ другой стороны, онъ не отвергаетъ существованія у многихъ германскихъ племенъ и республиканскаго устройства. Въ первоначальной исторіи германцевъ, въ ихъ движеніяхъ и переселеніяхъ названный историкъ усматриваетъ своего рода органическое развитіе. Внѣшнимъ толчкомъ, въ родѣ появленія гунновъ, онъ не придаетъ особеннаго значенія, а считаетъ основною причиною переселеній переходъ германцевъ къ болѣе осѣдлому земледѣлію, вызванное этимъ увеличеніе народонаселенія и, какъ результатъ всего этого, недостатокъ земли и голодъ, побуждавшій цѣлыя племена къ поиску новыхъ мѣстъ жительства. Вотъ почему переселеніе народовъ собственно не переселеніе, а распространеніе, послѣдняя волна того движенія, которое нѣкогда привело германцевъ изъ Азіи въ Европу. Данный процессъ длился цѣлые вѣка. Этимъ и объясняется необыкновенное упорство

I/ Происхожденіе нѣмецкой королевской власти.

I/ Короли германцевъ.

германцевъ въ борьбѣ съ Римской Имперіей. Увеличеніе народонаселенія и распашка новыхъ полей, очищенныхъ отъ тѣхъ первобытныхъ лѣсовъ, которые раньше составляли границы между областями, не осталось безъ вліянія на внутреннее состояніе германцевъ: границы отдѣльныхъ областей /pagus, Gau/, имѣвшихъ политическую самостоятельность, теперь постепенно сближаются, самыя области сливаются все въ болѣе и болѣе обширныя территоріи, выборные графы уступаютъ мѣсто королямъ, республиканское устройство, такимъ образомъ, замѣняется монархическимъ, а тамъ, гдѣ королевская власть существовала и ранѣе, она теперь усиливается и мѣняетъ свой первоначальный, ограниченный характеръ. Такъ развивается идея сильнаго государства, чему немало способствуетъ и напряженная борьба съ Римской Имперіей.

Таковы взгляды Дана, которые онъ, между прочимъ, проводитъ и въ другой своей работѣ - передѣлкѣ „Geschichte der Völkerwanderung" Витерсгейма I/ /Ht. I-II. Leipzig/. Давая цѣнный матеріалъ по начальной исторіи средневѣковья, изображая не только внѣшнюю, но и внутреннюю исторію вновь образовавшихся романо-германскихъ государствъ съ надлежащею полнотою и всесторонностью работы Дана не свободны и отъ нѣкоторыхъ, правда, недостатковъ. Такъ, описаніе внѣшнихъ сто внѣшнихъ событій иногда мелочно до излишества.

I/ Исторія Великаго переселенія народовъ.

Изложеніе нельзя назвать образцовымъ: языкъ подчасъ отрывистъ и ему недостаетъ легкости и плавности.

Изъ общихъ работъ по исторіи Германіи назовемъ для полноты обзора „Исторію нѣмецкаго народа" Лампрехта / рус. пер. Николаева, т. I-3 Москва, 1894-1895/. Этотъ трудъ, имѣющій цѣлью изобразить развитіе политической, общественной и духовной жизни Германіи на протяженіи всей ея многовѣковой исторіи, имѣетъ мало научнаго значенія. Зато цѣнны другіе труды Лампрехта, посвященные экономической исторіи средневѣковья. Это „Geschichte des französischen Wirthschaftslebens im XI Jahrhundert" /Leipzig, 1878/, и въ особенности „Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter" /Bd. I-III. 1885-1886/. Для исторіи аргарныхъ отношеній средневѣковой Германіи важенъ также трудъ Инамы Штернегга „Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolinger Periode" /Bd. I; II; III, 1-2. Leipzig, 1879-1901/, прекрасно выясняющій происхожденіе помѣстнаго строя, и трудъ Мейцена „Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven" /Bd. I-III. Berlin, 1895/, въ которомъ широко примѣненъ историко-сравнительный методъ изслѣдованія. По исторіи промышленнаго развитія Германіи въ средніе вѣка, кромѣ прежнихъ трудовъ Гегеля, Бюхера, Шмоллера и др., важны новѣйшія работы Белова, Зома и Кейтгена.

Нѣмецкіе медіевисты не ограничиваются изученіемъ

прошлаго своей родины. Они удѣляютъ много вниманія и исторіи другихъ странъ средневѣковой Европы, въ особенности Италіи, судьбы которой долгое время были связаны съ судьбами Германіи. Изъ нѣмецкихъ работъ, посвященныхъ исторіи Италіи, особое вниманіе заслуживаетъ [1] „Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter" Грегоровіуса /Bd. I-VIII. Stuttgart, 1859-1872. Очень плохой русскій переводъ 80-хъ годовъ Сазина. Въ настоящее время вышло 5 томовъ новаго, вполнѣ удачнаго перевода Литвинова ,СПБ.1902-1912/. Средневѣковый Римъ - главный центръ средневѣковой Европы. Вотъ почему исторія города Рима въ средніе вѣка подъ перомъ Грегоровіуса до нѣкоторой степени превращается въ исторію всей западной Европы данной эпохи. Отсюда понятны важность и глубокій интересъ труда Грегоровіуса. Здѣсь, на основаніи подлинныхъ памятниковъ, изображается судьба „вѣчнаго города" съ самаго начала У вѣка и до разгрома его войсками Карла У-го/1527 г./. Правда, мы не найдемъ здѣсь исторіи соціальныхъ и экономическихъ отношеній. Но зато описаніе отношеній политическихъ и культурныхъ отмѣчено печатью безпристрастія, одушевленія и художественности изложенія.

Много писалось нѣмецкими изслѣдователями /Лео, Ветманъ - Голльвегъ, Гегель, Доренъ/ по исторіи итальянскихъ городовъ, по исторіи папства /Друманнъ, Мюллеръ, Прегеръ, Ваттенбахъ и др./. Хорошая сводная работа по исторіи средневѣковой Италіи недавно выпущена Гартманомъ /Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I-III, 1897-99./

1/ Исторія города Рима въ средніе вѣка.

Одна изъ лучшихъ работъ по исторіи государственнаго развитія Англіи принадлежитъ нѣмецкому изслѣдователю „Исторія государственныхъ учрежденій Англіи" Гнейста / рус. пер. подъ ред. Венгерова. Москва, 1885/ - единственный въ своемъ родѣ трудъ, обнимающій эволюцію политическихъ учрежденій Англіи отъ англосаксонской эпохи до 30 -хъ годовъ XIX столѣтія. Эта сухая работа, основанная на громадномъ количествѣ изученныхъ авторомъ памятниковъ и литературы может служить превосходнымъ справочникомъ при разработкѣ политической исторіи Англіи. Лучшая общая исторія средневѣковой Англіи написана нѣмцами - Лаппенбергомъ и Паули / Geschichte von England bis z. 1509, Bd. I-V. Hamburg, 1834-1858/.

4. ГЛАВНѢЙШІЯ ТЕЧЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВЪ АНГЛІИ. ГИББОНЪ, ГАЛЛАМЪ, БРАЙСЪ, ФРИМАНЪ, СТЕББСЪ, ГРИНЪ. РАБОТЫ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ АНГЛІИ.

Въ Англіи разработка средневѣковой исторіи началась не съ отдѣльныхъ монографическихъ изслѣдованій, посвященныхъ прошлому родины, а съ произведеній общаго характера, посвященныхъ главнымъ образомъ континентальной Европѣ. Единственные въ своемъ родѣ общіе обзоры средневѣковой исторіи принадлежатъ тремъ англичанамъ - Гиббону, /1776-1788/ Галламу

/1818/ и Брайсу / 1864/.

Первая по времени попытка представить общую эволюцію средневѣковаго общества принадлежитъ Гиббону. „Исторія упадка и разрушенія римской имперіи"/ рус.пер .евѣдомскаго, ч.I-VII. Москва, 1883-1886 /- таково заглавіе этой замѣчательной работы англійскаго ученаго. Здѣсь почти на протяженіи полуторы тысячи лѣтъ изображены судьбы З.Европы въ ея взаимодѣйствіи съ Востокомъ. Авторъ подраздѣляетъ исторію упадка Р. имперіи на три періода. Первый начинается съ вѣка Траяна и Антониновъ, когда въ достигшемъ высшей степени могущества организмѣ Имперіи замѣчаются первые слѣды разложенія, и оканчивается паденіемъ западной части Имперіи въ VI столѣтію. Второй періодъ упадка открывается царствованіемъ Юстиніана, воскресившаго блескъ восточной части Имперіи рядомъ реформъ, и оканчивается возстановленіемъ Имперіи на западѣ Карломъ Великимъ. Третій періодъ обнимаетъ собою время отъ IX ст. до половины XУ, т.е. до завоеванія османами Константинополя. Таковъ планъ этой грандіозной картины, нарисованной авторомъ съ мастерской ясностью и отчетливостью. Это не исторія внѣшнихъ событій и фактовъ. Это исторія внутренней эволюціи тогдашняго культурнаго человѣчества на протяженіи ряда столѣтій, исторія, принадлежащая перу недюжиннаго мыслителя - философа. Римскій и варварскій міры, Византія, исламъ, въ лицѣ его различныхъ представителей, объединены все-

объемлющимъ талантомъ автора въ одно стройное цѣлое. Около полутораста лѣтъ прошло со времени появленія въ свѣтъ перваго тома „Исторіи упадка"/1766/. Само собою разумѣется, что во многихъ своихъ частяхъ работа очень устарѣла. Однако и понынѣ она является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ научнаго творчества.

Авторъ жилъ въ эпоху господства энциклопедистовъ во Франціи, съ которыми онъ имѣлъ тѣсное соприкосновеніе. Сначала протестантъ, потомъ католикъ, потомъ опять протестантъ, а въ концѣ концовъ ни во что невѣрующій скептикъ и раціоналистъ, онъ наложилъ печать своего міросозерцанія и на свою работу. Еще современники упрекали автора за его упорную ненависть къ христіанству, самымъ яркимъ образомъ выразившуюся въ главахъ / XУ-XУI/ о возникновеніи и развитіи христіанской общины. Христіанство, по его мнѣнію, имѣло отрицательное вліяніе на общечеловѣческую культуру. Убивши древнія доблести римлянъ, оно повергло общество въ пучину религіозныхъ споровъ / XXXУIII/. Оно же вызвало безсмысленное движеніе Запада на Востокъ, выразившееся въ крестовыхъ походахъ. / УIII- XI/. Само собой разумѣется, что подобные взгляды - результатъ настроенія вѣка . Впрочемъ, всѣ эти ошибки съ излишкомъ искупаются многочисленными достоинствами работы Гиббона. Такъ, его взглядъ на причины паденія З.Р.Имперіи въ общемъ вѣренъ и до настоящаго времени / „Если бы всѣ варварскія завоеванія могли быть стерты съ лица

земли въ одно мгновенiе, то и совершенное ихъ истребленiе не возстановило бы западной Имперiи" / IУ-,44/, ...„упадокъ Рима былъ естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствiемъ чрезмѣрнаго величiя"... ...„громадное зданiе развалилось отъ своей собственной тяжести"... „Исторiя его паденiя проста и понятна, и вмѣсто того, чтобы задаваться вопросомъ,почему Римская Имперiя распалась мы должны бы были удивляться тому, что она существовала такъ долго" / IУ,247-248,/. Превосходна характеристика Юлiана Отступника, который изъ философа и рацiоналиста подъ перомъ Гиббона превращается въ типичнаго представителя отжившаго мiросозерцанiя, полнаго тщеславiя и предразсудковъ / XXIII/. Состоянiе Византiи - этого воплощенiя моральнаго застоя - обрисовано вѣрными, хотя нѣсколько сгущенными красками / XLVIII, LIII- LIУ,LXII,LXIII/.

„Wiew of the state of Europe during the middle ages"[1] Галлама изображаетъ судьбы з.христiанскаго, а отчасти греческаго и мусульманскаго мiровъ до конца XУ столѣтiя. Работа раздѣлена на IX главъ. Первая содержитъ исторiю Францiи; вторая трактуетъ о феодальной системѣ; слѣдующiя четыре обнимаютъ исторiю Италiи,Испанiи, Германiи, Византiи и Турцiи; седьмая исторiю Церкви; восьмая конституцiонную исторiю Англiи; наконецъ, девятая - исторiю развитiя европейскаго общества въ его цѣломъ. Галламъ поклонникъ своего современника

I/ Обзоръ состоянiя Европы въ средние вѣка.

француза Гизо, влiянiе котораго сказалось въ наклонности автора къ философскому доктринерству и стремленiи выдвинуть на первый планъ политическую, въ частности, конституцiонную исторiю. Въ большей своей части трудъ Галлама - компиляцiя, въ настоящее время устарѣвшая. Впрочемъ, нѣкоторыя части обзора цѣнны и до настоящаго времени. Таковы его замѣчанiя о феодальной системѣ, въ особенности, о ея результатахъ, о сословно - представительныхъ учрежденiяхъ пиринейскаго полуострова и т.п. А глава УIII, трактующая о конституцiонной исторiи Англiи, не утеряла своего научнаго значенiя / въ частностяхъ/ даже послѣ выхода въ свѣтъ работы Стеббса. Наконецъ, обилiе фактическаго матерiала дѣлаетъ работу Галлама полезнымъ общимъ руководствомъ по исторiи среднихъ вѣковъ и въ настоящее время.

„Священная Римская Имперiя"Брайса /рус.пер.Петрушевскаго.Москва,I89I / выясняетъ происхожденiе и судьбы Св.Р.Имперiи до ея уничтоженiя въ началѣ XIX вѣка. Здѣсь передъ нами проходитъ раннее средневѣковье и исторiя составныхъ частей Св.Имперiи,т.е. Германiи и Италiи, въ эпоху поздняго средневѣковья и новое время. По своему характеру работа Брайса не столько исторiя событiй, сколько исторiя идей и порожденныхъ ими учрежденiй. Это превосходный трактатъ имѣющiй цѣлью изобразить Св.Имперiю, какъ систему, результатъ своеобразныхъ вѣрованiй и традицiй средне—

вѣковья. Переработанная въ послѣднiй разъ авторомъ въ 886 г., работа и до настоящаго времени не потеряла своей свѣжести. Глава VII, излагающая теорiю средневѣковой имперiи, не имѣетъ себѣ равной во всемiрной исторической литературѣ.

На континентѣ З.Европы романтическое направленiе, вызванное общеевропейской реакцiей послѣ Великой Революцiи, какъ мы видѣли, чрезвычайно плодотворно отразилось на развитiи науки вообще, и исторической науки въ частности. Англiя не была потрясена Революцiей. Твердые устои ея политической жизни не были насильственно сметены катастрофою. Отсюда не ощущалось и потребности искусственно возобновлять связь настоящаго съ прошлымъ кропотливыми историческими изысканiями. Вотъ почему плодотворныя теченiя исторической мысли, вызванныя таковою потребностью на континентѣ Европы, долгое время оставались совершенно чуждыми Соединенному Королевству. Здѣсь развивалась своя партiйная историографiя, вызванная борьбою между виги и тори. Яркимъ образцомъ такой историографiи и является „History of England" Маколея /1849-1861/

Первый, кто примѣнилъ прiем. нѣмецкой историографiи къ разработкѣ отечественной исторiи, былъ ученикъ Ранке - Фриманъ. „History of the Norman Conquest of England"[1] /tt.I-VI. Oxf.1867-79/ и „The Reign of William Rufus"[2] /tt.I-II. Oxf.,1882/

1/ Исторiя завоеванiя Англiи норманнами.

2/ Царствованiе Вельгельма Рыжаго.

таковы главнѣйшiя работы Фримана, давшiя ему почетное мѣсто въ ряду англiйскихъ историковъ. Подобно Ранке, Фриманъ обратился къ детальной критикѣ непосредственныхъ памятниковъ средневѣковья и тѣмъ самымъ положилъ твердое начало историко-критическому методу изслѣдованiя въ Англiи. Впрочемъ, прежнее, партiйное направленiе англiйской историографiи сказалось и на Фриманѣ. По его мнѣнiю, изученiе исторiи прежде всего имѣетъ педагогическое, воспитательное значенiе. И онъ считалъ своимъ призванiемъ вѣчно клеймить деспотизмъ во всѣхъ его видахъ и прославлять принципы свободы. Первый, по его мнѣнiю, воплотили латинскiя расы, вторую - расы германскiя. Соотвѣтственно такимъ воззрѣнiямъ, онъ ищетъ начатки свободныхъ учрежденiй своего отечества не въ норманнскомъ влiянiи, а въ англо-саксонскихъ порядкахъ. Вопреки мнѣнiю Ог.Тьерри, Фриманъ утверждаетъ, что Англiя послѣ завоеванiя - это та же саксонская Англiя со всѣми ея учрежденiями. Влiянiе норманновъ продолжалось недолго. Англичане очень скоро стряхнули съ себя слѣды завоеванiя, растворили въ своей средѣ завоевателей и пошли старой, испытанной дорогою. Германизмъ Фримана доходитъ до того, что онъ готовъ видѣть въ англо-саксонскихъ учрежденiяхъ не только зачатки позднѣйшихъ англiйскихъ учрежденiй, но и самыя эти учрежденiя въ ихъ цѣломъ видѣ. Такъ, англо-саксонскiй витенагемотъ - это, по его мнѣнiю, настоящая Палата лордовъ.

Такова основная точка зрѣнiя Фримана, проводимая имъ

съ частыми отступленіями въ область политическаго резонерства. Впрочемъ, это резонерство не мѣшаетъ безпристрастію въ изложеніи. Фриманъ всегда старается видѣть въ источникахъ то, что въ нихъ есть на самомъ дѣлѣ. Его разсужденія никогда не искажаютъ смыслъ памятниковъ эпохи, и всегда легко отдѣлимы, какъ чисто личныя мнѣнія автора.

Сильное вліяніе нѣмецкой школы историковъ, въ частности, Вайца, сказалось и на другомъ англійскомъ изслѣдователѣ, авторѣ капитальной „Constitutional History of England"[1] Стэббсь/tt. I-III, fourth-sixth. ed. Oxf. 1896-1903/

Образцомъ для данной работы послужила „Deutsche Verfassungsgeschichte" Вайца. Этимъ опредѣляются и ея достоинства, и ея недостатки. Къ первымъ слѣдуетъ отнести громадное количество матеріала, всесторонне охватывающаго не только конституціонное, но и вообще все внутреннее/ экономическое, соціальное, культурное/ развитіе Англіи съ древнѣйшихъ временъ до конца XУ столѣтія. Конституціонную исторію авторъ не отрываетъ отъ общей исторіи Англіи. Развитіе конституціи у него превращается въ развитіе англійскаго общества въ его цѣломъ. Въ результатѣ получается яркая картина, рисующая состояніе средневѣковой Англіи по первоисточникамъ. Таково достоинство Констатитуціонной исторіи. Недостатокъ ея тотъ, что громадный матеріалъ не всегда съ надлежащей отчетливостью комбинированъ. Нерѣдко онъ совершенно подавляетъ читателя мелочами, заслоняя общія положенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить неясности и не договоренности въ изложеніи, которыя въ свое время мы отмѣтили и у Вайца.

Если мы будемъ разсматривать Конституціонную исторію по частямъ, то увидимъ, что онѣ имѣютъ неодинаковую цѣнность. Раннее средневѣковье автору менѣе знакомо, чѣмъ позднее. Вотъ почему въ изображеніи древне-германскихъ учрежденій онъ слишкомъ полагается на авторитеты - Вайца и Маурера. Недостаточно полно очерченъ строй англо-саксонскаго общества и недостаточно выяснены зачатки феодальнаго строя и парламентарной системы. Вообще, Стеббсъ - не мастеръ создавать оригинальныя построенія. Онъ болѣе - эрудитъ, умѣющій собрать многочисленные памятники тамъ, гдѣ они есть, и на основаніи ихъ воскресить эпоху. Вотъ почему у него превосходно выяснена реформаторская дѣятельность Генриха II и эволюція государства при Эдуардахъ. Прекрасны нѣкоторыя характеристики, напримѣръ, Іоанна Безземельнаго, Эдуарда I, Генриха У-го.

По вопросу о значеніи норманнскаго завоеванія Стеббсъ менѣе германистъ, нежели Фриманъ и даже Гнейстъ. По его мнѣнію, зародышъ свободныхъ англійскихъ учрежденій - собраніе сотенъ и графствъ. Хотя они и унаслѣдованы отъ англо-саксонской эпохи, но возрождены и реформированы стараніями королей изъ норманнской и анжуйской династій.

1/ Конституціонная исторія Англіи.

Стеббсу принадлежитъ еще превосходная хрестоматія важнѣйшихъ памятниковъ контитуціонной исторіи Англіи до конца XIII ст., съ краткимъ, но очень цѣннымъ введеніемъ. „Select charters"[1] (eighth. ed. Oxf., 1905/ изданы такъ, что онѣ одиниково цѣнны и для спеціалиста, и для неспеціалиста. „Великіе памятники древней исторіи Англіи, такъ оцѣниваетъ значеніе этой работы Фриманъ, до сихъ поръ разрозненные, впервые собраны здѣсь во едино и смыслъ ихъ истолкованъ въ послѣдовательномъ изложеніи, достойномъ непогрѣшимаго знанія и критическаго взгляда перваго ученаго нашего времени" / очеркъ разв. англ. конституціи, рус. пер. подъ ред. Ковалевскаго, Москва, 1880, стр. УI/.

Соціальныя движенія 40-хъ годовъ, внушившія демократическія тенденціи французу Мишле, создали историка - демократа и въ Англіи.

„Исторія англійскаго народа" Грина / т. I-III, рус. пер. Николаева, Москва, 1891 /, разросшаяся изъ ранѣе написанной „Краткой исторіи англійскаго народа" того же автора / рус. пер. подъ ред. Шамонина, Москва, 1897 /- превосходный трудъ, дающій сжатый, но болѣе или менѣе полный обзоръ событій и явленій внѣшней и внутренней исторіи Англіи до новѣйшаго времени. Никто съ такимъ искусствомъ не провелъ черезъ всѣ перепитіи англійской исторіи мысль о единствѣ всего народа, какъ названный

1/ Избранныя хартіи.

авторъ. Никто лучше Грина не доказалъ, что за дворцовыми интригами, смѣной правительствъ и партій всегда и неизмѣнно стояла анонимная масса, исторія которой въ сущности и является національной исторіей Англіи.

Среднимъ вѣкамъ посвященъ первый томъ этой блестящей по красочности изложенія и по отдѣланности стиля работы. Здѣсь изображается судьба англійскаго народа съ завоеванія Британіи англо-саксами / 449-577/ до войны Бѣлой и Алой Розы включительно / I422-I46I/. Главное вниманіе авторъ обращаетъ на внѣшнія политическія событія. Довольно подробно говорится и о культурныхъ отношеніяхъ. Экономическая и соціальная стороны жизни затронуты лишь мимоходомъ.

Если у Грина мы находимъ преимущественно обзоръ внѣшнихъ политическихъ событій и явленій, то французъ Бутми въ своей маленькой книжкѣ „Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи" / рус. пер. Карпова въ Общепол. Библ. для самообразованія . Москва, 1897/ даетъ то, что можно назвать философіей политической исторіи Англіи, и выясняетъ общіе принципы, опредѣлившіе характеръ политической эволюціи Королевства. Эпохѣ отъ XI по XУI ст. посвящена первая часть этой работы. Здѣсь особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ выясненіе последствій норманнскаго завоеванія и мастерской анализъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился англійскій парламентъ.

Англичане охотнѣе всего изучаютъ политическую, въ частности, конституціонную исторію своего отечества, наиболѣе для нихъ интересную. Эта сторона англійской исторіи болѣе всего привлекаетъ и иностранныхъ изслѣдователей. Что касается экономической и тѣсно связанной съ ней соціальной исторіи Англіи, то эта область жизни англійскаго народа сравнительно мало изучена. Въ данномъ случаѣ лучше дѣло обстоитъ съ исторіей аграрныхъ отношеній, надъ которой не мало поработали и наши русскіе изслѣдователи, хуже-съ исторіей отношеній торговыхъ и промышленныхъ

Первый вопросъ съ разрѣшенія котораго началось изученіе аграрной эволюціи Англіи,- это вопросъ о происхожденіи англійскаго менора. Ученая полемика, поднявшаяся при разрѣшеніи даннаго вопроса, въ сущности является отголоскомъ ученой полемики между изслѣдователями исторіи аграрныхъ отношеній на континентѣ. Одни историки, по примѣру представителей общинной теоріи на континентѣ, искали зачатокъ позднѣйшаго менора въ свободной сельской общинѣ англо-саксонскаго періода, другіе, вмѣстѣ съ Фюстель де Кулянжемъ, считали меноръ порожденіемъ помѣстья /villa / римской эпохи. Самымъ крупнымъ представителемъ послѣдняго направленія является Сибомъ /Seebohm /, авторъ „The Englisch village community“ /5 ed.,1905/, который[1] пытается доказать, что экономическая исторія англійскаго народа началась съ рабства широкихъ массъ населенія и что сельская община позднѣйшаго времени въ началѣ англійской исторіи была общиною рабовъ, подчиненныхъ господину помѣстья.

I/ Сельская община въ Англіи.

Крупнѣйшій представитель противоположнаго направленія / его можно считать господствующимъ/ проф. Виноградовъ ,который, по его собственному признанію, первый „проложилъ путь къ изслѣдованію происхожденія меноріальной системы“. Въ своихъ „Изслѣдованіяхъ по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“/С 1887/ „Villainage in England“/Oxf. 1892/ и „Growth of the Manor“, русская передѣлка котораго -„Средневѣковое помѣстье въ Англіи“, недавно появилась на страницахъ журнала Мин.Нар Пр. и отдѣльно / СПБ. 1911/, Проф. Виноградовъ выступаетъ горячимъ противникомъ Сибома, впрочемъ, признава справедливость многихъ замѣчаній послѣдняго.

Если въ жизни лангобардской Италіи[1] онъ считаетъ преобладающимъ римское вліяніе, то въ жизни Англіи, и его мнѣнію, было преобладающимъ и рѣшающимъ вліяніе германское /англо-саксонское/. Романизація коснулась Британіи лишь въ слабой степени. Земельные распорядки VI и послѣдующихъ столѣтій выражались не въ помѣстной, а въ свободной сельской общинной организаціи

I/ См. Его "Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи"/ Ж.М.Н.П., 1880 и сл./.

Свободная сельская община мало по-малу превратилась въ мэноръ, т.е. подчинилась лорду, по причинамъ политическаго характера, именно, благодаря развитію патроната и иммунитета.

Важнѣйшій памятникъ по аграрной исторіи Англіи Domesday Book детально разработанъ и изученъ Мэтландомъ /Maitland/ въ его „Domesday Book and Beyond"[1] работѣ, необходимой для всякаго, желающаго познакомиться съ ростомъ и внутреннимъ строемъ средневѣковаго мэнора. По исторіи разложенія мэноріальнаго строя, т.е. замѣны несвободнаго держанія свободнымъ, лучшій трудъ принадлежитъ профессору Петрушевскому. Это второй томъ „Возстанія Уата Тайлера"/Москва, 1901/, въ особенности, главы третья и четвертая.

„Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономической теоріей" Эшли / рус. пер. „An introduction to Englisch economic history and theory", Москва, 1897/ является единственною попыткою охватить экономическую исторію Англіи на протяженіи пяти столѣтій, съ XI по XYI. Сельская и городская жизнь Англіи здѣсь изучается параллельно. Но если первая / происхожденіе, внутренній строй и разложеніе мэнора / выступаетъ у Эшли довольно отчетливо, то вторая изображена крайне неполно и смутно.

1/ Книга Страшнаго Суда и далѣе. Такое заглавіе работа получила потому, что она написана ретроспективнымъ методомъ т.е. путемъ заключеній отъ явленій болѣе поздней эпохи къ явленіямъ эпохи болѣе ранней.

Такъ, вопросы о происхожденіи городовъ и о муниципальномъ устройствѣ послѣднихъ затронуты лишь мимоходомъ. Причина подобныхъ пробѣловъ - скудость спеціальныхъ монографій по исторіи городской жизни королевства. Дополненіемъ къ работѣ Эшли могутъ служить Gild Merchant/1890/ Гросса /Gross/, введеніе къ „Arbeitengilden der Gegenwart" /1871/ Брентано /Brentano/ и „Englands wirthschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters"/1879/ Охенковскаго /Ochenkowski/.

Громоздкая работа Кеннингема „Ростъ англійской промышленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка" / рус. пер. Теплова, Москва. 1904 / пытается изобразить исторію торгово-промышленныхъ отношеній Англіи съ древнѣйшихъ временъ до XYI столѣтія. Отрывочность и своеобразная система изложенія дѣлаютъ книгу мало пригодной для изученія экономическаго строя средневѣковой Англіи. Впрочемъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ обширный документальный матеріалъ, приводимый авторомъ какъ при самомъ изложеніи, такъ и въ концѣ работы, въ видѣ особаго приложенія / стр. 487-545 /.

Важнѣйшимъ дополненіемъ къ вышеупомянутымъ работамъ по экономической исторіи Англіи является „Исторія труда и заработной платы въ Англіи" Роджерса /рус. пер. „Six centuries of work and wages", СПБ., 1899 /. Это исторія рабочаго вопроса съ XIII по XIX стол. включительно сжато, но чрезвычайно ярко и живо написанная. Базисомъ для этой работы послужила другая, болѣе ранняя работа то-

го же автора „History of agriculture and prices from 1250 to 1793“/тт. I-VI, 1866-1888, довед. до 1701 года/, явившаяся, какъ извѣстно, образцомъ для „Histoire économique de la France“ Авенеля и имѣющая для исторіи Англіи такое же значеніе , какое эта послѣдняя имѣетъ для исторіи Франціи. И тамъ и здѣсь собрано огромное количество документальнаго матеріала, годъ за годомъ рисующаго состояніе цѣнъ на продукты и человѣческій трудъ на протяженіи столѣтій.

Хорошій очеркъ развитія З.Европейской исторіографіи съ эпохи гуманизма до новѣйшаго времени даетъ недавно вышедшая работа Fueter'a. Geschichte der Neueren Historiographie. München und Berlin, 1911.

III. ОБЗОРЪ СОСТОЯНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ЭПОХИ УПАДКА.

I Какъ бы мы не относились къ воззрѣніямъ романистовъ, намъ нельзя не согласиться съ тѣмъ основнымъ положеніемъ этой школы, что зачатки средневѣковаго строя слѣдуетъ искать въ обществѣ Р.Имперіи. Средневѣковая жизнь - это прямое продолженіе жизни древняго міра, нѣсколько осложненной германскимъ нашествіемъ съ одной стороны и подвергшейся извѣстнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ времени и мѣста съ другой. Вотъ почему изученіе среднихъ вѣковъ мы начнемъ съ краткаго обзора политическаго, экономическаго и соціальнаго строя римскаго общества эпохи Имперіи. Начнемъ съ отношеній политическихъ.

Чрезвычайно сложный и томительный процессъ превращеніе римской республики въ имперію былъ вызванъ настоятельными потребностями времени. Узкія политическія формы города-государства стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами великой державы, раскинувшейся по обоимъ побережьямъ Средиземнаго моря. Взглядъ на обширныя провинціи Запада и Востока, какъ на простую „добычу“ римскаго народа, велъ къ безсовѣстной эксплуатаціи провинціальнаго населенія, самымъ пагубнымъ образомъ отражаясь на его благосостояніи. Да и въ средѣ самаго римскаго народа, т.е римскаго гражданства къ концу республиканскаго періода

произошли важныя измѣненія, отдавшія фактическую власть государства небольшой группѣ людей сенаторскаго и всадническаго сословій. Правда, народъ попрежнему собирался по комиціямъ, попрежнему онъ выбиралъ своихъ стариныхъ магистратовъ, но всѣ эти собранія и магистраты сдѣлались простыми игрушками въ рукахъ могущественной олигархіи. Римскій крестьянинъ, экономическое положеніе котораго страшно упало въ связи съ ростомъ крупнаго землевладѣнія, не имѣлъ уже возможности являться въ Римъ для отправленія своихъ политическихъ обязанностей. Городъ наполнился тысячами ничего не дѣлающаго пролетаріата, легко склоннаго къ подкупамъ и способнаго провести какія угодно постановленія на выгоду знати. Являясь господами положенія у себя дома, всадники и сенаторы безконтрольно распоряжались и въ отдаленныхъ провинціяхъ. Проконсулы и пропреторы, надѣленные неограниченной властью и не получавшіе за отправленіе своихъ обязанностей опредѣленнаго жалованія, безнаказанно грабили богатое населеніе провинціи, думая лишь о собственной выгодѣ. Съ ними успѣшно конкурировали въ этомъ дѣлѣ богатые капиталисты всадническаго сословія, объединенные въ такъ называемыя компаніи публикановъ, бравшія на откупъ важнѣйшіе государственные доходы и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практиковавшія ростовщичество. Обиженному провинціалу буквально негдѣ было искать заступничества и защиты, такъ какъ въ судахъ сидѣли все тѣ же

хищники всадники, облеченные этою властью въ силу т.н. lex judiciaria, проведеннаго братьями Гракхами. При такихъ обстоятельствахъ создавалось ненормальное, антиобщественное и антигосударственное положеніе. Правящій классъ сравнительно небольшого города государства, ничего не производящаго и ничего не дѣлающаго, выкачивалъ всѣ жизненные соки изъ здороваго организма провинцій, угрожая имъ полнымъ разореніемъ и разстройствомъ. Выходомъ изъ этого ненормальнаго положенія и явилась замѣна республики монархіей, ставшей за демократію противъ олигархіи и перв[illegible]ально утвердившейся въ формѣ принципата. Съ формальной стороны введеніе принципата не являлось такимъ актомъ, который въ корнѣ подрывалъ бы политическую структуру государства. Принцепсъ императоръ долгое время умѣлъ искусно прикрываться идеей всемогущаго и всеобъемлющаго государства, которое стоитъ неизмѣримо выше его и которое надѣляетъ его своею неограниченной властью- т.н. imperium. Надо замѣтить, что всемогущество государства, бравшаго подъ свою опеку буквально всѣ стороны жизни римскаго гражданина, искони являлось основнымъ принципомъ римскаго общественнаго права. Въ эпоху республики высшая власть государства передавалась въ руки нѣсколькихъ выборныхъ представителей - консуловъ, трибуновъ, цензоровъ, квесторовъ, эдиловъ, проконсуловъ и т.д. Разъ будучи делегирована, эта власть становилась неограниченной -imperium/омъ. Это значитъ, что

каждый магистратъ въ своей области пользовался всею полнотою власти, буквально никому не подчиняясь и ни отъ кого не завися. Установленіе принципата сводилось къ тому, что власть отдѣльныхъ магистратовъ была со-средоточена въ рукахъ единаго принцепса. Разрозненные элементы монархической власти, наличность которыхъ въ республиканской конституціи Рима еще за 100 лѣтъ тому назадъ была отмѣчена историкомъ Полибіемъ, теперь искусно сливаются въ одномъ фокусѣ и порождаютъ Имперію. Принципъ общественнаго права, такимъ образомъ, не былъ нарущенъ введеніемъ новой формы правленія. Принцепсъ императоръ царствовалъ не въ силу личнаго или наслѣдственнаго права, а въ силу передачи ему власти нѣсколькихъ магистратовъ представителемъ государства - сенатомъ. Актъ делегаціи - такъ назыв. lex regia curiata de imperio не былъ простою фикціей. Онъ имѣлъ жизненное значеніе, коренясь въ прошломъ римской республики, и производился при вступленіи на престолъ каждаго новаго императора. Словомъ, римскій принцепсъ юридически, а первое время и фактически не былъ неограниченнымъ абсолютистомъ въ духѣ восточнаго деспота, и любилъ именовать себя только первымъ лицомъ своего обширнаго государства.

Посмотримъ теперь, изъ какихъ элементовъ складывалась власть римскаго принцепса. Какъ носитель военнаго imperium'a, онъ начальствуетъ надъ арміей, производитъ военные наборы и имѣетъ право объявленія войны и заключенія мира. Какъ наслѣдникъ трибунской власти, онъ

обладаетъ законодательной иниціативой, можетъ налагать veto на всякіе законопроэкты, опубликованные другимъ магистратомъ или сенатомъ, издаетъ эдикты, имѣющіе наравнѣ съ leges, силу закона, наконецъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользуется правомъ заступничества. Обладая неограниченною властью проконсула, онъ безконтрольно управляетъ пограничными провинціями при помощи своихъ легатовъ, собираетъ налоги, предназначенные для имперскаго фиска, да и въ сенаторскихъ провинціяхъ фактически распоряжается правительственными магистратами по собственному усмотрѣнію. Располагая властью цензора, онъ смотритъ за нравственностью гражданъ, составляетъ списки сенаторовъ и всадниковъ и раздаетъ по своему усмотрѣнію права римскаго гражданина. Какъ верховный жрецъ государства /pontifex maximus/, онъ завѣдуетъ религіей и культомъ; наконецъ, подобно всякому магистрату, надѣленному неограниченнымъ правомъ imperium'a, онъ является высшимъ и безапелляціоннымъ судьею по всему государству.

Принцепсъ не стремится разрушить старыя республиканскія формы. Считая себя лишь первымъ магистратомъ республики, Августъ не упраздняетъ даже народныхъ комицій. И лишь по смерти Августа комиціи постепенно сходятъ со сцены, и ихъ функціи переходятъ къ сенату. Сенатъ играетъ большую роль въ дѣлѣ управленія государствомъ. Ему подчиненъ цѣлый рядъ внутреннихъ провинцій, онъ завѣдуетъ казною республики - т.н. aerarium,

отличною отъ казны императора - *fiscus'a*, издаетъ совмѣстно съ принцепсомъ *leges* - законы, наконецъ, обладаетъ важнымъ правомъ изданія спеціальнаго *lex regia curiata de imperio.* Однако было бы ошибочно думать, что принципатъ принесъ съ собою двоевластіе - діархію: Сенатъ не имѣлъ возможности конкурировать съ принцепсомъ, опиравшимся на военную мощь многочисленной арміи. Мало по малу онъ утерялъ всякое реальное значеніе, окончательно стушевавшись передъ обаятельной личностью императора, окруженнаго ореоломъ святости и неземного величія.

Не разрушая коренныхъ основъ стараго республиканскаго строя, принципатъ приноситъ съ собою чрезвычайно важныя измѣненія въ административномъ строѣ римской державы. Онъ властно уничтожаетъ политическій произволъ земельной и денежной олигархіи. Стремясь стать выше узкихъ интересовъ отдѣльныхъ сословій, императоры стараются слить пестрыя части громадной державы въ одинъ могучій организмъ и дать справедливое удовлетвореніе законнымъ потребностямъ своихъ многочисленныхъ подчиненныхъ. Прежде всего реформы должны были коснуться провинціальнаго управленія. Система провинціальной администраціи, унаслѣдованная имперіей отъ республики, отличалась крайне несложнымъ характеромъ. Оставляя покореннымъ областямъ широкое самоуправленіе, римскій народъ посылалъ туда своего представителя - проконсула или пропретора, окруженнаго цѣлымъ штатомъ помощниковъ. Соредоточивая въ своихъ рукахъ всю полноту власти - законодательной, судебной, финансовой и административной, намѣстникъ римскаго народа являлся безконтрольнымъ вершителемъ судьбы провинціальнаго населенія. Въ результатѣ масса вопіющихъ злоупотребленій и беззастѣнчиваго хищничества магистратовъ, дѣйствовавшихъ за одно съ публиканами. Съ установленіемъ принципата не только императорскія, но и сенатскія провинціи становятся подъ непосредственный контроль носителя новой власти, который посылаетъ своимъ намѣстникамъ очень подробныя инструкціи. Намѣстники получаютъ опредѣленное жалованье. Откупная система уничтожается и сборъ правительственныхъ податей поручается особымъ финансовымъ чиновникамъ - т.н. прокураторамъ. Прокураторы дѣйствуютъ рядомъ съ намѣстниками и являются отъ нихъ независимыми. Вообще, центральное правительство всячески стремится ослабить силу и власть намѣстниковъ провинцій. Именно съ этою цѣлью провинціи со временемъ /Діоклетіанъ/ дробятся на болѣе мелкія административныя единицы, и создается цѣлый рядъ новыхъ административныхъ должностей зерно всеобъемлющей и всепоглощающей бюрократіи.

Реформируя провинціальное управленіе, императоры постепенно создаютъ и органы центральной администраціи, которыхъ не знала республика. Всѣ нити управленія громадной державы сходятся въ императорскомъ *palatium*'ѣ, раздѣленномъ на 5 бюро, похожихъ на современныя министерства. Каждое бюро вѣдаетъ извѣстную

отрасль управленія по всему государству, и состоитъ подъ наблюденіемъ особаго должностного лица, которое носитъ названіе princeps'a или magister officii.

Внести стройный порядокъ въ хаотическую систему римской администраціи и разрушивши узкія формы города государства, имперія является настоящимъ благодѣяніемъ для провинцій, способствуя ихъ экономическому и культурному преуспѣянію. Первые два вѣка существованія имперіи - это лучшая пора въ жизни римской державы, когда она достигаетъ своего высшаго расцвѣта и могущества. Выступивши въ качествѣ охранительницы т. н. „римскаго мира", императорская власть становится чрезвычайно популярною среди населенія. Въ глазахъ населенія императоръ является могучимъ блюстителемъ порядка, единственнымъ защитникомъ отъ посягательотва магистратовъ. Вотъ почему привязанность къ императору становится культомъ. Въ его честь воздвигаютъ многочисленные алтари и храмы. Его считаютъ лучезарнымъ божествомъ, которому приносятся обильныя жертвы. Дѣло объединенія Имперіи завершается эдиктомъ Каракаллы отъ 212 г., когда все населеніе римской державы сливается въ общей массѣ равноправныхъ римскихъ гражданъ - cives romani.

Широкій политическій порядокъ, утвердившійся въ первые два вѣка Имперіи, и давшій мирное и безмятежное существованіе многомилліонному населенію римскаго государства - монархіи, былъ въ корнѣ подорванъ не-

прерывными смутами и анархіей III вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ было разстроено и экономическое благосостояніе государства, а въ результатѣ обнищаніе широкихъ народныхъ массъ, поворотъ къ натуральному хозяйству и полное истощеніе государственнаго казначейства. Трудная задача урегулировать внутреннюю жизнь Имперіи, расшатанную цѣлымъ вѣкомъ анархіи, выпала на долю Діоклетіана. Грандіозная политическая реформа, предпринятая императоромъ Діоклетіаномъ, превратила демократическую имперію въ бюрократическую монархію восточнаго типа и лишь на короткое время задержала естественное разложеніе громаднаго государства, которое расползалось по всѣмъ швамъ подъ напорами варварскихъ полчищъ. Созданная Діоклетіаномъ тетрархія, имѣвшая своею цѣлью предотвратить произвольное избраніе императора арміей, была уничтожена Константиномъ, но принципъ центализаціи и бюрократизаціи управленія получилъ при этомъ государѣ свое окончательное завершеніе. Во главѣ управленія сталъ окруженный блестящею свитою полубогъ - императоръ, какъ единственный и непогрѣшимый источникъ власти законодательной, судебной и административной. Имперія раздробилась на 4 префектуры - восточную, иллирійскую, италійскую и галльскую, во главѣ которыхъ стали намѣстники префекты. Префектуры дѣлились на діоцезы, во главѣ съ викаріями, діоцезы на провинціи, во главѣ съ ректорами; наконецъ, провинціи подраздѣлялись на общинные округа civitates, которыми управлялись Judices-судьи. Всѣ эти чи-

ны находились въ стройномъ іерархическомъ подчиненіи другъ другу, со строгимъ соблюденіемъ вновь выработанной табели о рангахъ. Цѣлость умирающаго естественной смертью организма можно было поддерживать лишь мѣрами принужденія. Отсюда громадная армія чиновниковъ бюрократовъ, кормившаяся послѣдними остатками жизненныхъ силъ этого мертвѣющаго организма. Призванная охранять цѣлость имперіи, она убила ее окончательно. Содержаніе многочисленнаго чиновенства тяжелымъ бременемъ ложилось на народное хозяйство. Налоги непомѣрно росли, разоряя и безъ того уже обнищавшее населеніе. И всетаки бюрократическая армія часто оказывалась не въ состояніи удовлетворять широкимъ потребностямъ государственной жизни. Особенно много хлопотъ доставляла правительству сложная, въ высшей степени запутанная и безпорядочная финансовая техника государства. Со времени Діоклетіана налоги латились не только деньгами, которыхъ съ поворотомъ къ натуральному хозяйству стало не много, но и натуральными приношеніями. Мало того, существовали даже личныя повинности, личныя службы, необходимыя для поддержанія общественныхъ построекъ, путей сообщенія, почтъ и т.п. Правительству было въ высшей степени трудно услѣдить за правильнымъ поступленіемъ государственныхъ доходовъ и пресѣчь многочисленныя уклоненія отъ исполненія общественныхъ повинностей. При общей неподвижности и безпечности широкихъ массъ на-

селенія чиновничество часто оказывалось совершенно безсильнымъ передъ выполненіемъ своей трудной задачи. При такихъ обстоятельствахъ государство рѣшается привлечь къ себѣ на помощь мѣстное самоуправленіе, втянуть такимъ образомъ и его въ сложную машину бюрократической іерархіи. Надо замѣтить, что до сихъ поръ вся политическая организація Р. Имперіи въ сущности представляла изъ себя колоссальную надстройку надъ необозримымъ количествомъ самоуправляющихся городскихъ общинъ - т.н. civitates. Эти городскія общины жили самостоятельной жизнью и управлялись собственными, издревлесложившимися обычаями. Администрація civitates не переплеталась съ имперской провинціальной администраціей, а жила обособленной отъ нея, замкнутой жизнью. Необходимо замѣтить, что понятіе civitas - городской общины или муниципія охватывала собою территорію не одного только города, а всей прилегающей къ городу территоріи, т.е. цѣлаго округа, причемъ главными дѣятелями въ жизни муниципія являлись землевладѣльцы даннаго округа-т.н. posessores. Внутреннее устройство городскихъ общинъ не являлось вездѣ одинаковымъ. Впрочемъ, въ каждой изъ нихъ дѣйствовали одни и тѣ же выборные магистраты, одинъ и тотъ же сенатъ, одно и то же народное собраніе. Народъ иногда раздѣлявшійся по трибамъ и куріямъ, точно такъ же, какъ и въ Римѣ, собирался по комиціямъ и ежегодно выбиралъ своихъ представителей. Высшими магистратами являлись дуумвиры, отправлявшіе судебныя, административныя и военны.

функціи. Черезъ каждые пять лѣтъ они получали почетный титулъ дуумвировъ - квинквеналовъ и отправляли обязанности римскаго цензора. Ниже дуумвировъ стояли два эдила, наблюдавшіе за исправнымъ состояніемъ путей сообщенія и завѣдывавшіе рынками, празднествами и культомъ. Наконецъ, финансовыя функціи городскихъ общинъ сосредоточивались въ рукахъ нѣсколькихъ квесторовъ. Всѣ эти должности были почетныя, связанныя съ извѣтнаго рода расходами.

По всѣмъ сколько нибудь серьезнымъ вопросамъ, выходившимъ изъ круга повседневныхъ дѣлъ, магистраты должны были совѣтоваться съ членами муниципальнаго сената или куріи. Въ составъ куріи входили отслужившіе свой срокъ магистраты, т.н. декуріоны. Это центральный органъ мѣстнаго самоуправленія. Съ теченіемъ времени изъ среды куріи выдѣляется наиболѣе вліятельная группа лицъ въ видѣ непрерывно засѣдающей комиссіи т.н. decemprimi. Комиссія эта является постояннымъ совѣтомъ при магистратахъ и мало по малу окончательно стушевываетъ значеніе сената, который собирается лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Городская община -civitas дѣлилась на болѣе мелкія административныя единицы такъ называемыя pagi и vici. Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ эти мелкія общественныя единицы были подчинены главному муниципію. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что они выбирали своихъ представителей-magistri, издавали обязательныя постановленія,

избирали жрецовъ и имѣли свои общинныя земли.

Реформа Діоклетіана, перестроившая управленіе Р.Имперіи на началась. широкой бюрократизаціи, внесла измѣненія и въ организацію муниципій, нанести имъ непоправимый ударъ отъ котораго они никогда не оправились. Увеличивши служебный персоналъ въ провинціяхъ, Діоклетіанъ подчинилъ муниципальныхъ магистратовъ губернатору, сдѣлавши ихъ послушными исполнителями воли послѣдняго. Еще ранѣе было сдѣлано покушеніе на самостоятельность муниципій, съ учрежденіемъ должности правительственнаго контролера городскихъ финансовъ - куратора. Теперь же автономія муниципій превращается въ простую фикцію. Произволъ царилъ въ городахъ безконтрольно, и народныя массы были отданы въ жертву чиновникамъ-бюрократамъ. Установленіе должности дефензора, который долженъ былъ защищать населеніе civitates отъ произвола правительственныхъ чиновниковъ, не внесло сколько нибудь замѣтнаго улучшенія. Дефензоръ самъ представлялъ изъ себя чиновника - бюрократа, взявшаго подъ свою бдительную опеку внутреннюю жизнь муниципія. Положеніе осталось тѣмъ же самымъ; перемѣнились только начальники. Когда то широкія вольности муниципій теперь повсемѣстно приходили въ упадокъ. Правда, выборныя должностныя лица существовали попрежнему. Но они не имѣли никакого жизненнаго значенія, никакой самостоятельной инціативы, пассивно подчиняясь указаніямъ свыше. Безпомощное правительство дѣлаетъ куріаловъ проводниками своихъ плановъ, возлагая на нихъ отвѣтственность за правильное поступленіе податей

и постановку рекрутовъ для арміи. Тяготясь своимъ двусмысленнымъ положеніемъ, куріалы начинаютъ систематически уклоняться отъ исполненія навязанныхъ имъ свыше обязанностей. Однако правительство не можетъ обойтись безъ содѣйствія выборныхъ представителей, и дѣлаетъ ихъ должность наслѣдственной. Это одно изъ проявленій прикрѣпленія всѣхъ слоевъ общества государствомъ по принципу origo. Ремесленники прикрѣпляются къ коллегіямъ, чиновники къ своимъ должностямъ, солдаты къ арміи, а крестьяне къ землѣ, которую они обрабатываютъ. Разъ кто родился въ извѣстномъ званіи, онъ долженъ умереть въ немъ-выхода не существуетъ. Создается странное, ненормальное положеніе. Личная свобода лишь пустой звукъ. Фактически всѣ - рабы государства дряхлаго, умирающаго, но неумолимаго и жестокаго въ своей погибели.

Среди всеобщаго хаоса и разложенія политическаго организма разлагаются и общественныя организаціи. Полное равнодушіе населенія къ политическимъ вопросамъ - вотъ чѣмъ характеризуется состояніе Имперіи къ концу IУ вѣка. Каждый дѣйствуетъ не по своей личной инициативѣ, а въ силу грубаго принужденія со стороны государства. Само собою разумѣется, что цѣлость Имперіи не могла долго поддерживаться такими исключительными мѣрами. Въ 394 году міровая держава раскалывается на двѣ половины - Западную и Восточную. Съ этихъ поръ болѣе здоровая Восточная половина живетъ своею самостоятельной жизнью, а Западная быстро движется по пути расчлененія. Имперія представляетъ изъ себя больное тѣло, искуственно составленное изъ множества мелкихъ ячеекъ, изъ которыхъ каждая тяготится правительственною опекою и стремится къ самобытному существованію. Этими мелкими ячейками являются большія помѣстья, ранѣе называвшіяся латифундіями. При поворотѣ къ натуральному хозяйству, организмъ большого помѣстья дѣлается единственно здоровымъ организмомъ умирающаго государства. Фискальная политика правительства, окончательно подорвавшая и безъ того уже расшатанную смутами широкую народно-хозяйственную жизнь государства, круто повернула ее къ давно пройденной формѣ ойкоснаго хозяйства, давши торжество латифундію. Однако этотъ процессъ не есть процессъ окончательной смерти, окончательнаго уничтоженія. Человѣческое общество никогда не умираетъ и не пропадаетъ безслѣдно, даже при самыхъ плачевныхъ обстоятельствахъ. Заключенная въ немъ энергія лишь измѣняетъ формы своего проявленія. Отливая отъ однѣхъ общественныхъ и политическихъ формъ, она съ тѣмъ большею силою приливаетъ къ другимъ формамъ, дѣлая ихъ носителями новой жизни, зерномъ дальнѣйшаго процесса вѣчно живой исторической эволюціи. Такъ обстояло дѣло и съ Р.Имперіей. Если деспотическое правительство убило всякій живой духъ въ городскихъ общественныхъ организаціяхъ - коллегіяхъ куріаловъ и ремесленниковъ, то оно само нашло свою могилу въ маленькомъ организмѣ помѣстья.

И надо сказать, что правительство само же и вырыло для себя эту могилу. Снабдивши земельнаго магната рядомъ правительственныхъ функцій, превративши землевладѣльца въ своего служилаго человѣка, отдавши подъ его власть обширное населеніе помѣстья, оно выдвинуло противъ себя могучаго и властнаго соперника - настоящаго владѣтельнаго князя. Всякій, кто только можетъ ускользнуть изъ подъ непосредственной опеки правительства, ищетъ убѣжища въ помѣстьѣ. Государство гибнетъ и разрушается , а помѣстье цвѣтетъ и развивается, скопляя въ своихъ нѣдрахъ все новыя и новыя жизненныя силы. Земельный магнатъ - этотъ прототипъ позднѣйшаго феодала - превращается въ настоящаго государя, который совершенно игнорируетъ интересы и требованія центральной власти, стараясь сдѣлаться самостоятельнымъ и независимымъ. И если политическая организація Имперіи въ скоромъ времени падаетъ подъ ударами варваровъ, то большому помѣстью открываются широкія переспективы и великая будущность. Оно переходитъ нерушимымъ въ слѣдующій періодъ жизни человѣческихъ обществъ и дѣлается чуть ли не единственнымъ базисомъ не только экономической и соціальной, но и политической жизни средневѣковаго общества. Оно носитъ въ себѣ явныя зародыши феодальной системы, которыя пышно расцвѣтутъ въ эпоху ранняго средневѣковья и создадутъ новое общество и новое государство. Но параллельно будетъ жить и идея единаго міровогo государства, причудливое по-

рожденіе которой - Св.Р.Имперія. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться съ возникновеніемъ, постепеннымъ ростомъ и внутренней организаціей большого помѣстья - этого багатѣйшаго наслѣдія Римскаго міра. Что завѣщала умирающая Имперія среднимъ вѣкамъ въ области экономическихъ и соціальныхъ отношеній - вотъ тотъ вопросъ разрѣшеніемъ котораго мы и займемся въ дальнѣйшемъ изложеніи

2. Экономическая эволюція Римской державы въ сущности сводится къ постепенному росту крупной земельной собственности въ ущербъ мелкой. Въ исторіи длительнаго процесса формаціи большихъ латифундій удобнѣе всего различать три послѣдовательныхъ момента I- моментъ обнимаетъ собою послѣдніе два вѣка существованія республики, 2-й - первые два вѣка Имперіи, и наконецъ, 3-й - эпоху разложенія и паденія римскаго государства.

Величіе и могущество римской державы, какъ страны земледѣльческой по преимуществу, покоилось на хозяйственно обезпеченной крестьянской массѣ, которая давала многочисленныхъ и выносливыхъ солдатъ для отечественной арміи. Правда, еще въ эпоху царей въ Римѣ существовали крупныя помѣстья, но они были очень не многочисленны и терялись незамѣтно въ общей массѣ крестьянскихъ участковъ. Положеніе измѣняется съ тѣхъ поръ, какъ римскія завоеванія шагаютъ за предѣлы Италіи. Конкурренція дешеваго хлѣба Сицилійскихъ и Афри-

канскихъ провинцій самымъ губительнымъ образомъ отражается на благосостояніи крестьянской массы, вдобавокъ разоряемой войнами. Само правительство, заботившееся о массовомъ ввозѣ иностраннаго хлѣба въ Италію и дешевой распродажѣ его пролетаріату, губитъ Италійское хлѣбное производство. Множество крестьянъ разоряется и стягивается въ города , а ихъ поля или остаются необработанными, или же обращаются подъ виноградники, масличныя плантаціи и пастбища. Сами крестьяне, за недостаткомъ средствъ, не имѣютъ возможности переходить къ болѣе интенсивнымъ формамъ земледѣльческой культуры. За это дѣло берутся крупные предприниматели - капиталисты, обогатившіеся путемъ денежныхъ спекуляцій въ провинціяхъ. Надо замѣтить, что капиталъ, хлынувшій изъ провинцій въ Италію, не былъ капиталомъ производительнымъ. Капитализмъ республиканской эпохи - капитализмъ безплодный и губительный, основанный на одностороннемъ поглощеніи центромъ продуктовъ окраинъ. Онъ возникъ по причинамъ не экономическаго, а политическаго свойства, какъ результатъ широкихъ завоеваній. Откупныя операціи кампаній публикановъ и ростовщическія операціи всадниковъ, сумѣвшихъ привлечь къ себѣ на помощь и мелкія сбереженія, выкачивали изъ провинцій всѣ жизненные соки, ничего имъ взамѣнъ не давая. Убивая хозяйственную жизнь провинцій, римскій капиталъ и у себя дома не развивалъ производительныхъ силъ общества, не поднимая и не насаждая новыхъ отраслей промышленной дѣятельности. Даже римская торговля, получившая довольно широкое развитіе къ концу республиканскаго періода, простая спекуляція. Ввозъ предназначенъ исключительно для надобностей правительства и аристократіи. Страна ничѣмъ не отвѣчаетъ на этотъ ввозъ; она его ничѣмъ не покрываетъ, такъ какъ ничего не производитъ. Его покрываютъ все тѣ же провинціи, откуда черезъ откупщиковъ, ростовщиковъ и республиканскихъ намѣстниковъ наплываютъ все новые и новые капиталы. По картинному выраженію Момзена, римскій капитализмъ данной эпохи - это своего рода Вавилонская башня, т.е. наскоро воздвигнутая постройка, неимѣющая подъ собой твердой опоры.

Въ результатѣ такихъ ненормальныхъ отношеній между городомъ государствомъ и провинціями получается странная комбинація капитализма и натуральнаго хозяйства въ самой Италіи. Скопивши громадныя денежныя средства въ провинціяхъ, капиталисты всадники обращаютъ ихъ на покупку и устройство разоренныхъ крестьянскихъ участковъ, причемъ доходы съ этихъ участковъ не идутъ далѣе полуострова. А многія помѣстья и вовсе обращаются подъ загородныя, роскошно обставленныя виллы, буквально ничего не дающія. Напрасно правительство пытается поддержать падающее крестьянское хозяйство. Раздача земли ветеранамъ диктаторами создаетъ массу неумѣлыхъ, отвыкшихъ отъ хлѣбопашества собственниковъ, владѣнія которыхъ очень быстро попадаютъ въ руки дѣльцовъ - капиталистовъ. Физіономія

этихъ дѣльцовъ ярко обрисована въ стихотвореніяхъ Горація. Напримѣръ, мы видимъ здѣсь жаднаго ростовщика Фуфидія, который, подобно неутомимому пауку, опутываетъ мелкихъ землевладѣльцевъ ссудами изъ 60%, а потомъ отбираетъ за долги ихъ участки. Еще интереснѣе судьба нѣкоего Помпонія Аттика - пріятеля Цицерона. Дѣятельность этого спекулятора является яркимъ примѣромъ того, какимъ путемъ собирались капиталы даннаго времени и на какія нужды они употреблялись. Помпоній Аттикъ - одинъ изъ тѣхъ беззастѣнчивыхъ всадниковъ, которые разоряли провинціи откупомъ. Впрочемъ, откупъ не главное занятіе Аттика. Онъ прежде всего ростовщикъ, отдающій деньги въ ростъ частнымъ лицамъ и муниципіямъ и взимающій за это огромные проценты. Но и этимъ не довольствуется Аттикъ. Онъ берется за управленіе дѣлами богатыхъ сенаторовъ и всадниковъ, обкрадывая и обманывая ихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ Аттика въ качествѣ начальника школы гладіаторовъ. Поставка живого товара жадному до кровавыхъ зрѣлищъ римскому обществу - новый источникъ доходовъ для неутомимаго Аттика. Наконецъ, Аттикъ - книгоиздатель. Онъ набираетъ многочисленныя кадры писцовъ и заставляетъ ихъ переписывать наиболѣе ходкія въ то время литературныя произведенія для продажи. Въ то же время онъ всячески подлаживается къ бездѣтнымъ, но богатымъ старикамъ и старухамъ, занимаясь „ловлей наслѣдствъ", и заканчиваетъ свою карьеру выгодною же-

нитьбою. Всѣ эти предпріятія даютъ въ руки Аттика огромныя деньги. Стараясь помѣстить ихъ съ наибольшею для себя выгодою, онъ накупаетъ массу помѣстій не только въ Италіи, но и въ провинціяхъ. Теперь Аттикъ становится большимъ человѣкомъ въ Римѣ, и, окруженный цѣлою толпою кліентовъ, играетъ видную роль въ народномъ собраніи. Каждый старается угодить бывшему прощалыгѣ, который, наконецъ, скидываетъ съ себя маску лести и пресмыкательства.

Вотъ какимъ путемъ шла пролетаризація крестьянской массы и скопленіе земельныхъ участковъ въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ. Случалось и такъ, что могущественный сосѣдъ силою изгонялъ крестьянъ съ ихъ насиженныхъ участковъ, будучи твердо увѣренъ, что судьи его оправдаютъ. Создавшіяся такимъ образомъ большія помѣстья обрабатывались при помощи рабскаго труда, и, несмотря на переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ земледѣльческой культуры, въ сущности являлись самодовлѣющими ойкосами, очень мало производящими на сторону. Впрочемъ, не нужно думать, что крестьянскія хозяйства исчезли совершенно. Мелкіе земельные участки существовали еще въ довольно большомъ количествѣ, но ихъ собственники влачили жалкое, крайне необезпеченное существованіе. Съ другой стороны, большія помѣстья обрабатывались не исключительно рабами. Плантаціонное рабское хозяйство нерѣдко соединялось съ мелкимъ фермерствомъ, съ мелкой арен

дою. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ небольшомъ помѣстьѣ Горація, наравнѣ съ рабами, воздѣлывавшими господскую землю, жили такъ называем. boni patres, т. е. мелкіе арендаторы, которые выплачивали поэту ежегодные оброки. Съ другой стороны, въ помѣстьяхъ иногда встрѣчаются и вольнонаемные рабочіе, упоминаніе о которыхъ мы находимъ, напримѣръ, у Катона. Но въ общемъ крупное землевладѣніе и плантаціонное хозяйство преобладали и грозили окончательно поглотить мелкую собственность. „Въ концѣ республиканскаго періода, говоритъ Фюстель де Кулянжъ, Римъ представлялъ изъ себя ассоціацію нѣсколькихъ сотъ семействъ очень богатыхъ и очен могущественныхъ; богатыхъ въ особенности благодаря захвату огромнаго домена государства, могущественныхъ, главнымъ образомъ, благодаря тысячамъ подданныхъ, которыхъ каждое изъ нихъ имѣло на своихъ земляхъ".

Мы уже знаемъ, что узкія политическія формы города государства, стоявшія въ рѣзкомъ противорѣчіи съ насущными интересами многомилліонной державы, были разрушены введеніемъ принципата. Ставши за демократію, имперія въ корнѣ подорвала политическое могущество олигархіи. Съ уничтоженіемъ дѣятельности публикановъ и хищничества намѣстниковъ, съ утвержденіемъ всего того, что принято называть терминомъ pax romana, наступаетъ новый періодъ экономической жизни Имперіи, именуемый нѣкоторыми историками на-

родно - хозяйственнымъ въ Бюхеровскомъ смыслѣ. Широкое развитіе торговыхъ сношеній и цвѣтущая хозяйственная жизнь провинціи-таковы осязательные результаты введенія „Римскаго мира". Однако хозяйственные процессы, которые начались еще въ республиканскую эпоху, продолжали дѣйствовать попрежнему и въ эпоху имперіи. Хотя императоры и заботились о выводѣ колоній и о развитіи дешеваго кредита, однако они не могли остановить быстраго роста крупной земельной собственности. Они лишь произвели въ этомъ процессѣ нѣкоторыя мало существенныя измѣненія и осложненія. Путемъ конфискаціи въ рукахъ императора соредоточивается масса земель, растутъ императорскія помѣстья т.н. сальтусы, распорядки которыхъ во многомъ отличаются отъ распорядковъ частно-владѣльческихъ помѣстій такъ называлатифундій. Впрочемъ сальтусами называются и нѣкоторыя частно-владѣльческія помѣстья, именно, помѣстья римскихъ сенаторовъ. Сальтусы - это по большей части пустопорожнія или очень мало населенныя пространства, культивированныя и расчищенныя усиліями крупныхъ капиталистовъ. Они не были включены въ территорію муниципальныхъ округовъ, и сами представляли изъ себя какъ бы отдѣльныя муниципіи. Если въ частно-владѣльческихъ помѣстьяхъ попрежнему преобладало плантаціонное хозяйство, основанное на рабскомъ трудѣ, то въ императорскихъ и сенаторскихъ сальтусахъ количество мелкихъ арендаторовъ увеличивается все болѣе и болѣе. Если на частно владѣльческихъ земляхъ арендныя отношенія нормиро

вались договоромъ, то въ сальтусахъ они опредѣлялись помѣстнымъ обычаемъ. Приэтомъ собственники салтусовъ являлись по отношенію къ населенію помѣстья своего рода муниципальными властями, т.е. носителями правъ не только экономическихъ, но и судебно-полицейскихъ. Вотъ почему здѣсь еще во второмъ вѣкѣ складывается большая зависимость арендатора отъ помѣщика и фактическая крѣпость земледѣльца къ землѣ - зерна позднѣйшаго колоната. Съ теченіемъ времени порядки, выработанные на сультусахъ, переносятся и на частно-владѣльческія земли - латифундіи, но это уже явленіе третьяго періода хозяйственной жизни Римскаго государства- эпохи упадка.

Къ концу III вѣка веденіе крупнаго хозяйства въ Италіи сдѣлалось невозможнымъ. Этому способствовалъ цѣлый рядъ причинъ, прежде всего политическаго характера. Политическія смуты III вѣка произвели сильнѣйшій хозяйственный разгромъ Имперіи, отъ котораго она никогда не была въ состояніи оправиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе усиливался фискальный гнетъ государства, вызванный между прочимъ непрерывными нападеніями германцевъ на предѣлы Имперіи. Ставши въ осадное положеніе ,и будучи принуждена содержать огромнѣйшую армію солдатъ и чиновниковъ, Имперія начинаетъ испытывать хроническій недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, которыхъ въ хозяйственномъ оборотѣ страны становится все менѣе и менѣе. Быстрое обнища-

ніе государства заставляетъ Діоклетіана перейти къ натурально- хозяйственной податной системѣ, которая сдѣлалась единственно возможною при наличныхъ условіяхъ. Широкій обмѣнъ прекращается, и Имперія переходитъ къ болѣе узкимъ хозяйственнымъ формамъ, возвращаясь къ натуральному хозяйству. Въ связи съ общимъ разореніемъ государства и быстрымъ исчезновеніемъ капиталовъ, крупному землевладѣльцу становится уже не подъ силу поддерживать прежній хозяйственный строй латифундія. Въ виду прекращенія завоевательныхъ войнъ, даровой рабскій трудъ сокращается, а для найма свободной рабочей силы средствъ не хватаетъ. Вотъ почему хозяйственная жизнь латифундія начинаетъ быстро перестраиваться на новыхъ началахъ. Широкое плантаціонное хозяйство уступаетъ мѣсто мелкой арендѣ , мелкому фермерству. Мы уже видѣли, что система раздачи земли въ аренду мелкими участками- система не новая. По справедливому выраженію Момзена, она такъ же стара, какъ стара и сама Италія. Но если ранѣе эта система все таки занимала второстепенное мѣсто, то теперь она становится единственно возможной формой эксплуатаціи земельныхъ богатствъ латифундія. Если ранѣе центральной фигурой хозяйственной жизни страны являлся мелкій крестьянинъ - собственникъ , а потомъ клейменый и закованный въ кандалы рабъ, то теперь на I-й планъ выступаетъ мелкій крестьянинъ-арендаторъ. Получается своеобразное сочетаніе крупна-

го землевладѣнія съ мелкимъ земледѣліемъ, съ мелкой арендою. Владѣлецъ латифундія попрежнему является полнымъ собственникомъ своего помѣстья. Но это помѣстье обрабатывается множествомъ мелкихъ фермеровъ, которые выплачиваютъ собственнику оброки натурою /т.н. coloni partiarii /. Въ теченіемъ времени чисто экономическая зависимость колона отъ помѣщика осложняется узами принудительнаго характера, опять таки въ силу причинъ политическихъ. Слабое бюрократическое правительство не имѣетъ возможности услѣдить за правильнымъ фунціонированіемъ всѣхъ безчисленныхъ колесъ огромнаго государственнаго механизма .

Привлекши къ себѣ на помощь коллегіи куріаловъ и ремесленниковъ,оно не забываетъ и о помѣщикѣ. Оно дѣлаетъ помѣщика своимъ служилымъ человѣкомъ , оно возлагаетъ на земельнаго магната фискальныя и полицейскія функціи, обязавши его отвѣчать за исправное поступленіе всѣхъ падающихъ на населенія помѣстья податей и за постановку рекрутовъ для арміи и смотрѣть за сохраненіемъ общественной безопасности. Для государство важно, чтобы ни одинъ клочекъ свободной земли не остался необработаннымъ. Для него важно,чтобы каждый латифундій имѣлъ достаточное количество крестьянъ - земледѣльцевъ, платящихъ поземельно-поголовную подать, которая проходитъ черезъ руки помѣщика. Въ результатѣ прикрѣпленіе мелкихъ арендаторовъ къ землѣ,т.е. образованіе колоната. Правительство не мо

ло допустить повальнаго бѣгства задолженныхъ арендаторовъ въ города, бѣгства, освобождавшаго ихъ отъ уплаты поземельно- поголовнаго налога, установленнаго Діоклетіаномъ. Такое бѣгство грозило полнымъ разореніемъ и безъ того уже обѣднѣвшему государству. И вотъ мы видимъ какъ правительственная власть цѣлымъ рядомъ указовъ старается насадить въ частно владѣльческихъ земляхъ тѣ самые порядки, которые еще ранѣе естественнымъ путемъ выработались на императорскихъ и сенаторскихъ сальтусахъ. Надо замѣтить, что арендаторы сальтуса издавна считались originarii ,т.е. прирожденными помѣстью, отъ него неотдѣлимыми,и въ этомъ смыслѣ отличались отъ coloni liberi —свободныхъ арендаторовъ частно-владѣльческихъ латифундій. Начиная съ Константина Великаго, колоны прикрѣпляются къ землѣ, причемъ всякое различіе между coloni originarii и liberi съ теченіемъ времени исчезаетъ безслѣдно.Теперь мы имѣемъ дѣло не съ простой экономической зависимостью арендатора отъ помѣщика, а съ признанною закономъ властью землевладѣльца надъ крестьяниномъ , властью, которая санкціонируется и поддерживается государствомъ.Колоны - это уже не простая экономическая группа людей, а вполнѣ сложившійся соціальный классъ, общественное состояніе. Крестьянское дѣло,точно такъ же какъ и другія професоіи того времени, изъ свободнаго занятія превращается въ отбываніе казенной повинности. Крестьянинъ - это рабъ земли -Servus terrae .Онъ не имѣетъ права

ее покинуть, „оставить вдовицею", какъ выражаются историки.

Прикрѣпивши крестьянина къ землѣ и передавши землевладѣльцу, какъ своему служилому человѣку, права и обязанности фискальнаго агента, правительство пошло и далѣе въ этомъ же направленiи. Оно надѣляетъ земельнаго магната административною и судебною властью въ предѣлахъ помѣстья, создавая изъ него силу политическую. Такъ между крестьянствомъ и центральною императорской властью выростаетъ промежуточная инстанцiя - сильный землевладѣлецъ. Правительство само подготовляетъ свою погибель, расчленяя Имперiю на массу самодовлѣющихъ единицъ - латифундiй.

Необходимо замѣтить, что было бы большимъ заблужденiемъ считать колонатъ порожденiемъ одной только принудительной власти государства. Колонатъ возникъ естественнымъ путемъ, и правительство во многихъ случаяхъ лишь констатировало сложившiеся факты. Колонатъ былъ учрежденiемъ жизненнымъ и въ высшей степени полезнымъ для самого же крестьянина. Крестьяне - колоны были обязаны платить помѣщику I/7 часть своего урожая, иногда отбывать барщину, но зато они освобождались отъ грубаго притѣсненiя чиновниковъ- бюрократовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикъ не имѣлъ права распоряжаться крестьяниномъ по собственному усмотрѣнiю. Въ глазахъ государства колонъ оставался лично свободнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, пользующимся защитой

закона. Землевладѣлецъ даже не имѣлъ права измѣнять качество и количество арендной платы земледѣльца - колона, разъ навсегда опредѣленной договоромъ или помѣстнымъ обычаемъ. Вотъ почему можно сказать вмѣстѣ съ проф. Виноградовымъ, что среди всеобщаго хаоса и неустроенiя эпохи упадка имперiи помѣстье являлось единственнымъ мирнымъ убѣжищемъ. Колоны - вовсе не рабы своего господина. Какъ это ни покажется страннымъ, но именно здѣсь, въ сельскихъ общинахъ и развивалась общественная самодѣятельность, повсемѣстно убитая деспотическимъ государствомъ. И если многiя римскiя учрежденiя упадутъ подъ напоромъ германцевъ, то большому помѣстью предстоитъ блестящая будущность.

Итакъ, конечный актъ длительнаго и томительнаго процесса хозяйственной эволюцiи римскаго мiра - образованiе большого помѣстья - самодовлѣющаго ойкоса, которое становится типомъ земельной собственности обширной Имперiи. Однако, не нужно думать, что помѣстные порядки окончательно вытѣснили другiя формы землевладѣнiя и землепользованiя Римской Имперiи. Какъ теперь выяснено исторической наукою, мелкая земельная собственность не исчезла окончательно даже къ У -му вѣку. „Latifundia perdidere Italiam, jam vere et provincias" /„Латифундiи разорили Италiю, а также и провинцiи"/ патетически восклицалъ Плинiй - натуралистъ еще въ началѣ императорскаго перiода. Долгое время ученые принимали на вѣру это риторическое восклицанiе. Однако уже

Момзенъ усумнился въ его справедливости, а Фюстель де Кулянжъ со свойственной ему прямолинейностью заявилъ, что подобныя риторическія фразы производятъ на него мало впечатлѣнія. Путемъ кропотливаго изслѣдованія текстовъ Ф.де Кулянжъ доказалъ, что крестьянская собственность, правда, въ очень минимальныхъ размѣрахъ, пережила паденіе Имперіи, и перешла въ новый періодъ жизни человѣческихъ обществъ - средневѣковье. А изысканія новѣйшихъ ученыхъ показали, что крестьянская собственность вовсе не была такъ минимальна, какъ это думалъ упомянутый нами французскій историкъ.

Съ другой стороны, древній міръ, наряду съ колонатомъ, завѣщалъ среднимъ вѣкамъ новую форму землепользованія, въ видѣ такъ называемамой эмфитевзы. Точно такъ же , какъ и колонатъ, эмфитевза выросла изъ борьбы законодательства съ упадкомъ земледѣлія. Эмфитевза складывается въ IУ вѣкѣ и представляетъ изъ себя наслѣдственную аренду земель на льготныхъ условіяхъ. Лица, получившія отъ государства заброшенные или разоренные земельные участки, совершенно освобождались отъ цѣлаго ряда повинностей, извѣстныхъ подъ именемъ munera extraordinaria, освобождались на извѣстный срокъ и отъ поземельной подати, а по истеченіи этого срока платили т.н. κάνων ,т.е. разъ навсегда фиксированныя повинности деньгами и натурою. Подобнаго рода льготы обязывали владѣльца поднять хозяйственное благоустройство имѣнія различными „насажденіями", откуда и самое названіе ἐμφύτευσις /насажденіе/. Возникши сначала на императорскихъ помѣстьяхъ и на помѣстьяхъ политическихъ корпорацій, эмфитевза потомъ распространяется и на земли частно - владѣльческія. Мы увидимъ, что съ нѣкоторыми измѣненіями она перейдетъ и въ средніе вѣка, причемъ древне-римскій κάνων сдѣлается прямымъ прототипомъ средневѣковой цензивы . Наконецъ, наряду съ наслѣдственной арендой, въ Римской Имперіи эпохи упадка мы видимъ аренду срочную / обыкновенно на 29 лѣтъ/ основанную на обоюдномъ договорѣ -locatio-conductio. Этотъ видъ аренды, повидимому, прямой прототипъ такъ называем. держанія ливеллярнаго, особенно развивавшагося въ УI-УII столѣт. въ Италіи I/.

Итакъ , если помѣстные распорядки не являются единственнымъ типомъ земельной собственности и земельнаго держанія Римской Имперіи, если наряду съ ними существуетъ мелкая собственность и эмфитевза, то все же они являются порядками преобладающими. Въ другомъ мѣстѣ мы подробно ознакомимся съ внутреннимъ строемъ римской виллы - помѣстья. А пока обратимся къ городской жизни Римской Имперіи, къ исторіи римской промышленности и промышленныхъ классовъ.

I/ См. по этому вопросу только что вышедшую работу А.Г.Муравьева „Emphyteuticario jure et libellario nomine" /Сборникъ статей въ честь Д.А. Корсакова, Казань, 1912-1913 г., стр. 465-483./.

3. Римское государство было государствомъ земледѣльцевъ и воиновъ по преимуществу. Римлянинъ по натурѣ не былъ купцомъ, а къ ремесленному труду онъ относился съ пренебреженіемъ. Плугъ и копье - вотъ чѣмъ создавали римляне свое государство. Индустрія никогда не получала здѣсь широкаго распространенія и никогда не пользовалась уваженіемъ и почетомъ. Она досталась на долю низовъ народа- бѣдной плебейской массы, неимѣвшей земли, и очень долгое время влачила скромное, можно сказать, жалкое существованіе, затираемая конкуренціей рабскаго производства. За первые шесть столѣтій жизни римскаго государства о рабочемъ классѣ сохранилось чрезвычайно мало извѣстій. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что римскій ремесленникъ, будучи въ сторонѣ отъ общественной жизни республики, обращалъ на себя слишкомъ мало вниманія своихъ согражданъ. А между тѣмъ зачатки римской индустріи, по разсказу Плутарха, ведутъ свое начало съ очень отдаленнаго времени, именно, со времени благочестиваго царя - реформатора Нумы Помпилія. Передавая общераспространенную въ то время / Iв. по Р.Х./ легенду, Плутархъ намъ разсказываетъ, что Нума Помпилій, заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ своего государства, раздѣлилъ римскихъ ремесленниковъ на восемь разрядовъ: флетистовъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, рабочихъ по постройкамъ, красильщиковъ, сапожниковъ, кожевниковъ, мѣдниковъ и гор-

шечниковъ. Разсказъ этотъ, при всей его легендарности, имѣетъ очень большую цѣнность для историка. Онъ говоритъ намъ, что тѣ collegia opificum, римскія ремесленныя коллегіи, которыя мы находимъ въ эпоху поздней республики - онѣ чрезвычайно древняго происхожденія. Надо думать, что римскіе ремесленники, лишенные, въ силу своего соціальнаго положенія, всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ и общественномъ культѣ государства, очень рано стали соединяться въ сообщества, которыя связывали ихъ узами тѣсной дружбы и солидарности и давали имъ нѣкоторую защиту отъ постороннихъ поползновеній. Выброшенныя изъ состава общества, безправныя массы естественно старались создать свое собственное общество, свою собственную семью, свой культъ, свои собственныя религіозныя празднества и процессіи. Профессіональныхъ цѣлей коллегіи не преслѣдовали. Единственное ихъ стремленіе - взаимная поддержка и взаимозащита. Государство не тревожило этихъ сообществъ, такъ какъ въ принципѣ оно ничего не имѣло противъ какихъ бы то ни было ассоціацій. Тихо и мирно существовали эти безобидныя учрежденія, если и не со времени миѳическаго Нумы Помпилія, то во всякомъ случаѣ на протяженіе цѣлаго ряда столѣтій. И лишь въ I вѣкѣ до Р.Х. онѣ выходятъ изъ своего нейтральнаго положенія и, въ связи съ общимъ выступленіемъ широкихъ народныхъ массъ, принимаютъ дѣятельное участіе въ политическихъ смутахъ и мяте-

жахъ того времени. Въ результатѣ сенатусконсультъ 64 года, уничтожившій, наряду со многими другими, развившимися къ тому времени частными коллегіями, и коллегіи ремесленниковъ, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ: рабочихъ по постройкамъ и горшечниковъ. Однако коллегіи скоро опять оживаютъ, опять принимаютъ участіе въ политическихъ смутахъ, и снова уничтожаются распоряженіемъ Юлія Цезаря. Послѣ смерти Юлія Цезаря, какъ извѣстно, наступаетъ анархія. Коллегіи опять оживаютъ и опять уничтожаются въ силу *Lex Julia de collegiis*, изданнаго въ 7 году нашей эры императоромъ Августомъ. Уничтожая коллегіи, *lex Julia* постановляетъ, что на будущее время могутъ быть разрѣшаемы только такія сообщества, которыя не скрываютъ въ себѣ чего либо вреднаго для государства и являются полезными для общества. Пользуясь этимъ закономъ, коллегіи снова спѣшатъ зарегистрироваться. При этомъ онѣ уже перестаютъ быть учрежденіями чисто частнаго характера, получаютъ оффиціальное признаніе со стороны правительства и становятся подъ строгій контроль государства. Начинается новая эра въ жизни коллегій. Теперь онѣ довольно ярко выступаютъ изъ мглы вѣковъ и оставляютъ замѣтный слѣдъ въ исторіи римскаго государства и общества. Оставивши политику онѣ возвращаются къ своимъ старымъ, испытаннымъ традиціямъ, мирно замыкаясь въ кругу тихой промышленной дѣятельности. Государство уже не

преслѣдуетъ коллегій.. Напротивъ, оно заботится объ учеличеніи числа этихъ полезныхъ учрежденій. А императоръ Александръ Северъ во второй четверти III вѣка дѣлаетъ коллегіи обязательными для всѣхъ ремесленниковъ и торговцевъ Имперіи.

Оставляя пока въ сторонѣ дальнѣйшую исторію коллегій, познакомимся съ ихъ внутренней организаціей за разсмотрѣнный нами періодъ римской имперіи. Какъ я уже замѣтилъ, коллегіи не преслѣдуютъ профессіональныхъ цѣлей. Онѣ вовсе не хотятъ взять въ свои руки монополіи производства - и въ этомъ ихъ громаднѣйшее различіе отъ средневѣковыхъ цеховыхъ общинъ. Римская коллегія и средневѣковый цехъ - это два совершенно различныхъ института, преслѣдующихъ разныя цѣли и имѣющихъ разнородныя организаціи. Вотъ почему въ высшей степени странной кажется попытка нѣкоторыхъ историковъ изъ школы романистовъ во что бы то ни стало произвести средневѣковые цехи отъ римскихъ ремесленныхъ коллегій. Коллегія очень мало заботится о профессіональныхъ интересахъ своихъ сочленовъ. Въ своей промышленной дѣятельности каждый работаетъ на свой собственный рискъ. Коллегія за него ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ. Она имѣетъ дѣло не столько съ ремесленниками, какъ таковыми, сколько съ слабыми членами общества, нуждающимися во взаимной поддержкѣ другъ друга. Чтобы сорганизоваться въ плотную массу, безправнымъ ремесленникамъ необходимы какія нибудь связи. Эти связи и

даетъ имъ коллегія. Она группируетъ ихъ около алтаря бога - покровителя, она собираетъ ихъ на религіозныя празднества и пиршества, сзываетъ на похороны умершаго собрата, словомъ, даетъ ту интимную, чисто духовную связь, которая является душею всякаго сообщества. Усталый, измученный упорной работой ремесленникъ знаетъ, что у него есть свой интимный уголокъ, гдѣ онъ найдетъ такихъ же жалкихъ людей, какъ и онъ самъ, съ которыми онъ можетъ подѣлиться впечатлѣніями дня, смѣло можетъ открыть имъ душу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ получить и матеріальную помощь. Большаго онъ не требуетъ. Если его не пускаютъ на форумъ, не принимаютъ на народныя собранія, то ему къ этому не привыкать. За то у него есть свой форумъ, свое собраніе въ сторонѣ отъ общества - и онъ уже не такъ безпомощенъ, не такъ одинокъ и беззащитенъ.

Въ своей внутренней жизни, о которой мы узнаемъ почти исключительно изъ надписей, коллегія вполнѣ автономна и не подчинена никакой принудительной регламентаціи. Она организована ad exemplum reipublicae, т.е. по образцу республики. Высшая власть принадлежитъ общимъ собраніямъ, которыя созываются періодически и носятъ громкое названіе „собраній народа". „Народъ" раздѣляется на центуріи, а центуріи подраздѣляются на декуріи. Во главѣ центурій стоятъ центуріоны, во главѣ декурій - декуріоны. Это должности выборныя, почетныя связанныя съ извѣстными затратами по устройству рели-

гіозныхъ пиршествъ. Если собраніе пользуется законодательной властью въ предѣлахъ сообщества, то центуріоны и декуріоны составляютъ коллегію административную.

Исполнительная власть принадлежитъ особымъ должностнымъ лицамъ, т.н. magistri, curatores, quaestores, scribae, viatores и т.п. Эти должности тоже выборныя и то же почетныя, связанныя съ извѣстнаго рода расходами.

Чтобы получить болѣе силы и значенія, коллегія ищетъ себѣ знатнаго покровителя со стороны, награждая его пышнымъ титуломъ отца коллегіи /pater/. Изъ надписей мы видимъ, что это по большей части римскій всадникъ, человѣкъ, прошедшій многія почетныя муниципальныя должности, квинквеналъ. Онъ является щедрымъ жертвователемъ на дѣла коллегіи и ревностнымъ ходатаемъ за ея членовъ предъ правительствомъ.

Такова организація управленія коллегіи. Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію ея бюджета. Доходы дѣлились на обыкновенные и чрезвычайные. Первые состояли изъ вступной платы членовъ коллегіи, ежемѣсячныхъ взносовъ пожертвованій должностныхъ лицъ, субсидій, выдаваемыхъ муниципальнымъ управленіемъ за выполненіе общественныхъ службъ, доходовъ съ движемаго имущества. Вторые составлялись изъ чрезвычайныхъ приношеній и экстренныхъ сборовъ, штрафовъ за нарушеніе регламентовъ, продажи мѣстъ въ погребальныхъ склепахъ и разнаго рода крупныхъ пожертвованій. Деньги расходовались на уст-

ройство и ремонтъ т.н. Scholae, т.е. мѣстъ для общественныхъ собранiй, на отправленiе культа, на устройство погребальныхъ склеповъ и похоронъ, на постановку монументовъ и статуй правительственнымъ лицамъ и умершимъ членамъ сообщества. Послѣднiй обычай практиковался коллегiями въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, до насъ дошелъ хранящiйся въ настоящее время въ Клюнiйскомъ музеѣ монументъ - алтарь, воздвигнутый въ I вѣкѣ по Р.Х. могущественной коллегiей Парижскихъ моряковъ въ честь Тиберiя Августа. На немъ высѣчена такого рода лаконическая надпись: „Тиберiю Цезарю Августу, Великолѣпному Юпитеру, Величайшему, Высшему парижскiе моряки публично воздвигли". Монументы на могилахъ умершихъ сочленовъ обычно сопровождались эпитафiями, иногда въ стихотворномъ размѣрѣ. Приведу для образца эпитафiю на могилѣ мальчика - ученика золотыхъ дѣлъ мастеровъ, дата которой неизвѣстна. Въ нѣсколько вольномъ переводѣ на русскiй языкъ она представляетъ въ такомъ видѣ:

„Пролей св и слезы, прохожiй, надъ этой могилой.
Здѣсь отрокъ, едва распустившiйся къ жизни, схороненъ.
Онъ былъ украшенiемъ дома, родителей дряхлыхъ усладой
И ихъ онъ внезапно покинулъ, похищенный злою болѣзнью
Умѣлъ онъ искусно ковать дорогiя запястья
И золото нѣжно сливать въ драгоцѣнныя, дивныя геммы
Онъ Пагусомъ звался-теперь этотъ трупъ бездыханный,
Могилой похищенный прахъ и лишенное имени тѣло".

Какъ видимъ, коллегiи расходовали свои деньги почти исключительно на религiозныя нужды. Слѣдовъ благотворительности мы здѣсь не находимъ. Нѣтъ и правильно функцiонирующихъ кассъ взаимопомощи. Цѣль коллегiй - чисто моральное единенiе ремесленниковъ подъ сѣнью бога патрона. Матерiальная помощь стоитъ на второмъ планѣ. Расходованiе денегъ подчинено строгому контролю собранiя. Вообще, организацiя коллегiй проникнута принципомъ самой широкой демократизацiи.

Возвращаясь снова къ исторiи коллегiй, мы замѣчаемъ, что въ эпоху Имперiи имъ пришлось пережить удивительныя пертурбацiи. Возникши первоначально какъ частные ремесленные союзы, необходимые для удовлетворенiя самыхъ насущныхъ нуждъ рабочаго класса, получивши затѣмъ оффицiальное признанiе со стороны государства, римскiя ремесленныя коллегiи въ IУ вѣкѣ выродились въ настоящее ярмо, въ страшную каторгу для тѣхъ самыхъ ремесленниковъ, которые ихъ учредили. Это произошло вслѣдствiе привлеченiя коллегiй на службу государству. Мы уже видѣли, въ силу какихъ причинъ государство рѣшается привлечь себѣ на помощь автономныя общественныя единицы. Коллегiи не избѣжали общей участи послѣднихъ. Между прочимъ, происходитъ слѣдующаго рода сдѣлка правительства съ коллегiями. Оно надѣляетъ ихъ рядомъ различныхъ привиллегiй / напр., освобожденiемъ отъ военной службы и отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ налоговъ/, а коллегiи обѣщаются нести въ городахъ и муниципальныхъ округахъ общественныя

службы. Онѣ берутъ на себя обязанность разрабатывать казенные рудники, работать на государственныхъ мануфактурахъ, строить и ремонтировать общественныя зданія, тушить пожары, снабжать городъ топливомъ и пищевыми продуктами, исправлять пути сообщенія, доставлять въ государственное казначейство натуральныя приношенія и т.п. Сначала обѣ стороны какъ будто выигрывали отъ такой сдѣлки и были другъ другомъ довольны. Государство пріобрѣло дѣятельныхъ помощниковъ, а коллегіи получили почетное положеніе въ обществѣ. Но по мѣрѣ того, какъ государственные финансы все болѣе и болѣе разстраивались, тяжести, лежавшія на коллегіяхъ все болѣе и болѣе увеличивались, а привиллегіи соотвѣтственно тому сокращались до *minimum'a*. Тогда только и поняли промышленные классы, какою дорогою цѣною продали они государству свою свободу. Начинаются бѣгства изъ коллегій, массовыя уклоненія отъ принятыхъ обязательствъ. Тогда государство рѣшается дѣйствовать твердыми и суровыми мѣрами. Оно объявляетъ членовъ коллегій прикрѣпленными къ ихъ положенію. Выходъ изъ состава коллегій разсматривается какъ государственное преступленіе. Положеніе *Collegiati* – ремесленниковъ инкорпорированныхъ въ коллегіи, наконецъ, становится наслѣдственнымъ. Это значитъ, что не только они сами но и ихъ семьи прикрѣпляются къ ненавистной коллегіи

Среди всеобщаго хаоса и разрушенія политическаго организма промышленные классы не хотятъ мѣриться съ

своимъ неприглянднымъ положеніемъ. Не смотря на суровыя запрещенія, они массами убѣгаютъ въ деревни, гдѣ ихъ съ распростертыми объятіями принимаютъ владѣльцы большихъ помѣстій, устраивающіе свои собственныя ремесленныя мастерскія. Но государство вовсе не согласно уступить кому бы то ни было свою добычу. Оно широко организуетъ сыскную полицію, которая дѣятельно выслѣживаетъ и ловитъ преступныхъ бѣглецовъ, клеймитъ ихъ раскаленнымъ желѣзомъ какъ каторжниковъ, заковываетъ въ тяжелыя цѣпи и снова водворяетъ въ столь ненавистныя коллегіи. Но все таки кадры ремесленниковъ уменьшаются. Многимъ удается скрыться отъ всевидящаго ока правительства. Опустѣвшія коллегіи не въ силахъ справиться со всѣми общественными повинностями. Тогда изобрѣтательное государство начинаетъ ловить по дорогамъ бездомныхъ бродягъ и насильно водворять ихъ въ нѣдра коллегій. Вспоминаютъ о каторжникахъ, которые безъ пользы для общества отбываютъ наказаніе въ тюрьмахъ, ими стараются восполнить недостающіе кадры ремесленниковъ. Странный видъ представляютъ изъ себя въ это время коллегіи. На ряду съ свободнымъ человѣкомъ, честнымъ и гордымъ римскимъ гражданиномъ, мы находимъ здѣсь разбойниковъ, убійцъ, безшабашныхъ бродягъ, на совѣсти каторыхъ тяготѣетъ не одно преступленіе. И весь этотъ пестрый элементъ, стонущій подъ игомъ повинностей, со времени Константина Великаго облагается еще тяжелою поголовною по-

датью, известною подъ именемъ хризаргира, а за труды получаетъ самое минимальное вознагражденіе, строго таксированное правительствомъ.

Отчаявшись получить свободу для себя лично, ремесленники устраиваютъ своеобразную забастовку. Они рѣшительно отказываются заключать браки, не желая плодить потомство, которому грозитъ тяжелая участь. „Намѣреваясь обмануть правительство - такъ гласитъ одинъ изъ современныхъ памятниковъ, они задумали нечестивѣйшее дѣло, рѣшившись воздерживаться отъ вступленія въ законные браки". И все таки эти несчастные люди, эти безбрачники поневолѣ, юридически продолжаютъ пользоваться широкой автономіей. По прежнему мы находимъ у нихъ „народныя собранія", дѣленіе на центуріи и декуріи, но все это, конечно, пустая формальность. Фактически коллегіи окончательно порабощаются и дезорганизуются государствомъ, все болѣе и болѣе изощряющимся въ самыхъ хитрыхъ мѣропріятіяхъ для поддержанія былого могущества и блеска. Однако всѣ эти мѣропріятія приводятъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Римская городская жизнь римское муниципальное устройство быстро разрушается. „Города потеряли свой древній блескъ", съ огорченіемъ говоритъ еще въ 400-мъ году императоръ Гоноріи. „Они лишились куріаловъ и членовъ коллегій, отправлявшихъ общественныя работы подъ начальствомъ куріаловъ," читаемъ мы въ другомъ памятникѣ, относящимся къ 458 году. Для безпристрастнаго наблюдателя становится ясно, что городская жизнь обречена на погибель. Городъ все болѣе и

болѣе глохнетъ, такъ какъ среди всеобщаго хаоса атрофируются его жизненные нервы - промышленность и торговля. Центръ тяжести экономической жизни государства перемѣщается въ деревню, въ большое помѣстье. Натуральное хозяйство - вотъ къ чему влечетъ общество правильный ходъ событій. И не бюрократическому государству остановить быстрое теченіе этого процесса, смывающее на своемъ пути всѣ условія ничтожной человѣческой воли.

Итакъ, что же Римская Имперія завѣщала среднимъ вѣкамъ въ промышленной области? Она завѣщала имъ разстроенное наслѣдство. Она завѣщала имъ ремесленныя коллегіи, въ которыхъ была убита всякая самодѣятельность, всякій живой духъ деспотическимъ вмѣшательствомъ государства, коллегіи, ждавшія только удобнаго случая, чтобы разсыпаться окончательно. Такой случай и доставили имъ хлынувшіе на Имперію варвары. Что же новаго принесли съ собой эти варвары?

Изъ обширной литературы, относящейся къ исторіи Р.Имперіи эпохи упадка, назову работы: Seeck'a. Geschichte des Untergangs der antiken Welt /особ. т. II, 1901/, Фюстель де Куланжа. Исторія общественнаго строя др.Франціи /т. I-II/ и Римскій колонатъ /перев. подъ ред. проф. Гревса/, Гартманна. Паденіе античнаго міра/перев. Гальперина, 1913/, Гревса. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія /1899/, Виноградова. Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи/1880/, Waltzing'a. Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains, тт. I-IV 1895-1899.

IУ. Германцы эпохи Цезаря и Тацита.

I. Обзоръ источниковъ и литературы о германцахъ.

Познакомившись въ самыхъ общихъ чертахъ съ строемъ Р. Имперіи эпохи упадка, переходимъ къ изученію другого элемента средневѣковой культуры - внутренняго быта насельниковъ древней Германіи. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе внутренняго быта др. германцевъ обставлено серьезными трудностями. Трудности эти сводятся къ недостатку источниковъ. Германцы, обитавшіе въ дикихъ мѣстностяхъ за Рейномъ и Дунаемъ, не представляли единой политической организаціи, обладающей одними общими учрежденіями и связанной общностью интересовъ. Напротивъ, это цѣлый рядъ раздробленныхъ мелкихъ племенъ, изъ которыхъ каждое живетъ своею собственною жизнью, постоянно воюетъ съ другими родственными племенами, а иногда, тѣснимое враждебными сосѣдями съ сѣвера и востока, прорывается на территорію Римскаго государства. Даже одного общаго названія не имѣли Германцы /кстати сказать, получившіе это имя отъ кельтовъ и римлянъ, вѣроятно, въ смыслѣ сосѣдей/, и лишь въ полузабытыхъ сагахъ сохранили они смутное воспоминаніе о своемъ общемъ праотцѣ - Mannus'ѣ - родоначальникѣ трехъ доисторическихъ племенъ - ингевоновъ, истевоновъ и герминоновъ. Находясь на невысокой стадіи культурнаго развитія и будучи подвержены посто-

яннымъ политическимъ пертурбаціямъ, эти небольшіе народцы не оставили намъ буквально ни одного памятника своей отдаленной исторіи. Ни могилъ, ни развалинъ городовъ и жилищъ, ни надписей, ни монетъ не сохранилось отъ древней Германіи, не говоря уже о памятникахъ письменности въ строгомъ смыслѣ этого слова. Правда, въ своихъ пѣсняхъ германцы любили воспѣвать боговъ и героевъ, и эти пѣсни, по свидѣтельству Эгингарда, были тщательно собраны Императоромъ Карломъ Великимъ, но и онѣ въ настоящее время пропали безслѣдно. Что же касается пресловутой „пѣсни о Нибелунгахъ", - то она возникла въ болѣе позднее время, и напрасно мы стали бы искать въ ней отраженія стариннаго быта германцевъ. Словомъ, о германцахъ мы не имѣемъ ни одного документа чисто германскаго происхожденія. Приходится довольствоваться преимущественно римскими авторами, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ Цезарь и Тацитъ.

Авторъ „Записокъ о Галльской войнѣ", за время своего восьмилѣтняго проконсульства въ Галліи, два раза перебирался черезъ Рейнъ, однажды пробылъ тамъ въ теченіе I8 дней, но онъ видѣлъ Германію въ войнѣ, а германцевъ, въ страхѣ и смятеніи убѣгавшихъ отъ него въ лѣса и болота. Наблюдать Германію въ мирное время ему не приходилось. Вотъ почему свои собственныя наблюденія надъ германцами ему приходилось пополнять разсказами другихъ очевидцевъ / купцовъ, военноплѣнныхъ германцевъ, сосѣднихъ съ германцами галловъ/, на что и намекаютъ выраженія, въ родѣ dicuntur. Съ другой стороны, римскій полководецъ говоритъ о германцахъ лишь мимоходомъ. Подробно описывая

Галлію, онъ не задается цѣлью дать точно такое же описаніе Германіи. Поэтому о германцахъ мы находимъ у него лишь нѣкоторыя отрывочныя, крайне неполныя замѣчанія. Наконецъ, приходится считаться и съ тѣми внѣшними обстоятельствами, которыя вызвали появленіе въ свѣтъ „Записокъ" римскаго полководца. (Это именно записки, а не обработанное историческое произведеніе.) Это сырой матеріалъ мемуаровъ, постепенная запись отдѣльныхъ событій и наблюденій, по мѣрѣ ихъ накопленія.) Цѣль ихъ чисто практическая. Это своего рода оправдательный документъ Цезаря передъ римскимъ общественнымъ мнѣніемъ и римскимъ сенатомъ. Законченныя послѣ борьбы съ Верцингеторикомъ, т.е. около 51 г., онѣ имѣютъ своею цѣлью охарактеризовать ходъ галльской войны до рѣшительныхъ дѣйствій 52 года включительно и тѣмъ самымъ показать Риму съ наглядностью, какъ много сдѣлалъ Цезарь за 8 лѣтъ своего пребыванія въ Галліи, какихъ блестящихъ результатовъ онъ добился, и какъ несправедливы тѣ люди, которые объясняютъ дѣйствія римскаго полководца исключительно жаждою славы и подвиговъ, т.е. стремленіями личнаго честолюбія. Это полное сознанія собственнаго достоинства повѣствованіе героя, въ которомъ дѣйствующее лицо прежде всего онъ самъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ его боевые товарищи. „Разсказъ" Цезаря былъ въ этомъ отношеніи демонстраціей по адресу сената, и памятникомъ войску, ветеранамъ Цезаря, онъ „являлся ничѣмъ инымъ, какъ политическимъ орудіемъ воздѣйствія на общественное мнѣніе Рима. Этотъ оправдательный документ

по общепринятому со времени Моммзена мнѣнію, былъ написанъ и опубликованъ сразу, „когда въ Римѣ разразилась буря противъ Цезаря и когда отъ него потребовали чтобы онъ распустилъ войско и явился къ отвѣту". Однако въ недавнее время высказано противоположное мнѣніе - о постепенномъ созданіи „записокъ"[1] и даже о постепенномъ ихъ опубликованіи.[2] Основаніе для такого предположенія- противорѣчіе между IУ и УI книгами Цезаря, противорѣчіе, которое по мнѣнію Шульца, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Цезарь писалъ УI кн. тогда, когда IУ книга уже сдѣлалась достояніемъ римскаго общества, вслѣдствіе чего какія либо поправки къ ней автора не были возможны. Все это вмѣстѣ взятое выдвигаетъ на первую очередь вопросъ, насколько достовѣрны „Записки" Ю. Цезаря, въ ихъ цѣломъ и въ частностяхъ, какъ историческій источникъ.

Цезарь видѣлъ Германію собственными глазами. Это ручается за достовѣрность его показаній. Цезарь разспрашивалъ о Германіи другихъ очевидцевъ. Ему, какъ дальновидному полководцу, важно было разузнать объ обычаяхъ и нравахъ своихъ враговъ, прежде всего, въ стратегическихъ цѣляхъ. Это ручается за то, что онъ не могъ довѣрять всякимъ опрометчивымъ слухамъ и заносить ихъ, какъ неподлежащіе сомнѣнію, въ свои мемуары. Правда, Цезарь не могъ детально изучить внутрен-

---

1/ Ebert. Ueber die Entstehung von Caesars Bellum Gallicum, 1909.

2/ Schulz. Ueber die wirtschaftlichen und politischen Verhältnisse bei den Germanen zur Zeit des C. J. Caesar. Klio 1911 B. XI H. 1.

ніе распорядки германцевъ. Онъ могъ схватить нѣкоторые отдѣльные факты, онъ могъ набросать лишь смутные штрихи внутренней жизни Германцевъ. Но эти штрихи, которые были записаны такъ, какъ они схвачены Цезаремъ, т.е. безъ всякой ихъ обработки, представляютъ глубокую цѣнность для историка. Факты, сообщаемые намъ Цезаремъ о Германцахъ, до того удивительны, до того необычайны и непонятны съ точки зрѣнія просвѣщеннаго Римлянина, что придумать эти факты не могла даже самая причудливая фантазія. И уже одно то обстоятельство, что Цезарь часто самъ не понималъ сообщаемыхъ имъ фактовъ, пытаясь найти для нихъ наивное, съ нашей точки зрѣнія объясненіе, - служитъ порукою за ихъ достовѣрность. Но можетъ быть Цезарь кривилъ душою? Можетъ быть, онъ прекрашивалъ факты изъ тщеславія? Противъ этого говоритъ высокій авторитетъ Цезаря, какъ писателя. Да, наконецъ, что было пользы для Цезаря въ искаженіи данныхъ о германцахъ? Кочевой или осѣдлый образъ жизни послѣднихъ, отсутствіе или существованіе собственности на землю, развѣ это было важно для сената? Развѣ это могло освѣтить дѣятельность Цезаря въ томъ или другомъ направленіи? Вопросъ о постепенномъ или одновременномъ возникновеніи „Записокъ" мы оставимъ открытымъ. Въ концѣ концовъ это и не такъ важно для историка. Гораздо важнѣе высказанное Шульцемъ мнѣніе о постепенномъ опубликованіи „Записокъ", мнѣніе, построенное на усмотрѣнномъ имъ противорѣчіи между IУ и УI книгами Цезаря. Но вѣдь надо

еще доказать существованіе такого противорѣчія. По мнѣнію Шульца /очень мало обоснованному/, противорѣчія существуютъ, а по мнѣнію большинства изслѣдователей, ихъ нѣтъ и въ поминѣ.[1/] Вотъ почему теорія о постепенномъ опубликованіи „Записокъ", столь важная для Шульца, для другихъ изслѣдователей, разсматривающихъ разсказъ Цезаря, какъ одно стройное цѣлое, не уясняетъ вопроса. А если и уясняетъ, то въ противоположномъ Шульцу направленіи, именно, въ смыслѣ подкрѣпленія болѣе раннихъ и, можетъ быть, болѣе поверхностныхъ наблюденій Цезаря, болѣе поздними, а слѣдовательно, и болѣе глубокими. Словомъ, если „Записки" Ю.Ц. и не даютъ намъ полной картины жизни германцевъ, то отдѣльные сообщаемые имъ факты, безспорно, достовѣрны. И еще древніе признали всю цѣнность „Записокъ" Ю.Цезаря. По словамъ Цицерона, „онѣ наги, прямы и красивы; съ нихъ сняты всякія украшенія рѣчи, какъ одежда" / Brutus, 75,262/.

Въ полуторастолѣтній промежутокъ времени, отдѣляющій „Записки" Ю.Цезаря отъ „Германіи" Тацита, появилось нѣсколько строкъ о германцахъ географа Страбона Помпонія Мелы и Плинія Старшаго. Страбонъ, писавшій свои Geographica, повидимому, въ эпоху Тиберія, сообщаетъ отрывочныя свѣдѣнія лишь о нѣкоторыхъ бродячихъ ордахъ изъ племени обитавшихъ за Эльбою свебовъ; потому извѣстія названнаго писателя ко всѣмъ вообще германцамъ прилага-

I/ См. по этому поводу мою статью „Къ вопросу объ аграрн. отношеніяхъ древнихъ германцевъ времени Цезаря" / Сборникъ стат. въ честь Д.А.Корсакова, 87-102/.

емы быть не могутъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что Страбонъ самъ никогда не былъ въ Германіи, а заимствовалъ свои свѣдѣнія у Цезаря и Посидонія. Помпоній Мела, авторъ географическаго очерка De chorographia /или De situ orbis/, писалъ при Калигулѣ и Клавдіи. „Онъ разсказываетъ о германцахъ, основываясь на сочиненіяхъ болѣе древнихъ авторовъ, и повторяетъ всякаго рода басни, не провѣряя ихъ". /Фюстель/. Наконецъ Плиній Натуралистъ въ своей Historia Naturalis / оконченной въ 70 г.г. I вѣка/ опять таки даетъ о германцахъ нѣсколько строкъ болѣе географическаго, чѣмъ историческаго характера. Плиній самъ былъ въ Германіи, и могъ наблюдать германцевъ на родинѣ. Онъ написалъ даже большое спеціальное сочиненіе о германскихъ войнахъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время утерянное. Утеряно и другое подобное же сочиненіе о германцахъ Ауфидія Басса, писавшаго, какъ и географъ Страбонъ, при Тиберіи.

Если всѣ перечисленные авторы, включая и Цезаря, даютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о германцахъ, то „Германія" Тацита имѣетъ цѣлью подробное описаніе жизни и нравовъ германскаго народа. Эта этнографическая монографія, написанная, повидимому, въ 98 году, раздѣляется на двѣ половины - общую и спеціальную. Въ первыхъ 27 главахъ говорится о положеніи и границахъ страны, о почвѣ, климатѣ, объ обитателяхъ страны, ихъ происхожденіи, преданіяхъ, сюда относящихся, объ общественной жизни, религіи, нравахъ и учрежденіяхъ германцевъ и, наконецъ, объ ихъ частной жизни. Послѣдующія главы, начиная

съ 28, говорятъ о каждомъ германскомъ народѣ въ отдѣльности и о сосѣднихъ народахъ другого корня - галльскаго, иллирійскаго, сарматскаго, славянскаго, финскаго. Появленіе Тацитовской монографіи было вызвано потребностями времени. Постоянныя столкновенія римлянъ съ германцами естественно заставляли ихъ познакомиться съ своими воинственными сосѣдями поподробнѣе. Императорскому Риму чрезвычайно важно было изучить характеръ своихъ враговъ, подсчитать силы людей, угрожавшихъ его міровому господству. Въ результатѣ и появилась „Германія", которая уже по самому своему характеру, казалось, должна была бы восполнить недостаточность предыдущихъ извѣстій о германцахъ. Однако и „Германія" Тацита не есть источникъ исчерпывающій. Да и цѣнность этого источника не есть цѣнность непосредственнаго памятника народнаго творчества. Это литературное произведеніе человѣка, который по своему культурному уровню стоитъ неизмѣримо выше описываемаго имъ общества и для котораго это общество является чѣмъ то чуждымъ, далекимъ, а во многихъ случаяхъ и непонятнымъ. Вотъ почему наиболѣе скрытная область народной жизни, т.е. та область, которая не бьетъ въ глаза постороннему, да еще случайному наблюдателю, очень смутно выступаетъ передъ нами и въ „Германіи" Тацита. Да и былъ ли еще Тацитъ непосредственнымъ наблюдателемъ? Самъ историкъ этого не утверждаетъ: Онъ никогда не говоритъ „я видѣлъ". Напротивъ, онъ употребляетъ выраженія „constat", „notum est", „accepimus",

и даже „palam comperi"- выраженія, указывающія, что Т. не былъ очевидцемъ разсказываемаго. Онъ передаетъ не то, что видѣлъ собственными глазами, а лишь то, что слышалъ отъ другихъ, заслуживающихъ вѣру очевидцевъ, или вычиталъ изъ утерянныхъ въ настоящее время авторовъ о Германіи. Съ другой стороны, самая внѣшняя форма „Германіи" крайне своеобразна. Тацитовскій слогъ чрезвычайно сжатъ и отрывистъ, его отточенный стиль до крайности лакониченъ, а отсюда рядъ недомолокъ, неясностей. Выигрывая, какъ литературное произведеніе, Тацитовская монографія, въ силу указаннаго обстоятельства, проигрываетъ, какъ историческій источникъ, и требуетъ дополнительныхъ комментарій. Наконецъ, приходится считаться съ чрезвычайной субъективностью разсказа автора. „Какъ глубокій моралистъ, онъ часто судитъ тамъ, гдѣ надо описывать, и такая замѣна часто лишаетъ насъ свѣдѣній, которыхъ мы ищемъ"/ Фюстель/. Описывая Германію, Тацитъ, -этотъ глубокій патріотъ - никакъ не можетъ оторваться отъ родного ему римскаго общества. Это римское общество, со всѣми его глубокими язвами, вѣчно стоитъ передъ умственнымъ взоромъ историка. И изображая варварское, но молодое и свѣжее общество, онъ непрестанно оттѣняетъ его достоинства, въ противовѣсъ недостаткамъ гордаго Рима. Здѣсь слышится горькій укоръ историка родинѣ, за укоромъ слѣдуетъ нравоученіе и предостереженіе.

Подведемъ итоги всему, что сказано о „Германіи" Тацита. Тацитъ не очевидецъ разсказываемаго. Онъ передаетъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ вторыхъ рукъ , и только. Но это не значитъ, что Тацитъ компиляторъ, въ частности, компиляторъ Цезаря, какъ думаютъ нѣкоторые. Достаточно даже бѣглаго чтенія „Германіи", чтобы понять, что германское общество при Тацитѣ, это уже не то, что германское общество при Цезарѣ. Какъ объяснимъ мы эту разницу ,если будемъ видѣть въ Тацитѣ компилятора Цезаря? Далѣе, „Германія" Тацита - это не сырой матеріалъ. Это блестящее литературное произведеніе, которое уже по самому внѣшнему своему характеру, скрадываетъ многія черты быта германцевъ. Наконецъ, Тациту мѣшаетъ дать подробную картину германскаго общества его наклонность къ нравоученію. Конечно, отсюда еще далеко до сатиры. Видѣть въ „Германіи" сатиру на римское общество нѣтъ достаточныхъ основаній. Въ разсказѣ Т. нельзя усматривать преувеличеній, такъ какъ онъ при случаѣ не стѣсняется отмѣчать и дурныя стороны жизни германцевъ; слѣдовательно, нѣтъ въ „Германіи" и пристрастія. Тацитъ - источникъ неполный. Но это источникъ достовѣрный, достовѣрный уже по одному тому, что набросанная Т. картина жизни германскаго общества во многихъ случаяхъ ему, какъ и Цезарю, непонятна, и выдумать онъ ее не имѣлъ возможности. Съ другой стороны, германцы эпохи Тацита - это тѣ же германцы времени Цезаря, стоящіе на болѣе высокой стадіи развитія. Въ разсказахъ двухъ римскихъ историковъ мы видимъ удивительную гармонію и отсутствіе всякихъ противорѣчій.

А данное обстоятельство служитъ самымъ яркимъ доказательствомъ достовѣрности ихъ обоихъ. "Общее впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія Тацитовской "Германіи", приводитъ насъ къ выводу, что она написана человѣкомъ, который, даже если и не видѣлъ страны, то собралъ о ней богатыя свѣдѣнія", /Фюстель/, хотя, добавимъ мы, свѣдѣнія и неполныя, и притомъ изложенныя не съ надлежащей подробностью.

Какъ видимъ, нѣсколько строкъ изъ древнихъ, чуждыхъ германскому обществу авторовъ, преимущественно изъ Цезаря и Тацита, вотъ единственный документальный матеріалъ для изученія внутренн. строя германцевъ. Правда, сюда слѣдуетъ еще прибавить позднѣйшіе, но за то непосредственные памятники германскаго быта, главнымъ образомъ Leges Barbarorum, изъ которыхъ наиболѣе раннія содержатъ въ себѣ черты древнѣйшаго быта германцевъ. Однако и Leges прибавляютъ очень немного къ тѣмъ даннымъ, которыя мы находимъ у римскихъ писателей.

Таковъ скудный матеріалъ о германцахъ. И вполнѣ естественно, что толкованіе этого скуднаго матеріала, именно вслѣдствіе его скудости, создало обширную историческую литературу, вызвало оживленную и продолжительную полемику, и дало пищу цѣлому ряду гипотетическихъ построеній, нерѣдко другъ друга исключающихъ. Если одни историки съ Вайцемъ и Мейценомъ во главѣ, склонны приписывать германцамъ особенную интеллигентность и культурность, то другіе, во главѣ съ Гильдебрандомъ, считаютъ ихъ простыми дикарями - номадами. Флаккъ усматриваетъ у нихъ отсутст-

віе какой бы то нибыло собственности на землю, Мауреръ собственность общинную, Ковалевскій - родовую, Фюстель де Куланжъ - семейную и индивидуальную, а Сибомъ и Виттигъ - крупную индивидуальную собственность, въ формѣ помѣстнаго строя. Наконецъ, одни историки склонны объяснять политическую и общественную жизнь германцевъ господствомъ широкаго государственнаго начала, другіе - родовымъ началомъ, третьи - военнымъ, четвертые - общиннымъ, а пятые не признаютъ у германцевъ никакого начал, никакой политической жизни и общественности. Не довольствуясь скудными текстами, историки привлекаютъ на помощь данныя сравнительнаго языкознанія, широко пользуются методомъ переживаній, обращаются къ историко-сравнительнымъ параллелямъ съ бытомъ другихъ арійскихъ и неарійскихъ народовъ, стоящихъ на одинаковой стадіи культурнаго развитія. При этомъ часто случается, что единственно твердый матеріалъ - тексты отодвигаются на второй планъ, занимаютъ чуть ли не послѣднее мѣсто, подчиняясь предвзятымъ теоріямъ. Въ результатѣ вопросъ осложнился до крайности, и его разрѣшеніе, надъ которымъ работало столько пытливыхъ умовъ, остается открытымъ и до настоящаго времени. И само собою разумѣется, что мы можемъ набросать лишь приблизительную картину внутренняго строя германцевъ разсматриваемаго нами періода. Слѣдуя точному методу Фюстель де Куланжа, мы будемъ изучать древне-германское общество главнымъ образомъ и на основаніи письменныхъ па-

мятниковъ, привлекая для ихъ истолкованія широкій соціологическій матеріалъ, добытый Гильдебрандомъ, Виттихомъ и другими крупнѣйшими изслѣдователями вопроса. Начнемъ съ экономическаго сторон древней Германіи.

2. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

Географическое устройство страны, ея почва и климатъ - это тѣ естественные факторы, которые прежде всего вліяютъ на хозяйственные распорядки каждаго общества, въ особенности общества примитивнаго. Поэтому намъ необходимо прежде всего отчетливо уяснить себѣ, какова была поверхность древней Германіи, каковы были климатическія условія этой страны, какова была ея флора и фауна.

„Хотя страна и довольна различна по своему виду, говоритъ Тацитъ, но въ общемъ она или лѣсами устрашаетъ, или болотами отталкиваетъ; она влажнѣе въ сторону Галліи, вѣтристѣе въ сторону Норики и Паннонiи; для хлѣбовъ плодоносна, для древесныхъ плодовъ неблагопріятна"/У/. „Страна эта непроходима вслѣдствіе множества рѣкъ, многими холмами покрыта и по большей части заграждена лѣсами и болотами"/III,3,29/, читаемъ мы у Помпонія Мелы. А Цезарь сообщаетъ намъ объ огромномъ Герцинскомъ лѣсѣ, который тянется безъ начала и безъ конца на неизмѣримыя пространства. Говоритъ о непроходимахъ чащахъ Германіи

и натуралистъ Плиній Старшій. Однако было бы большимъ заблужденіемъ думать, что непроходимые лѣса и болота цѣликомъ покрывали всю поверхность Германіи. Здѣсь довольно и открытыхъ пространствъ, того, что Цезарь и Тацитъ называютъ терминами *campi, agri* и *solitudines*. Эти же писатели намъ сообщаютъ, что именно на такихъ открытыхъ пространствахъ и обитали германцы, укрываясь въ лѣса и болота лишь въ минуты крайней опасности. Лѣса изобиловали всякимъ звѣрьемъ, а влажныя пространства, покрытыя густой растительностью, были чрезвычайно благопріятны для выпаса. Отсюда и естественно, что охота и скотоводство, если не считать войны, это главныя занятія германцевъ времени Цезаря. „Они мало занимаются земледѣліемъ, говоритъ этотъ писатель, и питаются главнымъ образомъ молокомъ, сыромъ и мясомъ"/УI,22/, „всю жизнь свою проводятъ на охотѣ"/УI,2I/. „И немного они питаются хлѣбомъ, такъ изображаетъ Цезарь обычаи воинственныхъ свебовъ, но по большей части молокомъ и скотомъ; много времени они проводятъ на охотѣ"/IУ,I/. Они любятъ оставлять кругомъ своихъ легко подвижныхъ жилищъ обширныя пространства полей, не для удобства защиты отъ врагов[illegible] какъ думаетъ Цезарь, и не для того, чтобы жить привольно, какъ объясняютъ нѣкоторые изслѣдователи, а исключительно для хозяйственныхъ цѣлей, для выпаса. Словомъ, это народъ пастушескій / на чемъ особенно настаиваетъ Гильдебрандъ/, но уже готовый перейти къ болѣе высокой стадіи развитія - хлѣбопашеству. Скотоводство уже

не даетъ всѣхъ необходимыхъ средствъ для существованія германца, и недостающее приходится пополнять земледѣліемъ. Германецъ уже не можетъ обойтись безъ земледѣлія. Узипиты и тенктеры, по словамъ Цезаря, ушли изъ своей родины за Рейнъ потому, что „тѣснимые въ теченіе многихъ лѣтъ свебами, они были вынуждены вести оборонительную войну и отрывались отъ земледѣлія"/IУ,I/. И они обѣщались быть вѣрными друзьями римлянъ, если последніе „или дадутъ имъ /новыя/ поля, или согласятся оставить за ними тѣ, которыя они уже захватили оружіемъ"/IУ,7I/. Правда, земледѣліе пока еще только подсобное занятіе, пока еще германцы „agriculturae non student", хотя и не могутъ безъ него прокормиться. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ интересы земледѣлія занимаютъ въ хозяйственной жизни германца второстепенное мѣсто и приносятся въ жертву интересамъ господствующаго занятія - скотоводства. Вотъ почему „ни у кого изъ нихъ нѣтъ, говоритъ Цезарь, собственнаго поля съ опредѣленными границами, но начальники ихъ и старѣйшины ежегодно отводятъ отдѣльнымъ родамъ и союзамъ сожительствующихъ родственниковъ столько поля, сколько и гдѣ имъ будетъ угодно, а по прошествіи года снова заставляютъ ихъ переходить на другія пространства"/УI,22/. То, что Цезарь считаетъ результатомъ искуственныхъ предписаній властей, на самомъ дѣлѣ было вызвано насущными хозяйственными потребностями. Вообще, надо замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда римскіе историки сообщаютъ намъ

голые факты о германцахъ, мы не имѣемъ основанія имъ не вѣрить; но когда они начинаютъ давать объясненія этимъ фактамъ, они всегда ошибаются, не будучи въ состояніи уяснить себѣ чуждаго для нихъ строя примитивнаго общества. Такъ обстояло дѣло и въ данномъ случаѣ. Едва ли можно согласиться съ Инамою Штернеггомъ, который вмѣстѣ съ Цезаремъ полагаетъ, что кочевой образъ жизни у германцевъ къ данному времени уже разлагался и что являлась потребность поддерживать его строгими мѣрами принужденія. Напротивъ, картина, рисуемая Цезаремъ, есть яркая иллюстрація быта полукочевого народа, переходящаго къ земледѣлію. Въ границахъ огромнаго пространства, изрѣзаннаго непроходимыми лѣсами и болотами, обитаетъ отдѣльная народность или племя /civitas или gens въ широкомъ смыслѣ этого слова, напр., gens Sveborum. Данное племя не представляетъ изъ себя единаго сплоченнаго организма, съ единою центральною властью. „Въ мирное время, говоритъ Цезарь, у нихъ вовсе нѣтъ общаго начальника /magistratus/, но старѣйшины /principes/ округовъ и селеній творятъ судъ и разбираютъ распри между своими /УI,23/. Каждое племя раздроблено на болѣе мелкія, вполнѣ самодовлѣющія кровныя соединенія - gentes и cognationes, съ своими собственными начальниками и старѣшинами - magistratus и principes. Principes, которые по Цезарю, „творятъ судъ и разбираютъ распри между своими", это повидимому, естественные главари отдѣльныхъ кровныхъ соединеній, власть которыхъ покоится на традиціи. Magistratus - на языкѣ рим-

лянъ того времени власть выборная. Это, повидимому, тѣ изъ principes, власть которыхъ добровольно признана цѣлою группою кровныхъ соединеній - нѣсколькими gentes или cognationes. Это primi inter pares по отношенію къ остальнымъ principes, выдвинувшіеся или личными доблестями, или богатствомъ / въ смыслѣ обладанія большимъ количествомъ скота/. Кровнымъ подраздѣленімъ племени, можетъ быть, соотвѣтствовали территоріальныя подраздѣленія civitas-pagi и regiones или vici. Врочемъ, едва ли можно говорить о какихъ либо правильныхъ территоріальныхъ подраздѣленіяхъ civitas при полукочевомъ образѣ жизни народа. Единственно твердыя подраздѣленія, надо думать, подраздѣленія кровныя. Правда, выше было сказано, что у германцевъ существовали деревни /vici/. Цезарь сжегъ ихъ нѣсколько, проходя по территоріи сигамбровъ. Были въ Германіи и укрѣпленія /oppida/, но все это очень мало говоритъ за осѣдлость германцевъ. Въ oppida германцы укрывались лишь въ минуты опасности, а деревенскія постройки, если и не всегда можно было увезти, то всегда можно было покинуть безъ большого ущерба. Германцы не обитали въ одномъ мѣстѣ болѣе одного года. Ежегодно, по опредѣленію magistratus и principes, каждому кровному соединенію отводилось опредѣленное мѣсто для жительства. И въ то время, когда бо́льшая часть родственниковъ занималась выпасомъ скота, отдѣльныя / надо думать, наименѣе состоятельныя/ лица захватывали, по своему усмотрѣнію, земельные участки и наскоро ихъ об-

работывали. Обработка почвы не была связана съ большими усиліями. Это не корчевка деревьевъ, какъ думаетъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми нѣмецкими историками проф. Ковалевскій, и никакъ не осушеніе болота. Врядъ ли бы сталъ германецъ предпринимать такое трудное дѣло для одного только года. Да и не было надобности въ такой трудной работѣ, такъ какъ мы видѣли, что свободныхъ т.е. годныхъ для обработки пространствъ было въ Германіи достаточно. Это, повидимому, выжиганіе или выкашиваніе травы и мелкаго кустарника, какъ думаетъ Гильдебрандъ, и примитивное воздѣлываніе почвы несложными земледѣльческими орудіями. Проходитъ годъ. Интересы скотоводства требуютъ перемѣщенія gens'а или cognatio на новое мѣсто, на новые выпасы, такъ какъ находящіяся по близости пастбища уже утилизированы. Земледѣлецъ, успѣвшій снять къ этому времени свою жатву, вынужденъ слѣдовать за родичами и производить новую обработку земли на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было собственности на землю. Свободнаго пространства еще слишкомъ много, чтобы заявлять на него какія либо притязанія. Оно ничье - res nullius, и лишь временно находится въ пользованіи или владѣніи у отдѣльныхъ родственныхъ соединеній.

Таковы, надо думать, хозяйственные распорядки германцевъ въ половинѣ I в. до Р.Хр. Проходитъ 150 лѣтъ - и многое въ этихъ порядкахъ кореннымъ образомъ измѣняется. Едва ли можно согласиться съ Гельдебрандомъ, который под-

водитъ хозяйственный строй германцевъ эпохи Цезаря и Тацита подъ одну категорію полукочевничества. Съ другой стороны, не правы и тѣ изслѣдователи вопроса, для которыхъ германцы времени Тацита - тѣ же осѣдлые земледѣльцы, что и при Цезарѣ. Многіе ссылаются на то, что 150 лѣтъ, съ точки зрѣнія исторической эволюціи, вовсе не такой большой срокъ, чтобы за это время хозяйственная жизнь германцевъ измѣнилась кореннымъ образомъ. При этомъ не принимаютъ во вниманіе одного внѣшняго обстоятельства громадной важности, именно, постройку римскаго limes'а, который заперъ германцевъ за Рейномъ и Дунаемъ и заставилъ ихъ перейти къ большей осѣдлости. Правда, и при Тацитѣ скотоводство - „единственный источникъ богатства" германцевъ, и при Тацитѣ они много занимаются охотою, но уже о бродяжничествѣ отдѣльныхъ родовъ упоминаній не имѣется. Напротивъ, германцы твердо сидятъ на занятой ими территоріи. Тацитъ рѣзко различаетъ германцевъ отъ сарматовъ - кочевниковъ, „живущихъ на конѣ и въ кибиткѣ" /X VI/, и описываетъ ихъ дома не какъ легко подвижныя постройки. Дома выстраиваются изъ бревенъ и обмазываются глиной; нерѣдко они имѣютъ подземныя отдѣленія. Въ этихъ домахъ германцы и „живутъ разбросанные и разсѣянные /colunt discreti ac diversi/, гдѣ кому понравится, у источника ли, у луга, или у рощи /ut fons, ut campus, ut nemus placuit/. Деревни строятъ не по нашему /римскому/ обычаю смежными и другъ къ другу прилегающими строеніями, /vicos locant non in nostrum morem connexis ac cohaerentibus aedificiis/,

но каждый окружаетъ свой домъ пространствомъ /suam quisque domum spatio circumdat/, изъ за боязни ли пожара, или же по незнанію строительства /sive adversus ignis casus remedium, sive inscitia aedificandi/. Напрасно нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ данномъ свидѣтельствѣ Тацита указанія на двоякаго рода поселенія древнихъ германцевъ - хуторныя и деревенскія. Ясный смыслъ текста показываетъ, что Тацитъ имѣетъ въ виду лишь одного рода поселенія - деревни. Описывая германскія деревни, Тацитъ просто хотѣлъ сказать, что онѣ не похожи на римскія, что онѣ состоятъ изъ разбросанныхъ и разсѣянныхъ дворовъ, не скученныхъ въ одну тѣсную группу. И такому толкованію нисколько не противорѣчитъ свидѣтелество XIX главы о невѣрной женѣ, прогоняемой мужемъ черезъ деревню.

Тацитъ объясняетъ разбросанность германскихъ построекъ „sive adversus ignis casus remedium, sive inscitia aedificandi". Данное объясненіе безусловно неправильно. Разбросанность германскихъ жилищъ объясняется отнюдь не боязнью пожара или неумѣньемъ строителей. Причина своеобразнаго вида германскихъ деревень лежитъ глубже, именно, въ интересахъ хозяйственныхъ. Мы знаемъ, что скотоводство по прежнему играетъ громадную роль въ жизни германцевъ. А чтобы прокормить стада, необходимо имѣть подъ руками готовыя пастбища. Вотъ почему германцы и любятъ ютиться въ одиночку. Вотъ почему каждый и „окружаетъ свой домъ пространствомъ". Впрочемъ, интересы скотоводства уже не

главные въ жизни германца. Онъ твердо осѣлъ на одномъ мѣстѣ и не хочетъ бродяжничать. Пастушескія занятія онъ не хочетъ предпочитать земледѣлію; онъ не хочетъ больше приносить въ жертву интересамъ скотоводства интересы земледѣльческой культуры. Онъ умѣетъ искусно комбинировать и то и другое. „Agri, говоритъ Тацитъ, pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant et superest ager" /XXVI/.

Таково это знаменитое мѣсто изъ Тацита, вызвавшее столько разнообразныхъ толкованій. На что намекаетъ здѣсь римскій историкъ, на общинную земельную собственность - марку или на родовую, на индивидуальную ли или на отсутствіе всякой собственности на землю. Чтобы отвѣтить на данный вопросъ, необходимо разобрать каждое выраженіе Тацита по отдѣльности.

„Agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur". Ager на языкѣ того времени обозначаетъ годное для обработки поле / напр., римскій ager publicus /. Слѣдовательно, „годныя для обработки поля /agri / занимаются /occupantur/ ab universis in vices". Возникаетъ вопросъ, что такое universis, существительное или прилагательное. Если существительное, то слѣдуетъ переводить „общинами", если прилагательное - „всѣми". Но терминъ universus въ то время никогда не употреблялся въ смыслѣ существительнаго. Значеніе существительнаго онъ получилъ лишь позднѣе - у схоластиковъ, а у римскихъ писателей онъ всегда и неизмѣнно обозначалъ прилагательное и требовалъ опредѣляемаго слова. Слѣдовательно, будемъ переводить всѣми. Кѣмъ же всѣми? Очевидно, cultoribus, т.е. воздѣлывателями. Обращаемся къ выраженію in vices / нѣкотор. рук. in vicis /. По мнѣнію Вайца, здѣсь мы наталкиваемся на ошибку переписчика. Слѣдуетъ читать не in vicis /vices/, а просто vicis /ab universis vicis = всѣми деревнями/. Съ другой стороны, Гильдебрандъ полагаетъ, что слѣдуетъ читать vicinis, т.е. in надо поставить не передъ словомъ vicis, а въ срединѣ этого слова - получится ab universis vicinis / поля воздѣлываются всѣми сосѣдями/. Всѣ эти конъектуры - чистѣйшая фантазія ихъ авторовъ, и останавливаться на нихъ мы считаемъ излишнимъ. Мы сдѣлаемъ лучше, если примемъ чтеніе не Вайца и Гильдебранда, а общепринятое чтеніе лучшихъ рукописей, иначе говоря, чтеніе самого Тацита - in vices, то же, что in vicem, то есть по очереди. Это значитъ, что годныя для обработки поля занимаются не всѣ разомъ а постепенно, по очереди, отдѣльными участками, соотвѣтственно числу рабочихъ рукъ воздѣлывателей.

„quos mox inter se secundum dignationem partiuntur" = „которыя тотчасъ же раздѣляются между ними сообразно

достоинству каждаго". Это значить, что тотчасъ же по занятіи или заимкѣ поля, т.е. его предварительной расчисткѣ, данное поле раздѣляется между всѣми заимщиками, но не на равныя доли, а соотвѣтственно достоинству каждаго.

„*Facilitatem partiendi camporum spatia praestant*", т.е. „легкость для раздѣла доставляютъ обширныя пространства полей", именно полей - *camporum*, т.е. не поросшихъ лѣсомъ и болотистыхъ мѣстъ, а открытыхъ пространствъ, поросшихъ, можетъ быть, травою, а, можетъ быть, мелкимъ кустарникомъ, скорѣе, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Отсюда ясно, что заимка производится, какъ и во времена Цезаря, не путемъ громадныхъ усилій заимщиковъ, не путемъ корчевки деревьевъ и осушенія болотъ, а болѣе легкими способами, именно, путемъ выжиганія или выкашиванія.

Наконецъ, „*arva per annos mutant et superest ager*" - „пашни она мѣняетъ ежегодно и все таки поля /т.е. годнаго для обработки пространства/ остается въ изобиліи".

Чтобы получить полную картину аграрныхъ порядковъ эпохи Тацита, необходимо остановиться еще на одномъ чрезвычайно важномъ мѣстѣ „Германіи", обыкновенно упускаемомъ изъ виду сторонниками общинной теоріи. „Рабами, говоритъ Тацитъ, они /германцы/ пользуются не по нашему, не путемъ распредѣленія между ними обязанностей по хозяйству, у каждаго изъ нихъ есть своя усадьба и свой домашній очагъ / свои пенаты/. Господинъ требуетъ съ раба опредѣленное количество хлѣба, скота и одежды, какъ съ колона, и онъ только это и обязанъ исполнять; службы на дому лежатъ исключитель на женѣ и на дѣтяхъ" / XXУ/. Изъ сказаннаго мы видимъ, что у германцевъ есть рабы, рабы земледѣльческіе, подобные римскимъ колонамъ. Они сидятъ на опредѣленныхъ, полученныхъ отъ господина участкахъ, и выплачиваютъ ему опредѣленные оброки исключительно натурою.

Теперь намъ нетрудно набросать приблизительную картину аграрнаго строя германцевъ конца I вѣка по Р.Хр. Германцы - народъ осѣдлый. Они живутъ разбросанными домами, совокупность которыхъ составляетъ *vicus*, т.е. деревню. Что представляетъ изъ себя эта деревня? Мы видѣли, что во времена Цезаря германцы осѣдали большими кровными соединеніями. И Цезаревская *vicus*, безъ сомнѣнія, есть поселеніе отдѣльнаго кровнаго соединенія-*gens*'а или *cognatio*. Широкое господство семейнаго начала въ жизни германцевъ Тацитовской эпохи позволяетъ утверждать, что и теперь каждая *vicus* есть обиталіе разросшагося семейства или рода. Но если въ эпоху Цезаря каждая большая семья/или родъ/ представляла изъ себя тѣсно сплоченное цѣлое, члены котораго жили общею жизнью, то теперь она разбилась на отдѣльные дворы /*domus*/, изъ которыхъ каждый-самостоятельная единица. Въ каждомъ отдѣльномъ дворѣ или жилищѣ обитаетъ главарь болѣе тѣснаго кровнаго соединенія - подраздѣленія многочисленнаго семейства, окруженный ближайшими род-

ственниками / можетъ быть, только женой и дѣтьми / и подчиненными. Соціальное и экономическое положеніе главарей отдѣльныхъ домовъ неодинаково. Одни изъ нихъ болѣе прославились своими военными подвигами, захватили болѣе добычи и имѣютъ большее количество скота и рабовъ, другіе меньшее./ Ср. locupletissimi и nobiles Тацита, УII, ХУII, ХУIII/. Земледѣліемъ, надо думать, занимаются не всѣ. Нѣкоторые живутъ исключительно войною, другіе исключительно скотоводствомъ. Земледѣльцы цѣлаго рода - деревни выходятъ на поле сообща. Они сообща занимаютъ извѣстные участки годныхъ для обработки пространствъ, сообща очищаютъ ихъ отъ травы или кустарника, и затѣмъ дѣлятъ сообразно достоинству каждаго, т.е. сообразно его соціальному положенію и матеріальному благосостоянію. Каждый домохозяинъ беретъ столько, сколько онъ въ состояніи обработать со своими помощниками. Другихъ мѣрокъ не существуетъ, такъ какъ поля хватитъ для каждаго - Superest ager. Слѣдовательно, если заимки производятся всѣми членами рода - деревни сообща, то обработываетъ свой участокъ каждый домохозяинъ въ отдѣльности, исключительно своими собственными силами . Земледѣльческая культура примитивна. „Отъ земли, говоритъ Тацитъ, не требуютъ ничего, кромѣ жатвы". / ХХУI/. Система хозяйства грубо переложная и однопольная. По истеченіи года переходятъ къ новымъ участкамъ, а старые оставляютъ подъ паромъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда вся окружающая деревню земля подвергнется обработкѣ, опять возвращаются къ старымъ участкамъ. Объ индивидуальной земельной собственности, кончно, рѣчи быть не можетъ, за исключеніемъ вполнѣ установившейся собственности на прилегающую къ дому усадьбу. Если и есть собственность, то собственность родовая . Земля принадлежитъ родовой общинѣ, и отдается отдѣльнымъ дворамъ лишь для пользованія. Но каждый домохозяинъ пользуется своимъ участкомъ индивидуально, какими угодно способами. Онъ можетъ или собственноручно его обработывать, или сажать на него рабовъ / если таковые имѣются/ и получать съ нихъ опредѣленные оброки, или соединять и то и другое / что вѣроятно, чаще всего и практиковалось/. Такимъ образомъ, наряду съ мелкими земельными владѣніями /но не собственностью /, мы встрѣчаемъ у германцевъ владѣнія крупныя. Что касается угодій - лѣсовъ, луговъ и т.п., то ими, повидимому, пользуются сообща. Они, надо думать, не подлежатъ передѣлу, такъ какъ въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Итакъ , если въ эпоху Цезаря у германцевъ еще нѣтъ никакой собственности на землѣ, то въ эпоху Тацита выступаетъ собственность родовая / конечно, не въ смыслѣ юридическаго понятія , а въ смыслѣ простого, очевиднаго для всѣхъ факта/, съ подворнымъ, т.е. индивидуальнымъ I/ землевладѣніемъ.

I/ Подворное землевладѣніе мы склонны считать скорѣе индивидуальнымъ, нежели семейнымъ. Въ противномъ случаѣ мы нигдѣ /даже у насъ въ Россіи/не найдемъ строго ин-

Но не далеко то время, когда подворное / индивидуальное/ землевладѣніе превратится въ подворную, / индивидуальную/ собственность, по крайней мѣрѣ, на пахотное поле. Такіе порядки мы и находимъ въ Салической Правдѣ - памятникѣ начала УІ столѣтія. Изъ Салической Правды мы узнаемъ, что пахотное поле, а во многихъ случаяхъ и угодья полная частная собственность . Однако сохранились слѣды и старой родовой собственности, въ видѣ отсутствія завѣщаній на землю и перехода ея исключительно по мужской линіи. Женщина, по Салическому закону, изъ наслѣдованія отечественной /аллодіальной / земли исключается. /LIX/.

Такова приблизительная картина аграрныхъ отношеній древнихъ германцевъ, возстановленная на основаніи текста источниковъ. Нѣтъ здѣсь ни марки, въ смыслѣ товарищеской общины, ни ежегоднаго раздѣла земель на равныя доли по жребію, ни трехпольной системы, ни принудительнаго сѣвооборота - Flurzwang/ы. Все это явленія болѣе поздняго времени. Пересаживать марковый строй на территорію древней Германіи-это значитъ насиловать факты. Съ другой стороны, у германцевъ нѣтъ и частной собственности на землю, а тѣмъ болѣе помѣстнаго строя. Фюстель де Кулянжъ

дивидуальнаго землевладѣнія въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Впрочемъ, здѣсь могутъ быть разногласія лишь въ терминахъ, а не въ понятіяхъ.

Виттихъ, Сибомъ впали въ другую крайность, полемизируя съ представителями общинной теоріи. Родовая общинная собственность на землю, стоящая на пути разложенія и подворное, т.е. строго индивидуальное землепользованіе - вотъ существенныя черты аграрнаго строя германцевъ времени Тацита.

Мы все время разсматривали аграрныя отношенія древнихъ германцевъ. Что касается торгово-промышленныхъ отношеній германскаго общества, то о нихъ много говорить не приходится. Городовъ , въ смыслѣ многолюдныхъ торгово-промышленныхъцентровъ, у германцевъ, конечно, не существуетъ. Торговый обмѣнв у нихъ въ зачаточномъ состояніи, а о промышленности почти не сохранилось никакихъ извѣстій. „Ближайшіе къ нємъ, говоритъ Тацитъ, по причинѣ торговыхъ сношеній цѣнятъ золото и серебро, знаютъ и различаютъ нѣкоторыя изъ нашихъ монетъ, но у живущихъ внутри страны въ употребленіи болѣепростой и старинный способъ торговли - обмѣнъ товаровъ". Вотъ и все, что мы знаемъ о торговлѣ германцевъ. О промышленности Цезарь и Тацитъ не упоминаютъ. Конечно, отсюда еще нельзя заключать, что ея вовсе не существовало, но она, повидимому, была очень ничтожна и не бросалась въ глаза посторонниимъ, случайнымъ наблюдателямъ, каковыми являются Цезарь и Тацитъ. Плиній, напримѣръ, утверждаетъ/ H.N. XIX,2/, что у германцевъ существовали подземныя жилища, въ которыхъ изготовлялись предметы

одежды. Вообще надо думать, что предметы,необходимые для войны и домашняго обихода, изготовлялись женщинами или ремесленниками - рабами. По крайней мѣрѣ въ Варварскихъ Правдахъ, изъ которыхъ наиболѣе раннія отражаютъ въ себѣ черты древняго быта германцевъ,немногія указачія на существованіе подобныхъ рабовъ - ремесленниковъ имѣются.Такъ, въ Салической Правдѣ, древняя редакція которой относится къ началу УI вѣка, въ статьѣ о похищеніи рабовъ мы читаемъ такое постановленіе: „Если кто украдетъ или убьетъ.. . кузнеца, золотыхъ дѣлъ мастера... или оружейника, и это будетъ доказано,присуждается къ уплатѣ I200 динаріевъ или 30 солидовъ".Подобнаго же рода постановленіе мы читаемъ въ Бургундской Правдѣ / памятникѣ УI вѣка/, гдѣ упоминаются золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера,кузнецы и сапожники - люди рабскаго состоянія. Тоже и въ Алеманской Правдѣ - памятникѣ болѣе поздняго времени / УII,УIII вв. /.На ряду съ ремесленниками - мужчинами, повидимому, существовали домашнія мастерскія женщинъ - ремесленницъ, на что указываютъ отдѣльные,правда,несовсѣмъ ясные термины Салической Правды.

----

3. СОЦІАЛЬНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

Намъ остается сдѣлать бѣглый обзоръ соціальныхъ и политическихъ отношеній древне-германскаго общества. Само собою понятно, что въ примитивномъ обществѣ,подобномъ германскому, не могло имѣть мѣста широкое соціальное расчлененіе. Это явленіе присуще болѣе высокой стадіи культурнаго развитія, а не той, которая, какъ мы видѣли,характеризуется полупастушескимъ и полуземледѣльческимъ состояніемъ народа, отсутствіемъ индивидуальной собственности на землю, и польнѣйшею замкнутостью отдѣльныхъ хозяйственныхъ организацій. Примитивное хозяйство германца было чуждо пріобрѣтательскихъ интересовъ. Замкнутость и самодовлѣніе - вотъ его отличительныя особенности. Каждый производитъ только для собственныхъ потребностей. Обмѣна нѣтъ, да и быть не можетъ при наличныхъ условіяхъ. А безъ обмѣна нѣтъ и хозяйства, какъ предпріятія. Нѣтъ скопленія въ однѣхъ рукахъ большого богатства, скопленія, которое одно только способно произвести глубокія классовыя расчлененія въ общественномъ организмѣ. Нѣтъ здѣсь и бѣдняковъ,неимѣющихъ никакихъ средствъ для пропитанія; слѣдовательно, не существуетъ и экономической зависимости однѣхъ соціальныхъ группъ отъ другихъ. Свободнаго поля хватитъ для каждаго /Superest ager /.Нѣтъ недостатка и въ выпасахъ. Словомъ, классовая борьба,возникшая на почвѣ экономической зависимости,-явленіе совершенно незнакомое древнимъ германцамъ.

Но отсюда еще не значитъ, что германцы воплотили въ своей внутренней жизни идеи братства, свободы и равенства, какъ это любятъ утверждать нѣкоторые неумѣренные германисты. Экономическое неравенство / но отнюдь не зависимость/ у германцевъ существовало. Тацитъ упоминаетъ о богатыхъ людяхъ -locupletissimi, которые отличались отъ другихъ германцевъ изысканностью своей одежды / XУII /. Повидимому, богатство этихъ людей состояло въ обладанiи большимъ количествомъ скота и рабовъ, захваченныхъ у сосѣдняго племени въ военное время. А обладанiе большимъ количествомъ рабочаго инвентаря позволяло богатому человѣку захватывать болѣе обширные земельные участки для пахоты и для выпаса, т.е. вести болѣе широкое пастушеское и земледѣльческое хозяйство. Вспомнимъ, что земельные участки, по Тациту, распредѣлялись secundum dignationem, т.е.не на равныя доли, и что на нѣкоторыхъ участкахъ селились земледѣльческiе рабы, платившiе своему господину определенные ежегодные оброки хлѣбомъ, скотомъ и одеждою. Впрочемъ, мы не должны слишкомъ преувеличивать значенiе этого сравнительно „крупнаго" хозяйства. Оно такая же самостоятельная единица, какъ и хозяйство другихъ, менѣе зажиточныхъ германцевъ, такъ какъ ничего на сторону не производитъ. Оно только само себя удовлетворяетъ, а отнюдь не основывается на экономическомъ упадкѣ другихъ хозяйствъ, такъ какъ свободнаго поля всегда остается въ изобилiи.

Наряду съ locupletissimi Тацитъ упоминаетъ nobiles, т.е. знать или дворянство /нѣм. Adel /. Очень можетъ быть, что богатство и знатность часто соединялись въ однѣхъ и тѣхъ же соцiальныхъ группахъ. Nobiles могли быть и locupletissimi. Но locupletissimi, надо думать, не всегда были nobiles. Богатство прiобрѣталось добычею, знатность - исключительно происхожденiемъ. Nobiles - это, повидимому, члены отдѣльныхъ семействъ, родоначальники которыхъ когда то прославились своею храбростью и воинскими подвигами. Слава и могущество предковъ, такимъ образомъ отразились и на потомкахъ. Когда произошло это выдѣленiе отдѣльныхъ семействъ, намъ неизвѣстно. „Священныя сумерки окутываютъ происхожденiе германскаго дворянства", говоритъ уже не разъ упоминаемый мною Вайцъ, авторъ капитальной „Исторiи нѣмецкихъ учрежденiй". О правахъ и привилегiяхъ германской знати мы имѣемъ гораздо болѣе свѣдѣнiй. Намъ извѣстно, напримѣръ, что изъ среды знати избирались короли / тамъ, гдѣ они существовали — VII/. Представители знатныхъ семействъ /principes / являлись фактическими руководителями народнаго собранiя / XI/. Они же, надо думать, творили судъ по округамъ и селенiямъ /XII/.

Ниже родовой знати на соцiальной лѣстницѣ стоитъ масса свободныхъ германцевъ, - которыхъ Тацитъ обыкновенно называетъ терминомъ plebs, повидимому, по аналогiи съ римскимъ гражданствомъ. Очевидно, что и права германскаго plebs'а тожественны съ правами plebs'а римскаго. Это - участiе въ народномъ собранiи и судѣ, выборы должностныхъ

лиць, свобода отъ какихъ бы то ни было налоговъ, а въ частной жизни полнѣйшая самостоятельность и независимость Надо замѣтить, что представители германскаго plebs'a, благодаря своимъ личнымъ качествамъ[I/], могли возвышаться до положенія вождей /principes/, и даже общеплеменныхъ военачальниковъ /duces/ / XII-XУ,УII/.

Среднее мѣсто между свободными и рабами у германцевъ занимаютъ вольноотпущенники -liberti / поздн. литы/. Упоминая о liberti, Тацитъ замѣчаетъ, что они мало возвышаются надъ рабами, не имѣя значенія ни въ домашнемъ хозяйствѣ, ни въ государственной жизни. А затѣмъ, имѣя въ виду соціальныя нестроенія Римской Имперіи, поспешно добавляетъ, что лишь въ государствахъ, гдѣ есть императорская власть, положеніе ихъ иное: тамъ они возвышаются не только надъ свободными, но и надъ знатью; у другихъ же народовъ / т.е. германцевъ/ приниженное положеніе вольноотпущенниковъ является лишь доказательствомъ свободы /apud ceteros impares libertini libertatis argumentum sunt/XXУ/. Надо думать, что въ положеніе полусвободныхъ становились племена, добровольно подчинившіяся сильнымъ сосѣдямъ. Но и свободный членъ общества могъ утерять свою свободу и спуститься до положенія лита, напр., въ случаѣ задолженности.

Мы уже видѣли, что у германцевъ существовали и рабы,

I/ Значеніе термина princeps, употребляемаго Тацитомъ, довольно расплывчато. Въ однихъ случаяхъ это что то близкое къ королю /X/ въ другихъ случаяхъ -родовой старѣйшина /XI,XII/, въ третьихъ случаяхъ-вождь, предводитель дружины /XIII-XУI/.

т.е. вполнѣ несвободные элементы. Главнѣйшій источникъ рабства - война. Обращеніе въ рабство покоренныхъ сосѣдей - самое заурядное явленіе у примитивныхъ народовъ Другой источникъ рабства - азартныя игры. Лицъ проигравшихъ свою свободу въ кости, заковывали въ кандалы и немедленно продавали за границу/ XXIУ/. Описывая положеніе рабовъ германскаго общества, Тацитъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что положеніе ихъ гораздо лучше положенія рабовъ въ императорскомъ Римѣ. Дѣти раба и господина обычно воспитываются вмѣстѣ, причемъ между ними не дѣлается никакого различія, „Они валяются среди одного и того же скота и въ одной и той же грязи, говоритъ Тацитъ, пока / совершеннолѣтній/ возрастъ не отдѣлитъ свободнаго" /XX/. Вотъ почему господинъ - видѣлъ въ рабѣ - другѣ своего дѣтства - не простую хозяйственную вещь, не хозяйственный инвентарь instrumentum vocale, а человѣка. Германскій рабовладѣлецъ не истязаетъ своихъ рабовъ, не мучитъ ихъ непосильной работой, а если иногда и убиваетъ, то лишь въ минуту крайняго раздраженія и запальчивости /XXУ/. Да и матеріальное положеніе германскаго раба въ сущности было довольно сносно. Господинъ не держалъ его при своемъ домѣ такъ какъ домашнія работы отправлялись женщинами, стариками и слабыми. Мы видѣли, что онъ сажалъ его на опредѣленный земельный участокъ, давая каждому возможность имѣть свой собственный домашній очагъ, своихъ пенатовъ, т.е вести вполнѣ самостоятельное хозяйство /XXУ/

Надо думать, что число вольноотпущенниковъ и рабовъ не было очень значительно у германцевъ, такъ какъ большихъ надобностей въ услугахъ несвободныхъ элементовъ пока не существовало. Итакъ, знатные, свободные полусвободные и рабы- вотъ 4 основныхъ соціальныхъ элемента германскаго общества. Главное ядро народа-plebs, т.е. свободные элементы. Остальныя три соціальныхъ подраздѣленія терялись въ многочисленной массѣ свободныхъ германцевъ.

Соціальная дифференціація германскаго общества въ значительной мѣрѣ осложнялась господствомъ родового начала. Когда мы говоримъ о свободныхъ германцахъ, то это не та свобода, которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ одинаковой степени охраняется государственной властью. Государственная власть у германцевъ еще очень слаба, она едва начинаетъ проявлять свое дѣйствіе. Личная свобода въ значительной мѣрѣ стѣсняется узами родового соединенія, которое стоитъ между каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ и слабой государственной властью. Вообще, надо замѣтить, что пока человѣкъ стоитъ на примитивной ступени культурнаго развитія, пока онъ удовлетворяется непосредственными дарами природы, т.е. занимается охотою, рыболовствомъ и собираніемъ естественныхъ плодовъ земли, единственное убѣжище и единственную защиту правъ своей личности онъ находитъ въ кровномъ соединеніи-родѣ. Каждое семейство, каждый маленькій родъ представляетъ изъ себя вполнѣ самодовлѣющую общественную единицу, которая сама себя охраняетъ и

ни въ какихъ постороннихъ услугахъ не нуждается. При такихъ обстоятельствахъ, быть внѣ родового соединенія это то же самое, что въ настоящее время быть внѣ закона, т.е. внѣ соединенія государственнаго. Оторванный отъ своихъ родичей, примитивный человѣкъ становится одинокимъ, безпомощнымъ и беззащитнымъ, такъ какъ внѣ родового союза никакихъ общественныхъ организацій не существуетъ. И лишь по мѣрѣ того, какъ человѣкъ переходитъ къ болѣе высокимъ стадіямъ культурнаго развитія, по мѣрѣ того, какъ у него возникаютъ потребности въ болѣе широкихъ общественныхъ соединеніяхъ, надъ отдѣльными родами мало по малу возвышается государство. Конечно, не сразу уничтожаетъ государство значеніе родового начала. Тихо и незамѣтно, но послѣдовательно и упорно совершаетъ оно эту работу, занимающую цѣлый рядъ столѣтій и поколѣній. На первыхъ порахъ государственное начало проявляетъ свою дѣятельность лишь во время войны, т.е. при исключительныхъ обстоятельствахъ и совершенно стушевывается во время мира, но съ теченіемъ времени оно начинаетъ дѣйствовать непрерывно, и при обычныхъ условіяхъ. Власть родовыхъ старѣйшинъ тогда все болѣе и болѣе отодвигается на второй планъ, и наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, давая полный просторъ государственному началу.

Исторія политическаго и общественнаго строя древнихъ германцевъ - яркая иллюстрація высказанныхъ положеній. Ключъ къ пониманію внутренней жизни германскаго общества эпохи Цезаря и Тацита слѣдуетъ искать именно въ кровномъ союзѣ. Какъ при Цезарѣ, такъ и при Тацитѣ, частно правовыя

начала /если только можно употреблять этотъ терминъ въ приложении къ тогдашнему примитивному обществу/ рѣшительно преобладаютъ надъ началами обще-правовыми, т.е. общегосударственными. Каждая народность, каждое племя состоитъ изъ множества мелкихъ кровныхъ соединеній, и эти кровныя соединенія въ урегулированіи своей внутренней жизни являются вполнѣ самостоятельными. Родовыми группами германцы выстраивались въ бояхъ, и это, по словамъ Тацита придавало имъ болѣе храбрости /УII/ Родовой союзъ защищаетъ своихъ членовъ отъ посторонняго обидчика, помимо государства, а въ результатѣ кровавая месть, иногда, впрочемъ, замѣняемая вергельдомъ /XXI/ Движимая и недвижимая собственность разсматривается, какъ собственность родовая. Вотъ почему завѣщанія и наслѣдованія по женской линіи не существуетъ, такъ какъ женщина легко можетъ сдѣлаться членомъ другого рода /XX/. Приданое платитъ не жена мужу, а мужъ женѣ, что указываетъ на практиковавшійся ранѣе выкупъ женщины у ея родственниковъ /XXУIII/. Наконецъ, домовладыка имѣетъ полное право распоряжаться слабыми членами своего семейства по собственному усмотрѣнію, являясь ихъ единственнымъ судьей и защитникомъ. Женщину онъ можетъ подвергнуть любому наказанію /XIX/ Несовершеннолѣтнія дѣти опять таки всецѣло подчинены его власти /XIII/. А о томъ, насколько власть рода была сильна и надъ взрослыми членами германскаго общества, свидѣтельствуетъ строго формулиро-

ванный въ Салической Правдѣ актъ отреченія отъ кровнаго союза, актъ, совершаемый путемъ символическаго обряда преломленія вѣтви /t.LX/

Но уже при Цезарѣ, т.е. въ половинѣ I-го вѣка до Р. Христова, государственное начало даетъ себя осязательно чувствовать, правда, пока лишь въ исключительныхъ случаяхъ. „Въ мирное время, говоритъ Цезарь, нѣтъ у нихъ общаго руководителя. И лишь старѣйшины /principes/ отдѣльныхъ округовъ и мѣстечекъ отправляютъ правосудіе между своими, разбирая разнаго рода споры и разногласія" /УI,23/. Очевидно, что эти старѣйшины /principes/, отправлявшіе правосудіе между своими сородичами, являлись никѣмъ инымъ, какъ главарями отдѣльныхъ кровныхъ соединеній. Въ мирное время каждый родъ вполнѣ удовлетворяетъ своимъ собственнымъ нуждамъ, и не ощущаетъ никакой потребности въ болѣе широкихъ общественныхъ соединеніяхъ. И лишь въ исключительныхъ случаяхъ выступаетъ передъ нами выборное должностное лицо съ широкими полномочіями. „Когда государство... ведетъ войну, читаемъ мы у Цезаря избираются начальники /magistratus/ съ правомъ жизни и смерти" /Ibid./ Повидимому, тѣ же выборные начальники выступаютъ и при отводѣ земель отдѣльнымъ родовымъ соединеніямъ, являясь посредниками при улаженіи разнаго рода разногласій, которыя могли возникнуть между родовыми старѣйшинами. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что землю распредѣляли не одни только principes / т.е. родовые старѣйшины/, но и magistratus,

/ УI,22/, каковой терминъ на языкѣ римлянъ данной эпохи обозначалъ выборное должностное лицо съ широкими полномочіями. Само собою разумѣется, что для выбора такого начальника должны были созываться народныя собранія. И о нихъ упоминаетъ Цезарь, но не какъ о правильно функціонирующемъ органѣ центральнаго управленія, а какъ о явленіи исключительномъ. Предназначенныя для выбора обще-племеннаго начальника, эти собранія въ то же время подготовляютъ болѣе тѣсное соединеніе отдѣльныхъ родовыхъ организацій въ одно общее цѣлое. Главы отдѣльныхъ родовъ, задумавшіе исключительно на свой собственный рискъ и страхъ какое либо военное предпріятіе, вербуютъ здѣсь себѣ товарищей изъ всего племени /УI,23/. Такимъ путемъ родовыя соединенія мало по малу выходятъ изъ своего изолированнаго состоянія. Зарождаются новыя связи, въ видѣ германскаго дружиннаго начала, которое пышно расцвѣтетъ въ послѣдующія столѣтія, и цѣликомъ перейдетъ въ новый періодъ жизни человѣческихъ обществъ - средневѣковье.

При Тацитѣ народное собраніе уже созывается періодически- въ полнолуніе или новолуніе каждаго мѣсяца. „Если не бываетъ какого либо препятствія, говоритъ Тацитъ, собранія происходятъ въ опредѣленные дни, во время новолунія или полнолунія, ибо такое начало для веденія дѣлъ германцы считаютъ наиболѣе благопріятнымъ" / XI/. Въ полуторастолѣтній промежутокъ времени, отдѣляющій Цезаря отъ Тацита, государственное начало, какъ видимъ, успѣло сдѣлать значительныя завоеванія. Создается уже правильно функціонирующій органъ центральной власти - собраніе всѣхъ полноправныхъ членовъ одного и того же племени. Однако родовое начало опять таки преобладаетъ. Роль народнаго собранія - роль чисто пассивная. „Въ дѣлахъ маловажныхъ, читаемъ мы у Тацита, совѣщаются одни только старѣйшины /principes /, но въ болѣе важныхъ всѣ. Однако и тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ воли народа, обсуждаются предварительно старѣйшинами..... Въ собраніяхъ народъ засѣдаетъ вооруженнымъ. Жрецы, которые получаютъ въ этомъ случаѣ полицейскую власть, наблюдаютъ за тишиной. Затѣмъ король или князь, смотря по его лѣтамъ, военной славѣ и краснорѣчію, выслушивается съ тѣмъ уваженіемъ, которое болѣе можно внушить силою убѣжденія, чѣмъ силою власти. Если мнѣніе его не нравится собранію, то оно выражаетъ свое неудовольствіе ропотомъ; въ случаѣ же согласія, потрясаютъ оружіемъ. Шумъ оружія служитъ самымъ почетнымъ способомъ одобренія" /ХУ/. Какъ видимъ, въ народномъ собраніи распоряжаются родовые старѣйшины. Народъ выражаетъ только свое неодобреніе или одобреніе. Законодательною иниціативою онъ не обладаетъ.

Народныя собранія прежде всего разбираютъ разнаго рода жалобы и уголовныя обвиненія, причемъ приговоры приводятся въ исполненіе немедленно. „Наказаніе, говоритъ Тацитъ, различается по преступленіямъ: измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшаютъ на деревьяхъ, трусовъ, малодушныхъ и осквернителей своего тѣла топятъ въ болотной грязи, по -

крывъ ихъ плетнемъ. Эта разница въ казни имѣетъ въ ихъ глазахъ тотъ смыслъ, что преступленія при наказаніи за нихъ слѣдуетъ выставлять на показъ, а позорныя дѣйствія скрывать. Но и для меньшихъ преступленій полагается соотвѣтствующее наказаніе : уличенные штрафуются извѣстнымъ количествомъ скота; часть штрафа идетъ королю или племени, часть истцу, или его родственникамъ"/XII/. Какъ видимъ, народное собраніе прежде всего наказываетъ преступленія противъ всего племени и всего государства, именно, трусость ,измѣну Оно же пытается замѣнить кровавую родовую месть вергельдомъ, выступая въ качествѣ верховнаго умиротворителя родовыхъ распрей и разногласій. А это уже громадный шагъ впередъ по пути къ установленію общественнаго правопорядка.

На тѣхъ же собраніяхъ избираются короли /гдѣ эта власть существовала/ и начальники войска - герцоги. „Королей , говоритъ Тацитъ, они выбираютъ изъ среды знати, а предводителя изъ тѣхъ, которые отличаются доблестью. Но власть королей не безгранична, не произвольна; точно также и степень власти предводителя опредѣляется личнымъ уваженіемъ къ нему - его примѣръ выше власти; всѣ смотрятъ на то, находчивъ ли онъ, предусмотрителенъ ли, идетъ ли впереди строя" /УII/. Это выборные начальники всего племени или народа, того, что Тацитъ называетъ терминомъ civitas. Народъ избираетъ и начальниковъ болѣе мелкихъ общественныхъ

ню земля подвергнется обработкѣ; опять возвращаются къ старымъ участкамъ. Объ индивидуальной земельной собственности, кончно, рѣчи быть не можетъ, за исключеніемъ вполнѣ установившейся собственности на прилегающую къ дому усадьбу. Если и есть собственность,то собственность родовая . Земля принадлежитъ родовой общинѣ, и отдается отдѣльнымъ дворамъ лишь для пользованія. Но каждый домохозяинъ пользуется своимъ участкомъ индивидуально, какими угодно способами.Онъ можетъ или собственноручно его обработывать, или сажать на него рабовъ / если таковые имѣются/ и получать съ нихъ опредѣленные оброки, или соединять и то и другое / что вѣроятно, чаще всего и практиковалось/.Такимъ образомъ, наряду съ мелкими земельными владѣніями /но не собственностью /, мы встрѣчаемъ у германцевъ владѣнія крупныя. Что касается угодій - лѣсовъ, луговъ и т.п.,то ими, повидимому, пользуются сообща. Они,надо думать, не подлежатъ передѣлу, такъ какъ въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Итакъ , если въ эпоху Цезаря у германцевъ еще нѣтъ никакой собственности на землѣ, то въ эпоху Тацита выступаетъ собственность родовая / конечно, не въ смыслѣ юридическаго понятія , а въ смыслѣ простого,очевиднаго для всѣхъ факта/, съ подворнымъ, т.е. индивидуальнымъ I/ землевладѣніемъ.

I/ Подворное землевладѣніе мы склонны считать скорѣе индивидуальнымъ,нежели семейнымъ.Въ противномъ случаѣ мы нигдѣ /даже у насъ въ Россіи/не найдемъ строго ин-

Но не далеко то время, когда подворное / индивидуальное/ землевладѣніе превратится въ подворную, / индивидуальную/ собственность, по крайней мѣрѣ, на пахотное поле. Такіе порядки мы и находимъ въ Салической Правдѣ - памятникѣ начала VI столѣтія. Изъ Салической Правды мы узнаемъ, что пахотное поле, а во многихъ случаяхъ и угодья полная частная собственность. Однако сохранились слѣды и старой родовой собственности, въ видѣ отсутствія завѣщаній на землю и перехода ея исключительно по мужской линіи. Женщина, по Салическому закону, изъ наслѣдованія отечественной /аллодіальной / земли исключается. /LIX/.

Такова приблизительная картина аграрныхъ отношеній древнихъ германцевъ, возстановленная на основаніи текста источниковъ. Нѣтъ здѣсь ни марки, въ смыслѣ товарищеской общины, ни ежегоднаго раздѣла земель на равныя доли по жребію, ни трехпольной системы, ни принудительнаго сѣвооборота - Flurzwang'a. Все это явленія болѣе поздняго времени. Пересаживать марковый строй на территорію древней Германіи - это значитъ насиловать факты. Съ другой стороны, у германцевъ нѣтъ и частной собственности на землю, а тѣмъ болѣе помѣстнаго строя. Фюстель де Куляннж

дивидуальнаго землевладѣнія въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Впрочемъ, здѣсь могутъ быть разногласія лишь въ терминахъ, а не въ понятіяхъ.

Виттихъ, Сибомъ впали въ другую крайность, полемизируя съ представителями общинной теоріи. Родовая общинная собственность на землю, стоящая на пути разложенія и подворное, т.е. строго индивидуальное землепользованіе - вотъ существенныя черты аграрнаго строя германцевъ времени Тацита.

Мы все время разсматривали аграрныя отношенія древнихъ германцевъ. Что касается торгово-промышленныхъ отношеній германскаго общества, то о нихъ много говорить не приходится. Городовъ, въ смыслѣ многолюдныхъ торгово-промышленныхъ центровъ, у германцевъ, конечно, не существуетъ. Торговый обмѣнв у нихъ въ зачаточномъ состояніи, а о промышленности почти не сохранилось никакихъ извѣстій. "Ближайшіе къ намъ, говоритъ Тацитъ, по причинѣ торговыхъ сношеній цѣнятъ золото и серебро, знаютъ и различаютъ нѣкоторыя изъ нашихъ монетъ, но у живущихъ внутри страны въ употребленіи болѣепростой и старинный способъ торговли - обмѣнъ товаровъ". Вотъ и все, что мы знаемъ о торговлѣ германцевъ. О промышленности Цезарь и Тацитъ не упоминаютъ. Конечно, отсюда еще нельзя заключать, что ея вовсе не существовало, но она, повидимому, была очень ничтожна и не бросалась въ глаза постороннимъ, случайнымъ наблюдателямъ, каковыми являются Цезарь и Тацитъ. Плиній, напримѣръ, утверждаетъ/ H.N. XIX,2/, что у германцевъ существовали подземныя жилища, въ которыхъ изготовлялись предметы

одежды. Вообще надо думать, что предметы, необходимые для войны и домашняго обихода, изготовлялись женщинами или ремесленниками - рабами. По крайней мѣрѣ въ Варварскихъ Правдахъ, изъ которыхъ наиболѣе раннія отражаютъ въ себѣ черты древняго быта германцевъ, немногія указачія на существованіе подобныхъ рабовъ - ремесленниковъ имѣются. Такъ, въ Салической Правдѣ, древняя редакція которой относится къ началу VI вѣка, въ статьѣ о похищеніи рабовъ мы читаемъ такое постановленіе: „Если кто украдетъ или убьетъ.. . кузнеца, золотыхъ дѣлъ мастера... или оружейника, и это будетъ доказано, присуждается къ уплатѣ 1200 динаріевъ или 30 солидовъ". Подобнаго же рода постановленіе мы читаемъ въ Бургундской Правдѣ / памятникѣ VI вѣка/, гдѣ упоминаются золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, кузнецы и сапожники - люди рабскаго состоянія. Тоже и въ Алеманской Правдѣ - памятникѣ болѣе поздняго времени / VII, VIII вв. /. На ряду съ ремесленниками - мужчинами, повидимому, существовали домашнія мастерскія женщинъ - ремесленницъ, на что указываютъ отдѣльные, правда, несовсѣмъ ясные термины Салической Правды.

----

3. СОЦІАЛЬНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

Намъ остается сдѣлать бѣглый обзоръ соціальныхъ и политическихъ отношеній древне-германскаго общества. Само собою понятно, что въ примитивномъ обществѣ, подобномъ германскому, не могло имѣть мѣста широкое соціальное расчлененіе. Это явленіе присуще болѣе высокой стадіи культурнаго развитія, а не той, которая, какъ мы видѣли, характеризуется полупастушескимъ и полуземледѣльческимъ состояніемъ народа, отсутствіемъ индивидуальной собственности на землю, и полнѣйшею замкнутостью отдѣльныхъ хозяйственныхъ организацій. Примитивное хозяйство германца было чуждо пріобрѣтательскихъ интересовъ. Замкнутость и самодовлѣніе - вотъ его отличительныя особенности. Каждый производитъ только для собственныхъ потребностей. Обмѣна нѣтъ, да и быть не можетъ при наличныхъ условіяхъ. А безъ обмѣна нѣтъ и хозяйства, какъ предпріятія. Нѣтъ скопленія въ однѣхъ рукахъ большого богатства, скопленія, которое одно только способно произвести глубокія классовыя расчлененія въ общественномъ организмѣ. Нѣтъ здѣсь и бѣдняковъ, неимѣющихъ никакихъ средствъ для пропитанія; слѣдовательно, не существуетъ и экономической зависимости однѣхъ соціальныхъ группъ отъ другихъ. Свободнаго поля хватитъ для каждаго / superest ager /. Нѣтъ недостатка и въ выпасахъ. Словомъ, классовая борьба, возникшая на почвѣ экономической зависимости, - явленіе совершенно незнакомое древнимъ германцамъ.

Но отсюда еще не значитъ, что германцы воплотили въ своей внутренней жизни идеи братства, свободы и равенства, какъ это любятъ утверждать нѣкоторые неумѣренные германисты. Экономическое неравенство / но отнюдь не зависимость/ у германцевъ существовало. Тацитъ упоминаетъ о богатыхъ людяхъ -locupletissimi, которые отличались отъ другихъ германцевъ изысканностью своей одежды / ХУII /. Повидимому, богатство этихъ людей состояло въ обладанiи большимъ количествомъ скота и рабовъ, захваченныхъ у сосѣдняго племени въ военное время. А обладанiе большимъ количествомъ рабочаго инвентаря позволяло богатому человѣку захватывать болѣе обширные земельные участки для пахоты и для выпаса, т.е. вести болѣе широкое пастушеское и земледѣльческое хозяйство. Вспомнимъ, что земельные участки, по Тациту, распредѣлялись secundum dignationem, т.е.не на равныя доли, и что на нѣкоторыхъ участкахъ селились земледѣльческiе рабы, платившие своему господину опредѣленные ежегодные оброки хлѣбомъ, скотомъ и одеждою. Впрочемъ, мы не должны слишкомъ преувеличивать значенiе этого сравнительно „крупнаго" хозяйства. Оно такая же самостоятельная единица, какъ и хозяйство другихъ, менѣе зажиточныхъ германцевъ, такъ какъ ничего на сторону не производитъ. Оно только само себя удовлетворяетъ, а отнюдь не основывается на экомическомъ упадкѣ другихъ хозяйствъ, такъ какъ свободнаго поля всегда остается въ изобилiи.

Наряду съ locupletissimi, Тацитъ упоминаетъ nobiles, т.е. знать или дворянство /нѣм. Adel /. Очень можетъ быть, что богатство и знатность часто соединялись въ однѣхъ и тѣхъ же соцiальныхъ группахъ. Nobiles могли быть и locupletissimi. Но locupletissimi, надо думать, не всегда были nobiles. Богатство прiобрѣталось добычею, знатность - исключительно происхожденiемъ. Nobiles - это, повидимому, члены отдѣльныхъ семействъ, родоначальники которыхъ когда то прославились своею храбростью и воинскими подвигами. Слава и могущество предковъ, такимъ образомъ отразились и на потомкахъ. Когда произошло это выдѣленiе отдѣльныхъ семействъ, намъ неизвѣстно. „Священныя сумерки окутываютъ происхожденiе германскаго дворянства", говоритъ уже не разъ упоминаемый мною Вайцъ, авторъ капитальной „Исторiи нѣмецкихъ учрежденiй". О правахъ и привилегiяхъ германской знати мы имѣемъ гораздо болѣе свѣдѣнiй. Намъ извѣстно, напримѣръ, что изъ среды знати избирались короли / тамъ, гдѣ они существовали — VII/. Представители знатныхъ семействъ /principes / являлись фактическими руководителями народнаго собранiя / XI/. Они же, надо думать, творили судъ по округамъ и селенiямъ /XII/.

Ниже родовой знати на соцiальной лѣстницѣ стоитъ масса свободныхъ германцевъ,- которыхъ Тацитъ обыкновенно называетъ терминомъ plebs, повидимому, по аналогiи съ римскимъ гражданствомъ. Очевидно, что и права германскаго plebs'а тожественны съ правами plebs'а римскаго. Это - участiе въ народномъ собранiи и судѣ, выборы должностныхъ

лиць, свобода отъ какихъ бы то ни было налоговъ, а въ частной жизни полнѣйшая самостоятельность и независимость. Надо замѣтить, что представители германскаго plebs'a, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, могли возвышаться до положенія вождей /principes /[I], и даже общеплеменныхъ военачальниковъ /duces / / XII-XУ,УII/.

Среднее мѣсто между свободными и рабами у германцевъ занимаютъ вольноотпущенники -liberti / поздн. литы/. Упоминая о liberti, Тацитъ замѣчаетъ, что они мало возвышаются надъ рабами, не имѣя значенія ни въ домашнемъ хозяйствѣ, ни въ государственной жизни. А затѣмъ, имѣя въ виду соціальныя нестроенія Римской Имперіи, поспешно д-бавляетъ, что лишь въ государствахъ, гдѣ есть императорская власть, положеніе ихъ иное: тамъ они возвышаются не только надъ свободными, но и надъ знатью; у другихъ же народовъ / т.е. германцевъ/ приниженное положеніе вольноотпущенниковъ является лишь доказательствомъ свободы /apud ceteros impares libertini libertatis argumentum sunt/XXУ/. Надо думать, что въ положеніе полусвободныхъ становились племена, добровольно подчинившіяся сильнымъ сосѣдямъ. Но и свободный членъ общества могъ утерять свою свободу и спуститься до положенія лита, напр., въ случаѣ задолженности.

Мы уже видѣли, что у германцевъ существовали и рабы.

I/ Значеніе термина princeps, употребляемаго Тацитомъ, довольно расплывчато. Въ однихъ случаяхъ это что то близкое къ королю /X/, въ другихъ случаяхъ -родовой старѣйшина /XI,XII/, въ третьихъ случаяхъ-вождь, предводитель дружины /XIII-XУI/.

т.е. вполнѣ несвободные элементы. Главнѣйшій источникъ рабства - война. Обращеніе въ рабство покоренныхъ сосѣдей - самое заурядное явленіе у примитивныхъ народовъ. Другой источникъ рабства - азартныя игры. Лицъ проигравшихъ свою свободу въ кости, заковывали въ кандалы и немедленно продавали за границу/ XXIУ/. Описывая положеніе рабовъ германскаго общества, Тацитъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что положеніе ихъ гораздо лучше положенія рабовъ въ императорскомъ Римѣ. Дѣти раба и господина обычно воспитываются вмѣстѣ, причемъ между ними не дѣлается никакого различія. „Они валяются среди одного и того же скота и въ одной и той же грязи, говоритъ Тацитъ, пока / совершеннолѣтній/ возрастъ не отдѣлитъ свободнаго" /XX/. Вотъ почему господинъ видѣлъ въ рабѣ - другѣ своего дѣтства - не простую хозяйственную вещь, не хозяйственный инвентарь instrumentum vocale, а человѣка. Германскій рабовладѣлецъ не истязаетъ своихъ рабовъ, не мучитъ ихъ непосильной работой, а если иногда и убиваетъ, то лишь въ минуту крайняго раздраженія и запальчивости /XXУ/. Да и матеріальное положеніе германскаго раба въ сущности было довольно сносно. Господинъ не держалъ его при своемъ домѣ, такъ какъ домашнія работы отправлялись женщинами, стариками и слабыми. Мы видѣли, что онъ сажалъ его на опредѣленный земельный участокъ, давая каждому возможность имѣть свой собственный домашній очагъ, своихъ пенатовъ, т.е вести вполнѣ самостоятельное хозяйство /XXУ/

Надо думать, что число вольноотпущенниковъ и рабовъ не было очень значительно у германцевъ, такъ какъ большихъ надобностей въ услугахъ несвободныхъ элементовъ пока не существовало. Итакъ, знатные, свободные полусвободные и рабы- вотъ 4 основныхъ соціальныхъ элемента германскаго общества. Главное ядро народа-plebs, т.е. свободные элементы. Остальныя три соціальныхъ подраздѣленія терялись въ многочисленной массѣ свободныхъ германцевъ.

Соціальная дифференіація германскаго общества въ значительной мѣрѣ осложнялась господствомъ родового начала. Когда мы говоримъ о свободныхъ германцахъ, то это не та свобода, которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ одинаковой степени охраняется государственной властью. Государственная власть у германцевъ еще очень слаба, она едва начинаетъ проявлять свое дѣйствіе. Личная свобода въ значительной мѣрѣ стѣсняется узами родового соединенія, которое стоитъ между каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ и слабой государственной властью. Вообще, надо замѣтить, что пока человѣкъ стоитъ на примитивной ступени культурнаго развитія, пока онъ удовлетворяется непосредственными дарами природы, т.е. занимается охотою, рыболовствомъ и собираніемъ естественныхъ плодовъ земли, единственное убѣжище и единственную защиту правъ своей личности онъ находитъ въ кровномъ соединеніи-родѣ. Каждое семейство, каждый маленькій родъ представляетъ изъ себя вполнѣ самодовлѣющую общественную единицу, которая сама себя охраняетъ и

ни въ какихъ постороннихъ услугахъ не нуждается. При такихъ обстоятельствахъ, быть внѣ родового соединенія - это то же самое, что въ настоящее время быть внѣ закона, т.е. внѣ соединенія государственнаго. Оторванный отъ своихъ родичей, примитивный человѣкъ становится одинокимъ, безпомощнымъ и беззащитнымъ, такъ какъ внѣ родового союза никакихъ общественныхъ организацій не существуетъ. И лишь по мѣрѣ того, какъ человѣкъ переходитъ къ болѣе высокимъ стадіямъ культурнаго развитія, по мѣрѣ того, какъ у него возникаютъ потребности въ болѣе широкихъ общественныхъ соединеніяхъ, надъ отдѣльными родами мало по малу возвышается государство. Конечно, не сразу уничтожаетъ государство значеніе родового начала. Тихо и незамѣтно, но послѣдовательно и упорно совершаетъ оно эту работу, занимающую цѣлый рядъ столѣтій и поколѣній. На первыхъ порахъ государственное начало проявляетъ свою дѣятельность лишь во время войны, т.е. при исключительныхъ обстоятельствахъ и совершенно стушевывается во время мира, но съ теченіемъ времени оно начинаетъ дѣйствовать непрерывно, и при обычныхъ условіяхъ. Власть родовыхъ старѣйшинъ тогда все болѣе и болѣе отодвигается на второй планъ, и наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, давая полный просторъ государственному началу.

Исторія политическаго и общественнаго строя древнихъ германцевъ - яркая иллюстрація высказанныхъ положеній. Ключъ къ пониманію внутренней жизни германскаго общества эпохи Цезаря и Тацита слѣдуетъ искать именно въ кровномъ союзѣ Какъ при Цезарѣ, такъ и при Тацитѣ, частно правовыя

начала /если только можно употреблять этотъ терминъ въ приложенiи къ тогдашнему примитивному обществу/ рѣшительно преобладаютъ надъ началами обще-правовыми, т.е. общегосударственными. Каждая народность, каждое племя состоитъ изъ множества мелкихъ кровныхъ соединенiй, и эти кровныя соединенiя въ урегулированiи своей внутренней жизни являются вполнѣ самостоятельными. Родовыми группами германцы выстраивались въ бояхъ, и это, по словамъ Тацита придавало имъ болѣе храбрости /УII/ Родовой союзъ защищаетъ своихъ членовъ отъ посторонняго обидчика, помимо государства, а въ результатѣ кровавая месть, иногда, впрочемъ, замѣняемая вергельдомъ /XXI/ Движимая и недвижимая собственность разсматривается, какъ собственность родовая. Вотъ почему завѣщанiя и наслѣдованiя по женской линiи не существуетъ, такъ какъ женщина легко можетъ сдѣлаться членомъ другого рода /XX/. Приданое платитъ не жена мужу, а мужъ женѣ, что указываетъ на практиковавшiйся ранѣе выкупъ женщины у ея родственниковъ /XXУIII/. Наконецъ, домовладыка имѣетъ полное право распоряжаться слабыми членами своего семейства по собственному усмотрѣнiю, являясь ихъ единственнымъ судьей и защитникомъ. Женщину онъ можетъ подвергнуть любому наказанiю /XIX/ Несовершеннолѣтнiя дѣти опять таки всецѣло подчинены его власти /XIII/. А о томъ, насколько власть рода была сильна и надъ взрослыми членами германскаго общества, свидѣтельствуетъ строго формулированный въ Салической Правдѣ актъ отреченiя отъ кровнаго союза, актъ, совершаемый путемъ символическаго обряда преломленiя вѣтви /LX/

Но уже при Цезарѣ, т.е. въ половинѣ I-го вѣка до Р. Христова, государственное начало даетъ себя осязательно чувствовать, правда, пока лишь въ исключительныхъ случаяхъ. „Въ мирное время, говоритъ Цезарь, нѣтъ у нихъ общаго руководителя. И лишь старѣйшины /principes/ отдѣльныхъ округовъ и мѣстечекъ отправляютъ правосудiе между своими, разбирая разнаго рода споры и разногласiя" /УI,23/. Очевидно, что эти старѣйшины /principes/, отправлявшiе правосудiе между своими сородичами, являлись никѣмъ инымъ, какъ главарями отдѣльныхъ кровныхъ соединенiй. Въ мирное время каждый родъ вполнѣ удовлетворяетъ своимъ собственнымъ нуждамъ, и не ощущаетъ никакой потребности въ болѣе широкихъ общественныхъ соединенiяхъ. И лишь въ исключительныхъ случаяхъ выступаетъ передъ нами выборное доджностное лицо съ широкими полномочiями. „Когда государство.. . ведетъ войну, читаемъ мы у Цезаря избираются начальники /magistratus/ съ правомъ жизни и смерти" /ibid./ Повидимому, тѣ же выборные начальники выступаютъ и при отводѣ земель отдѣльнымъ родовымъ соединенiямъ, являясь посредниками при улаженiи разнаго рода разногласiй, которыя могли возникнуть между родовыми старѣйшинами. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что землю распредѣляли не одни только principes / т.е. родовые старѣйшины/, но и magistratus,

/ УI,22/, каковой терминъ на языкѣ римлянъ данной эпохи обозначалъ выборное должностное лицо съ широкими полномочіями. Само собою разумѣется, что для выбора такого начальника должны были созываться народныя собранія. И о нихъ упоминаетъ Цезарь, но не какъ о правильно функціонирующемъ органѣ центральнаго управленія, а какъ о явленіи исключительномъ. Предназначенныя для выбора обще-племеннаго начальника, эти собранія въ то же время подготовляютъ болѣе тѣсное соединеніе отдѣльныхъ родовыхъ организацій въ одно общее цѣлое. Главы отдѣльныхъ родовъ, задумавшіе исключительно на свой собственный рискъ и страхъ какое либо военное предпріятіе, вербуютъ здѣсь себѣ товарищей изъ всего племени /УI,23/. Такимъ путемъ родовыя соединенія мало по малу выходятъ изъ своего изолированнаго состоянія. Зарождаются новыя связи, въ видѣ германскаго дружиннаго начала, которое пышно расцвѣтетъ въ послѣдующія столѣтія, и цѣликомъ перейдетъ въ новый періодъ жизни человѣческихъ обществъ - средневѣковье.

При Тацитѣ народное собраніе уже созывается періодически- въ полнолуніе или новолуніе каждаго мѣсяца. Если не бываетъ какого либо препятствія, говоритъ Тацитъ, собранія происходятъ въ опредѣленные дни, во время новолунія или полнолунія, ибо такое начало для веденія дѣлъ германцы считаютъ наиболѣе благопріятнымъ" / XI/. Въ полуторастолѣтній промежутокъ времени, отдѣляющій Цезаря отъ Тацита, государственное начало, какъ

видимъ, успѣло сдѣлать значительныя завоеванія. Создается уже правильно функціонирующій органъ центральной власти - собраніе всѣхъ полноправныхъ членовъ одного и того же племени. Однако родовое начало опять таки преобладаетъ. Роль народнаго собранія - роль чисто пассивная. „Въ дѣлахъ маловажныхъ, читаемъ мы у Тацита, совѣщаются одни только старѣйшины /principes /, но въ болѣе важныхъ всѣ. Однако и тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ воли народа, обсуждаются предварительно старѣйшинами.....Въ собраніяхъ народъ засѣдаетъ вооруженнымъ. Жрецы, которые получаютъ въ этомъ случаѣ полицейскую власть, наблюдаютъ за тишиной. Затѣмъ король или князь, смотря по его лѣтамъ, военной славѣ и краснорѣчію, выслушивается съ тѣмъ уваженіемъ, которое болѣе можно внушить силою убѣжденія, чѣмъ силою власти. Если мнѣніе его не нравится собранію, то оно выражаетъ свое неудовольствіе ропотомъ; въ случаѣ же согласія, потрясаютъ оружіемъ. Шумъ оружія служитъ самымъ почетнымъ способомъ одобренія" /ХУ/. Какъ видимъ, въ народномъ собраніи распоряжаются родовые старѣйшины. Народъ выражаетъ только свое неодобреніе или одобреніе. Законодательной инициативою онъ не обладаетъ.

Народныя собранія прежде всего разбираютъ разнаго рода жалобы и уголовныя обвиненія, причемъ приговоры приводятся въ исполненіе немедленно. „Наказаніе, говоритъ Тацитъ, различается по преступленіямъ: измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшаютъ на деревьяхъ, трусовъ, малодушныхъ и осквернителей своего тѣла топятъ въ болотной грязи, по -

крывъ ихъ плетнемъ. Эта разница въ казни имѣетъ въ ихъ глазахъ тотъ смыслъ, что преступленія при наказаніи за нихъ слѣдуетъ выставлять на показъ, а позорныя дѣйствія скрывать. Но и для меньшихъ преступленій полагается соотвѣтствующее наказаніе : уличенные штрафуются извѣстнымъ количествомъ скота; часть штрафа идетъ королю или племени, часть истцу, или его родственникамъ"/XII/. Какъ видимъ, народное собраніе прежде всего наказываетъ преступленія противъ всего племени и всего государства, именно, трусость ,измѣну Оно же пытается замѣнить кровавую родовую месть вергельдомъ, выступая въ качествѣ верховнаго умиротворителя родовыхъ распрей и разногласій. А это уже громадный шагъ впередъ по пути къ установленію общественнаго правопорядка.

На тѣхъ же собраніяхъ избираются короли /гдѣ эта власть существовала/ и начальники войска - герцоги. „Королей , говоритъ Тацитъ, они выбираютъ изъ среды знати, а предводителя изъ тѣхъ, которые отличаются доблестью. Но власть королей не безгранична, не произвольна; точно также и степень власти предводителя опредѣляется личнымъ уваженіемъ къ нему - его примѣръ выше власти; всѣ смотрятъ на то, находчивъ ли онъ, предусмотрителенъ ли, идетъ ли впереди строя" /VII/. Это выборные начальники всего племени или народа, того, что Тацитъ называетъ терминомъ civitas. Народъ избираетъ и начальниковъ болѣе мелкихъ общественныхъ

страданіе и раскаяніе охватили всю армію. Солдаты толпою бросаются къ Германику, умоляя полководца не позорить честь римскихъ орловъ и не посылать Агриппину съ младенцемъ Калигулою къ ненавистнымъ тревирамъ.

Германикъ понялъ всю важность положенія и сумѣлъ имъ искусно воспользоваться „Ни жена , ни сынъ мнѣ не дороже отца и государства, началъ взволнованнымъ голосомъ полководецъ, но перваго охранитъ величество его, а римскую Имперію сумѣютъ защитить другія арміи. Жену и дѣтей своихъ, которыхъ я охотно принесъ бы въ жертву ради вашей славы, я удаляю теперь отъ разъяренныхъ людей для того чтобы...ваше злодѣяніе...омылось только моею кровію, и чтобы убіеніе правнука Августа, умерщвленіе невѣстки Тиберія не сдѣлали васъ еще болѣе виновными.Ибо что въ эти дни было для васъ неприкосновеннымъ, что нерушимымъ... Вы, первый и двадцатый легіоны, ты, получившій знамена отъ Тиберія, и ты, товарищъ его въ столькихъ сраженіяхъ,прекрасно благодарите вы вашего полководца..Пусть твоя, божественный Августъ, принятая на небо душа, пусть твой , Друзъ ,отецъ мой,образъ, пусть память о тебѣ у тѣхъ же самыхъ солдатъ,которые проникаются уже стыдомъ и жаждою славы,пусть смоютъ это пятно и обратятъ междуусобное ожесточеніе на гибель врагамъ. Вы же,у которыхъ я вижу теперь другія лица, другія сердца, если хотите воз-

вратить сенату пословъ, императору повиновеніе;а мнѣ жену и сына, удалитесь отъ заразы и отдѣлите мятежниковъ. Это дастъ прочность вашему раскаянію,это будетъ скрѣпленіемъ вашей вѣрности".

Впечатлѣніе отъ этой рѣчи было потрясающее.Солдаты бросаются къ ногамъ полководца и умоляютъ его о прощеніи. Немедленно они сами расправляются съ вождями возстанія и рвутся на битву съ зарейнскими варварами, желая отомстить за пораженіе Вара и „принять честныя раны на нечестивыя груди".Тотчасъ же Германикъ переводитъ легіоны за Рейнъ, нападаетъ врасплохъ на землю марсовъ, опустошаетъ пятьдесятъ римскихъ миль пространства, а, возвращаясь обратно,наноситъ пораженіе бруктерамъ, тубантамъ и узипетамъ.Послѣ этого онъ отводитъ армію на зимнія квартиры.

Весною слѣдующаго / 15 / года Германикъ предпринимаетъ новый удачный набѣгъ на землю хаттовъ.Вся земля до Одера была опустошена. Римлянамъ досталось множество плѣнниковъ и добычи. Тогда снова взялись за оружіе херуски. Арминій ополчается на своего земляка и тестя -вѣрнаго сторонника римлянъ - Сегеста, а послѣдній обращается за помощью къ римлянамъ.Германикъ немедленно двигается на выручку Сегеста;освобождаетъ своего союзника отъ враговъ,и благополучно возвращается въ Галлію. Вмѣстѣ съ римскими легіонами двигается и Сегестъ, окруженный семействомъ,кліентами и благородными германскими женщинами. Между ними

была и жена Арминія, Туснельда, съ малолѣтнимъ ребенкомъ. Насильно оторванная отцемъ отъ любимаго мужа, она шла спокойно и гордо, безъ слезъ, безъ мольбы и упрековъ. Самъ Сегестъ - человѣкъ богатырскаго тѣлосложенія и упрямаго нрава, оправдывая свое поведеніе, говорилъ ,что онъ дружитъ съ римлянами вовсе не изъ за ненависти къ родинѣ. Родина ему дорога не менѣе, нежели Арминію, но онъ видитъ ея пользу не въ войнѣ, а въ мирѣ съ императоромъ. И онъ - Сегестъ отъ души желаетъ быть „посредникомъ для германскаго племени, если послѣднее предпочтетъ раскаяніе погибели".

Совершенно по другому разсуждаетъ ненавистникъ римлянъ - Арминій.„Пусть Сегестъ живетъ на покоренномъ берегу,говорилъ онъ своимъ соотечественникамъ; германцы никогда не простятъ ему того, что между Эльбой и Рейномъ видѣли розги,сѣкиры и тогу ....Если вамъ больше пріятны родина, родители,старина,чѣмъ господа и новыя поселенія, слѣдуйте за Арминіемъ,ведущимъ васъ къ славѣ и свободѣ, а не за Сегестомъ,вождемъ къ позорному рабству". Прислушиваясь къ этимъ зажигательнымъ рѣчамъ, поднимались не только херуски, но и окружающіе ихъ народы. Тогда Германикъ,опасаясь поголовнаго возстанія зарейнскихъ варваровъ, предпринимаетъ свой первый большой походъ въ дебри Германіи. Онъ ведетъ свое войско сухопутнымъ и воднымъ путемъ на берега Эмса и, соединившись съ хавками, опустоша-

етъ все пространство между этой рѣкою и Липпою.

Неподалеку находился роковой Тевтобургскій лѣсъ, въ которомъ кости Вара и его легіоновъ лежали безъ погребенія. „Кесаремъ овладѣло желаніе отдать послѣдній долгъ воинамъ и полководцу; все находившееся при этомъ войско волновалось чувствомъ жалости къ родственникамъ, друзьямъ и, наконецъ, къ случайностямъ войны и къ человѣческому жребію. Былъ посланъ впередъ Цецина съ тѣмъ, чтобы изслѣдовать лѣсную чащу, навести мосты, сдѣлать насыпи по мокрымъ мѣстамъ болотъ и обманчивымъ полянамъ; и вотъ они подвигаются впередъ по печальнымъ мѣстамъ, отвратительнымъ по виду и по воспоминаніямъ...Посреди поля битвы бѣлѣлись кости, то въ разбросанномъ видѣ, то кучками, смотря по тому, бѣжали ли солдаты, или оказывали сопротивленіе. Рядомъ лежали обломки копій и лошадиные члены; тутъ же были прибитые къ стволамъ деревьев человѣческія головы. Въ ближайшихъ лѣсахъ - жертвенники варваровъ, на которыхъ они заклали трибуновъ и центуріоновъ. Оставшіеся въ живыхъ отъ этого пораженія..... сообщали, что вотъ здѣсь пали легаты, тамъ вырваны изъ рукъ орлы; на томъ мѣстѣ Варъ получилъ первую рану, на томъ онъ нашелъ смерть..., самъ себя поразивши; сообщали, съ какого возвышенія говорилъ Арминій, сколько было висѣлицъ для плѣнныхъ, сколько было вырыто для нихъ ямъ, и какъ онъ въ своей гордынѣ издѣвался надъ римскими знаменами и орлами. Все же, такъ заканчива-

етъ Тацитъ свое кошмарное описаніе мѣста Варовой катастрофы, все же, спустя 6 лѣтъ послѣ пораженія, римское войско... хоронило кости трехъ легіоновъ при увеличившемся ожесточеніи противъ врага, въ печальномъ и въ то же время злобномъ настоеніи. Никто при этомъ не зналъ, закапывалъ ли онъ въ землю остатки чужихъ людей, или своихъ родныхъ, но всѣхъ хоронили какъ своихъ близкихъ, какъ сродниковъ".

Сгорая жаждою отмщенія варварамъ , легіоны увлеклись преслѣдованіемъ Арминія и напали на него въ невыгодной - для себя мѣстности. Ожесточенное сраженіе осталось нерѣшеннымъ, и римляне повернули обратно, по направленію къ Рейну. Эта обратная дорога стоила имъ огромныхъ лишеній. Солдаты шли по непроходимымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ, на каждомъ шагу преодолѣвая преграды со стороны дикой природы и отбиваясь отъ неуловимаго непріятеля. Чтобы облегчить отступленіе, Германикъ раздѣлилъ армію на двѣ половины. Одну половину онъ посадилъ на рѣкѣ Эмсѣ на суда и самъ двинулся съ нею, держась берега Океана; другую половину легатъ Цецина повелъ кратчайшею, но зато наиболѣе опасною сухою дорогою. Обѣ арміи чуть, было, не погибли въ походѣ.

Германикъ не расчиталъ подъемной силы кораблей, посадивши на нихъ четыре легіона. На первыхъ же порахъ двумъ легіонамъ пришлось сойти на берегъ, чтобы продолжать слѣдованіе по сушѣ. На бѣду разразилась буря

и вздувшіяся волны Океана стали затоплять пѣшеходовъ. Многіе изъ нихъ погибли, а оставшіеся въ живыхъ снова были подобраны на корабли и продолжали путешествіе Океаномъ до Рейна.

Еще печальнѣе была участь легіоновъ Цецины. Медленно двигаясь по трудно проходимой мѣстности, они ежеминутно подвергались нападеніямъ варваровъ. Самъ Цецина, сдѣлавшій въ своей жизни 40 кампаній, началъ отчаяваться въ успѣхѣ дѣла. Однажды ночью, стиснутый со всѣхъ сторонъ вражьими полчищами, убѣленный сѣдинами полководецъ увидалъ зловѣщій сонъ, наполнившій ужасомъ его душу: Квинтикилій Варъ, весь забрызганный кровью, почудился ему выходящимъ изъ мрака болота и протягивающимъ къ нему свои руки... События слѣдующихъ двухъ дней чуть, было, не оправдали кошмарное видѣніе Цецины. Въ непрерывныхъ пораженіяхъ армія понесла громадныя потери людьми, лошадьми и багажемъ, и Арминій имѣлъ полное право воскликнуть, что судьба предаетъ ему въ руки другого Вара. Однако, собравши всё свое мужество и находчивость, Цецина и на этотъ разъ вырвалъ у варваровъ побѣду. Онъ нанесъ Арминію страшное пораженіе и въ теченіе цѣлаго дня избивалъ бѣгущихъ германцевъ.

Между тѣмъ на Рейнѣ разнесся слухъ, что войско Германика испытало участь легіоновъ Вара, и что непріятельскія полчища двигаются на Галлію. Тогда многіе предлагали разрушить на рѣкѣ мостъ, чтобы избавить

провинцію отъ вторженія. Одна доблестная Агриппина воспротивилась выполненію малодушнаго плана. Въ эти тяжелыя минуты она приняла на себя заботы главнокомандующаго - раздавала пособія бѣднымъ, лѣкарства больнымъ, одежду солдатамъ. Когда же Цецина благополучно добрался до Рейна, она, стоя на мосту, поздравляла легіонеровъ съ благополучнымъ походомъ, благодарила ихъ за мужество и отвагу. Вскорѣ прибылъ съ своимъ корпусомъ и Германикъ, который, съ своей стороны, всячески старался вознаградить солдатъ за лишенія. „Разсматривая раны, говоритъ Тацитъ, онъ на пользу себѣ и войны подкрѣплялъ одною надеждою, другого славою, всѣхъ - разговоромъ и заботою".

Тѣмъ временемъ Тиберій зорко присматривался къ тому, что происходило на Рейнской границѣ. Императоръ относился отрицательно къ походамъ въ Германію, можетъ быть, изъ зависти къ военной славѣ племянника, а, можетъ быть, изъ за убѣжденія въ безполезности подобныхъ рискованныхъ предпріятій. Еще и ранѣе онъ пытался разлучить Германика съ легіонами. Теперь онъ снова призываетъ племянника въ Римъ, обѣщая ему награды, спокойствіе и славу.

Однако Германикъ не собирался почивать на лаврахъ. Онъ спѣшилъ воспользоваться временемъ, чтобы покончить войну рѣшительнымъ ударомъ. Молодой полководецъ задумалъ новый походъ на Германію, рѣшившись воспользоваться

зоваться примѣромъ и трудами отца своего Друза, который водилъ войско по большей части на судахъ -отъ Рейна черезъ устроенный имъ каналъ и Флавіево озеро къ Океану. Согласно этому плану, зимою на Рейнѣ было построено до тысячи судовъ, а весною 16 года на эти суда была посажена огромная армія, которая благополучно прошла до Океана и далѣе до устьевъ Эмса, высадилась на берегу этой рѣки и сухимъ путемъ продвинулась къ Везеру.

Какъ только римская армія появилась на лѣвомъ берегу Везера, на противоположной сторонѣ показался Арминій и попросилъ позволенія увидѣться съ братомъ своимъ Флавіемъ, находившимся при Германикѣ. Свиданіе было разрѣшено и тогда на берегахъ Везера произошла любопытная сцена, олицетворявшая въ миніатюрѣ два противоположныхъ направленія, которыя раздирали въ то время германскія народности. Два родныхъ брата, стоявшие подъ враждебными знаменами, наканунѣ рѣшительной битвы оправдываютъ другъ передъ другомъ искренность своихъ убѣжденій и правоту своего дѣла Флавій говоритъ объ обаятельномъ величіи Рима, о силѣ и милосердіи Кесаря; Арминій же напоминаетъ о родныхъ богахъ, о свободѣ предковъ, о долгѣ передъ отечествомъ. Бесѣда смѣняется перебранкой; перебранка грозитъ разрѣшиться поединкомъ - и приближенные Флавія увлекаютъ его къ римскому лагерю.

На другой день легіоны переправились черезъ рѣ-

ку и стали противъ войска Арминія. Ночью накануне сраженія Германикъ переодѣтый ходитъ по лагерю, чтобы лично удостовѣриться въ расположеніи къ нему легіоновъ. Эта ночь, вѣроятно, была лучшею въ жизни главнокомандующаго. Ему привелось слышать нелицемѣрную похвалу изъ устъ людей, изливающихся другъ передъ другомъ въ задушевной бесѣдѣ. „Одинъ прославлялъ знатное происхожденіе вождя, другой - его красоту, большинство превозносило его терпѣніе, ласковость, одинаковый характеръ и въ шуткѣ, и въ серьезномъ дѣлѣ. Всѣ заявляли, что слѣдуетъ отблагодарить его въ бою и принести въ жертву его мщенію и славѣ вѣроломныхъ людей и нарушителей мира". Случилось, что одинъ непріятельскій всадникъ, близко подскакавши къ лагерю, громко закричалъ по латыни, чтоАрминій предлагаетъ каждому легіонеру, который захотѣлъ бы перейти на его сторону, землю, жену и по сту сестерцій въ день жалованья. Солдаты съ негодованіемъ отвѣчали, что они сами возьмутъ у Арминія и землю, и женъ , и сестерціи.

„Эта же ночь, разсказываетъ Тацитъ, принесла Германику радостный сонъ. Онъ видѣлъ, будто приноситъ жертву богамъ и когда обрызгалъ жертвенною кровью свою бѣлоснѣжную тогу, получилъ изъ рукъ бабки - Августы другую - прекраснѣйшую" Проснувшись подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отраднаго сна, Германикъ собираетъ солдатъ, преподаетъ имъ совѣты, какъ полководецъ, и умоляетъ поддержать честь имени римлянъ. Съ своей стороны и Арминій

ободрялъ германскую армію. Развѣ что нибудь другое осталось для васъ, говорилъ вождь херусковъ, какъ сохранить свою свободу или умереть до порабощенія".

Сраженіе завязалось въ пять часовъ утра и окончилось позднею ночью. Германцы были разбиты на голову, несмотря на отчаянную храбрость Арминія. Самъ онъ, залитый кровью, едва ускакалъ съ поля сраженія. Цѣлыхъ десять римскихъ миль пространства были усѣяны ранеными и убитыми. Многіе погибли въ рѣкѣ; многіе были задавлены бѣглецами. Римляне соорудили на мѣстѣ сраженія побѣдный трофей, написавши на немъ имена побѣжденныхъ народовъ.

Вся западная Германія пришла въ смятеніе, услыхавши о пораженіи вождя херусковъ. Въ отчаяніи поднимаются на защиту отечества „простые и знатные, молодые и старые". Арминій вскорѣ собираетъ новую армію, но въ кровопролитномъ сраженіи терпитъ новый разгромъ отъ Германика. Гордые своею побѣдою, римляне соорудили на мѣстѣ новаго боя великолѣпный монументъ, украсивши его слѣдующею лаконической надписью: „Одержавъ побѣду надъ народами между Рейномъ и Эльбою, армія Тиберія Кесаря посвятила этотъ памятникъ Марсу, Юпитеру и Августу" О себѣ Германикъ изъ скромности не прибавилъ ни слова.

Между тѣмъ лѣто оканчивалось, и слѣдовало подумать объ отступленіи. Нѣсколько легіоновъ выступили сухимъ путемъ, а главныя силы Германикъ повелъ черезъ Эмсъ

въ Океанъ. Здѣсь повторились бѣдствія похода 15 года, но только въ гораздо большихъ размѣрахъ. Поднялась страшная буря, и множество кораблей потонуло. Многіе были выброшены бурею на скалистые острова и незнакомые берега, гдѣ несчастные солдаты умирали отъ голода Иныхъ занесло бурею даже въ Британію. И лишь одна трирема Германика пристала къ берегамъ союзныхъ римлянамъ хавковъ. „Онъ цѣлые дни и ночи бродилъ по скаламъ и мысамъ, объявляя себя виновнымъ въ столь большомъ бѣдствіи: друзья едва удержали его отъ намѣренія покончить жизнь въ томъ же морѣ". Наконецъ, буря стала стихать - и нѣкоторые корабли возвратились. Одни изъ нихъ были съ развѣшаннымъ платьемъ вмѣсто парусовъ; другіе - безъ веселъ. Наскоро починивши эти остатки своего флота, Германикъ отправилъ ихъ на поиски по сосѣднимъ берегамъ и островамъ - и многіе изъ солдатъ были найдены. „Возвращаясь издалече, говоритъ Тацитъ, они разсказывали чудеса - о силѣ вихрей, о неслыханныхъ птицахъ, о морскихъ чудовищахъ, о существахъ, имѣющихъ образъ людей и звѣрей, что они видѣли или вообразили себѣ въ испугѣ".

Такъ негостепріимный Океанъ отравилъ Германику радость по поводу побѣдъ, одержанныхъ надъ зарейнскими варварами. Послѣдніе, узнавши о несчастіяхъ римлянъ, снова брались за оружіе. Не теряя времени, Германикъ съ семидесятипяти тысячнымъ войскомъ внезапно обрушился на хаттовъ и марсовъ и опустошилъ ихъ предѣлы. Этотъ набѣгъ

Германика произвелъ громадное впечатлѣніе на германцевъ. Покоренные марсы говорили, „что римляне непобѣдимы и что ихъ нельзя одолѣть никакими случайностями, коль скоро, потерявши флотъ, потерявши оружіе, усѣявъ берега трупами лошадей и людей, они вторгнулись къ нимъ съ тою же храбростью, съ тою же стремительностью и какъ бы еще въ большемъ числѣ противъ прежняго".

Все же Германикъ не считалъ свое дѣло исполненнымъ. Новымъ походомъ онъ готовился раздавить силу германцевъ окончательно. Однако предположеніямъ полководца не суждено было сбыться . Германикъ былъ вызванъ Тиберіемъ въ Римъ, осыпанъ здѣсь почестями, посланъ въ качествѣ намѣстника на востокъ и здѣсь злодѣйски умерщвленъ при помощи яда, повидимому, не безъ участія императора. И въ то самое время, когда рейнскіе легіоны съ тоскою поджидали своего полководца, чтобы итти съ нимъ къ новымъ побѣдамъ, по улицамъ вѣчнаго города медленно двигался траурный катафалкъ съ трупомъ Германика, сопровождаемый рыданіями всѣхъ тѣхъ, кому дорога была древнеримская доблесть и свобода и ненавистна тиранія Тиберія.

Нѣкоторые историки вмѣстѣ съ Тацитомъ полагаютъ, что походы Германика, продлись они еще хотя бы одно лѣто, окончательно сломили бы военную силу германцевъ. Это мнѣніе такъ же преувеличено, какъ и мнѣіе о значеніи пораженія Вара Арминіемъ . Правда, походы Германика ,

можетъ быть, и спасли Римъ отъ новыхъ германскихъ вторженій, но къ рѣшительному покоренію германцевъ они повести не могли. Мы видѣли, что Германикъ, не смотря на всѣ свои блестящія побѣды, не могъ укрѣпиться въ Германіи. Слишкомъ трудно было держать въ повиновеніи эту дикую страну, населенную дикими и воинственными варварами. Я уже говорилъ, что императоръ Тиберій, повидимому, отлично понималъ создавшуюся политическую обстановку. Вотъ почему онъ и не думалъ продолжать дѣло Германика на сѣверѣ, предпочитая предоставить германцевъ „ихъ собственнымъ раздорамъ". И на самомъ дѣлѣ, германцы, которыхъ лишь на время могла соединить борьба противъ общаго врага, очень скоро возвращаются къ своему естественному состоянію - племеннымъ распрямъ и междуусобіямъ, и становятся мало опасными для Рима. Вражда между Зарейнской и Задунайской коалиціями заканчивается распаденіемъ ихъ обѣихъ. Въ 18 году по Р. Христ. ищетъ спасенія на территоріи Р. Имперіи маркоманъ Марбодъ, а два года спустя падаетъ жертвою происковъ своихъ соотечественниковъ и отважный Арминій.

Еще ранѣе князь хаттовъ - Адгандестрія писалъ сенату письмо, въ которомъ обѣщалъ покончить съ Арминіемъ, если ему пришлютъ яду для совершенія убійства. На это Тиберій съ достоинствомъ отвѣтилъ, что „не коварствомъ и не тайными средствами мститъ римскій народъ своимъ врагамъ, а явно и оружіемъ". Тацитъ отдаетъ должное Арминію-этому недюженному человѣку среди германцевъ,

называя его вождемъ, который, вызывая на бой Имперію въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, хотя и терпѣлъ пораженія въ битвахъ, но въ войнѣ никогда побѣжденъ не былъ".

---

3. ИМПЕРІЯ И ВАРВАРЫ СЪ I-го ВѢКА ДО НАШЕСТВІЯ ГУННОВЪ.

Въ теченіе слѣдующихъ полутораста лѣтъ сѣверные варвары не даютъ себя осязательнымъ образомъ чувствовать по сю сторону Рейна и Дуная. Напротивъ, они заводятъ съ римлянами мировыя сношенія, а иногда цѣлыми племенами переходятъ на территорію Римскаго государства, предлагая свои услуги императорскому правительству. Римляне тоже перестаютъ думать о новыхъ завоеваніяхъ. Узнавши силу варваровъ, они предпочитаютъ перейти къ оборонительному положенію, и возводятъ такъ называемый Римскій Валъ / Limes Romanus /-цѣлую сѣть укрѣпленій по Дунаю и Рейну, которая накрѣпко запираетъ германцевъ въ предѣлахъ ихъ отечества. А данное обстоятельство заставляетъ варваровъ перейти къ болѣе твердой осѣдлости, къ болѣе высокой культурѣ.

Мирное взаимоотношеніе обоихъ міровъ внезапно было нарушено новою катастрофою. Во второй половинѣ II-го столѣтія между варварскими племенами снова начинается сильнѣйшее броженіе, совершенно измѣнившее ихъ отношеніе къ Имперіи. Германцы массами передвигаются съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ. Въ результатѣ нѣкоторыя племена исчезаютъ безслѣдно, а на ихъ мѣсто становятся новыя племена и цѣлыя племенные союзы. Причина этихъ пертурбацій - выселеніе готовъ изъ Скандинавіи. Переправившись на юго-восточное побережье Балтійскаго моря, готы широкою волною раскинулись до самаго Черноморскаго побережья. Подъ вліяніемъ этого толчка сѣверо-германскія племена -герулы, руги, вандалы - бросились къ югу, сдвинули съ мѣста племена свевскія и сарматскія, а эти послѣднія, въ свою очередь, всею своею тяжестью обрушились на Задунайскихъ маркомановъ. Движеніе передалось и западнѣе на Рейнъ, и Зарейнскіе варвары, начавшіе, было, привыкать къ осѣдлому образу жизни, снова пришли въ броженіе, сразу прорвали границы Галліи въ нѣсколькихъ пунктахъ. Но главные результаты движенія готовъ сказались на Дунаѣ, въ Панноніи. Болѣе всѣхъ стѣсненные маркоманы, ставши во главѣ многочисленной федераціи восточно-германскихъ племенъ, въ 165 году прорываются чрезъ верхній Дунай, проникаютъ до самой Италіи и, подобно своимъ предшественникамъ кимвро-тевтонамъ, требуютъ у Имперіи земель для поселенія. Тяжелая маркоманская война тянулась цѣлыхъ 18 лѣтъ, и въ ней нашелъ свою погибель лучшій изъ Римскихъ Императоровъ - философъ Маркъ Аврелій. Борьба и на этотъ разъ закончилась новымъ пораженіемъ варваровъ

и распаденіемъ конфедераціи, причемъ значительное количество германцевъ получило позволеніе поселиться въ Имперіи. Если мы теперь обратимъ вниманіе на карту Германіи конца II-го и начала III-го столѣтій, то мы замѣтимъ, что эта Германія населена уже не тѣми племенами, которыя описывалъ Тацитъ. Прежде всего за нижнимъ Рейномъ къ сѣверу до Эльбы и къ востоку до Майна обосновалась могучая конфедерація франковъ, имя которыхъ впервые прозвучало для римскаго уха въ припѣвѣ къ пѣснѣ галльскихъ легіоновъ, отправлявшихся въ 241 г. на востокъ, для борьбы съ персами. Къ сѣверу отъ франковъ, въ устьяхъ Эльбы образовался союзъ саксовъ; къ юго-востоку, между верхнимъ Рейномъ и Дунаемъ, въ предѣлахъ прежнихъ agri documates, устроились остатки свевскихъ племенъ, получившихъ новое названіе аллемановъ. Въ предѣлахъ Герцинскаго лѣса осѣли бургунды, перекочевавшіе сюда съ верхняго Одера. По близости того же Герцинскаго лѣса, за Богемскими горами до устьевъ Эльбы, вмѣстѣ съ остатками квадовъ и маркомановъ, скитались вандалы и лангобарды. Наконецъ, виновники всѣхъ этихъ передвиженій - готы - утвердились по нижнему Дунаю и по Черному морю. Рѣка Днѣстръ раздѣляла это могучее племя на двѣ половины - восточныхъ готовъ - остготовъ и западныхъ готовъ - вестготовъ.

III-й вѣкъ ознаменовался ожесточенными натисками насельниковъ новой Германіи на Имперію. Если франки переходили черезъ Рейнъ, то аллеманы съ вандалами преимущественно прорывались черезъ Дунай и грабили придунайскія области. Готы хозяйничали на берегахъ Чернаго моря, заходили сухимъ путемъ во Ѳракію и самую Грецію. Римскіе легіоны попрежнему торжествовали надъ варварами. Императоръ Авреліанъ доходилъ до самаго центра готскаго міра - Днѣстра, а знаменитый Пробъ, изгоняя германцевъ изъ Галліи, вторгся по ихъ слѣдамъ въ самыя дебри Германіи, возстановилъ 70 разрушенныхъ городовъ, выстороилъ стѣны и укрѣпленія на 600 римскихъ миль протяженія, истребилъ до 400 тысячъ человѣкъ, захватилъ огромную добычу и увелъ въ Римъ множество плѣнниковъ. Все же Дакія была уступлена готамъ и нижній Дунай сдѣлался естественной сѣверо-восточной границею Римской Имперіи.

Въ концѣ III-го и началѣ IУ-го вѣка Римская Имперія попрежнему выдерживаетъ натиски варваровъ, встрѣтившихъ, однако, себѣ достойныхъ противниковъ, главнымъ образомъ, въ лицѣ Констанція Хлора и Константина Великаго. Франки и аллеманы, на голову разбитые этими полководцами, ищутъ съ Имперіей союза. Даже страшные готы желаютъ жить въ миру съ римскимъ правительствомъ и обязуются доставлять ему 40 тысячный вспомогательный корпусъ.

Взаимоотношеніе римскаго и варварскаго міровъ за этотъ періодъ времени измѣнилось кореннымъ образомъ. Если ранѣе Германія подвергалась романизаціи, то теперь Имперія подвергается сильнѣйшей варваризаціи. Поселенія

германцевъ по сю сторону Римскаго Вала возрастаютъ до безконечности. Но если ранѣе варвары - переселенцы обыкновенно растворялись въ общей массѣ туземнаго населенія, романизировалось, то теперь они по большей части сохраняютъ свою самобытность. Варвары селились на территоріи Римской Имперіи не на одинаковыхъ условіяхъ. Прежде всего это союзники Рима - *Socii*. Они сохраняли свой бытъ, свое внутреннее устройство, т. е. пользовались автономіей, признавая въ то же время свою зависимость отъ Имперіи и обязуясь вѣчно служить ей вспомогательными войсками. Въ такомъ отношеніи къ Риму стояли батавы, маттіаки, убіи, сикамбры, позднѣе Салическіе франки. Другіе варвары селились въ Имперіи, какъ воины. Среди нихъ слѣдуетъ различать двѣ категоріи - тѣхъ, которые вступали въ Имперскую армію добровольно, и тѣхъ, которые вербовались въ нее противъ воли, насильно. Первые назывались *foederati*, такъ какъ они служили по свободному договору / *foedus* /, и получали опредѣленное жалованье хлѣбомъ и деньгами. Вторые, повидимому, обозначались именемъ *dedititii*, каковое имя указывало на то, что они находились въ положеніи полнаго подданства, даже, можно сказать, рабства по отношенію къ Имперіи. Нѣкоторые изъ нихъ назывались еще *laeti*, значеніе каковаго термина до сихъ поръ еще не достаточно выяснено. Мы знаемъ только, что положеніе дедитиціевъ и летовъ во многомъ было очень сходно. И тѣ и другіе вмѣсто жалованья получали земли

для обработки и составляли постоянные отряды римской арміи, служба которыхъ была наслѣдственною обязанностью. Сынъ лета могъ пользоваться отцовскимъ надѣломъ въ томъ только случаѣ, если самъ становился летомъ, т.е. военнымъ поселенцемъ. Леты и дедитиціи размѣщались со своими семьями на постоянныхъ квартирахъ въ какой либо пограничной провинціи, образуя одновременно и военные отряды, и земледѣльческіе поселки. Подчинялись они римскимъ начальникамъ - такъ называемымъ *praefecti laetorum*, но въ то же время имѣли корпоративное устройство и, повидимому, управлялись своими самобытными законами. Наконецъ, безчисленныя массы германцевъ осѣдали на территоріи Имперіи, какъ рабы и колоны. Суровые варвары, тысячами захваченные въ плѣнъ римскими полководцами, „мѣняли мечи на сохи", „сѣяли и жали" для римскаго народа.

Сближенію и взаимодѣйствію римскаго и варварскаго міровъ много содѣйствовала новая, чисто духовная сила Римской Имперіи- христіанство, со времени Константина Великаго получившая оффиціальное признаніе императоровъ. Готы были первымъ германскимъ народомъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ Христова крещенія. Начиная съ половины IУ-го ст епископъ Ульфила - этотъ „новый Моисей" среди германцевъ - успѣшно сѣетъ за Дунаемъ новую вѣру, въ формѣ аріанскаго толка. Онъ же составляетъ готскую азбуку и даетъ переводитъ библіи на готскій языкъ. Переводъ, явившійся предметомъ самаго восторженнаго поклоненія этого глубоко-одареннаго и, какъ мы увидимъ, глубоко несча

готнаго племени.

Распространение между готами христианства совпало съ ихъ относительнымъ умиротворениемъ и успокоениемъ. Обширныя равнины теперешней южной России, дававшия неограниченный просторъ размножению восточныхъ варваровъ, на время задержали ихъ натискъ на западныхъ соседей, а вмѣстѣ съ тѣмъ задержали и натискъ этихъ последнихъ на римлянъ. Вотъ почему при императорѣ Феодосии римляне, по крайней мѣрѣ, со стороны Римской и Верхнедунайской границъ не испытали ни одного нападения. Однако это кратковременное затишье было затишьемъ передъ грозою. V-й вѣкъ принесъ съ собою такие ужасы, которыхъ никогда еще не видало население Римской Империи. Цѣлыя тучи уже не однихъ только германцевъ, а самаго разнообразнаго варварскаго сброда хлынули на ея территорию. Сначала постепенно, а потомъ вдругъ Римъ увидѣлъ въ своемъ сердцѣ полное смѣшение племенъ и народностей. Одни изъ этихъ разноплеменныхъ варваровъ терзали слухъ римлянина дикими и нечленораздѣльными звуками своей рѣчи, другие поражали его взоръ пестротою и причудливостью вооружения и одежды; наконецъ, всѣ они одинаково наводили на него паническій страхъ своей беспощадной жестокостью. Нѣкоторые изъ этихъ племенъ были людоѣдами. Аммианъ Марцеллинъ намъ разсказываетъ, какъ одинъ изъ сарациновъ, весь обросший волосами и нагой до пояса, съ хриплымъ и страшнымъ крикомъ бросился съ мечемъ въ рукѣ въ средину готовъ, подступавшихъ къ стѣнамъ Константинополя послѣ

поражения Валента, и, и прильнувши губами къ горлу сраженнаго имъ неприятеля, началъ сосать его кровь, къ ужасу и отвращению свидѣтелей этой сцены. Св. Иеронимъ видѣлъ въ Галлии бретонскую орду аттикотовъ, питавшихся человѣческимъ мясомъ. Когда они встрѣчали въ лѣсахъ стада свиней и другихъ животныхъ, они вырѣзывали груди у женщинъ, пасшихъ эти стада, и съ остервенѣниемъ ихъ пожирали. Рослые красавцы аланы отрубали голову убитому неприятелю, и изъ кожи трупа дѣлали попону для лошади. Гелоны изрѣзывали себѣ лицо, что почиталось высшимъ знакомъ отличия.

Но самый страшный изъ этихъ народовъ - тюркско-монгольское племя гунновъ, медленно подвигавшееся изъ глубины средне-азиатскихъ степей къ низовьямъ Волги.

По свидѣтельству современниковъ и очевидцевъ, гунны были страшны самимъ варварамъ. Нельзя было безъ отвращения смотрѣть на этихъ черныхъ и низкорослыхъ всадниковъ, съ толстой шеей, изрѣзанными щеками, плоскимъ и безбородымъ лицемъ, съ головой въ видѣ шара, съ узкими расщелинами вмѣсто глазъ, съ крикливымъ, нечленораздѣльнымъ голосомъ и дикими тѣлодвижениями. Ихъ можно было принять за какое то исчадие ада, за двуногихъ животныхъ. И не даромъ историкъ готовъ Иорнандъ считалъ ихъ плодомъ неестественнаго соединения страшныхъ и безобразныхъ вѣдьмъ съ нечистыми духами пустыни. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что нечистые духи породили гунское племя изъ ненависти къ скиѳамъ...

Не зная огня, гунны не готовили кушаний. Питались они дикими травами и сырымъ мясомъ, пропотѣвшимъ и разогрѣтымъ подъ сѣдлами. Ихъ туники изъ крашеной холстины и шкурокъ полевыхъ крысъ завязывались около шеи, и снимались только тогда, когда превращались въ лохмотья. Голову они покрывали круглыми кожаными шапками, а мохнатыя ноги обертывали козьими мѣхами. Какъ бы пригвожденные къ своимъ малорослымъ и безобразнымъ, но выносливымъ и неутомимымъ скакунамъ, они никогда съ ними не разставались.

Въ 374 году страшные и безобразные гунны перешли черезъ Волгу, подъ предводительствомъ Баламіра, и устремились къ юго-западу. Здѣсь, въ южно-русскихъ степяхъ, они прежде всего натолкнулись на готовъ. На голову разбитые гуннами, восточные готы / остготы/ вынуждены были имъ покориться. Что касается западныхъ готовъ /вестготовъ/, то они, спасаясь отъ пришельцевъ, въ ужасѣ устримились къ Дунаю. Въ 376 году послы отъ вестготовъ, съ епископомъ - Ульфилою во главѣ, являются въ Антіохію, къ императору Валенту и умоляютъ его принять весь многочисленный народъ на территорію римскаго государства, обѣщая за это службу и подчиненіе. Въ результатѣ мы видимъ поселеніе почти милліоннаго скопища варваровъ въ предѣлахъ теперешней Болгаріи /Древняя Мизія/. Возмутительныя злоупотребленія со стороны имперскихъ чиновниковъ вызываютъ среди готовъ возстаніе. Весь Балканскій полуостровъ былъ подвергнутъ разгрому.

Самъ императоръ Валентъ на голову разбитый въ кровопролитной битвѣ при Адріанополѣ, былъ сожженъ готами въ хижинѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія раненый. И лишь черезъ годъ /379/ императору Ѳеодосію удалось заключить съ варварами договоръ, въ силу котораго они попрежнему признали себя союзнымъ войскомъ императора, съ правомъ получать квартиру и содержаніе въ различныхъ частяхъ полуострова. И съ тѣхъ поръ у Ѳеодосія не было болѣе вѣрныхъ союзниковъ. Вообще, надо замѣтить, что Ѳеодосій Великій очень искусно умѣлъ ладить съ варварами. И въ его правленіе множество замѣчательныхъ лицъ варварскаго происхожденія занимаютъ первыя мѣста въ арміи и государствѣ. Во главѣ всѣхъ слѣдуетъ поставить геніальнаго полководца, вандала Стилихона, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Продвинувшись къ берегамъ Дуная, гунны на время осѣли за этой рѣкой и стали въ мирныя и даже союзныя отношенія къ Римской Имперіи. Однако толчекъ, данный ими западнымъ варварамъ, самымъ осязательнымъ образомъ сказался на среднемъ Дунаѣ. Здѣсь въ 404 году образовалась громадная разноплеменная орда, которая и ринулась подъ предводительствомъ Радагайса, повидимому, славянина по происхожденію, въ Италію. И лишь генію Стилихона удалось спасти метрополію отъ разгрома. Одни изъ варваровъ были истреблены въ открытомъ полѣ, другіе, загнанные въ горы Этруріи и заморенные голодомъ, сдались безъ битвы. „Число плѣнныхъ было такъ велико,"

говоритъ Орозій, что ихъ сгоняли въ стада, какъ барановъ и продавали по одной золотой монетѣ за голову".

Движеніе, вызванное натискомъ гунновъ, сказалось и западнѣе - на Рейнѣ. Въ самомъ концѣ 406 года скопища алановъ, вандаловъ и свебовъ прорвали охраняемыя франками и аллеманами римскія укрѣпленія на Рейнѣ, хозяйничали въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Галліи, прошли въ 409 году чрезъ Перенеи, и къ 411 году осѣли въ Испаніи окончательно.

По смерти императора Өеодосія, римлянамъ снова пришлось имѣть дѣло съ вестготами. Въ концѣ IУ-го вѣка послѣдніе снова поднимаютъ знамя возстанія и, подъ начальствомъ своего конунга Алариха, опустошаютъ Грецію и окрестности Константинополя. По договору съ императоромъ Аркадіемъ, Аларихъ дѣлается самостоятельнымъ правителемъ Иллиріи, а вестготы становятся въ положеніе федератовъ. Въ 401 году Аларихъ снова поднимаетъ возстаніе и вторгается въ Верхнюю Италію. Однако при Полленціи онъ терпитъ рѣшительное пораженіе отъ Стилихона.

Знаменитый Стилихонъ недолго пережилъ свои побѣды. Онъ палъ жертвою придворныхъ интригъ, и его смерть послужила сигналомъ новыхъ несчастій для Имперіи. Казнь Стилихона, обвиненнаго въ стремленіи возстановить язычество, сопровождалась избіеніемъ женъ и дѣтей германскихъ наемниковъ и союзниковъ, служившихъ въ арміи погибшаго полководца. Возмущенные варвары призываютъ на

помощь Алариха и вмѣстѣ съ его полчищами двигаются къ столицѣ. Знаменитый конунгъ беретъ съ Рима огромнѣйшій выкупъ, возводитъ и низводитъ новаго императора Аттала, и, наконецъ, въ ночь на 24 августа 410 года отдаетъ столицу римскаго міра на разграбленіе своимъ солдатамъ. Страшнымъ ударомъ поразило это событіе Римлянъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Виѳлеемскій отшельникъ блаженный Іеронимъ въ своемъ предисловіи къ толкованію Іезекіиля такъ выражалъ свои сѣтованія по поводу несчастій вѣчнаго города: „Когда погасъ самый блестящій свѣтъ, когда отсѣчена была глава Римской Имперіи, и, скажу вѣрнѣе, цѣлый міръ погибъ въ одномъ городѣ, онѣмѣлъ языкъ мой и былъ я глубоко униженъ".

Судьба населенія разграбленнаго города была ужасна. Благородныхъ римскихъ дѣвушекъ, дочерей сенаторовъ и патриціевъ продавали, какъ простыхъ невольницъ, по Малоазійскому и Африканскому побережьямъ Средиземнаго моря. Восточныя провинціи были заполнены бѣглецами изъ лучшихъ фамилій, выпрашивавшими подаяніе, какъ нищіе. Тотъ же блаженный Іеронимъ принималъ у себя послѣднихъ потомковъ гордаго величія Рима, принималъ ихъ въ святой и убогой пещерѣ, давшей первое пристанище Спасителю міра. Въ толкованіяхъ пророчествъ Іезекіиля престарѣлый отшельникъ примѣнялъ къ Риму слова еврейскаго пророка о разрушеніи Іерусалима и Тира. „Я воздвигну противъ васъ многіе народы, какъ море воздымаетъ волны", читалъ онъ у Іезекіиля. „Я возложу на дѣтей Іуды тяжесть ихъ преступленій... Они увидятъ,

какъ будетъ слѣдовать страхъ за страхомъ"....Дойдя далѣе до словъ „ихъ переселятъ изъ одной страны въ другую и уведутъ плѣнниками",старецъ взглянулъ на своихъ гостей и внезапно разразился рыданiями.

Никогда вѣчный городъ не испытывалъ такого униженiя и позора. Даже варвары были потрясены катастрофою. И между ними долго жило убѣжденiе, что смерть страшнаго конунга , послѣдовавшая вскорѣ за разграбленiемъ Рима, была небесною карою за его святотатство. Долго еще вестготы, провозгласившiе своимъ новымъ конунгомъ Атаульфа, опустошали территорiю Италiи и Галлiи, пока въ 419 году не основали въ южной части послѣдней первое варварское королевство вестготовъ. Готы поселяются въ Галлiи на основанiи договора /foedus / съ Западнымъ Римскимъ Императоромъ, и юридически признаютъ его верховенство, хотя фактически являются вполнѣ самостоятельными. Онѝ вовсе не стремятся обратить въ рабство туземное населенiе; они не отбираютъ у него и земельныхъ имуществъ, какъ это думали ранѣе.Они пользуясь лишь такъ называемымъ правомъ hospitalitas,по которому каждый готъ получаетъ у туземца квартиру и пользуется извѣстною частью изъ его урожая.До конца У-го вѣка связь вестготовъ съ Имперiей держится крѣпко, и прерывается лишь въ исключительныхъ случаяхъ . Являясь военными сановниками Имперiи /magistri militum /, ихъ вожди успѣшно сражаются,по порученiю Императора, съ вандалами и прогоняютъ послѣднихъ изъ Испанiи въ

Африку.И лишь съ конца У-го вѣка,при королѣ - законодателѣ Эврихѣ, вестготы образуютъ вполнѣ самостоятельное государство, охватывающее,кромѣ южной Галлiи ,и весь Пиренейскiй полуостровъ.

Возникновенiе вестготскаго королевства - это типичный случай въ исторiи расчлененiя римскаго государства на самостоятельные организмы.Данное расчлененiе не есть результатъ внезапной катастрофы, внезапнаго завоеванiя, какъ это думали ранѣе, а долгаго и постепеннаго процесса проникновенiя варварскихъ элементовъ на территорiю римскаго государства. Если вестготы заняли южную часть Галлiи, то бургунды точно такимъ же образомъ, т.е.по договору съ императоромъ, осѣли въ бассейнѣ Роны, а франки -на сѣверѣ Галлiи и на востокѣ. И бургундское и франкское королевство,подобно вестготскому,юридически было въ вассальной зависимости отъ императора, но фактически являлось отъ него независимымъ. Точно такъ же, какъ вестготы, и бургунды,и франки не обращали въ рабство покореннаго населенiя Галлiи, не отнимали у него земель, а жили съ нимъ въ добромъ согласiи на правахъ hospitalitas . Къ половинѣ У-го вѣка по Р.Христ. Западно-Римская Имперiя,лишенная Британiи, въ которой осѣли англосаксы , и Африка, которую захватили вандалы,и лишь номинально сохранившая власть надъ Галлiей и Испанiей, de facto ограничивается однимъ только Аппенинскимъ полуостровомъ. Таково было положенiе обезсиленнаго и разслаб-

леннаго государства, когда на него хлынули дикія полчища гунновъ. И если Имперія устояла передъ этою страшною грозою, то лишь благодаря помощи своихъ отважныхъ союзниковъ - бургундовъ, франковъ и вестготовъ, которые вовсе и не мечтали о разрушеніи организма Имперіи, которые, напротивъ глубоко, ее уважали, и старались поддерживать всевозможными способами. Страшное нашествіе гунновъ стоитъ того, чтобы остановиться на немъ подробнѣе.

4. НАШЕСТВІЕ ГУННОВЪ И ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЕ „ПАДЕНІЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ".

Мы оставили гунновъ въ то время, когда они, разбитые на множество отдѣльныхъ племенъ, продвинулись до нижняго Дуная. Отсюда они мало по малу распространились далѣе на западъ, и вскорѣ ихъ безчисленныя палатки появились уже на среднемъ Дунаѣ. Сосѣднія германскія и славянскія племена одно за другимъ изъявляли свою покорность новымъ пришельцамъ. Къ половинѣ V-го вѣка многочисленныя племена гунновъ и другихъ подвластныхъ имъ народовъ германскаго и славянскаго происхожденія были соединены въ одно крѣпкое государство извѣстнымъ Аттилою, который, по словамъ современниковъ, именовали себя „бичемъ Божіимъ", „молотомъ вселенной". Этотъ человѣкъ, говоритъ уже извѣстный намъ Іорнандъ, явился въ міръ для потрясенія на-

родовъ и для внушенія ужаса всему существующему". Отъ Балтійскаго моря и до Азіатскихъ степей раскинулось царство Атиллы. И лишь двѣ первыя націи въ мірѣ - римляне и вестготы - не хотѣли подчиниться его главенству. Народныя преданія изукрасили обликъ этого замѣчательнаго варвара тысячами легендарныхъ и миѳическихъ свойствъ, и совершенно оторвали его отъ исторической почвы. Если въ христіанскихъ сказаніяхъ онъ орудіе карающаго Провидѣнія, то въ германо-скандинавскихъ сагахъ онъ милостивый и добрый владыка, съ рыцарскими чертами въ духѣ Карла Великаго, а въ венгерскихъ легендахъ онъ патріархъ, предшественникъ христіанства, родоначальникъ св. Стефана. Самая наружность Атиллы названными преданіями изображается неодинаково. То онъ орудіе дьявола и даже самъ дьяволъ, и соотвѣтственно этому обладаетъ лысою головою съ ушами собаки, иногда головою осла или борова. То, наоборотъ Атилла награжденъ представительной наружностью, и даже красотою. Всѣ эти разнообразныя и разнохарактерныя отраженія Атиллы въ воображеніи того или другого народа имѣютъ глубокое историческое значеніе. Они говорятъ намъ о томъ далеко неодинаковомъ впечатлѣніи, которое произвели въ различныхъ мѣстахъ земного шара подвиги азіатскаго выходца. Если мы теперь обратимся къ подлинному портрету Атиллы, то мы увидимъ, что онъ во многомъ отличался отъ того, который нарисованъ сказаніями и легендами. Современники изобража-

ютъ намъ Атиллу, какъ замѣчательнаго государственнаго человѣка и недюжиннаго полководца. „Любя войну, говоритъ Iорнандъ, Атилла былъ умѣренъ въ дѣлѣ, твердъ въ совѣтѣ, снисходителенъ къ просьбамъ и благосклоненъ къ тѣмъ, кого однажды принялъ подъ свое покровительство". Описывая далѣе его наружность, Iорнандъ говоритъ слѣдующее: „Ростъ его былъ невеликъ, грудь широкая и большая голова, глаза узкiе, рѣдкая борода съ просѣдью, носъ вогнутый, а тѣло смуглаго цвѣта, обличавшее его происхожденiе". Страдая чисто варварскими пороками - пьянствомъ и сладострастiемъ „имѣя цѣлые отряды женъ и цѣлое племя дѣтей", Атилла въ то же время удивлялъ опрятностью и чистотою своей простой одежды, своею умѣренностью въ пищѣ. Онъ ѣлъ и пилъ исключительно изъ деревянныхъ сосудовъ, между тѣмъ какъ гости его употребляли за столомъ лишь серебро и золото. Онъ никогда не рисковалъ въ битвахъ, предпочитая дѣйствовать искусными переговорами. Словомъ, передъ нами типичный представитель умнаго, разсчетливаго и пронырливаго азiатскаго выходца.

Въ 450 году послы гуннскаго предводителя одновременно появились на Западѣ и на Востокѣ и держали слѣдующую дерзкую рѣчь къ Өеодосiю восточному и Валентинiану западному: „Атилла, мой и твой повелитель, приказываетъ тебѣ приготовить ему дворецъ ". Задавшись серьезною цѣлью покорить Западную половину Имперiи, Атилла въ томъ же 450 году кликнулъ кличъ своимъ

многочисленнымъ подчиненнымъ и стянулъ подъ своими знаменами огромную армiю. Можно сказать, что со времени Ксеркса Европа не видала такого скопленiя варваровъ . Западная Азiя и Восточная Европа прислали сюда чуть ли ни не всѣхъ представителей. Двинувшись по обоимъ побережьямъ Дуная, эта многочисленная армiя взяла направленiе къ Рейну, увлекая на своемъ пути и Западно-германскiя племена - Зарейнскихъ франковъ, Зарейнскихъ бургундовъ и тюринговъ .

Черезъ Рейнъ открывалась дорога въ беззащитную Галлiю. Имперiя слишкомъ была неподготовлена къ натиску варваровъ, чтобы немедленно подумать о провинцiи. Римскiя военныя силы сосредоточились въ Верхней Италiи, подъ начальствомъ Аэцiя. Послѣднiй, не надѣясь на свою собственную армiю, употребилъ всѣ усилiя къ тому , чтобы привлечь на свою сторону германскихъ союзниковъ. „Сильные оружiемъ, писалъ онъ къ Теодориху Вестготскому, обратите вниманiе на ваши собственныя опасности. Соединимся вмѣстѣ. Окажите помощь Имперiи, часть которой вы составляете". Послѣ нѣкотораго колебанiя вестготы рѣшили ополчиться на защиту Имперiи. Союзники встрѣтились въ Галлiи. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ знамена Аэцiя стягивались всѣ германскiя племена, обитавшiя въ этой провинцiи - бургдиды, франки Рипуарскiе, франки Салическiе. Галльскiе аристократы приводили своихъ клiентовъ. Поднимались и вооружались даже туземные поселяне.

Между тѣмъ уже гунны хозяйничали въ сѣверной Галліи. Цѣлые города подверглись разграбленію и уничтоженію. Жители другихъ городовъ въ ужасѣ покидали свои дома и прятались по лѣсамъ и болотамъ. Среди всеобщаго смятенія думало оставить свой городъ на произволъ судьбы и населеніе древней Лютеціи /Парижа/, но было остановлено и спасено трогательнымъ самоотверженіемъ святой Женевьевы - этой предшественницы другой святой дѣвушки - Жанны д-Аркъ изъ Лотарингіи. Оставивши въ сторонѣ Парижъ, Атилла прошелъ съ огнемъ и мечемъ Реймсъ, Шалонъ на Марнѣ, Сансъ, явился въ первыхъ числахъ мая 451 года подъ Орлеаномъ, и началъ громить его стѣны таранами. Осада продолжалась полтора мѣсяца, пока на помощь осажденному городу не подоспѣла римская армія Аэція. Внезапно налетѣла она на Атиллу подъ Орлеаномъ, и погнала его полчища къ сѣверу, вызывая на рѣшительный поединокъ. При переправѣ черезъ рѣчку Обу аррієргардъ арміи гунновъ былъ на голову разбитъ авангардомъ Аэція, состоявшимъ изъ Салическихъ франковъ.

Наконецъ, многочисленная армія Атиллы остановилась на Каталаунскихъ поляхъ, близь Шалона на Марнѣ, обнеслась плотнымъ кругомъ изъ походныхъ кибитокъ и въ такомъ видѣ изготовилась къ битвѣ. Напротивъ размѣстилось и войско Аэція - римскіе легіоны по всѣмъ правиламъ военнаго искуства, а союзные варвары - вестготы, франки, бургунды и другіе безъ окоповъ и полисадовъ, по національностямъ .

На другой день 15 іюня 451 года должна была разразиться одна изъ тѣхъ кровавыхъ битвъ, память о которыхъ долго живетъ въ воображеніи потомковъ. На одной сторонѣ стояли носители римской культуры и ихъ вѣрные союзники изъ германцевъ, на другой сторонѣ - представители восточнаго варварства и ихъ невольные соратники изъ тѣхъ же германцевъ. Два разнородныхъ міра готовились оспаривать другъ у друга господство въ рѣшительномъ поединкѣ. На сторонѣ Атиллы была подавляющая численность и дерзкая отвага варваровъ; на сторонѣ Аэція - военная дисциплина римлянъ, сплоченность и одушевленіе союзниковъ. Все же тяжелую задачу предстояло выполнить римскому полководцу. Ему предстояло разбить и откинуть за Рейнъ болѣе чѣмъ полумилліонную армію варваровъ, закаленныхъ въ войнѣ, опьяненныхъ успѣхами и ничуть не страшившихся смерти.

Съ другой стороны, и Атилла не могъ чувствовать себя спокойнымъ наканунѣ рѣшительнаго дѣла. Преданіе разсказываетъ, что ночью онъ спрашивалъ христіанскаго отшельника, найденнаго въ сосѣднемъ лѣсу, объ исходѣ сраженія. „Ты бичъ Божій, будто бы отвѣчалъ ему прорицатель, ты молотъ, которымъ небесное Провидѣніе караетъ вселенную. Но Богъ, по волѣ своей, ломаетъ орудіе Своего мщенія и, по Своимъ неисповѣдимымъ предначертаніямъ, передаетъ мечь изъ рукъ въ руки. Знай же, что ты будешь побежденъ въ битвѣ съ римлянами и черезъ то убѣдишься, что не отъ земли твоя сила".

Смущенный этимъ отвѣтомъ, Атилла призываетъ своихъ собственныхъ кудесниковъ и гадателей, и поручаетъ имъ разузнать волю отечественныхъ боговъ о предстоящемъ сраженіи. Послѣдніе объявляютъ, что гунны будутъ поражены, но что и предводитель непріятелей останется на полѣ сраженія. Атилла нѣсколько успокоился. Подъ предводителемъ непріятелей онъ разумѣлъ Аэція, который съ такою ловкостью раскрывалъ всѣ его планы. По мнѣнію Атиллы, купить смерть римскаго предводителя даже цѣною собственнаго пораженія - это значило купить ее не такою ужъ дорогою цѣною .

Дѣло началось около трехъ часовъ пополудни. Началось оно на правомъ римскомъ крылѣ, которое схватилось съ лѣвымъ крыломъ войска Атиллы. Вестготы боролись здѣсь съ остготами, братья съ братьями. Престарѣлый вестготскій король Теодорихъ палъ въ самомъ началѣ сраженія, и былъ растоптанъ копытами конницы. Однако вестготы въ скоромъ времени сломили остготовъ, и ударили на варварскую армію съ фланга. „Затѣмъ, говоритъ Іорнандъ, началась битва ,свирѣпая, повсемѣстная, ужасная и отчаянная . Древность не повѣствуетъ намъ ни о такихъ подвигахъ, ни о такой рѣзнѣ; а тотъ кто не былъ свидѣтелемъ этого удивительнаго зрѣлища тому не встрѣтить его въ другой разъ въ своей жизни". Полуизсякшіе ручьи, протекавшіе по долинѣ, внезапно раздулись отъ потоковъ крови, смѣшавшейся съ ихъ водами, и раненые , утолявшіе жажду такимъ страшнымъ питьемъ, уми-

рали мгновенно. Къ вечеру Атилла потерпѣлъ полное пораженіе, главнымъ образомъ , благодаря успѣхамъ вестготовъ, и съ остатками своего безпорядочнаго войска укрылся за кибитками .

Народное воображеніе, пораженное ужасами Каталунской битвы, создало при Юстиніанѣ интересную легенду, являющуюся яркой аллегоріей сверхчеловѣческихъ неистовствъ переселенія. Легенда разсказываетъ, что Атилла далъ сраженіе римлянамъ у воротъ вѣчнаго города. Всѣ сражавшіеся , за исключеніемъ предводителей и нѣсколькихъ воиновъ, нашли свою погибель въ кровопролитной битвѣ. Но этимъ дѣло не окончилось. Когда противники пали, ихъ воспарившія къ небу души продолжали сраженіе три дня и три ночи. Эти воздушные бойцы съ прежнимъ ожесточеніемъ продолжали свое земное сраженіе. Упомянутая легенда увѣковѣчена въ одной изъ фресокъ новаго Берлинскаго Музея нѣмецкимъ живописцемъ Каульбахомъ. Картина изображаетъ поле битвы, покрытое мертвыми и умирающими. А наверху въ облакахъ кипитъ ожесточенный бой между душами.

Іорнандъ разсказываетъ, что на Каталаунской равнинѣ осталось 165 тысячъ труповъ. Аэцій теперь могъ безъ труда уничтожить остатки гуннскаго войска. И отважный Атилла, нежелавшій пережить пораженіе, по свидѣтельству Іорнанда, уже собирался сжечь себя на кострѣ, чтобы не достаться въ добычу побѣдителю. Но на счастье гуннскаго предводителя заволновались вестготы.

Лишенные предводителя и опасаясь безпорядковъ на родинѣ, они внезапно снимаются съ мѣста, и двигаются въ родную Тулузу, предоставляя Аэцію одному доканчивать блестяще начатое дѣло. А Аэцій съ наполовину ослабленнымъ войскомъ не рѣшился рискнуть на новый поединокъ съ противникомъ. Медленно, „какъ раненный и рыкающій левъ", говоритъ Іорнандъ,двинулъ Атилла свои повозки и направился къ сѣверу. А Аэцій все время слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, пока не выпроводилъ за предѣлы римскихъ владѣній.

Такъ окончилось это нашествіе Атиллы - одинъ изъ ужаснѣйшихъ моментовъ Великаго Переселенія Народовъ. Какъ видимъ, оно не имѣло осязательныхъ результатовъ. Атилла ушелъ со своими гуннами такъ же внезапно,какъ внезапно и появился на римской территоріи. И второе нашествіе Атиллы /весною 452 г./на Италію не имѣло большого успѣха. А послѣ его смерти гуннское царство быстро распалось на части, и перестало быть вѣчной опасностью для римскаго государства. Вообще, надо сказать, что не массовыя нашествія варваровъ погубили Имперію. Изъ всего предыдущаго мы могли видѣть,что варвары, приходившіе на Римъ въ качествѣ воиновъ и враговъ, обычно послѣ нѣсколькихъ битвъ или поголовно истреблялись, или уходили обратно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ не оставляя замѣтныхъ слѣдовъ своего пребыванія. То же слѣдуетъ сказать и о позднѣйшемъ нашествіи вандаловъ, правда, до основанія разгромившихъ городъ Римъ, но потомъ снова скрывшихся въ своемъ

Африканскомъ королевствѣ. Не летучія банды варваровъ, не воинственный сбродъ, а цѣлыя племена, постепенно осѣдавшія на территоріи римскаго государства вотъ кто погубилъ его политическое единство и самостоятельность. Мы уже видѣли осязательные результаты поселенія въ предѣлахъ римскаго государства вестготовъ, бургундовъ и франковъ. Отнявши у Рима провинціи,варвары вскорѣ захватили и метрополію. Послѣдній вѣкъ существованія Римской Имперіи въ сущности является вѣкомъ полнаго господства германскихъ дружинъ, изъ которыхъ почти цѣликомъ состояло римское войско. Послѣ отраженія дикихъ полчищъ Атиллы вожди германскихъ дружинъ распоряжались римскими императорами, какъ простыми игрушками. Они низлагали ихъ и возводили на престолъ по своему усмотрѣнію. И если до 476 года римскими императорами являются все таки прирожденные римляне, то послѣ 476 года италійскимъ королемъ становится вождь геруловъ Одоакръ, свергшій съ престола Ромула Августула - послѣдняго римскаго Императора. Это и есть пресловутое паденіе Западной Римской Имперіи, которое, надо сказать, прошло совершенно незамѣтнымъ для современниковъ. Воцареніе Одоакра не внесло какихъ либо измѣненій во внутреннюю жизнь полуострова. Политическая власть принадлежала германцамъ и ранѣе.Что касается внутренняго устройства римскаго государства, то оно и при Одоакрѣ оставалось незыблемымъ, а при королѣ остготовъ Теодо-

рихѣ Великомъ, явившемся на смѣну Одоакра, римскимъ распорядкамъ подчинились и варвары.

Въ 486 году погибъ и послѣднiй независимый отъ варваровъ римскiй правитель въ Галлiи - намѣстникъ Суассонскаго округа Сiагрiй, разбитый франкскимъ королемъ Хлодвигомъ. Территорiя единой Западной Римской Имперiи теперь раздробилась на рядъ самостоятельныхъ государствъ, основанныхъ варварами. Но юридически всѣ эти государства оставались подчиненными императору Восточной половины Имперiи, и въ представленiи современниковъ, какъ варваровъ, такъ и римлянъ, единая мiровая держава попрежнему продолжала существовать нерушимою.

Прежде чѣмъ перейти къ изученiю внутренняго быта варварскихъ государствъ, выросшихъ на римской территорiи, подведемъ итоги всему, что сказано до сихъ поръ о Римской Имперiи и о варварахъ.

Римская Имперiя погибла не подъ ударами варваровъ, не подъ влiянiемъ внѣшнихъ завоеванiй, и никакъ не подъ напоромъ волны Völkerwanderung'a. Ее свергла не неожиданная катастрофа, не внезапная революцiя. Она умерла естественной смертью, въ силу неизлечимой внутренней болѣзни, все болѣе и болѣе прогрессировавшей на протяженiи цѣлаго ряда столѣтiй и поколѣнiй. Варвары только способствовали разложенiю этого когда то могучаго организма, поставивши его въ осадное положенiе и еще болѣе осложнивши его естественную дезор-

ганизацiю. Но Римская Имперiя умерла лишь въ очень условномъ смыслѣ. Она умерла только какъ политическiй организм, какъ единое, претендующее на мiровое господство государство. Экономическiй, соцiальный, а отчасти и культурный строй Римской Имперiи перешли въ средние вѣка нерушимыми. Среди Западно-Европейскаго населенiя остались даже римскiе привычки, римскiе вкусы, римскiе законы, учрежденiя и обычаи. И варвары не могли изгладить этой печати многовѣковой культурной работы цивилизованнаго государства. Не могли они сдѣлать прежде всего въ силу своей многочисленности. Да они и не хотѣли этого дѣлать, такъ какъ глубоко уважали традицiи римской культуры. Вотъ почему они сами съ теченiемъ времени были поглощены многочисленнымъ туземнымъ населенiемъ Рима и его провинцiй, съ одной стороны вливши въ его жилы струю свѣжей, молодой крови, неиспорченной тлетворнымъ влiянiемъ высоко образованнаго, но въ то же время и глубоко развращеннаго общества. Смѣшенiе разнородныхъ учрежденiй двухъ нацiй породило новую богатѣйшую культуру романскую, а смѣшенiе двухъ этническихъ элементовъ имѣло своимъ результатомъ появленiе одной многочисленной романской народности, рѣзко различавшей себя отъ народности чисто германской. И напрасно Карлъ Великiй пытался связать эти двѣ нацiи узами внѣшняго принужденiя. Онѣ разъединились тотчасъ же по его кончинѣ, и стали въ рѣзко враждебныя отношенiя другъ къ другу, именно въ разнородности своихъ учрежденiй. Если мы внимательно всмот-

римся въ политическую исторію среднихъ вѣковъ, то мы безъ труда увидимъ, что она цѣликомъ наполнена ожесточенною борьбою между романскою и германскою расами. Изъ среднихъ вѣковъ эта борьба перешла и въ слѣдующій періодъ жизни человѣческихъ обществъ, она даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу и теперь, являясь яркимъ, можно сказать, кричащимъ свидѣтельствомъ живучести могущественной культуры древне-римскаго общества.

Литература: Фюстель де Кулянжъ. Германское вторженіе и конецъ Имперіи, Рус.пер.,1904 г. Ешевскій. Сочиненія, т.II. Эпоха переселенія народовъ и каролинги, 1870. Петровъ. Очерки изъ всеобщей исторіи. Германикъ. Сцены по Тациту.1868 . Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung. Bearb. von F. Dahn, H. I-II. 1880. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. 1910. Schäfer. Deutsche Geschichte, t. I. 1910. Am. Thierry. Histoire d'Atilla.

VI. ОСТГОТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ТЕОДОРИХА.

Господство Одоакра въ Италіи продолжалось недолго. Само собою разумѣется, что недисциплинированныя орды разношерстныхъ германскихъ дружинъ не могли упрочить своего положенія на обширной территоріи полуострова. Вотъ почему они должны были уступить свое мѣсто другимъ завоевателямъ-варварамъ - цѣлому народу остготовъ, пришедшему съ Балканскаго полуострова подъ начальствомъ молодого вождя - Теодориха. Мы уже видѣли, что увлеченные союзомъ съ Атиллою остготы бились на Каталаунскихъ поляхъ противъ своихъ же собратьевъ - вестготовъ. Послѣ распаденія эфемернаго царства Атиллы они двинулись на Балканскій полуостровъ и осѣли во Ѳракіи, Мизіи и Эпирѣ. Движимые недостаткомъ земельныхъ владѣній и скудостью средствъ для пропитанія у себя дома, они въ 488 году цѣлымъ народомъ снимаются съ мѣста и, съ благословенія восточнаго императора Зенона идутъ въ обѣтованную для варваровъ землю - Италію. Разбитый въ цѣломъ рядѣ кровопролитныхъ сраженій, Одоакръ, наконецъ, и самъ погибаетъ отъ руки Теодориха. Въ 493 году остготы становятся полными властителями полуострова.

На этотъ разъ Италія была захвачена не дикими бандами варваровъ, не своевольною дружиною, а цѣлымъ племенемъ одного происхожденія, единымъ народомъ. Это давало гарантію болѣе спокойнаго существованія туземна-

го населенія полуострова, нежели при Одоакрѣ. Съ другой стороны, счастье улыбалось Италіи и въ томъ отношеніи, что остготы повиновались одному о б щ е м у начальнику. И этимъ начальникомъ былъ величайшій изъ всѣхъ завоевателей варварсвъ- король Теодорихъ. На темномъ фонѣ того смутнаго времени, когда грубая физическая сила и произволъ отдѣльныхъ индивидуумовъ достигли своего апогея, могучая личность Теодориха остготскаго невольно приковываетъ къ себѣ наше вниманіе. Эт - первый изъ варваровъ, проникнутый духомъ римскохристіанской культуры. Правда, новыя вѣянія не переродили совершенно варвара Теодориха. Дикіе инстинкты продолжали таиться въ немъ въ скрытомъ видѣ, и временами давали себя осязательно чувствовать проявленіями жестокости, мстительности и даже вѣроломства. Въ такія минуты нельзя было не узнать въ Теодорихѣ прежняго варварскаго конунга. Но проходили минуты гнѣва, и Теодорихъ опять становился человѣкомъ добра, который искренно сочувствовалъ выгодамъ римской цивилизаціи и отъ души желалъ устроить мирное существованіе своихъ многочисленныхъ подчиненныхъ.

Невольно возникаетъ вопросъ, какія же обстоятельства породили эту замѣчательную личность среди варваровъ. Почему вмѣстѣ съ остготами въ Италію пришелъ именно Теодорихъ, а не безшабашный бродяга Аларихъ, не конунгъ Атаульфъ, не свирѣпый Атилла. Отвѣтъ на данный вопросъ слѣдуетъ искать въ условіяхъ всей

предыдущей жизни остготскаго предводителя. Мы знаемъ, что съ семилѣтняго возраста онъ былъ отданъ отцомъ своимъ Теодеміромъ въ заложники восточному императору, и оставался при Византійскомъ дворѣ до 17 лѣтняго возраста. Впечатлѣнія, получаемыя въ этотъ періодъ жизни, не изглаживаются до самой смерти. Взятый изъ походнаго лагеря своего отца Теодорихъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла былъ перенесенъ въ самый центръ того великолѣпнаго общества, которое подъ именемъ Римской Имперіи, даже издали поражало воображеніе варваровъ. У Теодориха не было недостатка въ ясности смысла и воспіимчивости. Онъ не могъ не предпочесть строя и порядка государственнаго управленія Византіи хаосу германскаго общества. Римскій міръ развернулся передъ нимъ во всей его красотѣ, являясь поразительнымъ контрастомъ безпорядочнаго міра германскаго. Но и въ германскомъ мірѣ были свои самобытныя прелести. И Теодорихъ, вскормленный молокомъ матери подъ шумъ боевой пѣсни дружинниковъ отважнаго отца, не умѣлъ, да и никогда не хотѣлъ отъ нихъ отказаться. Римская культура и германская удаль переплелись въ немъ въ единое стройное цѣлое и породили одну замѣчательную личность вождя Теодориха. Того самаго Теодориха, который немедленно по пріѣздѣ домой набираетъ дружину отважныхъ удальцовъ, безъ вѣдома престарѣлаго отца переходитъ широкій Дуная, нападаетъ на царя сарматовъ - грозу римлянъ - Бабая, умерщвляетъ этого витязя въ его соб-

ственномъ дворцѣ, грабитъ весь домъ и казну и съ побѣдными криками возвращается на родину. Того Теодориха, который, будучи въ молодости избранъ королемъ и осыпанъ неслыханными почестями отъ самого полубога императора, прежде всего думаетъ о счастьѣ родного народа, ведетъ его черезъ земли дикихъ гепидовъ въ благословенную Италію, и послѣ цѣлаго ряда воинственныхъ подвиговъ добываетъ для себя высокій престолъ Одоакра. Этимъ дѣло разрушенія и закончилось. Теодорихъ - вождь превращается теперь въ Теодориха мудраго государя, умѣлаго устроителя новаго королевства. Всѣ его дѣйствія строго обдуманы и планомѣрны. Не измѣняя интересамъ родного народа, онъ однако въ важномъ дѣлѣ политическаго устройства Италіи отдаетъ рѣшительное предпочтеніе римскимъ началамъ. Онъ смотритъ на себя не только какъ на короля остготовъ. Онъ прежде всего король Италіи, которому одинаково дороги интересы германцевъ и римлянъ. Онъ и старается слить эти двѣ націи въ одно стройное цѣлое. И это цѣлое онъ хочетъ сдѣлать не германскимъ, а римскимъ.

Посмотримъ теперь, какъ же отразилось на судьбахъ Италіи остготское завоеваніе, и какую организацію получила покоренная страна при просвѣщенномъ варварѣ - Теодорихѣ.

Теодорихъ привелъ съ собою въ Италію 200-300 тысячъ человѣкъ, не болѣе.

Устроились они здѣсь на правахъ *hospitalitas*, т.е.

военнаго постоя, практиковавшагося и въ Римской Имперіи. Съ теченіемъ времени *hospitalitas* было замѣнено мирнымъ выдѣломъ въ пользу каждаго гота такъ назыв. терцій, т.е. 1/3 части земельныхъ владѣній. Изъ квартирующаго солдата готъ, такимъ образомъ, превратился въ мелкаго земельнаго собственника. Впрочемъ, этотъ раздѣлъ не всегда имѣлъ мѣсто. Часто имѣніемъ попрежнему владѣлъ туземецъ, выдѣляя варвару часть причитающихся ему съ этого имѣнія доходовъ. Въ общемъ же, въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній варвары всецѣло подчинились римскимъ порядкамъ. Помѣстный строй продолжалъ оставаться въ полной силѣ, чему, между прочимъ, способствовали крупныя земельныя пожалованія короля своимъ приближеннымъ. Впрочемъ, выдѣленіе терцій повлекло за собою увеличеніе числа мелкихъ земельныхъ собственниковъ. А это обстоятельство способствовало поднятію уровня земледѣльческой культуры.

Въ соціальномъ строѣ Италіи нашествіе готовъ опять таки не принесло съ собою значительныхъ измѣненій, если (не считать уничтоженія крѣпости колоновъ къ землѣ и уравненія ихъ въ правовомъ отношеніи съ рабами). Это значило, что отнынѣ отношенія между колономъ и помѣщикомъ должны были опредѣляться исключительно помѣстнымъ обычаемъ, а не государственной властью. Государство юридически отказалось отъ вмѣшательства въ помѣстные распорядки, вмѣшательства, которое фактически прекратилось еще въ эпоху Имперіи. Фактически положеніе коло-

новъ въ силу названнаго распоряженія Теодориха нисколько не измѣнилось. Перерожденіе римскаго колоната въ средневѣковой серважъ шло теперь своимъ естественнымъ путемъ, безъ всякой помѣхи. Что касается верховъ общества, то здѣсь германская служилая знать, смѣнившая собою знать родовую, перемѣшивается съ римскою знатью и растворяется въ общей массѣ послѣдней. Въ политической жизни страны преобладающая роль принадлежитъ этой вновь народившейся знати. Свободный plebs - широкая народная масса все болѣе и болѣе понижается въ своемъ соціальномъ положеніи, коснѣя въ полнѣйшей инертности.

Обращаемся къ разсмотрѣнію политическаго строя Италіи при королѣ Теодорихѣ. Законодательную власть остготскій король осуществляетъ совершенно неограниченно, безъ всякаго содѣйствія знати и народнаго собранія, т.е. по образцу своихъ предшественниковъ - Западно-римскихъ императоровъ. Власть просвѣщеннаго варвара была безгранична. „Только наша собственная воля связываетъ насъ, говоритъ устами Кассіодора Теодорихъ, не условія, поставленныя другими. Можемъ мы, благодаря милости Божіей, все; но считаемъ, что намъ прилично только похвальное". Свой „эдиктъ" Теодорихъ издалъ, какъ неограниченный властитель. Никто изъ подданныхъ не давалъ на него своего согласія. И тѣмъ не менѣе всѣ они - и римляне и германцы - должны были безпрекословно ему подчинятся. Являясь настоящимъ римскимъ

эдиктомъ по своей формѣ, онъ и по содержанію представлялъ собою простую переработку чисто римскаго юридическаго матеріала - сентенцій римскихъ юристовъ съ одной стороны, съ другой стороны, постановленій римскихъ императоровъ.

Что касается областной и центральной администраціи, то и здѣсь римскіе порядки продолжали дѣйствовать по-прежнему. Бюрократическая система управленія не была разрушена завоеваніемъ. Она продолжала оставаться въ полной силѣ, и простирала свое дѣйствіе не только на римлянъ, но и на готовъ. Впрочемъ, въ административную машину вводятся новыя колеса, не дѣйствовавшія ранѣе, Судъ надъ готами каждой провинціи, смѣшанный судъ въ дѣлахъ, гдѣ выступали обѣ націи, общій надзоръ за готами и ихъ отношеніями къ римлянамъ туземцамъ отданы такъ назыв. „графамъ готовъ". Кромѣ того, появляются новыя должностныя лица въ видѣ такъ назыв. Sajones. Это дружинники короля, неимѣющіе опредѣленной компетенціи и постоянно вторгающіеся, по его повелѣнію, въ различныя отрасли администраціи.

Военная организація подвергается коренной ломкѣ. Вербовка римскихъ легіоновъ окончательно прекращается. Военную службу несутъ только завоеватели - готы. Римлянамъ остается исключительно мирная дѣятельность.

Податная система остается римская, причемъ готы платятъ вмѣстѣ съ туземцами. Правда, съ раскрѣпощеніемъ колоновъ эта система растроилась, такъ какъ сдѣ-

лалось невозможнымъ вести правильныя оцѣночныя описи земельныхъ владѣній. Вотъ почему часто приходилось довольствоваться старыми римскими кадастрами, несоотвѣтствовавшими дѣйствительности. И при всемъ томъ государственное казначейство пополнялось довольно исправно. Для вознагражденія войска, судей и чиновниковъ средства было достаточно. Къ земельнымъ раздачамъ приходилось обращаться довольно рѣдко, и въ этом главное отличіе остготскаго королевства отъ другихъ королевствъ, основанныхъ варварами.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что работа Теодориха по организаціи своего королевства, повидимому, клонилась къ тому, чтобы возстановить прежнее римское государство, съ римскимъ правомъ, съ римскими учрежденіями, можетъ быть, не безъ нѣкоторой примѣси готскихъ понятій и обычаевъ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ стараго римскаго начала. Будучи до фанатизма преданъ древней римской культурѣ, Теодорихъ только въ ней одной видѣлъ счастье для горячо любимой имъ Италіи. „Мы лучше хотимъ сохранить старое, говорилъ онъ, чѣмъ воздвигать новое, ибо мы не можемъ создать что либо столь же прекрасное, какъ, то что мы можемъ сохранить: созданіе новаго не можетъ доставить намъ большую славу, нежели сохраненіе стараго". Подъ руководствомъ гуманнаго правителя готскій народъ проявилъ себя менѣе жестокимъ на войнѣ и болѣе способнымъ къ мирной работѣ, чѣмъ какой бы то ни было изъ его германскихъ со-

братій. Все, что было въ немъ благороднаго, проявилось съ особою пышностью въ правленіе величайшаго изъ Amali. Царствованіе Теодориха - это послѣдняя вспышка классической древности въ Италіи. Благодаря долгому миру, населеніе успокаивается, литература оживаетъ. Царствованіе варвара освѣтилось предсмертнымъ сіяніемъ умирающей классической письменности. „И если бы, говоритъ Брайсъ, планъ Теодориха слить воедино двѣ расы подъ однимъ мудрымъ правительствомъ осуществился, Италія, можетъ быть, избѣжала бы цѣлыя шестьсотъ лѣтъ мрака и огрубѣнія". Мы не знаемъ, что было бы въ случаѣ удачи попытки Теодориха. Знаемъ только, что эта попытка успѣхомъ не увѣнчалась. Для насъ вполнѣ понятна и причина этого неуспѣха. Зданіе, сооруженное Теодорихомъ, не носило въ себѣ никакого залога прочности. Остготскій король преслѣдовалъ свѣтлую мечту, которая никогда не могла осуществиться. „Развѣ для того происходила вся эта многотрудная работа вѣковъ, справедливо замѣчаетъ нашъ русскій изслѣдователь Кудрявцевъ, работа разложенія и новаго созиданія, чтобы на старомъ базисѣ мы увидали и старое зданіе, переложенное въ томъ же стилѣ и съ тѣми же недостатками"? Конечно, нѣтъ ни къ какомъ случаѣ. Исторія неудержимо мчится впередъ. Возвратъ къ старому - это прямая и вѣрная погибель для каждаго общества. Римское государство уже отживало свой вѣкъ. Оно расползалось по всѣмъ швамъ, какъ старое, никуда негодное зданіе. И, конеч-

но, не могъ спасти его отъ естественнаго разложенія король Теодорихъ. Оно и Теодориха унесло въ своемъ неудержимомъ паденіи. Оно сокрушило цѣлый народъ остготовъ, буквально выкинувши его изъ арены всемірной исторіи. Удивительная судьба преслѣдовала эту лучшую изъ варварскихъ націй. Ополчившись на Римъ,она понесла страшный разгромъ на Каталаунской равнинѣ. Ставши на защиту Рима, проникнувшись духомъ римской культуры,она погибла окончательно. Причина этого страннаго на первый взглядъ явленія кроется въ томъ, что Теодорихъ, унаслѣдовавши римскую культуру, вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовалъ и всѣ неисчислимыя язвы римскаго общества.Это прежде всего преобладаніе центробѣжныхъ силъ надъ центростремительными, полное омертвѣніе автономныхъ общественныхъ организацій и самый широкій просторъ для грубаго личнаго произвола. Новое общество должно было строиться на новыхъ началахъ. Старое зданіе, переложенное въ старомъ стилѣ - это зданіе, воздвигнутое на пескѣ,плодъ горячей, но нелѣпой мечты фантазера. То, что было очень хорошо въ свое время, теперь оказывается совершенно негоднымъ. Съ внѣшняго вида въ остготскомъ королевствѣ все стройно и спокойно, точно такъ же, какъ это было и въ Западно-Римской Имперіи, а внутри полнѣйшее разложеніе , полнѣйшій безпорядокъ, анархія. Самоуправства и насилія со стороны богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, казнокрадство и произволъ вѣками развращенной бюрократіи, постоянныя волненія и возстанія народныхъ

массъ, постоянные отказы платить налоги и признавать власть правительственныхъ чиновниковъ - вотъ чѣмъ характеризуется внутреннее состояніе остготскаго королевства при Теодорихѣ. Къ этому примѣшиваются ожесточенные религіозные споры между остготами - аріанами и ортодоксальными католиками - римлянами.Мысль религіозная составляла въ то время высшій интересъ человѣчества, покрывавшій собою всѣ остальные. Она соединяла людей разноплеменныхъ,она разъединяла кровныхъ. Вотъ почему напрасны были всѣ усилія короля готовъ соединить политически тѣхъ людей, которые были раздѣлены религіозными убѣжденіями. Самъ Теодорихъ отличался удивительной вѣротерпимостью. „Мы не можемъ предписывать вѣры, говорилъ этотъ варваръ,ибо нельзя же заставить человѣка вѣровать силою" Мысли, удивительныя по своей высотѣ для такого темнаго времени. Но они были выше понятій современниковъ, а потому и оставались непризнанными.Католики римляне держались совершенно другого образа мыслей. Страсти все болѣе и болѣе разгорались,представляя величайшую опасность для благосостоянія государственнаго. Взаимная ненависть росла, и двѣ націи, которыя мечталъ слить во едино король Теодорихъ,съ каждымъ днемъ разъединялись все болѣе и болѣе. Религіозныя разногласія естественно должны были получить оттѣнокъ политическій. Древній римскій форумъ уже не разъ обагрялся кровью враждующихъ партій. Гнилая Италія начинаетъ тяготиться владычествомъ еретика - завоевателя.Она старается завести сношенія съ правовѣрнымъ правителемъ Во-

сточной половины Имперiи, начинаетъ строить всевозможныя козни противъ своего государя. Постоянные доносы непрерывно смущаютъ Теодориха, среди его мирныхъ предпрiятiй. Въ результатѣ глубокiй душевный разладъ, горечь отъ несбывшихся ожиданiй. Дикая готская кровь снова неудержимо загорается въ Теодорихѣ, заслоняя въ немъ мирнаго римлянина. Тотъ самый человѣкъ, который за все время своего долголѣтняго правленiя умѣлъ избѣжать упрековъ въ несправедливости, теперь начинаетъ ощущать свирѣпую потребность крови, чтобы удовлетворить своимъ подозрѣнiямъ. Боэцiй, Симмахъ, римскiй епископъ Iоаннъ подвергаются казни. Но и самъ Теодорихъ не въ состоянiи вынести сильнаго душевнаго потрясенiя Онъ умираетъ въ одномъ году съ Iоанномъ, отъ угрызенiй совѣсти, какъ говоритъ современникъ, отъ глубокаго огорченiя и внутренняго разлада, какъ можетъ заключить съ вѣроятностью позднѣйшiй историкъ. Умираетъ съ разбитыми надеждами, съ разсыпавшимися мечтами.

Такъ оканчиваетъ свои дни этотъ замѣчательный изъ варваровъ , а вмѣстѣ съ его кончиною начинается цѣлый рядъ горькихъ несчастiй для готскаго племени. Непримиримая вражда туземнаго населенiя къ завоевателямъ - варварамъ должна была сдѣлаться для послѣднихъ могилою. Византiйскiй императоръ Юстинiанъ Великiй превосходно знаетъ положенiе дѣлъ на Аппенинскомъ полуостровѣ, и ждетъ только удобнаго случая, чтобы двинуть на него свои побѣдоносные легiоны. Покоривши для

Юстинiана Африканское королевство вандаловъ, генiальный полководецъ того времени Велизарiй, наконецъ, обращаетъ свои взоры и на Италiю. Готамъ приходится сражаться во враждебной странѣ. Грековъ повсюду встрѣчаютъ съ распростертыми объятiями, какъ жданныхъ освободителей. Борьба была непродолжительна, но чрезвычайно упорна. Остготы сражаются съ храбростью отчаянiя. Они не просятъ пощады у своихъ враговъ, и считаютъ за позоръ сдаваться на милость побѣдителей. Часто окруженные со всѣхъ сторонъ византiйскими войсками и не видя рѣшительно никакого исхода, они предпочитаютъ со славою лечь на полѣ битвы, всѣ до единаго. Въ результатѣ почти поголовное истребленiе цѣлаго отважнаго, но несчастнаго племени . Въ 555 году владычество остготовъ въ Италiи кончилось. Попытка возродить на полуостровѣ римскую культуру потерпѣла полнѣйшее крушенiе и не могла измѣнить естественнаго теченiя событiй, намѣченнаго еще въ эпоху поздней Имперiи. Завоеванная вскорѣ лангобардами, а потомъ франками, Италiя увидала у себя феодализмъ въ полномъ расцвѣтѣ.

Какъ видимъ, остготское королевство Теодориха не оказало замѣтнаго влiянiя на дальнѣйшiй ходъ средневѣковой исторiи. Оно интересно для насъ исключительно какъ попытка варварскаго народа усвоить и поддержать римскую культуру, римскую цивилизацiю. Дальнѣйшiй ходъ средневѣковой исторiи опредѣленъ не мирными и цивилизованными остготами, а другими воинственными

германскими народностями, основавшими чисто варварскія государства. Это прежде всего франкское королевство, основанное Хлодвигомъ въ сѣверо-восточной части Галліи, бургундское королевство въ бассейнѣ рѣки Роны и вестъ-готское королевство на Пиринейскомъ полуостровѣ. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться съ структурою этихъ государствъ, основанныхъ варварами. Наиболѣе характерныя особенности внутренней жизни этихъ народовъ мы лучше всего уловимъ, если разсмотримъ памятники ихъ законодательства, такъ назыв. „Варварскія Правды" - Leges Barbarorum". Изъ нихъ наиболѣе древняя и типичная Правда Салическая. Остальныя относятся къ болѣе позднему времени. Таковы Правды Вестготская, Бургундская, Рипуарская, Лангобардская, Аллеманская, Баварская, Фризская, Саксонская и Тюрингская. Надо замѣтить, что не всѣ перечисленныя Правды однородны по своему содержанію и составу. Однѣ изъ нихъ носятъ чисто германскій характеръ. И онѣ для насъ особенно цѣнны, какъ историческій источникъ. Другія въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подверглись замѣтному вліянію римскихъ порядковъ. Наконецъ, третьи носятъ почти исключительно римскій характеръ. Вообще, надо замѣтить, что римское право не было вытѣснено германскимъ завоеваніемъ, германскими Правдами. Римская правовая система, сложившаяся въ связи съ извѣстными историческими условіями, не только пережила эти условія, но и сохранила свою жиз-

ненность долгое время спустя, когда политическія и соціальныя обстоятельства измѣнились до неузнаваемости. Этому прежде всего способствовали сами завоеватели - варвары. Я уже ранѣе замѣтилъ, что они вовсе не враги римскихъ порядковъ, римской государственности. Напротивъ, они питаютъ къ римской культурѣ глубокое уваженіе. Они не препятствуютъ своимъ подданнымъ римлянамъ судиться по римскимъ законамъ. Нерѣдко они и свои собственныя, надо сказать, крайне несовершенныя „Правды" стараются дополнить римскимъ юридическимъ матеріаломъ. А король вестготовъ Аларихъ II-й въ своемъ Breviarium Alaricianum, составленномъ около 506 года, далъ замѣчательную сводку римскаго юридическаго матеріала еще ранѣе появленія въ свѣтъ „Corpus juris civilis" Юстиніана Великаго. И если „эдикты" остготскихъ королей утратили всякое значеніе послѣ разрушенія ихъ королевства византійцами, а такъ называемая „Римская Правда Бургундовъ" оставалось чисто мѣстнымъ закономъ, то Бревіарій Алариха II-го сдѣлался для Западной Европы главнымъ источникомъ римскаго права въ теченіе первой половины средневѣковья. А во второй половинѣ среднихъ вѣковъ римское право оживаетъ съ новою силою. Будучи примѣнено къ мѣстнымъ особенностямъ жизни Западно-Европейскихъ обществъ, это рецепированное римское право оказываетъ замѣтное вліяніе на дальнѣйшій ходъ исторической эво-

люціи. Въ такомъ переработанномъ видѣ оно переходитъ и въ новый періодъ жизни человѣческихъ обществъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы, какъ напримѣръ, въ Германіи, отмѣнено лишь въ очень недавнее время. Мы не будемъ вдаваться въ разрѣшеніе трудной проблемы о томъ, какимъ образомъ нѣмцы порвали съ своей исторической правовой системою, чтобы подчиниться игу давнихъ доктринъ чуждой Имперіи. Насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ древніе памятники ихъ національнаго законодательства, какъ таковые. Намъ и предстоитъ теперь выдѣлить изъ этихъ памятниковъ исключительно то, что типично для германскаго, а не для римскаго міра и заняться детальнымъ анализомъ этого самобытнаго юридическаго матеріала германскаго народа.

Литература: Кудрявцевъ. Судьба Италии отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. 1889. Виноградовъ. Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи. 1880. Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка, I, 1902. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, I-III. 1897sqq.

VII. ВАРВАРСКІЯ ПРАВДЫ.

Подъ именемъ „Варварскихъ Правдъ" - leges Barbarorum слѣдуетъ разумѣть частичную запись судебныхъ обычаевъ германскихъ народовъ, выступившихъ на арену всемірной исторіи въ началѣ средневѣковья. Древнѣйшій памятникъ писанаго права у германцевъ „Правдъ Салическая"/Lex Salica/, принадлежащая такъ называемымъ Салическимъ франкамъ. Древнѣйшіе титулы этого сборника / въ количествѣ 65/ редактированы въ послѣдніе годы правленія Хлодвига, а дополнительные въ періодъ времени отъ Хлодвига до Карла Великаго, который пересмотрѣвши Салическій законъ, сдѣлалъ его обязательнымъ почти во всѣхъ областяхъ обширной каролингской монархіи. Надо замѣтить, что еще ранѣе своего появленія въ Галліи Салическіе франки находились въ частыхъ сношеніяхъ съ римлянами. Вотъ почему запись ихъ обычнаго права совершилась подъ извѣстнымъ римскимъ вліяніемъ. Впрочемъ, это вліяніе - чисто внѣшнее, выразившееся въ употребленіи крайне испорченнаго латинскаго языка и усвоеніи римской монетной единицы - золотого солида, равнаго 40 серебрянымъ денаріямъ. По содержанію же своему Салическая Правда - памятникъ чисто германскій - и въ этомъ ея коренное отличіе отъ другихъ аналогичныхъ памятниковъ варварскаго законодательства. Послѣдніе редактированы въ періодъ времени отъ VI до IX вв., и подверглись сильному вліянію, съ

одной стороны, римскаго права, съ другой стороны, Салическаго закона. Такова, напримѣръ, Бургундская Правда, съ сильнымъ римскимъ оттѣнкомъ, записанная по распоряженію короля Гундобада въ VI столѣтіи. Такова Рипуарская Правда, появившаяся въ томъ же VI столѣтіи и свидѣтельствующая о замѣтномъ развитіи королевской власти и усилившемся вліяніи Церкви. Такой же характеръ носятъ и законы Лангобардовъ, редактированные въ періодъ времени отъ половины VII до половины VIII стол. и записанные въ формѣ эдиктовъ Лангобардскихъ королей, уничтожавшихъ власть народнаго собранія. Отличительная особенность Лангобардской Правды та, что здѣсь проведенъ территоріальный принципъ, по которому всѣ подданные короля, каково бы ни было ихъ происхожденіе, подсудны одному и тому же закону, господствующему на данной территоріи. Между тѣмъ у другихъ народовъ имѣлъ мѣсто принципъ личнаго права, въ силу котораго каждый судился по законамъ своего племени. Вестготскіе законы- Leges Wisigoth. представляютъ изъ себя наслоеніе цѣлаго ряда законодательныхъ распоряженій на протяженіи 4 столѣтій. И лишь въ небольшихъ отрывкахъ законодательства короля Евриха /конецъ V вѣка/ мы находимъ отраженіе древнегерманскихъ порядковъ. Наконецъ, Правды Алеманская, Саксонская, Баварская, Англійская, Фризская и Тюрингская возникли въ VII, VIII, и IX столѣтіяхъ, когда старые германскіе порядки повсемѣстно исчезали

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Салическая Правда

является чуть ли не единственнымъ памятникомъ чисто варварскаго законодательства. Редактированная при Хлодвигѣ, она затѣмъ оказываетъ вліяніе и на другія варварскія Правды, въ которыхъ чисто германскіе порядки переплетаются съ порядками чисто римскими. Салическая Правда - это типъ варварскаго законодательства. Вотъ почему изучать Салическую Правду - это значитъ вообще изучать характерныя особенности древнегерманскихъ судебныхъ порядковъ. Намъ и предстоитъ теперь заняться детальнымъ анализомъ ея постановленій, привлекая отрывки изъ другихъ Правдъ, въ качествѣ дополненій. Я уже говорилъ, что текстъ Салической Правды латинскій. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, древнѣйшій - недошедшій до насъ текстъ Салической Правды былъ написанъ на германскомъ языкѣ, а дошедшій до насъ латинскій текстъ простой переводъ текста германскаго. Сторонники этого взгляда видятъ остатокъ древне-германскаго текста памятника въ такъ называемой малбергской глоссѣ. Это очень часто встрѣчающіяся въ сохранившемся латинскомъ текстѣ Правды слова не латинскаго корня, въ видѣ чисто механическихъ вставокъ съ помѣткою mall., или malb. и объяснительнымъ hoc est. Слова эти настолько испорчены, что одинъ изъ изслѣдователей Правды склоненъ былъ приписывать имъ не германское, а кельтское происхожденіе. Большинство изслѣдователей, впрочемъ, отказываются видѣть въ малбергской глоссѣ остатокъ древне-германской редакціи Правды и считаютъ ее простымъ пояснительнымъ терминомъ, можетъ быть, имѣвшимъ процессуальное значеніе, а,

может быть, употреблявшимся при судоговоренiи исключительно для облегченiя пониманiя последняго завоевателями франками. Некоторые изъ сторонниковъ этого взгляда склонны даже считать малбергскую глоссу позднейшимъ придаткомъ, не входившимъ въ первоначальную редакцiю памятника. Не входя въ детали спорнаго вопроса о пресловутой малбергской глоссе, заметимъ, что, по нашему мненiю, наиболее вероятное его разрешенiе представляется въ такомъ виде. Если принять во вниманiе то обстоятельство, что Салическая Правда есть запись судебныхъ обычаевъ, существовавшихъ издавна, необходимо признать и то, что издавна существовали также известные судебные термины и процессуальныя формулы, употреблявшiеся при франкскомъ судоговоренiи. Когда судебные обычаи франковъ были записаны на латинскомъ языке, то въ эту запись естественно вошли и древне-германскiе термины /малбергская глосса/, для облегченiя деятельности судей, съ одной стороны, и для более яснаго пониманiя процесса тяжущимися, съ другой. Съ этой точки зренiя, малбергская глосса, какъ устная традицiя, предшествовала записи Правды. Что же касается существованiя ея въ писаномъ виде, то на это нетъ никакихъ указанiй. Темъ более нетъ никакихъ доказательствъ того, что латинскiй текстъ Правды есть текстъ переводный. Надо полагать, что Правда первоначально была редактирована письменно именно по латыни. Другой вопросъ ,дошла ли до насъ эта первоначальная латинская редакцiя. Большинство изследователей сходятся на томъ, что дошедшiя до насъ рукописи Правды появились значительно позднее ея первоначальной редакцiи, текстъ которой утерянъ. Доказательствомъ этого является то обстоятельство, что сохранившiяся рукописи Правды часто значительно разнятся одна отъ другой и иногда носятъ явный характеръ авторизованной переписки какого то текста неизвестнаго.

Что же представляетъ изъ себя Салическая Правда по своему внутреннему составу? Было бы ошибочно думать, что это полная и строго обработанная сводка действующаго франкскаго законодательства. Какъ и все законодательные памятники варваровъ, это только судебникъ, и при томъ судебникъ далеко не систематическiй и не полный, составившiйся путемъ возведенiя конкретныхъ судебныхъ казусовъ въ судебный обычай. Единственная цель Правды, вызванная практическими потребностями времени, установить точнымъ образомъ формы судебной процедуры и перечислить штрафы за преступленiя и проступки. И надо сказать, что эти установленiя чрезвычайно безпорядочны. Они разбросаны безъ всякаго определеннаго плана, съ массою пробеловъ и повторенiй. Причина такого безпорядка - чисто психологическая. Примитивный варварскiй умъ, неспособный къ отвлеченному мышленiю, не умелъ изъ отдельныхъ частныхъ случаевъ выводить общiя положенiя и соединять ихъ въ стройную логическую систему. Всякiй теперешнiй законъ, какъ известно, представляетъ изъ себя

общую отвлеченную формулу, подъ которую легко могутъ быть подведены отдѣльные частные случаи. У варваровъ же было какъ разъ наоборотъ. Здѣсь записаны только конкретные случаи. Общихъ формулировокъ отдѣльныхъ казусовъ не имѣется. Отсюда масса мелочныхъ, чисто конкретныхъ постановленій, которыя, однако, часто не могли удовлетворить потребностямъ практики, такъ какъ всѣхъ возможныхъ случаевъ нарушенія правосудія предусмотрѣть, конечно, невоз - можно.

Таковъ общій характеръ судебныхъ постановленій Салической Правды. Обращаемся теперь къ детальному разсмотрѣнію судоустройства и судопроизводства у Салическихъ франковъ.

Тацитъ / *Germ.* ,XII/намъ сообщаетъ, что древне-германское общество знало центральную и областную юстицію. Первая, вѣдавшая, какъ выражается Тацитъ, „*discrimen capitis*", сосредоточивалась въ рукахъ общенароднаго собранія; вторую отправляли выборные старѣйшины /*principes*/, при содѣйствіи ста сотоварищей/*comites* /изъ народа. Мы не знаемъ, въ какомъ отношеніи другъ къ другу стояли высшая и низшая юстиціи эпохи Тацита: можетъ быть, онѣ были тѣсно подчинены одна другой, можетъ быть, дѣйствовали независимо

Въ эпоху Салической Правды общенародное собраніе уже уступило свое мѣсто сильной королевской власти. Сообразно этому измѣнилась и организація центральной юстиціи: отъ народа она перешла къ королю. Что касается низшей юстиціи, то она представлена областными судебными собраніями- такъ называемыми маллюсами.

Въ Салической Правдѣ о королевскомъ судѣ говорится четыре раза - три раза въ основномъ текстѣ Правды и одинъ разъ въ позднѣйшемъ прибавленіи къ Правдѣ. Т XVIII, предусматривающій случай оклеветанія невиннаго человѣка передъ королемъ, наказываетъ клеветника штрафомъ въ количествѣ 63 солидовъ. Т. XLVI говоритъ о возможности для каждаго перенести свое дѣло непосредственно на судъ короля, минуя низшую инстанцію. Наконецъ, титулъ LVI и позднѣйшее прибавленіе къ Правдѣ / Cap. II,8,I/ объявляютъ, что, въ случаѣ отказа обвиняемаго явиться на судъ или выполнить постановленный обыкновеннымъ судьей приговоръ, онъ обязанъ предстать предъ лицемъ короля, который и постановляетъ окончательное рѣшеніе. Вотъ и все, что мы знаемъ о королевскомъ судѣ изъ Салической Правды. Аналогичные памятники меровингской эпохи позволяютъ утверждать, что королевскій судъ не засѣдалъ на одномъ мѣстѣ, а перемѣщался вмѣстѣ съ королемъ, что отправлялся онъ лично королемъ и его ближайшими совѣтниками, что во многихъ случаяхъ онъ былъ судомъ апелляціоннымъ.

Областная юстиція франкскаго государства эпохи Салической Правды сосредоточивались въ областныхъ судебныхъ собраніяхъ /*mallus, malloberguS, placitum*/ Салическая Правда различаетъ *mallus publicus legitimus* /напр. ,XLVI/, т.е. „законное", періодически повторяющееся судебное собраніе, и *mallus indictus* /напр. XLIV/, чрезвычайное или экстренное собраніе, для совершенія какой

нибудь экстренной сдѣлки. По вопросу о составѣ судебнаго собранія - *mallus'а* въ исторической литературѣ существуютъ большія разногласія. Если одни изслѣдователи / напр., Пардессю, Вайцъ, Зомъ/ склонны считать маллюсъ народнымъ судомъ, въ которомъ принимали участіе всѣ свободные люди даннаго круга, то другіе/напр Фюстель/ видятъ въ маллюсѣ судъ королевскихъ чиновниковъ. Не входя въ детали даннаго спорнаго вопроса, замѣтимъ, что считать маллюсъ судебнымъ собраніемъ всѣхъ свободныхъ людей извѣстнаго округа у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Правда нигдѣ не говоритъ о судящемъ народѣ, а единственное мѣсто, толкуемое въ этомъ смыслѣ /*appellavit publice coram populo*, XLVI/ говорит лишь о публичности засѣданія маллюса, т.е. лишь о присутствіи, а не участіи въ немъ населенія. Правда, изъ нашего памятника мы видимъ, что въ маллюсѣ засѣдаютъ такъ называемые рахинбурги/ LVII/. Кто эти рахинбурги, рѣшить трудно. Несомнѣнно, однако, что это не есть наименованіе всѣхъ свободныхъ людей, даннаго округа, творящихъ судъ /какъ, напр. думаетъ Пардессю/ „Свободные люди, какъ справедливо замѣчаетъ Фюстель де Куланжъ, называются въ Салической Правдѣ *ingenui* , а не *rachineburgi*, и сводъ этотъ никогда не смѣшиваетъ однихъ съ другими"/393/. Съ другой стороны, участвующіе въ маллюсѣ рахинбурги очень немногочисленны. L т. Салической Правды упоминаетъ ихъ въ количествѣ семи человѣкъ /*art*.3/, XXXII т. Рипуарской Правды въ такомъ же, и даже меньшемъ количествѣ *art*. 2,3/. Ясно, что рахинбурги, это не народъ, не толпа; это какіе то избранные мужи. Очень можетъ быть, что это наиболѣе почтенные и уважаемые люди даннаго округа, знатоки традиціонныхъ судебныхъ обычаѣвъ, избиравшіеся для отправленія суда населеніемъ /LVI, LVII/

Кому принадлежало предсѣдательствованіе на судебномъ собраніи - маллюсѣ? По мнѣнію однихъ изслѣдователей, королевскимъ чиновникамъ, по мнѣнію другихъ лицамъ, выбраннымъ населеніемъ округа. Скорѣе мы должны присоединиться ко второму мнѣнію. На самомъ дѣлѣ, изъ Салической Правды мы видимъ, что руководителемъ маллюса является такъ называемый тунгинъ, или сотникъ / XLIV, XLVI, L, LX/ Это не королевскій чиновникъ, такъ какъ въ тит. LIV, перечисляющемъ виры за убійство королевскихъ слугъ, тунгинъ не упомянутъ. Королевскимъ чиновникамъ графу и его помощникамъ въ эпоху Салической Правды принадлежатъ лишь полицейскія, а не судебныя функціи. И лишь впослѣдствіи графъ дѣлается судьею во франкскомъ королевствѣ, а старинная должность тунгина исчезаетъ.

Судебная дѣятельность германскаго маллюса очень мало похожа на дѣятельность современныхъ судебныхъ трибуналовъ. Въ настоящее время судъ самъ заботится о привлеченіи къ отвѣтственности виновныхъ и самъ производитъ тщательное разслѣдованіе дѣла. Судебный процессъ германскаго маллюса, напротивъ, былъ по -

строенъ на началахъ частичной инициативы, частнаго иска самого потерпѣвшаго. Какое бы ни было совершено преступленіе , гражданское или уголовное, потерпѣвшій самъ долженъ былъ вызвать обидчика на судъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. Данный принципъ неоднократно подчеркивался всѣми изслѣдователями Правды. И лишь Фюстель де Кулянжъ попытался ограничить его одними только гражданскими проступками. Въ уголовныхъ дѣлахъ, говоритъ этотъ изслѣдователь, инициатива преслѣдованія очень часто принадлежала государственной власти. Въ доказательство онъ ссылается на указъ Хильдеберта, предписывающій графу, въ случаѣ грабежа или кражи, самому отыскивать виновныхъ, и на указъ Хлотаря, опредѣляющій порядокъ отысканія убійцы человѣка, „убитаго между двумя селеніями". Замѣтимъ по поводу этого, что названныя распоряженія суть распоряженія позднѣйшаго времени. Ктому же второе распоряженіе есть не что иное, какъ полицейская мѣра при отысканіи убійцы безроднаго человѣка, т.е.человѣка, за смерть котораго мстить было некому. Повидимому, важнѣе другое доказательство Фюстель де Кулянжа. „Есть статья въ Салической Правдѣ, говоритъ онъ, въ которой приводится случай, когда у убитаго не оставалось никакого родственника; преслѣдованіе все-таки производилось именно государственной властью, которая и постановляла обвинительный приговоръ"/ 518/. Такой статьи, замѣтимъ мы, нѣтъ въ Салической Правдѣ, а т. LXII, „de

compositione homicidii", на который ссылается Фюстель де Кулянжъ, подобныхъ распоряженій не содержитъ. Мы читаемъ здѣсь, что, въ случаѣ убійства человѣка, половина композиции идетъ его дѣтямъ, а другая половина побочнымъ родственникамъ со стороны отца и со стороны матери. Въ случаѣ , если побочныхъ родственниковъ не окажется, причитающаяся имъ половина композиции поступаетъ въ пользу фиска. Какъ видимъ, здѣсь дѣло идетъ объ отсутствіи не всѣхъ вообще родственниковъ убитаго, а только родственниковъ побочныхъ. И въ такомъ случаѣ вовсе не необходимо, чтобы преступника отыскивала государственная власть, въ пользу которой идетъ половина композиции / а не вся она, какъ думаетъ Фюстель/. Напротивъ, преступника, очевидно, разыскивали дѣти убитаго / можетъ быть, также его родители. Ср. Cap. II, c.3/.

Повторяю, что въ судебномъ процессѣ Салическая Правды существовалъ строгій принципъ частнаго иска потерпѣвшаго. Самому истцу представлялось требовать къ отвѣту своихъ противниковъ, т.е. вызывать ихъ явиться на судъ /mannire, mallare и admallare /. Церемонія вызова въ судъ строго формулирована въ I т.Салической Правды . „И тотъ, кто вызываетъ другого на судъ, въ сопровожденіи свидѣтелей долженъ притти къ его дому и если послѣдній откажется въ отсутствіи, долженъ позвать жену или кого либо изъ его домашнихъ съ тѣмъ, чтобы они извѣстили его о вызовѣ на судъ"/ art. 3/.

Вызовъ въ судъ сдѣланный согласно королевскимъ законамъ *legibus dominicis* имѣлъ принудительную силу. Неявившійся карался штрафомъ въ количествѣ 15 сол./*art.* 1/, если только его не задерживала какая либо уважительная причина /*art.* 4/. Такимъ же штрафомъ карался въ случаѣ неявки, и истецъ, опять таки если его не задерживала какая либо уважительная причина /*art.* 2/. Такихъ уважительныхъ причинъ Салическая Правда знаетъ четыре: пожаръ, собственная болѣзнь, смерть кого либо изъ родственниковъ и королевская служба.

Иногда *mannitio* вызову въ судъ предшествуетъ тестація - актъ частно правовой внѣсудебный. По т. XLV, такая тестація, т. е. выраженіе протеста, повторяется три раза съ десятидневными промежутками. И лишь въ случаѣ безрезультатности атестаціи наступаетъ „*mannitio*"/ *art.* 2/. По тому же титулу XLV Салической Правды, неявка въ судъ послѣ „*mannitio*" влечетъ собою вмѣшательство исполнительной власти/*ib.*/.

Впрочемъ, изъ той же Салической Правды мы узнаемъ что вызванный не всегда обязанъ былъ являться въ маллюсъ немедленно послѣ *mannitio*. Нѣкоторые титулы говорятъ о законныхъ отсрочкахъ, по истеченіи которыхъ вызовъ долженъ былъ повторяться неоднократно. Въ каждомъ изъ данныхъ титуловъ говорится объ особыхъ преступленіяхъ, преслѣдованіе которыхъ облечено въ особыя процессуальныя формы.

Такъ въ т. XXXVII /*de vestigio minando*/ и XLVII /*de filtortis*/ дѣло идетъ о розыскѣ украденной вещи. Если хозяинъ украденныхъ животныхъ, разыскивая свой скотъ по слѣдамъ, найдетъ его въ теченіе 3 дней у какого либо человѣка, и тотъ заявитъ, что онъ купилъ или вымѣнялъ его/*emisse aut cambiasse dixerit*/, истецъ долженъ черезъ третьихъ лицъ доказывать, что эти вещи-его собственность. Если же скотъ будетъ отысканъ по прошествіи трехъ дней, тогда уже тотъ, у кого онъ отысканъ, долженъ представить свидѣтеля, который клятвенно подтвердитъ, что скотъ не украденъ отвѣтчикомъ. И въ первомъ и во второмъ случаѣ истецъ, подъ угрозою штрафа въ количествѣ 30 сол., не долженъ отбирать отысканныя вещи силою /XXXVII/. Онъ долженъ дѣйствовать не иначе, какъ законнымъ путемъ, т.е. путемъ обращенія къ судебной власти. Онъ назначаетъ отвѣтчику сорокадневный, или, если послѣдній живетъ внѣ предѣловъ дѣйствія Салическаго закона, восьмидесятидневный срокъ для судебнаго разбирательства. Въ свою очередь отвѣтчикъ вызываетъ въ судъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ тѣмъ или другимъ образомъ получилъ украденную вещь; послѣдніе вызываютъ лицъ, отъ которыхъ они сами получили и такъ далѣе.

Если приглашенныя отвѣтчикомъ лица не явятся въ судъ то онъ можетъ очиститься отъ подозрѣній въ воровствѣ показаніями шести свидѣтелей. Трое изъ нихъ должны показать, что вызовъ сторонъ былъ сдѣланъ а трое

другихъ заявляютъ, „Quod publice ab eo negociasset,"
т.е. что украденная вещь получена путемъ сдѣлки. Тогда уже за кражу отвѣчаетъ не тотъ, у кого узнана вещь, а тотъ, у кого она была пріобрѣтена путемъ слѣдки. Послѣдній платитъ стоимость украденнаго животнаго и судебные штрафы/ XLVII/.

Какъ видимъ, въ т. XLVII послѣ вызова въ судъ полагается 40 дневная отсрочка отвѣтчику. Ясно, что продолжительность отсрочки зависитъ отъ тѣхъ трудностей, съ которыми связано разыскиваніе и оповѣщеніе всѣхъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу. Въ другихъ случаяхъ отсрочка короче. Такъ, въ т. XL, гдѣ рѣчь идетъ о наказаніи раба за совершеніе кражи, истецъ обращается къ господину раба и требуетъ въ теченіе семидневнаго срока представить виновника въ судебное собраніе. Вызовъ можетъ быть повто[рёнъ] до двухъ разъ, а въ случаѣ отсутствія раба, и до [трёх]ъ разъ, съ соблюденіемъ того же семидневнаго срока явки. Если господинъ и тогда откажется представить [вин]овника для наказанія, онъ подвергается штрафу /XL, 7-/.

Подобное же распоряженіе мы читаемъ въ т. LII Салической Правды "de rem pristita" т.е. „о займѣ". Кредиторъ трижды съ свидѣтелями вызываетъ неисправнаго должника на судебное засѣданіе, съ промежутками въ семь дней послѣ каждаго вызова. Если и по истеченіи трехъ недѣль должникъ откажется явиться на маллюсъ, то за каждый вызовъ

онъ платитъ въ пользу кредитора по три солида. Если же и послѣ того онъ откажется уплатить кредитору долгъ съ причитающимися девятью солидами, и не дастъ обязательства въ уплатѣ названнаго долга, то карается новымъ штрафомъ, въ количествѣ XV солидовъ, опять таки уплачиваемымъ въ пользу кредитора. По истеченіи срока обязательства уплаты долга / если таковое было дано/ повторяется та же самая процедура, съ тѣми же вызовами, съ тѣми же отсрочками и тѣми же штрафами / L, 2/, и въ концѣ концовъ слѣдуетъ принудительное отобраніе долга исполнительной властью / L, 3/.

Иногда упорный отказъ отвѣтчика явиться на маллюс или подчиниться его рѣшенію велъ за собою вмѣшательство короля. Въ такомъ случаѣ на королевскомъ судѣ прежде всего, при помощи свидѣтельскихъ показаній, устанавливался фактъ законнаго вызова отвѣтчика въ маллюсъ и законнаго постановленія рѣшенія въ маллюсѣ. Затѣмъ слѣдовали новые вызовы отвѣтчика предъ лицо короля; если же онъ и на этотъ разъ не являлся ни на одинъ изъ назначенныхъ сроковъ, король объявлялъ его стоящимъ внѣ закона /extra sermonem suum ponat/. „Тогда и самъ виновный, и все его имущество дѣлается собственностью истца. И если до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ всего, что съ него взыскивается, кто либо даетъ ему хлѣба, или окажетъ гостепріимство, будь то даже его собственная жена, присуждается къ уплатѣ 15 сол./ LVI, I/.

Переходимъ къ судебнымъ доказательствамъ по лической Правдѣ. Если вчиненіе иска есть дѣло частной инициативы, т.е. дѣло истца, то его же дѣло и представить доказательства, доказывающія наличность преступленія или проступка. Германскій маллюсъ не производитъ судебнаго слѣдствія; онъ не допрашиваетъ обвиняемыхъ и не вызываетъ свидѣтелей. Когда истецъ и отвѣтчикъ предстанутъ предъ судьями, послѣдніе остаются спокойными зрителями. Они ограничиваются тѣмъ, что предлагаютъ враждующимъ сторонамъ вступить другъ съ другомъ въ состязаніе, которое можетъ принять различныя формы. Каждая вина, по Салической Правдѣ, должна быть строго доказана. „Если кто сдѣлаетъ то то и это будетъ доказано, присуждается къ уплатѣ столькихъ то солидовъ"- такова обычная формулировка всѣхъ постановленій Салической Правды. Обвиненіе не должно быть голословнымъ. Обвиненіе, неподкрѣпленное доказательствами, разсматривается, какъ клевета, и подлежитъ строгому наказанію / XLYIII, разночт. Cap. YI,16/. Доказательства устраняются тогда, когда виновный самъ сознается въ преступленіи или проступкѣ / IX,I,3; XL,2,5; LXY I/. Только confessio освобождаетъ истца отъ состязанія.

Салическая Правда знаетъ нѣсколько видовъ судебныхъ доказательствъ. Прежде всего это доказательст черезъ свидѣтелей. Свидѣтели призываются въ

судъ, „чтобы показать подъ клятвою то, что они знаютъ" / XLIX,I, Ср.XXXYI,I/. Никто не имѣетъ права отказываться свидѣтельствовать о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Если свидѣтели, приглашенные законнымъ порядкомъ / cum testibus, XLIX,I/ отказываются итти на засѣданіе, имъ угрожаетъ штрафъ, въ количествѣ XY сол каждому / Ibid.,2/. Если же свидѣтели отказываются давать свои показанія на судѣ, то, кромѣ обычнаго штрафа въ XY сол., они подвергаются самому ужасному наказанію, именно, объявляются внѣ закона / ferbanniti fuerint. Ib,3/. Ложное свидѣтельство наказывается тѣмъ же штрафомъ въ XY сол./XLYIII,I, Ср. Cap.YI,16/.

Въ перечисленныхъ титулахъ Салической Правды свидѣтели выступаютъ при обвиненіи однимъ лицомъ другого, какъ очевидцы преступленія или проступка. Однако роль свидѣтелей этимъ не ограничивалась. Свидѣтели выступаютъ и при другихъ обстоятельствахъ. Такъ, они присутствуютъ при вызовѣ въ судъ / I,3 и множество другихъ/, при разнаго рода гражданскихъ сдѣлкахъ / XLYI/ и т.п. Развитію устныхъ свидѣтельскихъ показаній въ особенности содѣйствовало отсутствіе показаній письменныхъ.

Является вопросъ, всякій ли могъ фигурировать въ роли свидѣтеля. Салическая Правда говоритъ намъ, что свидѣтелями не могли быть рабы /XL,4/. По аналогіи съ капитуляріями, мы можемъ заключить, что свидѣтелями не могли быть вольноотпущенники и несовершеннолѣтніе / См. у Пардессю, 622/. Наконецъ, по аналогіи съ Але-

манскою Правдою, можно думать, что свидѣтелями не могли быть люди , опороченные преступленіями / XLII,I/.

Другой видъ судебнаго доказательства по Салической Правдѣ -это доказательство чрезъ соприсяжниковъ /conjuratores или просто juratores/. Соприсяжники не то, что свидѣтели/ testes /. Свидѣтель даетъ клятвенное показаніе о видѣнномъ и слышанномъ, иначе говоря,удостовѣряетъ извѣстные конкретные факты.Соприсяжникъ же ручается за внутреннія качества извѣстнаго лица,за то, что ему можно вѣрить, является, такимъ образомъ,свидѣтелемъ не факта,а доброй славы человѣка. Исходя изъ увѣренности въ добрыхъ качествахъ даннаго лица / по большей части своего сородича/, онъ приноситъ вмѣстѣ съ нимъ мистически заклинательную формулу, долженствующую снять съ него подозрѣніе въ преступленіи. Какъ видимъ, эта форма судебнаго доказательства отличалась сакральнымъ характеромъ. Неудобство ея въ томъ, что малѣйшая ошибка въ произнесеніи формулы вела къ окончательной потерѣ процесса.

Само собою разумѣется, что доказательство черезъ соприсяжниковъ допускаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Если преступленіе было твердо доказано свидѣтельскими показаніями, соприсяжничество являлось излишнимъ. Салическая Правда допускала соприсяжничество лишь тогда, когда не оказывалось certa probatio ,т.е. когда судьи не были увѣрены въ виновности отвѣтчика. Тогда и выступали на сцену свидѣтели доброй славы.

„Если римлянинъ обвиняется въ томъ, что ограбилъ франка,читаемъ мы въ т. XIУ Салической Правды, и если нѣтъ вѣрныхъ уликъ, то римлянинъ этотъ избавится отъ обвиненія при помощи 25 поклявшихся за него лицъ"... / XIУ,2 Вольфенб.рук/. Подобныя же распоряженія мы читаемъ въ титулахъ XXXIX /2/ и XLII /5/.А у Григорія Турскаго /Hist. Eccles.,L.III, cap.XXIII/ приведенъ конкретный случай очищенія черезъ соприсяжничество человѣка, на которомъ тяготѣло обвиненіе въ убійствѣ, обвиненіе,плохо доказанное. Точно также въ одномъ изъ позднѣйшихъ прибавленій къ Салической Правдѣ черезъ соприсяжничество очищаются отъ подозрѣнія въ убійствѣ жители двухъ поселеній, на территоріи которыхъ найдено тѣло мертваго человѣка /Cap.I,9/.Нерѣдко соприсяжничество замѣняетъ собою ордаліи / XIУ,2. Вольфенб.р,LIII,1,5/. Въ позднѣйшемъ прибавленіи къ Правдѣ / Cap.II / примѣненіе соприсяжничества ограничено тремя случаями.„Въ какихъ случаяхъ electi должны клясться. О приданомъ, о вещи,утеряной на войнѣ и о человѣкѣ, вызываемомъ въ рабство. Если болѣе, чѣмъ въ трехъ случаяхъ клянутся, ту вещь возвращаютъ въ цѣлости; и по закону должны отвѣтить за этотъ случай", именно, три изъ соприсяжниковъ, старѣйшіе по возрасту, штрафуются по I5 сол каждый, остальные по 5 солидовъ. Пардессю полагаетъ, что здѣсь дѣло идетъ объ ограниченіи соприсяжничества въ дѣлахъ гражданскихъ , т угіо-сорисяжничества вообще,

наконецъ, третьи справедливо замѣчаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ лишь о *juratores electi*, т.е. объ особомъ родѣ соприсяжниковъ. Вообще же вопросъ о допущенiи соприсяжничества, надо думать, рѣшался судьями. Если доказательства дѣла / уголовнаго или гражданскаго/ не могли склонить ихъ въ ту или другую сторону, они допускали соприсяжниковъ.

Количество соприсяжниковъ въ различныхъ случаяхъ было неодинаково. По общему правилу, „in lege Salica XII juratores esse debet" / Cap. Extr., 5/. Однако были и отклоненiя отъ этого правила. Въ позднѣйшихъ прибавленiяхъ къ Салической Правдѣ упоминаются 6,9,12,15, 25 и даже 65 соприсяжниковъ. Вообще же количество соприсяжниковъ въ Варварскихъ Правдахъ колеблется въ зависимости отъ важности дѣла и положенiя тяжущихся".

Соприсяжничество очевидно вытекало изъ родовыхъ отношенiй. Оно есть результатъ тѣснаго единенiя и общности интересовъ членовъ кровныхъ соединенiй. По крайней мѣрѣ, т. IX Салической Правды прямо говорит что соприсяжничество есть одна изъ ближайшихъ обязанностей сородичей. Однако съ теченiемъ времени въ качествѣ соприсяжниковъ стали выступать и посторонiя обвиняемому лица. Соприсяжники родственники носятъ въ Варварскихъ Правдахъ, наименованiе /juratores electi, т.е. избранные обвинителемъ/, соприсяжники-

не родственники -juratores nominati или advocati / т.е. просто назначенные обвинителемъ/; иногда выступаютъ juratores medii electi, т.е. наполовину избранные истцомъ, а на половину отвѣтчикомъ. Къ соприсяжникамъ прибѣгалъ не только обвиняемый. Истецъ тоже могъ подтверждать свое обвиненiе соприсяжниками. Слѣдовательно, соприсяжничество въ одинаковой степени употреблялось и для оправданiя человѣка, и для его обвиненiя. Въ Cap. II, 8/ мы видимъ настоящее состязанiе сторонъ въ соприсяжничествѣ. И уже судьямъ предоставлялось рѣшить, чьи соприсяжники заслуживаютъ большаго довѣрiя. Впрочемъ, надо думать, что случай, отмѣченный упомянутымъ текстомъ, не общее правило.

Само собою разумѣется, что никто не могъ насильно принудить человѣка къ соприсяжничеству. Принудительный приводъ въ судъ могъ имѣть мѣсто лишь по отношенiю къ свидѣтелямъ, которые просто показывали то, что они видѣли и слышали. Соприсяжникъ же могъ клясться лишь въ случаѣ внутренняго убѣжденiя въ правотѣ человѣка. Если такого убѣжденiя не было, то никто не имѣлъ права заставлять его приносить клятву противъ совѣсти. Ложная клятва соприсяжниковъ, предусмотрѣнная art. 2,3 t. XLVIII Салической Правды, приравнивается къ преступленiю „скопомъ", и карается соотвѣтствующими штрафами.

Новый видъ доказательствъ по Салической Правдѣ -

это такъ называемыя испытанія или ордаліи. Если уже присяга и соприсяжничество носятъ сакральный характеръ, то ордаліи - это настоящіе Божьи суды то же, что и судебные поединки Здѣсь Божество непосредственно вмѣшивается въ отношенія людей, оправдывая невинныхъ и карая виновныхъ. Будучи пережитками варварства, ордаліи не исчезли съ введеніемъ христіанства Напротивъ, онѣ приспособились къ новой религіи и получили новыя формы.

Салическая Правда упоминаетъ только одинъ способъ испытаній, именно, испытаніе кипящей водою, о которомъ идетъ рѣчь въ титулахъ LIII/ I,5/ и LVI / I/. Испытаніе кипящей водою неоднократно упоминается и въ позднѣйшихъ прибавленіяхъ къ Салической Правдѣ / Capit. II,8,I; Capit.IV,4; Capit.VI,4,I; I6,I/ Рипуарская Правда ставитъ испытаніе кипящей водою наравнѣ съ испытаніемъ посредствомъ жребія / XXXI, 5/. Прибавленія къ Салической Правдѣ упоминаютъ объ испытаніи жребіемъ главнымъ образомъ въ примѣненіи къ несвободнымъ / Capit. IV,5,8/, и лишь однажды въ примѣненіи къ свободнымъ / ib.,IO/ .

Подобно соприсяжничеству, ордаліи , надо думать, допускались лишь въ исключительныхъ случаяхъ, именно, тогда, когда не было *certa probatio*. Въ случаѣ отсутствія достаточныхъ уликъ, судьи могли приговорить обвиняемаго или къ соприсяжничеству, или къ ордаліямъ Но и въ послѣднемъ случаѣ ордалія ,

по соглашенію сторонъ, могла быть замѣнена соприсяжничествомъ, съ уплатою отвѣтчикомъ извѣстнаго штрафа / LIII,I,5/.

Постановленіе объ освобожденіи отъ испытаній путемъ выкупа говоритъ за то, что уже въ эпоху Салической Правды эта форма доказательствъ казалась крайне опасной и непріятной. Въ Правдѣ замѣчается явная тенденція ограничить примѣненіе испытаній какъ можно меньшими случаями. Въ art.2 t. XIV Вольф. рукописи мы читаемъ, что испытаніе могло имѣть мѣсто лишь въ случаѣ отсутствія соприсяжниковъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ прибавленій къ Салической Правдѣ мы находимъ строжайшее запрещеніе злоупотреблять испытаніями /Cap. VI,4/.

Другой видъ Божьяго суда - это судебный поединокъ. Салическая Правда о судебныхъ поединкахъ умалчиваетъ. И лишь въ позднѣйшемъ прибавленіи къ Правдѣ /Cap.VI.I5/, мы находимъ слѣдующее лаконическое упоминаніе объ этой формѣ доказательствъ: "Если кто обвинитъ другого въ принесеніи ложной клятвы и сможетъ доказать, принесшій ложную клятву карается штрафомъ въ количествѣ I5 сол. А, если возведшій обвиненіе не сможетъ доказать его, уплачиваетъ I5 сол., а потомъ, если осмѣлится, пусть сразится" /art.I-2/. Другія Варварскія Правды даютъ болѣе подробныя свѣдѣнія о поединкахъ Такъ, Бургундская Правда - древнѣйшій памятникъ, въ которомъ упоминается судебный

поединокъ, говоритъ, что послѣднiй имѣетъ мѣсто тогда, когда одна изъ сторонъ отвергнетъ соприсяжничество / УIII,2;XLУ/. Нѣсколько разъ упоминаетъ о поединкахъ и Рипуарская Правда / XXXII,4; LIX,4; LXУII,5/, а, по Григорiю Турскому, Божьи суды /поединки/ были въ большомъ употребленiи среди франкскаго общества УI столѣтiя /Hist. Eccles.,УII,I4;X,I0/. Но самыя подробныя извѣстiя о поединкахъ мы находимъ въ Правдахъ Баварской / II,2;УIII,2,6;XУII,2/ и Аллеманской / LXXXУII /. „Въ случаѣ спора между двумя родовыми союзами о границахъ ихъ земли,читаемъ мы въ выше-названномъ титулѣ Аллеманской Правды, когда представитель одного скажетъ: „здѣсь наша граница", а представитель другого, зайдя на другое мѣсто, скажетъ: „здѣсь наша граница",графъ того округа, явившись на спорное мѣсто, пусть поставитъ знаки на границахъ , указанныхъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ. И пусть представители обойдутъ спорный участокъ земли.....Затѣмъ пусть условятся между собою о срокѣ судебнаго поединка двухъ представителей .Когда послѣднiе изготовятся къ битвѣ, пусть коснутся земли своими мечами, которыми должны биться, и призовутъ Бога Творца, чтобы на чьей сторонѣ право, на той была и побѣда.Потомъ сразятся. Кто изъ нихъ побѣдитъ, выигрываетъ тяжбу. Противная же сторона, заявлявшая притязанiе, пусть уплатитъ I2 солидовъ,такъ какъ оспаривала законную собственность". Очень часто въ по-

единокъ должны были вступать не только тяжущiяся стороны, но и ихъ соприсяжники / Ср. Extravagantia B,4 y Hessels'a , 42I/.

По окончанiи состязанiя сторонъ, судьи выносили свой приговоръ и назначали соотвѣтствующiя наказанiя. Изслѣдователи Правды неоднократно подчеркивали, что всякое преступленiе оцѣнивается ею лишь съ точки зрѣнiя матерiальнаго ущерба для потерпѣвшаго и что судебный приговоръ имѣетъ цѣлью не наказанiе злой воли преступника, а возмещенiе матерiальнаго вреда пострадавшему лицу,или же его родственникамъ. Въ подкрѣпленiе даннаго положенiя приводили то обстоятельство ,что Правда по отношенiю къ свободнымъ практикуетъ исключительно денежныя взысканiя и совершенно не знаетъ смертной казни и тѣлеснаго наказанiя.Однако показанiя памятника противорѣчатъ такому утвержденiю. О смертной казни для свободныхъ Правда отчетливо говоритъ въ т. LУIII „о горсти земли"/Ср. Cap. IУ,2/, а о смертной казни по отношенiю къ полусвободнымъ и рабамъ - въ art. 7 т. XIII.О кастрацiи и пыткѣ раба говорится неоднократно / XII,2; XXУ, 7 ; XL/ .Косвеннымъ подтвержденiемъ существованiя смертной казни въ эпоху Салической Правды является неоднократное упоминанiе о висѣлицахъ, съ которыхъ строго запрещалось снимать тѣла казненныхъ. Наконецъ, позднѣйшiя прибавленiя

къ Правдѣ говорятъ о смертной казни для свободныхъ и несвободныхъ съ еще большей отчетливостью.

Изъ приведенныхъ текстовъ слѣдуетъ съ очевидностью, что Правда имѣетъ въ виду не только возмѣщеніе матеріальнаго убытка потерпѣвшему, но и наказаніе злой воли преступника. Правда принимаетъ во вниманіе и тѣ обстоятельства, при кото - рыхъ совершено преступленіе, опредѣляя напряженность злой воли и наличность злого умысла провинившагося. Нѣкоторыя обстоятельства / какъ напр. confessio / смягчаютъ преступленіе или проступокъ, и ведутъ къ уменьшенію денежнаго взысканія / IX, I,3; LXУ/; другія, напротивъ, отягчаютъ его и ведутъ къ болѣе строгимъ взысканіямъ / таково напр. стремленіе скрыть тѣло убитаго человѣка, о чемъ идетъ рѣчь въ art. 2 и 4 t.XLI/. Данное обстоятельство опять таки говоритъ за то, что наказаніе опредѣляется не исключительно степенью матеріальнаго ущерба потерпѣвшаго.

Впрочемъ, нельзя отрицать и того, что всякое наказаніе имѣетъ своею цѣлью возмѣщеніе матеріальныхъ убытковъ прежде всего,и что наказаніе злой воли виновнаго не главная цѣль приговора. Каждое наказаніе обычно / но не всегда / представляетъ изъ себя денежный штрафъ, прежде всего колеблющійся въ зависимости отъ величины преступленія. Свободный мужъ за убійство платитъ вергельдъ /le-

odis, compositio /,т.е. выкупъ жизни, за другія гражданскія или уголовныя преступленія - пеню.Размѣры вергельда прежде всего, какъ было сказано выше, опредѣляются соціальнымъ положеніемъ убитаго. Вира за убійство свободнаго франка или другого варвара, живущаго по Салическому Закону,равняется 200 солидамъ / XLI,I/, за убійство королевскаго приближеннаго, такъ назыв. антрустіона/или королевскаго чиновника свободнаго происхожденія/- втрое болѣе, т.е. 600 солидамъ / ibid.,3 .Ср.LIУ,I 3/. Вира полусвободнаго равняется 100 солидамъ / XXУI,I/. Рабъ не имѣетъ виры.За его убійство платится простой денежный штрафъ въ размѣрѣ 35 солидовъ / X/ Римское населеніе Галліи тоже находится подъ защитою Салическаго Закона . За убійство римлянина - земельнаго собственника /posessor/ взимается вира въ количествѣ 100 сол./ XII,6/,за убійство колона /tributarius / - въ количествѣ 63 солидовъ /ibid. ,7/. За убійство римлянина - conviva regis ,т.е. королевскаго приближеннаго, взимается вира въ размѣрѣ 300 солидовъ /ibid.,5/. Мы видимъ, что жизнь свободнаго римлянина - туземца оцѣнивается въ два раза дешевле жизни завоевателя - варвара. Да и всѣ проступки противъ варваровъ наказываются съ гораздо большею строгостью нежели проступки противъ туземцевъ / Ср.XIУ,I-3/. Данное обстоятельство можно объяснить тѣмъ,

что варвары франки были меньшинствомъ населенія, являясь въ то же время главною опорою государства, его военною силою. Впрочемъ, можетъ быть, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ терминъ romanus обозначаетъ не націю, а соціальную группу. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Фюстель де Куланжа.

Если, съ одной стороны, размѣры вергельда опредѣляются соціальнымъ положеніемъ убитаго лица, то, съ другой стороны, они зависятъ отъ пола и возраста убитаго. Вергельдъ женщины выше вергельда мужчины /Ср.†. XXIУ/. Такъ, за убійство дѣвушки Салическая Правда опредѣляетъ вергельдъ въ размѣрѣ 300 сол. / XLУIII. /4/ у Hesselsa. Codex 2/, за убійство замужней женщины - въ размѣрѣ 600 сол. / XXIУ, 2. Cod. 2 у Hesselsa/, за убійство беременной женщины въ размѣрѣ 700 сол. / XXIУ, 3/. И лишь женщина, потерявшая способность къ дѣторожденію, оцѣнивается равной съ мужчиною вирою / Ibid., 7/. Какъ видимъ, Салическая Правда прежде всего видитъ въ женщинѣ мать, почему и оцѣниваетъ ея жизнь очень высокими вирами. Другія Правды опредѣляютъ за женщину болѣе высокій вергельдъ потому, что ее легче обидѣть, какъ существо беззащитное. Въ этомъ отношеніи характерно слѣдующее постановленіе Баварской Правды: „Въ случаѣ, если убита будетъ женщина, платится за нее вдвое. Такъ какъ женщина не можетъ защищаться оружіемъ, за нее платится двойная вира. Если же она, благодаря мужеству души своей, стала бы, защищаясь, сражаться какъ мужчина, въ такомъ случаѣ нѣтъ двойного вознагражденія, но за нее платится столько же, сколько за ея братьевъ". /IУ, 29/. Кстати замѣтимъ, что слова Баварской Правды о мужественности души германской женщины - не пустой звукъ и не риторическая фраза. Мы имѣемъ положительное доказательство того, что женщины даннаго времени иногда проявляли не только примѣры мужества, но и примѣры кровавой жестокости. Одинъ изъ законовъ Лангобардскаго короля Ліутпранда / УIII столѣтія/ говоритъ намъ, что женщины лангобардки нерѣдко составляли цѣлыя разбойничьи банды, грабившія мѣстечки и селенія и творившія неслыханныя жестокости надъ населеніемъ / Lex Liutpr., опублик. у Lindenbrog'a въ Codex Legum Antiquarum, p. 544. Frankofurti, 1613 /.

Размѣръ вергельда опредѣляется также и возрастомъ убитаго. За убійство безпомощнаго мальчика, по Салической Правдѣ, платится столько же, сколько и за убійство королевскаго приближеннаго, именно 600 сол./ XXXIУ, I, 2/.

За раба, какъ мы уже видѣли, вергельда не полагалось. Если же рабъ убивалъ свободнаго человѣка, вергельдъ платился господиномъ / XXXУ, 5/. Въ данномъ случаѣ поступокъ раба приравнивался къ посту-

пку неразумныхъ животныхъ. Смерть, причиненная последними, опять таки оплачивалась господиномъ. „Если кто либо, читаемъ мы въ Салической Правдѣ, будетъ убитъ домашнимъ животнымъ, и это будетъ доказано свидѣтельскими показаніями, то половину вергельда платитъ хозяинъ этого животнаго, а самое животное отдается истцу въ возмѣщеніе другой половины вергельда"/XXXУI,I/. „Хозяинъ собаки, причинившей смерть человѣку, читаемъ мы въ Алеманской Правдѣ, обязанъ уплатить половину вергельда. Если же родственникъ погибшаго потребуетъ полный вергельдъ, то въ его домѣ слѣдуетъ запереть всѣ двери, и пусть онъ входитъ и выходитъ черезъ одинъ только выходъ. И пусть на разстояніи девяти футовъ отъ его порога будетъ повѣшена собака и виситъ до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ вся, и, сгнивши, не упадетъ. И кости ея должны лежать тамъ же, а требовавшій полнаго вергельда пусть не входитъ и не выходитъ иной дверью. Если же онъ выброситъ оттуда собаку или войдетъ въ домъ инымъ входомъ, пусть вернетъ обратно половину вергельда"/Lex Alam. Fr. У,11/. Наконецъ, нѣкоторыхъ лицъ можно было убить безъ вергельда. „Можно убить безъ вергельда, читаемъ мы во Фризской Правдѣ, бойца - соперника въ судебномъ поединкѣ, противника въ сраженіи, прелюбодѣя, вора, застигнутаго въ подкопѣ, который онъ старался подвести подъ чужой домъ, поджигателя, ...

который, желая зажечь чей нибудь домъ, держитъ въ рукѣ факелъ такъ, что огонь касается крыши или стѣнъ дома; того, кто взломаетъ священное зданіе" /Lex Fr. У/.

Мы уже видѣли, какъ распредѣлялась вира между родственниками убитаго / LXII,I. Cap. II,3/. Замѣтимъ, что въ пользу родственниковъ поступала не вся вира, а только часть ея / такъ назыв. faidus /; другая же часть / по Салической Правдѣ I/3 / виры такъ назыв. fredus - шла въ пользу королевской власти, за ея помощь при возстановленіи „мира"/L.3/ Fredus, какъ штрафъ за нарушеніе мира, платился и при другихъ уголовныхъ преступленіяхъ, о чемъ отчетливо говорятъ art. 2 и 4 t. LIII „о выкупѣ руки отъ котелка".

Бо́льшая половина Салической Правды посвящена перечисленію взысканій за увѣчья, за оскорбленія чести и за причиненіе имущественнаго убытка. Въ данномъ случаѣ постановленія Правды чрезвычайно казуистичны. Примитивный варварскій умъ, неспособный къ отвлеченному мышленію, не умѣлъ изъ отдѣльныхъ частныхъ случаевъ выводить общія положенія и соединять ихъ въ стройную систему. Вотъ почему у варваровъ не было законовъ въ теперешнемъ смыслѣ этого слова. Всякій современный законъ, какъ извѣстно представляетъ изъ себя общую отвлеченную формулу, подъ которую легко могутъ быть подведены отдѣль-

ные частные случаи. У варваровъ же было какъ разъ наоборотъ. Въ Правдѣ записаны только конкретные случаи. Общихъ формулировокъ отдѣльныхъ судебныхъ казусовъ не имѣется. Отсюда масса мелочныхъ, чисто конкретныхъ постановленій, которыя, однако, часто не могли удовлетворить потребностямъ практики, такъ какъ всѣхъ возможныхъ случаевъ нарушенія правосудія предусмотрѣть, конечно, невозможно. Такъ, въ t. II-мъ „о кражѣ свиней" содержится цѣлыхъ 16 статей, предусматривающихъ 16 случаевъ кражи этихъ животныхъ / Ср. III, УIII, XXУII и множество друг./

Пени за уголовныя и гражданскія преступленія и проступки чрезвычайно разнятся въ различныхъ Варварскихъ Правдахъ / см. систему ихъ для Салической Правды въ Recapitulatio Legis Salicae/. Размѣры ихъ у различныхъ племенъ неодинаковы. Вездѣ, однако, при нанесеніи имущественнаго ущерба, виновный уплачиваетъ, кромѣ стоимости украденнаго или испорченнаго /capitale/, вознагражденіе за убытки /dilatura/ и штрафъ за нарушеніе чужого права на имущество /culpa/. При нанесеніи же увѣчій и при оскорбленіи чести платится только штрафъ, если не считать изрѣдка упоминаемой Правдою незначительной платы на леченіе. Спрашивается, кому идутъ назначаемые Правдою штрафы, потерпѣвшему или общественной власти? Этотъ вопросъ въ самое недавнее время былъ поставленъ французскимъ Ricci / R. H., 1909, С,

311 слѣд./. Сопоставляя тексты Салической Правды, Ricci приходитъ къ убѣжденію, что упоминаемые въ этомъ памятникѣ штрафы поступаютъ въ пользу общественной власти. Что касается вознагражденій потерпѣвшему, то они платятся сами собой, но Правдой не обозначаются. Мнѣніе Ricci вызвало возраженіе со стороны другого французскаго ученаго Treicha/ R. H., 1910, CIУ, 293 слѣд./, который, какъ кажется, и доказалъ твердыми данными, что штрафы Салической Правды поступаютъ именно въ пользу потерпѣвшаго, а отнюдь не въ пользу общественной власти.

Изданія Правды: Pardessus. Loi Salique. 1843. Behrend. Lex Salica. 2 Aufl. 1897. Hessels. Lex Salica. 1880 /лучшее изъ изданій/. Geffcken. Lex Salica. 1898. Русское учебное изданіе Правды принадлежитъ Д.Н.Егорову / 1906 / . См. русскій переводъ Салической Правды Н.П.Граціанскаго и А.Г. Муравьева, съ введеніемъ Н.П. Граціанскаго, Казань. 1913 .

VIII. АНГЛО-САКСЫ ВЪ БРИТАННІИ .

Англосаксонское развитіе занимаетъ отдѣльное, вполнѣ самостоятельное мѣсто въ исторіи средневѣковой Европы. Если каждое изъ континентальныхъ варварскихъ государствъ въ большой или меньшей степени пріобщилось богатой римской культурѣ, то Британскихъ острововъ эта культура коснулась лишь въ самой слабой степени. До норманскаго завоеванія исторія Британіи представляетъ изъ себя типъ чисто германскаго развитія, неосложненнаго постороннимъ вліяніемъ. Намъ и предстоитъ сейчасъ познакомиться съ основами этого англо-саксонскаго развитія, чтобы потомъ заняться исключительно континентальной исторіей - исторіей меровингскаго и каролингскаго обществъ, исторіей развитія помѣстныхъ распорядковъ и феодальной системы.

Британскіе острова еще въ очень отдаленную эпоху были извѣстны финикійскимъ мореплавателямъ. Отыскавши здѣсь богатыя залежи олова и янтаря, предпріимчивые финикійскіе купцы не хотѣли дѣлиться своими открытіями съ сосѣдними народами. Вотъ почему они всячески старались распространить про Британнію разные ужасы. По ихъ разсказамъ, гречискія Сцилла и Харибда - ничто въ сравненіи съ таинственнымъ островомъ за Геркулесовыми Столбами. Здѣсь цѣлыя области кишатъ ядовитыми змѣями, а воздухъ таковъ, что ни

одинъ смертный не можетъ избѣжать неминуемой гибели, только однажды имъ дохнувши. Это ужасная и мрачная пустыня, населенная душами умершихъ. Особая порода рыбаковъ обязана перевозить послѣднихъ съ континента. Подъ тяжестью покойниковъ лодки глубоко погружаются въ воду, но самыя формы умершихъ остаются незримыми для смертнаго ока. Таковы были разсказы финикіянъ. И надо сказать, что всѣ эти басни, на которыя не скупились словоохотливые купцы, очень долго тревожили воображеніе цивилизованныхъ народовъ Азіи, Европы и Африки. Даже для современниковъ византійскаго историка Прокопія /VI в./ Британнія оставалась страшнымъ, заколдованнымъ островомъ. Но уже Цезарь побывалъ здѣсь со своими легіонами, и, конечно, ни нашелъ ни змѣй, ни мертвецовъ, ни ядовитаго воздуха. Впрочемъ, Цезарю не пришлось долго оставаться въ Британніи. Въ Галліи поднималъ знамя возстанія Верцингеториксъ, а въ самомъ Римѣ строилъ козни Помпей, съ которымъ Цезарь не могъ не считаться. И лишь при Клавдіи римляне твердо осѣли на южной части Британніи, а побѣдоносные походы Юлія Агриколы - тестя знаменитаго Тацита отодвинули границы римскихъ владѣній далеко на сѣверѣ, куда вслѣдъ за римскимъ мечемъ двинулась и римская цивилизація. Въ своемъ „Жизнеописаніи Агриколы" Тацитъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы разсѣять нелѣпые слухи о новой римской провинціи. Однако и Тацитъ не далъ

правильнаго описанія Британніи. Онъ представилъ ея форму въ видѣ сѣкиры и населилъ ее свѣтлорусыми германскими племенами, которыхъ тамъ не было и въ поминѣ. На самомъ дѣлѣ римляне застали на островѣ кельтское племя бриттовъ, которые смѣшались съ аборигенами страны - иберами, повидимому, пришедшими съ Пиренейскаго полуострова. Кельты жили отдѣльными родовыми соединеніями - кланами, преимущественно занимались скотоводствомъ, но практиковали и земледѣліе . Въ соціальныхъ отношеніяхъ замѣчалась значительная дифференціація. Надъ простыми свободными возвышались знатные и жрецы - друиды - точно такъ же, какъ это было и въ Галліи. Большихъ государственныхъ соединеній не существовало. Каждый кланъ жилъ вполнѣ самостоятельной жизнью и непрестанно воевалъ съ своими сосѣдями. Впрочемъ, римлянамъ не безъ труда удалось сломить отчаяное сопротивленіе туземцевъ и основать въ южной части полуострова свою провинцію, просуществовавшую 3 I/2 столѣтія. Римляне отгородились отъ сѣверныхъ горцевъ высокою каменною стѣною, а на югѣ настроили широкихъ дорогъ, воздвигли укрѣпленные лагери и городки, украсивши ихъ цирками, банями, и портиками - этими непремѣнными принадлежностями римской цивилизаціи. Однако римское вліяніе въ Британніи было чрезвычайно поверхностно. Оно коснулось исключительно верхнихъ слоевъ туземнаго населенія, не пустивши корней въ глубину народныхъ массъ, продол-

жавшихъ попрежнему говорить на своемъ кельтскомъ языкѣ и жить по своимъ унаслѣдованнымъ отъ предковъ обычаямъ. Широкія массы населенія съ плохо скрываемой ненавистью смотрѣли на непрошенныхъ гостей , принесшихъ съ собою тяжелый финансовый гнетъ, вопіющій произволъ и насиліе алчныхъ намѣстниковъ. Подвиги одного изъ нихъ, именемъ Светонія, истреблявшаго цѣлыя семейства родовыхъ князьковъ, избивавшаго мужчинъ и безчестившаго женщинъ, надолго врѣзались въ воображеніе массы. Отсюда отвращеніе къ римской культурѣ и непримиримая ненависть къ христіанству, которое первоначально ютилось только въ укрѣпленныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Словомъ, римское завоеваніе не оставило замѣтнаго слѣда въ жизни Британніи. И когда въ началѣ У-го вѣка послѣдніе римскіе легіоны покинули негостепріиный полуостровъ , бритты поспѣшили изгладить изъ своей памяти поверхностные слѣды римской культуры, и зажили прежней буйной и безпорядочной жизнью. На первыхъ же порахъ имъ пришлось выдержать отчаянную борьбу съ сѣверными разбойниками - пиктами и скоттами. А съ востока на нихъ двинулись морскіе пираты - англо-саксы, "хитрость которыхъ, по словамъ современниковъ, была равна ихъ жестокости; море - ихъ военная школа, буря - ихъ другъ; они морскіе волки, живущіе грабежемъ міра". Измученные напряженною борьбою на два фронта, бритты рѣшили переманить на свою сторону англовъ.

По свидѣтельству историка англо саксовъ Видукинда, бритты послали на Ютландскій полуостровъ торжественное посольство , которое обратилось къ саксонскимъ вождямъ съ такими рѣчами: „Возлюбленные саксы, несчастные бритты, утомленные и пострадавшие отъ безпрерывныхъ вражескихъ нападеній, слыша о вашихъ доблестно одержанныхъ побѣдахъ, прислали насъ къ вамъ, для испрошенія вашей помощи. Они подчиняютъ свою обширную страну, благословенную обиліемъ всякихъ благъ, вашей власти... И если помощью вашего оружія и вашей храбрости, мы одержимъ верхъ надъ врагами, то охотно будемъ переносить всякое рабство, которому вы насъ подвергаете". Вожди саксовъ коротко на это отвѣтили: „Знайте, что саксы будутъ надежными друзьями бриттовъ, постоянно внимательными къ ихъ нуждамъ и выгодамъ". Въ половинѣ У-го столятія юты или англо-саксы или просто англы впервые вступили на территорію острова Британніи. Они очень скоро справились съ сѣверными разбойниками, а потомъ обратились противъ своихъ же союзниковъ - бриттовъ. Началась отчаянная брьба кельтовъ съ германцами, продолжавшаяся безъ малаго два столѣтія. И если на континентѣ Западной Европы побѣдители - варвары сами были поглощены побѣжденными туземцами, затерявшись въ общей массѣ послѣднихъ, то въ Британніи замѣчалось совершенно обратное явленіе. Всюду, куда проникалъ мечъ „возлюбленныхъ саксовъ", Британнія превращалась

въ настоящую Англію, настоящую страну англовъ, а не бриттовъ .Въ результатѣ полное исчезновеніе кельтовъ съ половины принадлежавшей имъ территоріи, полная германизація южной части Британніи. Къ концу УI столѣтія Британнія стала германскою и по языку, и по культурѣ, и по учрежденіямъ. Завоеватели постепенно основали здѣсь 7 самостоятельныхъ королевствъ, почему Британнія и получила названіе англо-саксонской гептархіи ,т.е. седмивластія. Едва прекратилась борьба съ туземцами - бриттами, какъ началась новая ожесточенная борьба между этими семью королевствами, изъ которыхъ каждое претендовало на гегемонію. И лишь въ началѣ IX столѣтія король Уэссекса Экбертъ сдѣлался единымъ королемъ всѣхъ саксовъ Британніи.

Такова въ самыхъ краткихъ словахъ внѣшняя исторія Англіи до начала IX столѣтія. Обращаемся теперь къ характеристикѣ внутренней жизни англо-саксонскаго общества. Германцы принесли съ собою въ Британнію свои самобытные порядки, лишь въ самой слабой степени видоизмѣнившіеся подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Но эти порядки уже не являются порядками Тацитовскихъ германцевъ. Мы видѣли, что политическій и соціальный строй германцевъ эпохи Тацита былъ цѣликомъ пропитанъ родовыми началами. Мы видѣли также, что въ послѣдующую эпоху постоянныхъ блужданій германскихъ племенъ родовыя начала посте-

пенно уступали мѣсто началамъ военнымъ. Строй англосаксонскаго общества и представляетъ изъ себя яркій примѣръ смѣшенія родовыхъ и военныхъ порядковъ. Основная ячейка политической организаціи англо-саксовъ деревня /tun или townschip /. Это, повидимому, прямая преемница vicus'а времени Тацита, съ тѣмъ лишь различіемъ, что кровные связи здѣсь начинаютъ исчезать и уступаютъ мѣсто связямъ просто го сосѣдства. Деревня имѣетъ свой сходъ /moot/ и выбираетъ своего представителя tun-gerefa-старосту. Это вполнѣ автономная политическая единица, сама регулирующая хозяйственную жизнь своихъ членовъ, отправляющая полицейскія функціи и низшую юстицію. Нѣсколько деревень составляютъ сотню/ hundred/. Это, повидимому, чисто искуственное соединеніе сотни деревенъ, имѣющихъ свои сотенныя собранія /hundred-moot/. Сначала на сотенныя собранія сходились всѣ свободные жители сотни, но съ теченіемъ времени деревенскій сходъ сталъ посылать туда 4-хъ наиболѣе уважаемыхъ членовъ, во главѣ со старостой и священникомъ. Сотенныя собранія разбирали уголовныя и гражданскія преступленія, занимались раскладкою налоговъ и несли заботы по административной организаціи округа. Сначала во главѣ сотни стоялъ выборный сотенный старшина hundredman, а потомъ его мѣсто зянялъ королевскій чиновникъ такъ называемый сотенный gerefa.

Сотня /hundred/ входила въ составъ графства

/schire /. Каждое графство представляло изъ себя бывшее племенное государство и управлялось бывшимъ племеннымъ конунгомъ эльдермэномъ. Но рядомъ съ эльдермэномъ стоялъ королевскій чиновникъ такъ наз. Schire-gerefa или попросту шерифъ. Съ теченіемъ времени онъ отодвинулъ на второй планъ племенного начальника-эльдермэна и сталъ предсѣдательствовать на народныхъ собраніяхъ - шайрмотахъ или фолькмотахъ. Фолькмотъ собирался дважды въ годъ, по почину шерифа. Сюда являлся эльдермэнъ, епископъ, крупные землевладѣльцы и выборные отъ деревенскаго схода. Здѣсь принимались аппеляціи на приговоры сотеннаго собранія, производилась раскладка налоговъ по сотнямъ, обсуждались вопросы военнаго характера и скрѣплялись законодательныя распоряженія верховной власти. Замѣтимъ, что какъ на сотенныхъ собраніяхъ, такъ и на собраніяхъ графства судебныя функціи первоначально отправлялись всѣми присутствовавшими и лишь съ теченіемъ времени они перешли въ руки комиссіи изъ 12 т.называемыхъ „старшихъ тэновъ".

Соединеніе графствъ образовало королевство. Король управлялъ своимъ королевствомъ при помощи „собранія мудрыхъ"- витенагемота. Это не представители народа, не проводники его воли. Это собранія знати - сотоварищей и совѣтниковъ короля, епископовъ, эльдермэновъ и королевскихъ дружинниковъ - тэновъ. Компетенція витенагемота чрезвычайно обширна. Безъ согласія

своихъ витановъ, своихъ „мудрыхъ совѣтниковъ" король не могъ предпринять ни одного важнаго шага. Вмѣстѣ съ ними онъ издаетъ законы, отправляетъ судебныя, финансовыя, военныя и административныя функціи. Витаны даже имѣютъ право избирать и низлагать самого короля. Но если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что члены витенагемота назначались королемъ, то легко поймемъ, что это право было простою фикціей. Сильный и энергичный король имѣлъ возможность сдѣлать витановъ наслужными исполнителями своей воли. Во всякомъ случаѣ, если витенагемотъ и нельзя назвать часто монархическимъ учрежденіемъ, то, съ сдругой стороны, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ замѣнить собою прежнія обще-народныя собранія, уничтоженныя сильною королевскою властью.

Въ социальномъ строѣ англо-саксонскаго общества мы находимъ то же дѣленіе на знатныхъ, свободныхъ, полусвободныхъ и рабовъ, которое замѣчали и ранѣе, въ Тацитовскую эпоху. Простые свободные носили названіе кэрловъ. Нормальный земельный надѣлъ кэрла - гайда, равнявшійся 120 акрамъ земли, опредѣлялъ его положеніе въ государствѣ и обществѣ. Собственникъ гайды несъ военную службу, отправлялъ судебныя и другія повинности, имѣлъ право брать подъ свое покровительство / mundium / тѣхъ, кто къ нему обращался, и пользовался ______ тщательною охраною государственной власти.

Знатные-эрлы - это тѣ же nobiles Тацитовской эпохи, т.е. члены отдѣльныхъ семействъ, родоначальники которыхъ прославились своими воинскими доблестями. Вергельдъ рла въ три раза превышаетъ вергельдъ обыкновеннаго свободнаго кэрла. Въ матеріальномъ отношеніи эрлы, повидимому, были болѣе крупными земельными собственниками, нежели кэрлы, и обрабатывали свою землю при помощи полусвободныхъ и рабовъ-точно такъ же, какъ и у германцевъ времени Тацита. Съ усиленіемъ королевской власти въ англо-саксонскомъ обществѣ стала нарождаться служилая знать - королевскіе тэны, которые мало по малу отодвинули на второй планъ политическое значеніе эрловъ, какъ родовой знати.

Социальное положеніе лэтовъ - полусвободныхъ мало чѣмъ разнилось отъ положенія керловъ- свободныхъ. Они давали клятву на судѣ, какъ соприсяжники, и даже участвовали въ народномъ ополченіи. Матеріальное положеніе лэтовъ гораздо хуже матеріальнаго положенія керловъ. Они не имѣютъ земельной собственности, и живутъ на помѣстьяхъ короля, эрловъ и керловъ, уплачивая за это опредѣленные оброки.

Рабъ юридически является простою вещью, рабочимъ инвентаремъ, послушнымъ орудіемъ велѣній своего господина. Фактически положеніе раба довольно сносно. Какъ и въ эпоху Тацита, онъ обыкновенно сидитъ на земельномъ участкѣ крупнаго магната, и имѣетъ свой

собственный домъ, свой собственный семейный очагъ, своихъ пенатовъ.

Въ экономическомъ отношеніи англо-саксонское общество характеризуется почти полнымъ отсутствіемъ промышлениостими торговли, и, слѣдовательно, господствомъ натуральнаго хозяйства. Какъ и на континентѣ Западной Европы, земля является единственнымъ источникомъ богатства. Въ области аграрныхъ отношеній замѣчается преобладаніе мелкой земельной собственности надъ крупной. Теорія Сибома, который въ своемъ сочиненіи Englisch Village Community пытался доказать, что Британнія еще въ римскую эпоху была покрыта большими помѣстьями, въ настоящее время отвергнута, благодаря блестящимъ изслѣдованіямъ проф Виноградова. Сельскіе общинные распорядки рѣшительно преобладаютъ надъ распорядками помѣстными - и въ этомъ глубокое отличіе экономической эволюціи Англіи отъ экономической эволюціи континентальной Европы. Но сельская земельная община англо саксонскаго періода - это уже не та родовая община, которую мы имѣли возможность наблюдать у германцевъ времени Тацита. Съ разложеніемъ родового начала пахотная земля сдѣлалась полною индивидуальною собственностью. Сообща пользуются только угодьями, т.е. лѣсами, лугами и рѣками. Но такъ какъ отдѣльные участки пахотнаго поля разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, существуетъ принудительный сѣвооборотъ Flurzwang. Но

опять таки это не марка въ Мауреровскомъ смыслѣ. Повторяю что общинной собственности на пахотное поле и періодическихъ передѣловъ земель по жребію не существуетъ. Число крупныхъ помѣстій, какъ я уже замѣтилъ, незначительно, и лишь къ концу англо-саксонскаго періода начинаетъ быстро расти крупная земельная собственность короля, церкви и знати. Паралельно съ, этимъ наблюдается уменьшеніе количества мелкихъ земельныхъ собственниковъ и превращеніе ихъ въ арендаторовъ крупныхъ помѣстій. Въ результатѣ полное торжество помѣстныхъ или менoріальныхъ порядковъ, которыя всасываютъ въ себя порядки сельско-общинные. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ проявлять свое дѣйствіе патронатъ или вассалитетъ, бенефицій и иммунитетъ - эти существенные элементы феодальной системы. Словомъ, мы наблюдаетъ здѣсь тотъ же самый процессъ, который въ чистомъ видѣ будемъ имѣть возможность изучать на континентѣ Западной Европы, главнымъ образомъ, во Франціи.

Остается сказать нѣсколько словъ о культурномъ развитіи Британніи за англо саксонскій періодъ. Христіанство проникло къ англо-саксамъ въ началѣ УII ст. благодаря стараніямъ папы Григорія Великаго и апостола саксовъ Августина. Новая религія упала на благопріятную почву и получила быстрое распространеніе на югѣ и сѣверѣ. Британнія покрывается цѣлою сѣтью монастырей, которые дѣлаются разсадниками религіознаго просвѣщенія. И уже въ УII вѣкѣ монастырская шко

ла въ Іоркѣ подарила Англіи неутомимаго историка и богослова - Бэду Достопочтеннаго. А въ VIII столѣтіи отсюда вышелъ Алкуинъ- знаменитый сподвижникъ культурныхъ начинаній Карла Великаго. Но съ особою яркостью христіанство проявило себя въ Ирландіи, среди кельтовъ, которые слышали слова Евангелія еще съ IУ вѣка. Здѣсь выросло просвѣщенное, свободолюбивое монашество, организованное на домократических началахъ и не признававшее надъ собою тяжелыхъ цѣпей римской куріи. Христіанство забило здѣсь живымъ ключемъ, который не разъ освѣжалъ задыхавшееся подъ гнетомъ католической Церкви христіанство континентальной Европы. Изгнанные изъ Европы наука и непосредственное изученіе Библіи нашли себѣ убѣжище въ знаменитыхъ школахъ Дэрро и Арма, сдѣлавшихся университетами западнаго міра. Казалось, что побѣжденная и униженная кельтская раса одерживаетъ моральную побѣду надъ своими завоевателями и что не латинское, а кельтское христіанство возьметъ въ свои руки судьбы Западной Церкви.

Чтобы покончить съ исторіей Англіи въ эпоху ранняго средневѣковья, намъ остается сдѣлать бѣглый обзоръ политическихъ событій до норманнскаго завоеванія.

Въ IX столѣтіи на многострадальную Англію обрушились страшныя бѣдствія. Появились норманны, которые чуть было не стерли съ лица земли всю англосаксонскую культуру. Дружины отважныхъ удальцовъ, которымъ не сидѣлось дома на Скандинавскомъ полуостровѣ, которые славу и добычу предпочитали молчаливой покорности племеннымъ вождямъ, бороздили на своихъ утлыхъ ладьяхъ Балтійское, Сѣверное, Средиземное моря и Атлантическій Океанъ, появляясь у береговъ Англіи, Франціи, Испаніи, Россіи и Византійской Имперіи. Англія одна изъ первыхъ подверглась разгрому норманновъ. Во всѣхъ направленіяхъ искрестили викинги англійскую территорію при королѣ Этевульфѣ. Мужество саксовъ ничего не могло подѣлать съ безчисленными бандами норманновъ. Едва окрѣпшее королевство быстро разъединилось подъ стремительнымъ напоромъ враговъ, и почти цѣликомъ перешло въ руки послѣднихъ. Въ кровавой борьбѣ погибъ геройскою смертью король Этевульфъ, погибли и его сыновья, пока корона не досталась младшему изъ нихъ Альфреду. Этотъ слабый тѣломъ, но бодрый духомъ человѣкъ всѣ свои силы посвятилъ благу родного народа. Всю жизнь свою онъ провелъ на конѣ, отбивая натиски заморскихъ разбойниковъ и отбирая у нихъ область за областью. А свободное отъ военныхъ занятій время онъ съ любовью посвящалъ литературнымъ занятіямъ, черпая для себя утѣшеніе въ „Consolatio philosophiae" послѣдняго римлянина Боэція. Мучительные приступы жестокой болѣзни онъ умѣлъ подавлять громаднѣйшими усиліями своей желѣзной воли и беззавѣтною предан-

ностью свѣтлой идеѣ. Просто, безъ всякаго драматизма, съ улыбкою на устахъ шелъ англійскій король по намѣченной имъ дорогѣ. Страна быстро оправилась и окрѣпла подъ твердою рукою Великаго Альфреда. Защищенная хорошо организованнымъ войскомъ, она снова возвращается къ мирнымъ занятіямъ, а въ монастыряхъ по прежнему расцвѣтаютъ наука и письменность. Не исключительно латинская письменность, какъ это было ранѣе, а письменность національная, англійская, начатки которой были положены личными трудами Альфреда - короля воина и ученаго въ одно и то же время. Истерзанный физическою болѣзнью, измученный безчисленными заботами о благѣ своего государства, Альфредъ умеръ въ самомъ расцвѣтѣ силъ, горько оплакиваемый всѣмъ англійскимъ народомъ. „И нѣтъ въ исторіи болѣе трогательнаго и величественнаго образа, говоритъ профессоръ Виноградовъ въ своей статьѣ объ Альфредѣ, чѣмъ этотъ неутомимый боецъ, который стоялъ на стражѣ противъ разбойниковъ, и не одичалъ, не отдалъ душу насилію, а полюбилъ свѣтъ и правду". Дѣло, налаженное Альфредомъ, съ успѣхомъ продолжали его преемники. И въ половинѣ X-го столѣтія, при королѣ Эдгарѣ, Англія совершенно очистилась отъ пиратовъ, и была накрѣпко скована въ единое національное государство.

Но съ конца X-го столѣтія снова появляются норманны - и въ 1013 году Англія дѣлается добычею датчанъ.

Датское господство продолжалось 30 лѣтъ, до 1042 года, когда страна снова переходитъ къ національному королю Эдуарду, извѣстному подъ именемъ Исповѣдника. Но уже при слѣдующемъ королѣ, отважномъ, но глубоко несчастномъ Гарольдѣ, изъ Франціи приходятъ закованные въ желѣзо норманцы и послѣ кровопролитной битвы при Гастингсѣ /1066 г./ дѣлаются хозяевами Британніи. Англо-саксонскій періодъ оканчивается. Англія выводится изъ своего сравнительно изолированнаго положенія и пріобщается богатѣйшей культурѣ французскаго общества. Внѣшнимъ выраженіемъ этого перехода является повсемѣстное распространеніе французскаго языка, который вытѣсняетъ собою языкъ англосаксонскій.

Литература: Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа, выпускъ I. 1897. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка, изданіе 2-е 1909. Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. 1911. Stubbs. The constitutional History of England, t. I. 6 ed. 1903. Maitland. Domesday Book and Beyond. 1907. Seebohm. The Englisch Village Community. 5 ed. 1905.

IX. ФРАНКСКАЯ МОНАРХІЯ ПРИ МЕРОВИНГАХЪ

I. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ.

До сихъ поръ мы пытались преимущественно уяснить себѣ самое происхожденіе средневѣковаго общества и государства, разсматривая римскіе и германскіе начатки средневѣковой культуры и ихъ взаимодѣйствіе. Такъ хронически мы подошли къ VI столѣтію - той эпохѣ, когда на развалинахъ Римской Имперіи начинаетъ выростать и организовываться франкское государство, самое обширное и самое могучее изъ всѣхъ государствъ, основанныхъ на новой территоріи варварами. Маленькое племя салійцевъ, начало котораго теряется въ неизвѣстности, удачно приспособляясь къ обстоятельствамъ, при меровингахъ захватываетъ всю Галлію и часть Германіи, а при каролингахъ распространяетъ свое владычество чуть ли не на весь христіанскій западъ и при Карлѣ Великомъ какъ будто снова воскрешаетъ минувшія времена Римской Имперіи. Въ этомъ вновь выросшемъ государствѣ и протекали типичнѣйшіе процессы средневѣковой эволюціи, главнымъ образомъ выразившіеся въ подготовкѣ феодальной системы. Здѣсь передъ нами уже не римскій и варварскій міры въ ихъ обособленности, не подготовка средневѣковаго общества, а самое это общество, какъ таковое, правда, пока еще находящееся въ состояніи броженія, но мало

по малу отливающееся въ опредѣленныя формы. Съ этою важнѣйшею эпохою всемірной исторіи намъ и предстоитъ теперь познакомиться.

На первомъ планѣ у насъ стоитъ исторія франкскаго общества при меровингахъ. Предварительно сдѣлаемъ бѣглый обзоръ историческаго матеріала, относящагося къ этой эпохѣ. Спрашивается, какія сохранились документальныя данныя относительно жизни Галліи V, VI и VII столѣтій и насколько эти данныя заслуживаютъ нашего вниманія и довѣрія.

Франкское общество меровингскаго періода мы можемъ изучать по троякаго рода даннымъ: I/ историческимъ сочиненіямъ, 2/ законамъ и 3/ хартіямъ или грамотамъ. Разсмотримъ всѣ эти документы по порядку.

Первое мѣсто между историческими писателями эпохи меровинговъ, безспорно, занимаетъ "отецъ французской исторіи" - Григорій, епископъ Турскій. Можно сказать, что ранняя исторія франковъ изучается почти исключительно по его произведеніямъ. Другіе писатели этого времени или совсѣмъ не дошли до насъ / таковы Сульпицій Александръ и Ренатъ Профутуръ Фригеридъ/, или же упоминаютъ о франкахъ лишь мимоходомъ / таковы Авитъ и Сидоній Аполлинарій/. Но если произведенія Григорія такъ важны для историка франкскаго общества, то, съ другой стороны, они чрезвычайно трудны для изученія. На самомъ дѣлѣ, если показанія большинства изъ позднѣйшихъ историковъ

могутъ быть провѣрены посредствомъ сличенія ихъ съ показаніями другихъ современниковъ, то подобнаго критерія для опредѣленія достовѣрности Турскаго епископа у насъ не существуетъ. Даже біографическія свѣдѣнія о Григоріи мы черпаемъ почти исключительно изъ его же произведеній. Правда, современникъ и другъ Григорія - поэтъ Фортунатъ написалъ въ честь своего покровителя не мало стиховъ, но эти хвалебные стихи почти ничего не говорятъ намъ о жизни и дѣятельности епископа. А спеціальное „житіе" Григорія, составленное въ X столѣтіи, написано на основаніи его же собственныхъ произведеній и испещрено массою легендарныхъ подробностей, въ цѣляхъ прославленія и канонизаціи уважаемаго святителя. Словомъ, намъ остается оцѣнивать Григорія на основаніи его же собственныхъ показаній о своей дѣятельности. Но, съ одной стороны, эти показанія очень неполны, случайны и разсѣяны; съ другой стороны, судить объ авторѣ со словъ самого же автора - это довольно опасный пріемъ исторической критики. Историческая наука не мало потрудилась надъ выясненіемъ характера и творчества Григорія. Достаточно сказать, что издатели Mon. Germ. Hist. цѣлые 60 лѣтъ обрабатывали и подготовляли къ печати его произведенія. И само собою разумѣется, что эта работа не осталась безплодною. Здѣсь добыты нѣкоторые твердые результаты, которые мы и положимъ въ основу нашего изученія Григорія.

Георгій Флоренцій / позднѣе епископъ Григорій/ - галлоримлянинъ по происхожденію, -родился въ Оверни около 540 г.. Какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, онъ насчитывалъ цѣлый рядъ знаменитыхъ предковъ - епископовъ, святыхъ подвижниковъ, даже мучениковъ за вѣру. Въ ранней молодости онъ лишился отца, и воспитывался подъ руководствомъ дяди-епископа Овернскаго Галлуса, и въ особенности матери - Арментаріи. Въ 563 году онъ былъ поставленъ діакономъ и отправился въ городъ Туръ-поклониться мощамъ покровителя Галліи св. Мартина Турскаго и вымолить у него исцѣленіе отъ тяжелой болѣзни. Молодой пилигриммъ, рѣзко выдѣлявшійся своими нравственными качествами изъ среды окружающихъ настолько понравился Турскому епископу Евфронію, что послѣдній оставилъ его при себѣ и сдѣлалъ своимъ приближеннымъ. Когда же Евфроній скончался, всеобщая любовь и уваженіе гражданъ возвели Георгія на Турскую епископскую каѳедру, на которой онъ и обосновался съ 573 г. подъ именемъ Григорія. Блестящее положеніе преемника св. Мартина сразу поставило Григорія въ центрѣ не только церковной, но и политической жизни эпохи. И онъ стяжалъ себѣ по истинѣ апостольскую славу, выступивши въ качествѣ ревностнаго защитника интересовъ Церкви и неутомимаго покровителя бѣднаго люда. Въ ту мрачную эпоху кровавыхъ усобицъ наслѣдниковъ Хлодвига, когда неис-

товствовали дѣти Хлоторя - Зигбертъ и Хильперикъ и ихъ страшныя жены Брунегильда и Фредегонда, когда разбой и насиліе королевскихъ чиновниковъ вошли въ повседневную практику, Турскій епископъ оставался неизмѣннымъ олицетвореніемъ евангельской правды и мира. Многочисленныя столкновенія съ сильными міра сего доставляли ему тысячи непріятностей. И однако онъ никогда не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, мужественно обличая все то, что, по его мнѣнію, противорѣчило Христовымъ законамъ. Обремененный постоянными трудами и заботами и не видя лучшаго будущаго для родной страны, Григорій скончался 17 ноября 594 года, оставивши послѣ себя репутацію великаго епископа и святого человѣка. Могила Григорія не сохранилась. Въ 1562 году она была разрушена фанатиками гугенотами.

Много трагическихъ событій совершилось на глазахъ у Григорія. Многое онъ наблюдалъ со стороны, во многомъ принималъ непосредственное участіе. „Много совершилось дурного и худого, говоритъ епископъ; дикія толпы безбожныхъ людей свирѣпствуютъ, озлобленіе королей велико; еретики нападаютъ на церкви; вѣрные ихъ защищаютъ; святыя мѣста вѣрными украшены, а людьми безбожными опустошены. Многіе жаловались на это и восклицали: горе нашему времени, наука погибла, а никто между тѣмъ не опишетъ совершившагося". Турскій епископъ и взялъ на себя почтенную задачу описать видѣнное имъ и слышанное. „Такъ какъ я часто слышалъ

эти сожалѣнія, продолжаетъ Григорій, то, чтобы сохранить воспоминаніе о прошломъ и передать настоящее потомству, я рѣшился изобразить насилія безбожныхъ людей и жизнь праведныхъ, хотя, можетъ быть, рѣчь моя и покажется слишкомъ простой и безыскуственной". Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ подводитъ итогъ своей литературной дѣятельности: „Я составилъ, говоритъ онъ, 10 книгъ исторіи, семь книгъ о чудесахъ, одну о жизни отцевъ. Я комментировалъ псалтирь, написалъ трактатъ *De cursibus ecclesiasticis*". Всѣ эти произведенія, за исключеніемъ комментарій псалтири, сохранились. Изъ нихъ для насъ болѣе всего интересна исторія въ 10 книгахъ, которая въ разныхъ рукописяхъ носитъ и различныя заглавія: *Historia ecclesiastica Francorum*, *Historia Francorum*, или, наконецъ, просто *Historiae*. Первая книга „Исторіи" есть краткое изложеніе всемірной исторіи отъ сотворенія міра до епископата св. Мартина Турскаго. Во второй авторъ разсказываетъ о происхожденіи и о первыхъ завоеваніяхъ франковъ до смерти Хлодвига. Въ третьей и четвертой излагается исторія Галліи до смерти короля Зигберта.

Съ V книги начинается вторая часть „Исторіи", съ особымъ прологомъ, въ которомъ авторъ обращается къ королямъ франковъ съ мольбою прекратить кровавыя усобицы, сплотиться во едино и припомнить незабвенныя времена короля Хлодвига. Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ разсказъ о событіяхъ въ Галліи до

591 года включительно.

Повидимому, Григорій писалъ свою „Исторію" въ теченіе очень долгаго времени, можетъ быть, начиная съ 577 года. Онъ часто отрывался отъ своего главнаго труда для другихъ занятій, нѣсколько разъ его пересматривалъ, вносилъ въ него новыя добавленія. Надо думать, что авторъ далъ своей „Исторіи" окончательную редакцію передъ самой смертью, то есть около 594 года.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ составъ „Исторіи" Григорія Турскаго. Источниками для этой исторіи прежде всего послужили собственныя наблюденія автора. Мы уже видѣли что Григорій не жилъ въ уединеніи. Онъ состоялъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ магнатами Галліи, много разъ бывалъ при дворахъ королей, отправлялъ отъ ихъ имени дипломатическія миссіи, много путешествовалъ, слѣдовательно, многое видѣлъ, проникъ во многія тайны. Онъ наблюдалъ не только внѣшнія событія. Онъ былъ знакомъ съ учрежденіями, съ нравами эпохи, словомъ, онъ имѣлъ возможность превосходно изучить современное ему общество. Что касается прошлыхъ событій этого общества тѣхъ событій, которыя Григорій не могъ наблюдать непосредственно, то ихъ авторъ писалъ по устнымъ разсказамъ, или по произведеніямъ современниковъ, / теперь утерянным/, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по народной традиціи. Наконецъ, содержаніе первой кни

ги онъ заимствовалъ изъ Библіи и изъ такихъ древнихъ авторовъ, какъ Евсевій, Іеронимъ, Павелъ Орозій, сочиненія которыхъ авторъ прямо и называетъ въ изложеніи.

Теперь возникаютъ другого рода вопросы первостепенной важности. Спрашивается, насколько былъ подготовленъ Григорій для дѣятельности историка. Получилъ ли онъ образованіе, достаточное для того, чтобы толково разобраться въ имѣющихся у него подъ руками памятникахъ и въ окружающей дѣйствительности. Съ другой стороны, былъ ли Григорій писателемъ безпристрастнымъ. Не былъ ли онъ зараженъ религіозными, а тѣмъ болѣе партійными предразсудками и не искажалъ ли онъ сознательно истины.

Самъ Григорій, повидимому, былъ очень невысокаго мнѣнія о своемъ образованіи. Онъ не разъ жалуется, что недостаточно знакомъ съ грамматикою и риторикою, мало понимаетъ въ свѣтской литературѣ, не всегда умѣетъ различать роды и соединять предлоги съ соотвѣтствующими падежами. Однако этимъ словамъ Григорія никоимъ образомъ не слѣдуетъ придавать безусловнаго значенія. Говорить о своемъ духовномъ убожествѣ, всячески умалять свои достоинства было въ обычаѣ средне-вѣковыхъ лѣтописцевъ. Ихъ прологи- это сплошное извиненіе въ возможности ошибиться въ латинскомъ языкѣ и оказаться не на высотѣ своего призванія. Иногда это самоуничиженіе положительно доходило до смѣшного и превращалось въ своего рода.

авторское юродство, совершенно для насъ непонятное.

Обычная склонность средне-вѣковаго историка къ самоуничиженію сказалась и на Григоріи. Его слова о его невѣжествѣ - именно слова, за которыми ничего не скрывается. На самомъ дѣлѣ Турскій епископъ былъ очень образованнымъ для своего времени человѣкомъ - vir florens in studiis, по выраженію Фортуната. Онъ хорошо знаетъ древнихъ классиковъ, цитируетъ Цицерона, Плинія, Геллія, Саллюстія, превосходно знаетъ Энеиду Виргилія, ссылается на кодексъ Феодосія. Правда, латинь Григорія - уже не классическая латинь времени Цицерона. Однако надо думать, что грубѣйшія синтаксическія и грамматическія ошибки въ этой латыни произошли не по винѣ самого автора, а по винѣ невѣжественныхъ переписчиковъ его сочиненій.

1/ Ср. приведенный Стасюлевичемъ /"Средневѣковый Историкъ" Вѣстникъ Европы, 1866, I, 273/ любопытный отрывокъ изъ Титмара Мерзебургскаго - писателя начала XI столѣтія. "Теперь, мой читатель, я изображу тебѣ свою наружность: смотри, что я за господинъ такой и соотвѣтственно тому оказывай мнѣ почтеніе. Ты увидалъ бы передъ собою маленькаго человѣка, съ обезображенной лѣвой челюстью, ибо на ней давно уже образовалась фистула, припухающая до сихъ поръ. Переломленный носъ, что случилось еще со мною въ дѣтствѣ, придаетъ мнѣ самый смѣшной видъ. Но на такія недостатки я вовсе не жаловался бы если бы обладалъ какими нибудь душевными достоинствами. Въ послѣднемъ же отношеніи я жалкій человѣкъ; характеръ у меня злой и мало наклонный къ добру, притомъ же завистливый; надъ другими смѣюсь , а самъ вполнѣ заслуживаю насмѣшки; никого не щажу, какъ то слѣдовало бы по моей обязанности; я -негодный, лицемѣрный, скупой и лживый человѣкъ, а чтобы довершить свое описаніе, скажу, что я хуже, какъ то можно сказать или представить

Будучи знакомъ съ римскою литературою, Григорій, однако, не старается блистать своимъ знаніемъ классиковъ и, что важнѣе всего, не старается слѣдовать имъ въ изложеніи, предпочитая описывать событія "простою рѣчью". Въ этомъ отношеніи Турскій епископъ очень выгодно отличается отъ своихъ позднѣйшихъ собратьевъ. Надо замѣтить, что средневѣковые историки были странные люди. Они какъ будто не замѣчали окружающей ихъ дѣйствительности. Мало того, они презирали эту дѣйствительность , предпочитая питаться идеями прошлаго. Если бы имъ сказали, что Римская Имперія умерла, они бы пришли въ негодованіе. Они были глубоко убѣждены, что живутъ именно въ Римской Имперіи и продолжаютъ собою римскую образованность времени Августовъ, являясь потомками Гораціевъ, Виргиліевъ, Цицероновъ. Въ то же время средневѣковый историкъ обычно былъ духовнымъ лицемъ, т.е. сыномъ Римской Церкви, признававшимъ за свой отечественный языкъ церковный языкъ того времени - латинскій. Интересы

Церкви съ одной стороны, и интересы классическаго міра съ другой - вотъ что опредѣляло его дѣятельность вообще, и его дѣятельность литературную въ частности. Библейскіе и классическіе писатели - для него единственные авторитеты , которые онъ рабски копируетъ. Онъ считаетъ возможнымъ описывать современную ему дѣйствительность не иначе, какъ описывались въ Библіи и у римскихъ писателей предметы ихъ времени. Написать попросту-такъ, какъ видишь, такъ, какъ говорятъ въ обществѣ - это литературное варварство, это преступленіе, способное на вѣки погубить славу писателя. Если напримѣръ, требуется описать осаду какого нибудь города, или замка, то ее непремѣнно нужно описать соотвѣтствующими выраженіями изъ Библіи или изъ Тита Ливія и т. п. Это постоянное витаніе средневѣковаго историка въ предѣлахъ orbis romanus, это неизмѣнное поклоненіе авторитетамъ древности очень часто доходило до смѣшного. Казалось бы, что проще утвержденія такихъ общепризнанныхъ истинъ, какъ напримѣръ. „часть меньше цѣлаго", „небо высоко", „огонь жжетъ". Однако средневѣковый писатель никогда не выразитъ этихъ простыхъ мыслей безъ ссылки на соотвѣтствующіе авторитеты. Онъ скажетъ: „часть меньше цѣлаго",

---

Каждый имѣетъ право не шопотомъ, но громко говорить, что я грѣшникъ и мнѣ слѣдуетъ, стоя на колѣняхъ, просить братію наказать меня и бранить".

какъ то утверждаетъ Эвклидъ; „небо высоко", какъ говоритъ Аристотель; „огонь жжетъ" какъ о томъ свидѣтельствуетъ Константинъ" и т.п.

Григорій, какъ я уже говорилъ, чуждъ этихъ странныхъ привычекъ. „Григорій, Турскій епископъ, говоритъ одинъ изъ болѣе позднихъ историковъ - мужъ великаго благородства и великой простоты, изобразилъ многое простою рѣчью". Природный умъ Григорія подсказалъ ему, что лучше всего изображать окружающую дѣйствительность такъ какъ она есть, не поддѣлываясь подъ языкъ древнихъ авторовъ. Получилось ясное, живое изложеніе, чарующее насъ своею простотою и наивностью. Художественная обработка „Исторіи" Григорія, данная въ извѣстныхъ „Разсказахъ о временахъ меровингахъ" Ог. Тьерри, на насъ никогда не произведетъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ подлинный разсказъ самого автора.

Простота рѣчи Григорія, надо замѣтить, отнюдь не свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у него историческаго чутья, о его неумѣньѣ справляться съ историческимъ матеріаломъ. Прежнее мнѣніе о легковѣрности Григорія, о его некритичности въ настоящее время оставлено. Издатели трудовъ Григорія Турскаго въ M.G.H. убѣдительно доказали, что франкскій историкъ именно историкъ, а не лѣтописецъ, т.е. человѣкъ, усвоившій нѣкоторые пріемы ученой критики своихъ источниковъ. Онъ тщательно отмѣчаетъ въ своей „Исторіи" то, чему онъ былъ очевидцемъ, и то, что слышалъ отъ другихъ. Онъ не тотчасъ до

вѣряетъ чужимъ разсказамъ о событіяхъ, а старается по возможности ихъ провѣрить. Наконецъ, и письменными источниками онъ пользуется съ большою осторожностью. Не довѣряя первымъ попавшимся спискамъ, онъ разыскиваетъ возможно лучшіе и уже тогда дѣлаетъ нужныя извлеченія изъ памятника. Таковы историческіе пріемы Григорія, по справедливости давшіе ему эпитетъ „Геродота среди варваровъ".

Остается вопросъ относительно искренности и безпристрастія Григорія Турскаго, какъ историка. Не искажалъ ли онъ факты? Не смотрѣлъ ли онъ на событія подъ угломъ, не пропускалъ ли онъ ихъ сквозь призму извѣстныхъ воззрѣній?

Григорій былъ епископъ католической Церкви, и притомъ такой епископъ, который за свои нравственныя качества получилъ эпитетъ святого. Данное обстоятельство не могло не наложить своеобразнаго отпечатка на его „Исторію". Церковные интересы для него главные. Служеніе этимъ интересамъ - чуть ли не единственная мѣрка при оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей. Для него всѣ люди раздѣляются на два лагеря - враговъ и защитниковъ Церкви, вѣрныхъ и невѣрныхъ. Вѣрнымъ прощаются даже самыя тяжелыя, съ нашей точки зрѣнія, преступленія. Невѣрные всегда кругомъ виноваты Холоднаго безпристрастія ученаго изслѣдователя у Григорія нѣтъ. Да его и быть не могло у человѣка съ страстною натурою, человѣка, для котораго дороже всего Церковь -

единственная носительница правды и мира среди всеобщаго мрака и варварства. Спасеніе для общества, раздираемаго усобицами, только въ Церкви, въ подчиненіи превозглашеннымъ ею принципамъ. Какъ же могъ представитель Церкви равнодушно относиться къ людямъ попирающимъ эти принципы? Можно сказать, что современное Григорію общество сплошь состояло изъ преступниковъ. Но одни изъ этихъ преступниковъ все таки чего то боялись, что то уважали. Другіе не признавали никакого сдерживающаго начала. И само собою разумѣется, что симпатіи епископа всецѣло на сторонѣ первыхъ.

Изъ сказаннаго очевидно, что, ратуя за интересы Церкви, Григорій тѣмъ самымъ ратовалъ за общественный порядокъ, стоялъ за интересы всѣхъ тѣхъ, кто, по своей слабости, не могъ сопротивляться насилію насиліемъ. Возстать на Церковь это значило не только оскорбить религіозныя чувства вѣрующаго человѣка. Это значило повернуть общество въ окончательную анархію. Вотъ почему Григорій такъ строгъ къ оскорбителямъ Церкви. Хильперикъ, Фредегонда, графъ Левдастъ для него настоящіе враги Бога и людей, настоящіе служители дьявола. Онъ никакъ не можетъ простить имъ насилій надъ церковно-служителями, расхищенія церковныхъ имуществъ, притѣсненія бѣдныхъ. Съ виду онъ можетъ съ ними приминиться, но въ душѣ онъ не примирится съ ними никогда. Онъ никогда не проститъ

имъ оскорбленія того, что для него-святого епископа-дороже самой жизни.

Но въ особенности Григорій ополчается на еретиков которые своимъ ученіемъ въ корнѣ подрываютъ всю организацію католической Церкви, висятъ надъ нею вѣчной угрозою. Не вѣрить въ Святую Троицу - это верхъ преступленія. Аріане - это злодѣи. Они по природѣ своей трусы, клятвопреступники, цареубійцы. Говорить о нихъ равнодушно Григорій не можетъ. Тѣмъ болѣе не можетъ онъ равнодушно съ ними бесѣдовать. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ диспутъ, Григорія съ аріанскимъ епископомъ Агилою. Долго Турскій епископъ сдерживалъ проявленіе своего гнѣва. Въ концѣ концовъ онъ вышелъ изъ себя и обозвалъ всѣхъ аріанъ свиньями и собаками.

Въ ту тяжелую эпоху, когда жилъ Григорій, Церковь Христова особенно нуждалась въ покровительствѣ и защитѣ со стороны свѣтской власти. Одной моральной силы часто было недостаточно для отраженія поползновеній многочисленныхъ хищниковъ. Вооруженная защита со стороны „вѣрныхъ" часто была необходима. Вотъ почему Григорій такъ цѣнитъ помощь, оказываемую Церкви людьми свѣтскаго общества. Какъ бы ни были кровожадны эти „вѣрные" въ своей повседневной жизни, ихъ преданность Церкви все покрываетъ. Основатель франкской монархіи Хлодвигъ, запятнавшій себя цѣлымъ рядомъ злодѣяній, былъ въ то же время оплотомъ католическаго міра противъ ереси аріанства, и Григорій отзывается о немъ

съ большой похвалою. Покровители Турской каѳедры - Зигбертъ, Хильдебертъ и Гонтранъ, тоже были повинны во многихъ преступленіяхъ. Однако Григорій очень благоволитъ къ нимъ за ихъ ревность о вѣрѣ. Даже къ Брунегильдѣ Турскій епископъ относится благосклонно, такъ какъ она оказывала ему знаки уваженія и почтенія.

Такова партійность Григорія, выразившаяся въ его пристрастныхъ сужденіяхъ объ историческихъ дѣятеляхъ. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, что Турскій епископъ искажаетъ самые факты. Его чистая и откровенная душа не позволяетъ ему лицемѣрить въ томъ смыслѣ, чтобы подгонять факты подъ заранѣе сложившееся сужденіе. Сужденія Григорія вытекаютъ не изъ фактовъ, а скорѣе изъ его натуры. Факты же остаются фактами. Они излагаются Григоріемъ безъ всякой прикрасы. Какъ прекрасно выразился одинъ изъ изслѣдователей Григорія / Моно/, „безпартійность его разсказа исправляетъ партійность его сужденій". Это значитъ, что когда Григорій судитъ, онъ увлекается и становит субъективнымъ. Но когда онъ просто разсказываетъ, онъ объективенъ и безпартіенъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ современный историкъ. Слѣдовательно, сужденія Григорія всегда могутъ быть провѣрены его же собственными разсказами. Такъ, утверждая, что Хлодвигъ „ходилъ съ сердцемъ, правымъ передъ Господомъ", Григорій въ то же время не скрываетъ ни одного изъ его

отвратительныхъ поступковъ. И наоборотъ, называя Хильдерика „Иродомъ" и „Нерономъ", онъ въ то же время сообщаетъ о такихъ поступкахъ короля Нейстріи, которые вовсе не подходятъ Ироду и Нерону.

Однимъ словомъ, пристрастность сужденій Григорія не мѣшаетъ ему быть честнымъ и правдивымъ свидѣтелемъ историческихъ событій. И свидѣтельства Турскаго епископа будутъ для насъ еще болѣе цѣнными, если мы глубже всмотримся въ отличительныя черты его характера. Я уже говорилъ, что это была цѣльная, почтенная натура, неспособная ни къ какимъ компромиссамъ, натура благородная , отличавшаяся желѣзной настойчивостью. Исторія борьбы Григорія съ Хильпериком ярко иллюстрируетъ благородный характеръ епископа. Когда Хильперикъ хотѣлъ нарушить священное право церковнаго убѣжища, когда онъ хотѣлъ захватить укрывшихся въ базиликѣ св. Мартина Меровея и Гонтрана, епископъ рѣшительно этому воспротивился. Тогда Хильперикъ отправилъ противъ епископа цѣлое войско подъ начальствомъ нѣкоего Ракколена. Этотъ Ракколенъ послалъ предупредить епископа, что онъ сожжетъ городъ Туръ со всѣми предмѣстьями, и разоритъ на цѣлую милю окрестности, если преступники не будутъ выданы королю для наказанія. Григорій спокойно отвѣчалъ на это, что онъ никоимъ образомъ не можетъ нарушить священныхъ правъ св. Мартина, и что никакія угрозы ему не страшны. Тогда Ракколенъ въ безсильной ярости разорилъ загородное помѣстье епископа, и, не смѣя привести въ исполненіе свою угрозу, съ позоромъ удалился отъ города . Другое крупное столкновеніе Григорія съ Хильперикомъ произошло по дѣлу епископа Претексата, обвиняемаго Хильперикомъ въ нарушеніи каноновъ и въ государственной измѣнѣ. Надъ Претексатомъ былъ назначенъ судъ изъ епископовъ, причемъ Григорій, назначенный въ число судей, проявилъ удивительную твердость и независимость. Тогда раздраженный Хильперикъ сталъ грозить Григорію тѣмъ, что онъ подниметъ противъ него народное возстаніе. „Если я несправедливъ, возразилъ на это съ негодованіемъ Григорій, то не ты знаешь это а Тотъ, Кому открыта моя совѣсть и Кто читаетъ въ глубинѣ сердца; а народные крики, которые ты возбудишь, не приведутъ ни къ чему, ибо всякому будетъ извѣстно, что они отъ тебя исходятъ. Слѣдовательно, тебя, а не меня они покроютъ позоромъ. Но довольно, у тебя есть законы и уставы, изучай ихъ со вниманіемъ Если же не соблюдешь того, что въ нихъ написано, знай, что есть судъ Божій надъ главою твоею".

Въ концѣ концовъ за свои смѣлыя рѣчи Григорій былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и предсталъ предъ судомъ епископовъ въ Суассонѣ въ качествѣ подсудимаго . Но и при этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Турскій епископъ не измѣнилъ своему характеру и съ сознаніемъ собственнаго достоинства опровергъ всѣ обвиненія, возведенныя на него ненавистью Хильперика.

Интересно отношенiе къ Григорiю жителей города Суассона. Всѣ они поднялись на защиту любимаго епископа, и дѣло чуть было не окончилось открытымъ возмущенiемъ.

Таковъ былъ Турскiй епископъ - этотъ херувимъ съ огненнымъ мечемъ, подобный другому херувиму- Григорiю VII, который позднѣе, сгорая ревностью о вѣрѣ, смѣло возстанетъ противъ всей Священной Римской Имперiи. Но твердый, какъ скала, въ вопросахъ вѣры, Григорiй въ то же самое время обладалъ сердцемъ мягкимъ и нѣжнымъ, какъ у женщины. И эта черта въ характерѣ Григорiя, пожалуй, болѣе всего заслуживаетъ быть отмѣченной. Твердыя натуры въ ту эпоху анархiй были не рѣдкость. Насъ болѣе удивляютъ тѣ люди, которые среди общаго огрубѣнiя умѣли сохранить чисто человѣческiя свойства своей натуры, рѣдкiя даже въ высоко-культурномъ обществѣ новаго времени. А таковымъ именно и былъ Турскiй епископъ. Стоитъ только почитать „Житiя Святыхъ", написанныя Григорiемъ, и мы увидимъ, какая дѣтская радость, какая любовь ко всему окружающему разлита въ этихъ произведенiяхъ епископа. Если мiръ во злѣ лежитъ, то противовѣсъ этого зла - подвиги и чудеса, источаемые свѣточами человѣчества. И изображая жизнь этихъ людей, которые во тьмѣ неугасимо свѣтятъ, Григорiй и самъ воспламеняется чувствами этихъ свѣтильниковъ. Вся природа-дѣло рукъ Божiихъ. Всякое живое существо заслуживаетъ

вниманiя, сочувствiя и состраданiя. Тѣмъ болѣе сочувствiя заслуживаютъ къ себѣ тѣ, кто созданъ по образу и подобiю Божiю. Какъ бы ни пали низко эти существа, все же они-подобiя Божiи. И Турскiй епископъ твердо усвоилъ себѣ эти принципы. Онъ самъ простодушно разсказываетъ намъ объ одномъ событiи, въ которомъ ярко сказалась его человѣческая натура. Случилось, что однажды въ дремучемъ лѣсу на него напали разбойники, епископъ громко призвалъ къ себѣ на помощь имя св. Мартина- и грабители въ страхѣ обратились въ бѣгство. Однако Григорiй остановилъ ихъ и братски подѣлился съ ними своими запасами. Единственные разбойники, которымъ нѣтъ снисхожденiя и прощенiя - это тѣ, которые расхищаютъ стадо Христово. Какъ только затронуты интересы Церкви, Григорiй мгновенно перерождается. Его мягкое сердце ребенка перерождается въ твердое сердце Божьяго воина, и онъ готовъ ратовать за дѣло Христово до послѣдняго вздоха.

Вотъ вамъ въ самыхъ общихъ чертахъ образъ историка франковъ, одинако честнаго и благороднаго какъ въ своей практической дѣятельности, такъ и въ ученыхъ занятiяхъ. Остерегаясь слѣдовать его сужденiямъ, внушеннымъ ревностiю о вѣрѣ, мы смѣло можемъ довѣриться его разсказу, въ которомъ звучитъ одна истина. „Для насъ истинное счастье, замѣчаетъ одинъ французскiй изслѣдователь, знакомиться съ начатками

отечественной исторiи по разсказамъ такого человѣка"

сочиненiя Григорiя Турскаго - это главнѣйшiй источникъ для изученiя меровингской эпохи. Изъ другихъ авторовъ меровингскаго перiода прежде всего назову Марiя - епископа Авентика въ Бургундiи. Марiй - современникъ Григорiя. Родился онъ, повидимому, около 593 года, былъ поставленъ епископомъ въ 573 или 574 году. скончался около 593 года. Историческiй трудъ Марiя такъ называемая „Хроника", являющаяся продолженiемъ всемiрной хроники Проспера, доведенной этимъ послѣднимъ до 455 года. Это именно хроника, а не исторiя т.е. простое перечисленiе событiй Италiи, Галлiи, Испанiи и Византiи съ 455 года до 581 года. Составлена она отчасти по письменнымъ источникамъ, отчасти по собственнымъ наблюденiямъ автора. Многаго для исторiи меровинговъ она не даетъ, хотя нѣкоторыя позднѣйшiя свѣдѣнiя о Бургундiи довольно подробны, и прекрасно дополняютъ Григорiя. Для характеристики историческихъ воззрѣнiй той эпохи интересно отмѣтить, что авторъ не признаетъ паденiя Западной Римской Имперiи и ведетъ счисленiе времени годами правленiя западныхъ и восточныхъ консуловъ. Исторiя Галлiи для него является исторiею составной части Римской Имперiи, а бургундскiе и франкскiе короли варварами узурпаторами, въ лучшемъ же случаѣ - чиновниками римскихъ Императоровъ.

Хроника, извѣстная подъ именемъ „Хроники Фредегара

Схоластика"- анонимное произведенiе VII столѣтiя, по видимому, составленное нѣсколькими лицами. Первые 93 главы „Хроники" являются компиляцiей первыхъ шести книгъ „Исторiи" Григорiя Турскаго, съ нѣкоторыми, не лишенными интереса добавленiями. Вторая половина хроники-оригинальное произведенiе, возникшее въ Бургундiи и разсказывающее о событiяхъ не только Галлiи, но и Италiи, Испанiи и Византiи съ 584 г. до 642 г. Написана Хроника на самомъ варварскомъ языкѣ и содержитъ рядъ довольно подробныхъ разсказовъ очевидца, хорошо знающаго современное ему общество. Здѣсь мы находимъ не только изложенiе извѣстныхъ событiй эпохи, но и изображенiе обычаевъ, нравовъ, учрежденiй. Все это дѣлаетъ вторую половину хроники Фредегара Схоластика цѣннымъ источникомъ для исторiи Галлiи конца VI и первой половины VII столѣтiй.

Изъ другихъ историческихъ событiй, разсказывающихъ о событiяхъ VII вѣка, слѣдуетъ отмѣтить анонимныя Gesta regum Francorum, возникшiя въ VIII столѣтiи, и тоже анонимныя Gesta Dagoberti, возникшiя въ IX столѣтiи. Обѣ хроники - чистѣйшiя компиляцiи, хотя и не лишенныя интереса въ виду того, что многiе использованные въ нихъ документы въ настоящее время утеряны.

Къ разряду тѣхъ же историческихъ сочиненiй меровингскаго перiода слѣдуетъ отнести „Житiя Святыхъ" VI-VII ст. Житiя или бiографiи святыхъ писались въ интересахъ церквей и монастырей, съ тѣмъ, чтобы прославить

мощи ихъ почившихъ патроновъ и привлечь къ этимъ мощамъ возможно большее количество богомольцевъ. А лучшій способъ прославленія -это подчеркиваніе высокаго дара чудесъ - дара воскрешать мертвыхъ ,исцѣлять больныхъ, распоряжаться по своему усмотрѣнію стихіями, словомъ, измѣнять законы природы. Чѣмъ больше набрано такихъ чудесъ, тѣмъ лучше для святого и для Церкви. И само собою разумѣется, что біографы святыхъ-такъ называемые гагіографы не скупятся на известія о подвигахъ прославляемыхъ ими подвижниковъ. Вотъ почему чуть ли не каждый святой, подобно Іисусу, шествуетъ по волнамъ, укрощаетъ бури,предсказываетъ будущее; по примѣру Моисея, онъ источаетъ воду изъ скалы, по примѣру св. Петра,исцѣляетъ бѣсноватыхъ и т.п. Такія житія святыхъ поражающія воображеніе полуварварскаго населенія, охотно читались и перечитывались людьми того времени.Они массами переписывались въ монастыряхъ, причемъ благочестивые переписчики не упускали случая прибавить къ старымъ варіантамъ новые, болѣе интересные, часто цѣликомъ заимствованные изъ „Житія" какого нибудь особенно уважаемаго святого. Такимъ путемъ чудеса св. Елигія, на примѣръ, присвоивались св. Ламберту Льежскому, а житіе св.Саламберга оказывалось точной копіей житія св. Колумбана и т.п.

Казалось бы , что можетъ извлечь изъ этихъ разсказовъ и описаній историкъ? На самомъ же дѣлѣ всѣ

эти документы имѣютъ для насъ огромную цѣнность. Повѣствованіе о самомъ чудѣ для насъ не интересно.Оно можетъ быть создано воспаленнымъ воображеніемъ религіознаго ума, или даже попросту придумано. Зато для насъ чрезвычайно интересно изображеніе самой бытовой обстановки,при которой совершалось извѣстное чудо. Эта обстановка уже не могла быть придумана авторомъ; она отображеніе самой настоящей дѣйствительности. Разсказывая о подвигахъ святого, гагіографъ въ то же время часто до мельчайшихъ подробностей рисуетъ намъ бытъ той эпохи, нравы, привычки, учрежденія, даже соціальныя и экономическія отношенія среды, окружавшей героя разсказа. Не забудемъ, что святые того времени не были отшельниками. Они не замыкались въ кельѣ монастыря. Наоборотъ, они по большей части выступали, какъ общественные дѣятели. Григорій Турскій это типичный святой меровингской эпохи. А мы видѣли, какъ далекъ онъ былъ отъ монастырскаго уединенія. Если же святой человѣкъ соприкасался съ людьми разныхъ званій и состояній, если онъ проникалъ во всѣ тайны ихъ частной и общественной жизни, то само собою разумѣется,что отображеніе всего этого не могло не войти въ разсказъ гагіографа. Если данный разсказ пестритъ путанницею именъ, событій,хронологическихъ датъ, если въ немъ масса вымысла и полетовъ фантазіи, то это не особенно важно. Важно то, что самая общественная среда отражена здѣсь часто до мельчай-

шихъ подробностей. Почитайте соотвѣтствующіе отдѣлы „Исторіи общественнаго строя древней Франціи" Фюстель де Кулянжа - и вы увидите, съ какимъ мастерствомъ умѣетъ пользоваться французскій историкъ разсказами гагіографовъ. Между прочимъ, въ III томѣ своего труда онъ слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ значеніе этого рода историческихъ памятниковъ: „Я могу, напримѣръ, сомнѣваться въ томъ, что св. Аманъ сотворилъ чудо для спасенія отъ казни приговореннаго къ смерти; но я убѣждаюсь изъ этого разсказа, что смертные приговоры дѣйствительно практиковались, и довѣряю описанію примѣненной въ этихъ случаяхъ судебной процедуры... Вотъ какимъ образомъ Житія святыхъ знакомятъ насъ съ нравами людей, съ обычнымъ теченіемъ жизни того времени, съ судебными обычаями, съ самой администраціей и формами управленія" /III, I5/.

Мы обозрѣли писателей меровингскаго періода. Остается сказать нѣсколько словъ о законахъ и хартіяхъ, или грамотахъ этого времени. Главнѣйшій изъ законовъ времени меровинговъ -Правда Салическая, которую мы уже ранѣе разбирали детально. Далѣе слѣдуетъ назвать Правду Бургундскую, изданную почти одновременно съ Салическою Правдою при королѣ Гундобальдѣ, и Правду Рипуарскую, повидимому, тоже составленную въ VI столѣтіи. Это такъ называемыя Варварскія Правды, т.е. своды, отмѣченные германскимъ характеромъ. Рядомъ съ ними слѣдуетъ поставить Римскую Правду Бургундовъ и Рим-

скую Правду Вестготовъ -своды чисто римскіе, хотя и изданные германскими королями въ первой половинѣ VI столѣтія. Наконецъ, къ разряду тѣхъ же законовъ относятся капитуляріи меровингскихъ королей, правда, очень немногочисленные. Всѣ эти законы рисуютъ намъ не исключительно политическую сторону жизни Галліи VI-VII столѣтій. Они говорятъ и о соціальныхъ, и объ экономическихъ, и о культурныхъ отношеніяхъ данной эпохи.

Наконецъ, къ разряду хартій ли грамотъ меровингской эпохи слѣдуетъ отнести частные сборники формулъ т.е. образцовъ для заключенія юридическихъ сдѣлокъ, во главѣ съ относящимся къ VII столѣтію сборникомъ Маркульфа, и памятники настоящей правовой практики VI VII столѣтій, т.е. акты купли-продажи, даренія, завѣщанія, отпущенія на волю и т.п. Этого рода памятники особенно цѣнны для насъ для опредѣленія формъ собственности и положенія личности въ обществѣ.[1]

1/ Историки меровингскаго періода изданы въ Rerum Gallic. et Franc. Scriptores, tt. III-IV и въ M.G.H. Scriptores rerum Merovingicarum (3 тома), капитуляріи - въ M.G.H. Capitularia regum Francorum, t. I, формулы - въ M.G.H. Legum S. V. Formulae merovingici et karolingici aevi, грамоты-акты - у Pardessus. Diplomata, tt. I-II, 1842 и въ M.G.H. Diplom. imperii, t. I.

Изъ работъ по исторіографіи меровингскаго періода важнѣйшія: Löbell. Gregor von Tours und seine Zeit, 2 Aufl. 1869. Monod. Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne. 1872. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. 7 Aufl, t. I, 1904.

2. ИСТОРІЯ ФРАНКОВЪ ДО ХЛОДВИГА И ПРИ ХЛОДВИГѢ

Въ историческихъ памятникахъ франки начинаютъ фигурировать лишь съ 242 года по Р.Хр., когда незначительный ихъ отрядъ совершилъ вторженіе въ Галлію. По свидѣтельству Вописка, варвары были на голову разбиты трибуномъ шестого легіона Авреліаномъ - будущимъ императоромъ, причемъ 700 изъ нихъ остались на полѣ сраженія, а 300 были захвачены въ плѣнъ и отведены въ рабство. По свидѣтельству того же Вописка, галльскіе легіонеры, отправляясь на войну съ персами, слѣдующимъ образомъ воспѣвали свою побѣду надъ варварами: „Тысячу франковъ, тысячу сарматовъ по очереди мы поразили. Тысячи тысячъ. Идемъ на персовъ" /Aurelianus, с.УII/. Повидимому, какъ въ это, такъ и въ послѣдующее время названіе франки не употреблялось въ смыслѣ этническаго термина, а прилагалось ко многимъ западно-германскимъ народностямъ. Пейтингеровская карта общимъ именемъ франки /franci/ называетъ хавковъ, ампсіаріевъ и хамавовъ. Григорій Турскій, передавая разсказъ Сульпиція Александра о походахъ Абрагаста противъ франковъ, упоминаетъ въ числѣ послѣднихъ бруктеровъ, хамавовъ, ампсіаріевѣ и хаттовъ. Аммiанъ Марцеллинъ говоритъ о франкахъ-салійцахъ и аттуаріяхъ. Трудно рѣшить, почему эти народности, сохраняя свои племенныя имена, въ то же время обозначались однимъ общимъ наименованіемъ франки. Многіе полагаютъ что франки-это конфедерація зарейнскихъ германцевъ, на-

правленная противъ Рима, въ цѣляхъ завоеванія его территоріи. Однако для такого предположенія мы не имѣемъ ровно никакихъ основаній. Историческіе документы не говорятъ намъ о томъ, чтобы франки повиновались общимъ вождямъ и преслѣдовали общія цѣли. Напротивъ, они обыкновенно нападаютъ и защищаются по одиночкѣ. Поэтому вѣрнѣе думать, что названіе франки - простой эпитетъ, указывающій на отличительныя свойства или цѣлыхъ германскихъ народностей, или отдѣльныхъ отрядовъ воиновъ, выходившихъ изъ состава этихъ народностей. Данный эпитетъ, повидимому, указывалъ или на бродячій образъ жизни германцевъ - франковъ /wang, wrang/ или на ихъ отвагу / frak, ferax /.

III-IУ ст. ознаменовались постоянными натисками варваровъ-франковъ на территорію Римской Имперіи. Такъ, въ 263 году ихъ многочисленное скопище прошло черезъ всю Галлію и скрылось въ Испаніи. Въ 277г. франки были разбиты въ Галліи Пробомъ, который ворвался за ними въ самое сердце Германіи. Въ самомъ концѣ IIIв. франки потерпѣли рядъ пораженій отъ Констанція Хлора, а въ первой половинѣ IУ в. - отъ Константина Великаго и его ближайшихъ преемниковъ. Пораженія франковъ сопровождались ихъ массовыми поселеніями на территоріи Римской Имперіи, то въ качествѣ рабовъ и колоновъ, то въ качествѣ военныхъ поселенцевъ - лэтовъ. Пенегиристъ Константина Великаго - Евменій восхваляетъ отца императора - кесаря Констанція Хлора за то, что онъ не только сломилъ оружіе варваровъ, но и обуздалъ ихъ

дикій характеръ. Переселивши франковъ на территорію Имперіи, онъ заставилъ ихъ старательно воздѣлывать ту самую почву, которую они ранѣе безпощадно опустошали. „Мы видѣли ранѣе, и теперь еще видимъ, восклицаетъ Евменій въ другомъ панегирикѣ, спеціально посвященномъ Констанцію Хлору, какъ подъ всѣми портиками нашихъ городовъ расположились ряды плѣнныхъ варваровъ. Мы видимъ мужей, трепещущихъ въ дикомъ смятеніи, женъ и старухъ, взирающихъ на малодушіе супруговъ и сыновей, скованныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, забавляющихся дружескими разговорами. И всѣ они распредѣлены для службы вашимъ провинціаламъ, ожидая отправки въ помѣстья для обработки пустующихъ участковъ.. Такимъ образомъ хамавъ или фризъ теперь обрабатываетъ для меня землю. Прежній бродяга и разбойникъ превращается въ мирнаго сельскаго хлѣбопашца. Онъ постоянно пригоняетъ на мои рынки скотъ для продажи, и цѣны на хлѣбъ зависятъ отъ варвара-земледѣльца. Если же его призываютъ къ военному набору, онъ охотно является для отбыванія службы. Онъ покорно выполняетъ всевозможныя повинности и смиренно подставляетъ для ударовъ свою спину. Хотя онъ и называется воиномъ, но это настоящій слуга, и онъ счастливъ такимъ положеніемъ" /Panegyr. Const. Caesari dictus, c. IX/

Однако успѣхи римскаго оружія не могли остановить натиска варваровъ изъ-за Рейна. Будучи сами тѣснимы сильными сосѣдями съ сѣвера и востока, и ощущая на-

стоятельную потребность въ новыхъ мѣстахъ для поселенія, франки не могутъ оставаться спокойными у себя дома. Вотъ почему они массами врываются на территорію сѣверной Галліи. Блистательныя побѣды римлянъ не приводятъ къ желательнымъ результатамъ, такъ какъ на мѣсто истребленныхъ варваровъ тотчасъ же приходятъ другіе. Въ концѣ концовъ римлянамъ приходится итти на компромиссъ, именно, допустить поселеніе на территоріи Галліи цѣлыхъ франкскихъ племенъ, въ качествѣ подданныхъ и союзниковъ императоровъ. Салійцы и были первыми изъ франковъ, получившими разрѣшеніе осѣсть въ предѣлахъ Имперіи. По разсказу Амміана Марцеллина, это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Кесарь Юліанъ, отправившись въ 358 году на войну съ франками, прежде всего двинулъ свои легіоны на тѣхъ изъ нихъ, „которыхъ обычно называли салійцами". Эти салійцы „съ давнихъ поръ оружіемъ захватили себѣ мѣста для поселенія на римской почвѣ около Токсандріи". Узнавши о приближеніи Юліана, они выслали къ нему пословъ, съ предложеніемъ мира на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ. Обласкавши пословъ и завѣривши ихъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, кесарь, въ противоположность своимъ обѣщаніямъ, коварнымъ образомъ обрушился на варваровъ. Послѣдніе „не столько сражались, сколько умоляли о пощадѣ, и сдались ему безусловно со всѣмъ своимъ имуществомъ и со всѣми семьями". Тогда Юліанъ перемѣнилъ гнѣвъ на милость и,

повидимому, разрѣшилъ салійцамъ остаться на территоріи Галліи /Rerum gestarum libri, XVII,8/. Аммиіанъ Марцеллинъ, разсказывая объ изгнаніи Юліаномъ за Рейнъ другого франкскаго народа хамавовъ, объ изгнаніи салійцевъ умалчиваетъ. Напротивъ, изъ разсказа Зосима мы узнаемъ, что нѣкоторое время спустя Юліанъ принялъ на территорію Галліи еще одну группу салійцевъ, вытѣсненныхъ съ Батавскаго острова сѣверными сосѣдями, и этихъ новыхъ пришельцевъ завербовалъ въ вспомогательные отряды римскаго войска.

Таковы первыя свѣдѣнія о салическихъ франкахъ, которымъ суждена была блестящая будущность въ Галліи. Какъ видимъ изъ скудныхъ показаній источниковъ, они еще задолго до 358 года заняли сѣверо- западный уголъ Галліи съ частью Токсандріи, т.е. повидимому, область до нижней Шельды, и простирали свои владѣнія по морскому берегу до сѣверной оконечности Батавскаго острова. Является теперь вопросъ, откуда же пришли въ данную мѣстность салическіе франки и изъ какихъ старыхъ германскихъ народностей составилось это новое племя. Прежнее мнѣніе о томъ, что родину салическихъ франковъ слѣдуетъ искать на юго-восточномъ побережьѣ Флавіева Озера /теперешняго Зюдерзее/, въ области, извѣстной подъ именемъ Salland, въ настоящее время можно считать опровергнутымъ. Оставлено также и прежнее производство наименованія салійцы

отъ наименованія протекающей по данной мѣстности рѣки Сала / позднѣйшая Иссель/. На самомъ дѣлѣ, ни одинъ историческій документъ не говоритъ намъ о томъ, чтобы салическіе франки когда либо проживали въ области Salland. Напротивъ, намъ извѣстно доподлинно что съ III вѣка Salland была во владѣніи хамавовъ, вошедшихъ затѣмъ въ составъ такъ называемыхъ франковъ рипуарскихъ. Точно также у насъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что рѣка Иссель когда либо носила названіе Сала. Словомъ, салическіе франки, повидимому, никакого отношенія къ области Salland не имѣютъ. Вѣрнѣе думать, что предки салическихъ франковъ- старинные союзники римлянъ - батавы, можетъ быть, также сосѣди послѣднихъ- гугерны и каннинефаты. При такомъ разрѣшеніи вопроса, родиной салическихъ франковъ слѣдуетъ считать не Salland, а Батавскій Островъ, описаніе котораго мы находимъ у Цезаря и у Тацита. Это сравнительно небольшая полоса земли въ устьяхъ Рейна, представляющая изъ себя форму правильнаго треугольника. Южная сторона этого треугольника- Ваалъ, Мерведа и старый Маасъ, западная - приморскій берегъ, а восточная - правый рукавъ самаго Рейна. Насельники Батавскаго Острова, распространившись по морскому берегу до Шельды, и получили наименованіе салическихъ, т.е. приморскихъ франковъ, отъ кельтскаго слова Sal, sale, saile, что означаетъ море. Эта теорія о происхожденіи салійцевъ нахо-

дитъ себѣ подтвержденіе и въ историческихъ памятникахъ. Мы видимъ, что по свидѣтельству Зосима, салійцы пришли именно изъ Батавіи.

Но каково бы ни было происхожденіе салическихъ франковъ, для насъ важно констатировать тотъ фактъ что уже въ половинѣ IУ в. они твердо осѣли на римской территоріи. Можно думать, что еще при Юліанѣ они расширили свои владѣнія къ юго-востоку до Мааса, и такимъ путемъ захватили всю римскую Токсандрію. Мы видѣли, что салійцы отдались въ безусловное подданство Римской Имперіи и обязались защищать ея территорію отъ вторженія непріятелей. Впрочемъ, у нихъ сохранились свои племенные короли, которые, можетъ быть, и назначались съ согласія императора, однако не всегда были покорны императорскому правительству. Такъ въ 30-хъ гг. У ст. одинъ изъ этихъ королей, или конунговъ - Хлойо захватилъ область Камбрэ и завладѣлъ всею страною до Соммы. Тревожимые постоянными натисками зарейнскихъ и задунайскихъ варваровъ, римляне, очевидно, не всегда имѣли возможность умѣрить стремленія своихъ союзниковъ. Впрочемъ, вліяніе Рима на салійцевъ продолжаетъ оставаться въ силѣ и въ теченіе У-го вѣка. Претенденты на франкскій престолъ ищутъ помощи у императорскаго правительства, и послѣднее горячо поддерживаетъ кандидатуру своихъ сторонниковъ. И наоборотъ, римляне не стѣсняются низлагать съ франкскаго престола такихъ королей, которые почему либо имъ неугод

ны. Въ этомъ отношеніи особенно интересна исторія Хильдерика, преемника Хлойо, того самаго Хильдерика, который храбро сражался на Каталаунской равнинѣ подъ знаменами Аэція. „Хильдерикъ, король франковъ разсказываетъ Григорій Турскій, предавался чрезмѣрной роскоши и безчестилъ дочерей своихъ подданныхъ. Эти послѣдніе, возмущенные такими поступками, низвергли его съ престола. Узнавши, что они замышляютъ лишить его жизни Хильдерикъ укрылся въ Тюрингіи... Франки же ...единогласно избрали королемъ Эгидія, присланнаго...римской республикой въ качествѣ *magister militum*". Однако по истеченіи нѣкотораго времени франки стали раскаиваться въ своемъ поступкѣ, и Хильдерикъ, возвратившись изъ Тюрингіи, снова былъ возстановленъ на престолъ". /*Hist. Eccles.* II, 12/. Разбирая приведенный разсказъ Григорія Турскаго и сопоставляя его съ разсказомъ Фредегара о деспотическомъ правленіи замѣстителя Хильдерика Эгидія, Фюстель де Куланжъ справедливо замѣчаетъ, что здѣсь мы находимъ яркое доказательство фактическаго господства римлянъ надъ салійцами. На самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что, изгнавши своего короля, франки естественно подчинились римскому военачальнику, который являлся въ странѣ представителемъ императора, т.е. носителемъ верховной власти. Однако непосредственное правленіе этого военачальника оказалось еще болѣе деспотическимъ, нежели правленіе Хильдерика, и салійцы поспѣшили снова признать послѣдняго изъ Тю-

ринґіи. Все это говоритъ за то, что слова Пролога Салической Правды о „тягчайшемъ игѣ римлянъ", тяготѣвшимъ въ свое время надъ франками, не пустой звукъ, а отраженіе фактической дѣйствительности. Magister militum очевидно, не фиктивно только распоряжался франками. И лишь въ критическія для Рима минуты салійцы могли дѣйствовать самостоятельно, и даже враждебно по отношенію къ Имперіи.

Изъ дальнѣйшаго разсказа Григорія Турскаго мы видимъ, что, возвратившись на родину, Хильдерикъ до конца дней своихъ оставался вѣрнымъ союзникомъ римлянъ. И онъ оказалъ Имперіи немало услугъ, успѣшно сражаясь противъ вестготовъ, саксовъ и аллемановъ. Когда же Хильдерикъ скончался /481 г./, ему наслѣдовалъ знаменитый Хлодвигъ, сумѣвшій положить крѣпкія начала могуществу франкскаго государства. При Хлодвигѣ отношенія салійцевъ къ Имперіи коренньмъ образомъ измѣняются. „Тягчайшее иго римлянъ" прекращается само собой, такъ какъ слабое правительство Одоакра не имѣетъ возможности поддерживать верховенство Имперіи въ Галліи. Хлодвигъ - это типичный варварскій конунгъ, свирѣпый, кровожадный, жестокій до крайности, но въ то же время до крайности хитрый, вѣроломный и изворотливый. Главное его достоинство - это умѣнье превосходно пользоваться обстоятельствами. Онъ не останавливается ни передъ какими мѣрами для достиженія своихъ цѣлей. Онъ умѣетъ притвориться послушнымъ

и кроткимъ, когда сознаетъ превосходство противника. Но онъ сумѣетъ взять все, что возможно, когда чувствуетъ свое собственное превосходство. Съ нравственной точки зрѣнія это-чудовище. Съ точки зрѣнія государственной выгоды - это геніальный человѣкъ, національный герой нѣмецкаго народа. И то, что не удалось совершить мягкому и благородному королю остготовъ Теодориху, успѣлъ сдѣлать энергичный король франковъ Хлодвигъ - чистокровный варваръ по плоти и по духу. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Хлодвигъ не старался возвыситься, подобно Теодориху, надъ своими грубыми современниками. Онъ былъ пропитанъ ихъ же собственными страстями, онъ побивалъ своихъ враговъ ихъ же оружіемъ. Историкъ франковъ-Григорій Турскій въ самыхъ яркихъ чертахъ сумѣлъ изобразить намъ физіономію этого варвара. Вотъ нѣсколько яркихъ примѣровъ изъ разсказа Григорія для характеристики короля - варвара - Хлодвига.

Хлодвигъ - язычникъ разграбилъ Суассонъ и вмѣстѣ съ другими церковными сосудами захватилъ необыкновенной красоты чашу. Одинъ изъ епископовъ слезно молилъ короля вернуть ему эту дивную чашу. Король обѣщался. При дѣлежѣ награбленнаго имущества король просилъ своихъ воиновъ уступить ему церковную чашу безъ жребія. Тогда одинъ изъ сподвижниковъ короля поднялъ свою обоюдоострую сѣкиру и, разрубивши сосудъ пополамъ, громко воскликнулъ : „Ты ничего не получишь , кромѣ того, что доста

нется тебѣ по жребію". Король затаилъ въ сердцѣ обиду, и отослалъ епископу чашу въ разрубленномъ видѣ. Черезъ годъ послѣ этого событія, онъ созвалъ свои войска для военнаго смотра на Мартовское поле. Обходя ряды, онъ подошелъ къ своему обидчику и сказалъ: „Никто не содержитъ оружія такъ дурно, какъ ты; твое копье, мечъ, сѣкира - все не въ порядкѣ". Вырвавъ у него изъ рукъ сѣкиру, король бросилъ ее на землю, а когда воинъ наклонился поднять ее, Хлодвигъ разрубилъ ему своею сѣкирою черепъ говоря: „Вотъ какъ поступилъ ты съ чашею въ Суассонѣ".

Хлодвигъ ни за что не хотѣлъ принять христіанство, не смотря на всѣ увѣщанія своей жены Кротекильды. По его мнѣнію, Христосъ происходилъ не изъ знатнаго рода. И ему - какъ королю, было зазорно поклоняться человѣку низкаго происхожденія. Случилась война съ аллеманами. Въ одной кровавой битвѣ франки были близки къ погибели. И напрасно взывалъ Хлодвигъ къ своимъ богамъ, умоляя о помощи. Тогда ему пришлось вспомнить и о Христѣ и дать торжественное обѣщаніе сдѣлаться христіаниномъ въ случаѣ побѣды. Въ концѣ концовъ отряды Хлодвига побѣдили и король вынужденъ былъ принять христіанство, пожертвовавши своими богами ради выгодной сдѣлки. „Склони свою выю, укрощенный Сикамбръ, сказалъ ему - Рейнскій епископъ при крещеніи, обоготворяй то, что ты жегъ, и жги то, что ты до сихъ поръ обоготворялъ". Однако

Сикамбръ не склонилъ своей выи и послѣ крещенія. Въ душѣ онъ оставался прежнимъ жестокимъ и кровожаднымъ варваромъ и свое званіе, какъ правовѣрнаго католика, старался использовать съ наибольшею для себя выгодой. "Меня крайне печалитъ то обстоятельство, что эти аріане владѣютъ частью Галліи, сказалъ однажды король, разумѣя вестготовъ. Пойдемъ съ Божіей помощью и, побѣдивъ ихъ, подчинимъ страну нашей власти". Съ помощью Божіей Хлодвигъ одержалъ блестящую побѣду, ознаменовавши свое торжество цѣлымъ рядомъ жестокостей.

Но еще ярче выступаетъ вѣроломная личность короля Хлодвига въ его отношеніяхъ къ Рипуарскимъ франкамъ. Онъ подговорилъ сына короля Зигберта - Клодерика убить своего престарѣлаго отца, чтобы самому завладѣть королевствомъ. А когда Клодерикъ послушался этого совѣта, Хлодвигъ выступилъ въ качествѣ мстителя преступленія, убилъ Клодерика и завладѣлъ всѣми землями рипуарскихъ франковъ. „Я не могу, подобно Клодерику, проливать кровь своихъ родственниковъ; это преступленіе", со смиреніемъ говорилъ король Хлодвигъ, перебившій всѣхъ своихъ родственниковъ. По разсказу Григорія, Хлодвигъ однажды собралъ своихъ приближенныхъ, и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о родственникахъ, которыхъ погубилъ необдуманно. „Горе мнѣ, восклицалъ король, я остался, какъ странникъ среди чужой земли, и не имѣю родственниковъ, которые могли бы мнѣ помочь въ случаѣ несчастія". „Но это не значило, замѣчаетъ Григорій, что

онъ былъ опечаленъ ихъ смертью ,а говорилъ такъ по хитрости, разсчитывая узнать, не остался ли еще кто нибудь въ живыхъ, чтобы умертвить всѣхъ до послѣдняго?"Таковъ былъ этотъ король, который ,по словамъ Григорія, „ходилъ съ сердцемъ правымъ передъ Господомъ, и поступалъ такъ, какъ могло быть пріятно его волѣ."

Но, какъ я уже говорилъ, при всемъ своемъ нравственномъ уродствѣ, Хлодвигъ былъ выдающійся государственный человѣкъ, храбрый и отважный воинъ.Онъ не боялся Рима; для него существовала лишь одна могучая сила въ Галліи- сила вестготскаго короля - законодателя Эвриха. И , очевидно,опасаясь противодѣйствія со стороны послѣдняго, молодой франкскій конунгъ на первыхъ порахъ не помышлялъ о завоеваніяхъ. Но едва Эврихъ скончался/ 485 г./, Хлодвигъ напалъ на Суассонскаго намѣстника - римлянина Сіагрія, разбилъ его на голову / 486 г./и въ медленномъ движеніи на югъ захватилъ всю страну до Луары. Съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ Хлодвигъ и на сѣверѣ. Въ 491 году онъ подчинилъ своей власти тюринговъ, а въ 496 году аллемановъ. Въ томъ же 496 году Хлодвигъ со всѣмъ народомъ принялъ крещеніе, „склонивши свою гордую выю"передъ лицемъ св. Ремигія. Хлодвигъ-христіанинъ дѣйствуетъ съ неменьшимъ успѣхомъ, нежели Хлодвигъ - язычникъ. Въ 508 году онъ совершенно изгоняетъ вестготовъ изъ Галліи,а въ 509 году покоряетъ франковъ рипуарскихъ. Истребивши всѣхъ своихъ родственниковъ, онъ дѣлается единодержавнымъ

властителемъ Галліи, за исключеніемъ Бургундіи, король который - Гундобальдъ сумѣлъ отстоять свою независимость. Обласканный Восточной Имперіей,возведенный императоромъ Анастасіемъ въ званіе римскаго консула, Хлодвигъ юридически закрѣпляетъ за своимъ народомъ то положеніе,котораго онъ добился оружіемъ.Скончался Хлодвигъ въ 511 году,оставивши своимъ наслѣдникамъ могучее франкское королевство, созданное непрерывными двадцатипятилѣтними войнами. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться съ внутреннимъ строемъ этого вновь выросшаго государства, которое становится центромъ политической жизни континентальной Европы.

---

3. ВНУТРЕННІЙ СТРОЙ ФРАНКСКОЙ МОНАРХІИ ПРИ МЕРОВИНГАХЪ.

По вопросу объ организаціи франкской монархіи въ исторической литературѣ существуетъ два рѣзко выраженныхъ мнѣнія. Если германисты,съ Вайцемъ и Лампрехтомъ во главѣ, склонны усматривать во внутреннемъ строѣ меровингскаго общества преобладаніе германскаго начала, то ихъ противники, во главѣ съ Фюстель де Куланжемъ, усматриваютъ здѣсь полное преобладаніе начала римскаго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ замѣчается стремленіе къ излишней схематизаціи историческаго процесса. И германисты и ихъ противники часто упускаютъ изъ ви-

ду то обстоятельство, что франкская монархія не была однороднымъ тѣломъ - ни по своему территоріальному, ни по племенному составу. Если уже *a priori* можно сказать, что въ Галліи были сильны чисто римскіе порядки, то въ самомъ сердцѣ Германіи - во Франконіи и Аллеманіи были сильны порядки чисто германскіе. Вотъ почему въ однихъ мѣстностяхъ организація франкской монархіи была болѣе римская, въ другихъ болѣе германская, а въ общемъ она не была ни римскою, ни германскою, а представляла изъ себя своеобразную комбинацію того и другого начала. Данное обстоятельство чрезвычайно важно имѣть въ виду при изученіи внутренняго быта меровингскаго государства. Въ краткихъ словахъ внутренняя структура франкскаго общества можетъ быть представлена въ такомъ видѣ. Центральный пунктъ франкской государственности - власть королевская. Будучи германскаго происхожденія, власть франкскаго короля выросла и перестроилась по образцу римскаго императора. Какъ и у древнихъ германцевъ, воины поднимали короля на щитъ и провозглашали его своимъ вождемъ, своимъ конунгомъ. Но это уже не прежнее свободное избраніе короля всѣмъ народомъ. Королевская власть строго наслѣдственна, а избраніе имѣетъ мѣсто только тогда, когда прямыхъ наслѣдниковъ не встрѣчается. И если въ эпоху Тацита власть короля не произвольна, сила его не безгранична, то теперь какъ разъ наоборотъ, она и произвольна и безграничная. Она болѣе не сдерживается народнымъ собраніемъ, которое совершенно перестаетъ функціонировать. А весеннія собранія, такъ называемыя Мартовскія поля - это простые военные смотры, на которыхъ король дѣйствуетъ какъ абсолютный владыка. Словомъ, франкскій король - не король волею избравшаго его народа, а король - „милостью Божіей", не обязанный давать кому либо отчета въ своихъ поступкахъ. На территорію подвластнаго ему государства онъ смотритъ, какъ на свой собственный аллодъ, свою родовую собственность-вотчину, которую онъ и передаетъ по наслѣдству, руководствуясь кодексомъ частнаго права- Салическимъ закономъ. Населеніе этой территоріи связано съ нимъ тѣсной клятвой покорности, и нарушеніе этой клятвы влечетъ за собою неминуемую смерть для непокорнаго. Всѣ эти измѣненія въ характерѣ власти франкскаго короля, съ одной стороны, объясняются хроническими войнами, выдвинувшими на первый планъ единоличную власть вождя, съ другой стороны, вліяніемъ римскихъ понятій, ревностнымъ проводникомъ которыхъ, между прочимъ, выступила христіанская церковь.

Посмотримъ теперь, какъ же неограниченный франкскій король проявлялъ свою власть, какъ онъ отправлялъ законодательныя, административныя, военныя, финансовыя и судебныя функціи.

Законодательную власть король отправляетъ при содѣйствіи своего совѣта, такъ называемаго *conventus'a*.

Это собраніе людей короля /leudes/, магнатовъ, т.е. служилой знати- нѣчто въ родѣ саксонскаго витенагемота, но съ гораздо меньшими полномочіями.

Члены conventus'a вызываются и назначаются королемъ и имѣютъ только совѣщательный характеръ. Король можетъ и не согласиться съ мнѣніемъ своихъ leudes. Салическая, Рипуарская, Аллеманская и Баварская Правды, напримѣръ, рисуютъ намъ королей, какъ единоличныхъ законодателей. Изданные королемъ законы обязательны для всего племени. Уклоненіе отъ ихъ исполненія разсматривается какъ государственное преступленіе.

Административныя, военныя, финансовыя и судебныя функціи перемѣшаны. Управленіе строго централизованное. Оно исходитъ изъ королевскаго дворца-palatium'a, который содержитъ многочисленный штатъ чиновниковъ /palatini/. Эти чиновники первоначально были личными слугами короля, а такъ какъ государство считалось простою королевскою вотчиною, они же сдѣлались членами центральной администраціи. Среди чиновниковъ замѣчается извѣстная градація. Кромѣ того, они раздѣляются по отдѣльнымъ scriniae, похожимъ на современныя министерства. Все управленіе объединено въ рукахъ major'a domus или palatii-палатнаго мэра или попросту майордома. Для насъ неважно, какого происхожденія эта должность - римскаго или германскаго. Для насъ только важно опредѣлить, что это -

первый судья, первый администраторъ, первый казначей, а впослѣдствіи и первый военачальникъ всего королевства. Майордомъ правилъ дворцомъ, а дворецъ королевствомъ. Слѣдовательно, майордомъ черезъ посредство дворца вѣдалъ всѣми дѣлами обширнаго государства. Это - правая рука короля, во многихъ случаяхъ-его замѣститель. Онъ назначается королемъ и является вѣрнымъ исполнителемъ его воли. Но это только до поры до времени. Мы увидимъ, что при такъ называемыхъ „лѣнивыхъ"короляхъ меровингахъ, майордомы сначала фактически, а потомъ юридически свергнутъ власть царствующаго дома и положатъ начало новой династіи каролинговъ.

Что касается провинціальной администраціи франкской монархіи, то здѣсь замѣчается большое разнообразіе. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ различать административную организацію Галліи и организацію Зарейнскихъ областей, т.е. части Германіи. Въ Галліи остались порядки римскіе, въ Германіи дѣйствуютъ порядки германскіе. Мы знаемъ, что въ римскую эпоху Галлія считалась частью такъ называемой Гальской префектуры. Она раздѣлялась на провинціи, а послѣднія подраздѣлялись на муниципальные округа-civitates. Civitas дѣлилась на волостные округа /pagi/, а округа на деревни /vici/. Въ періодъ германскихъ нашествій это дѣленіе подверглось разгрому. Разложилась Гальская префектура, исчезли и провинціи. Галлія

превратилась въ простой географическій терминъ, раздѣленный на отдѣльныя страны- Францію, Бургундію, Австразію и Нейстрію. Но дѣленіе на civitates осталось, въ нѣкоторыхъ случаяхъ слившись съ дѣленіемъ на округа/pagi /. Осталось и дѣленіе на деревни /vici/, но не повсемѣстно. Единственное правильное дѣленіе - это дѣленіе на civitates, или comitates - и оно было цѣликомъ принято франками. Во главѣ этихъ округовъ стояли comites -графы. Это не выборныя должностныя лица, а королевскіе чиновники, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ административныя финансовыя, военныя и судебныя функціи. Должность графа пожизненная, а не наслѣдственная. Жалованья графу не полагается. Онъ получаетъ судебные штрафы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему даются помѣстья. Графами могутъ быть не только свободные, но и полусвободные и даже рабы. Однако во всѣхъ случаяхъ личность графа священна, и убійство этого должностного лица карается усиленнымъ вергельдомъ.

Выше графовъ стоятъ герцоги, а ниже ихъ vicarii, centenarii, tribuni.

Герцоги первоначально предводительствовали арміей. Однако съ теченіемъ времени имъ были поручены и гражданскія функціи. Обязанности ихъ тѣ же, что и обязанности графовъ. Разница лишь въ томъ, что они управляли не однимъ, а нѣсколькими comitates. Они стоятъ не надъ графами, а рядомъ съ графами.

Какъ тѣ, такъ и другіе непосредственно сносятся съ королевскимъ palatium'омъ.

Vicarii, centenarii, tribuni- мелкіе чиновники, помощники графовъ и герцоговъ. Послѣдніе назначаютъ ихъ и увольняютъ по собственному усмотрѣнію. Всѣ должностныя лица провинцій носятъ общее названіе judices, съ прибавленіемъ эпитетовъ publici или fiscales. Всѣ они, повидимому, римскаго происхожденія и дѣйствуютъ помимо народныхъ собраній. Народныя собранія, какъ мы видѣли изъ разбора Салической Правды, созываются лишь для отправленія суда. Но и здѣсь народъ остается чисто пассивнымъ зрителемъ. Мы знаемъ также, что предсѣдатель судебнаго собранія - выборный тунгинъ уступаетъ свое мѣсто королевскимъ чиновникамъ уже въ послѣдніе годы правленія Хлодвига.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ административная организація Галліи при Хлодвигѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Не то мы видимъ въ Германіи. Изслѣдованія Вайца показали, что въ германскихъ частяхъ франкской монархіи существовали слѣдующія административныя подраздѣленія- деревенскія общины / vici /, сотни/centeni/, графства /civitates или Gauen/, герцогства /Landschaften/. И здѣсь, какъ и въ англо-саксонскомъ обществѣ, военныя начала брали верхъ надъ началами родовыми. Съ другой стороны, усиленіе королевской власти и здѣсь разрушало былое народоправство. Если въ первое время и въ деревняхъ, и въ сотняхъ, и въ графст-

вахъ, и въ герцогствахъ, повидимому, существовали свои народныя собранія и выборныя должностныя лица, то съ теченіемъ времени народныя собранія стали уничтожаться, а должностныя лица стали назначаться королевскимъ

О социальномъ и экономическомъ строѣ франкскаго общества намъ придется говорить подробно при изучении возникновенія помѣстнаго строя и феодальной системы. Сейчасъ только замѣтимъ, что у франковъ наблюдалась та же общественная дифференція, что и въ другихъ варварскихъ обществахъ, т.е. дѣленіе на знатныхъ, свободныхъ, полусвободныхъ/литовъ /и рабовъ/несвободныхъ/. Главное ядро народа свободные, обязанные военною службою, при наличности извѣстнаго земельнаго надѣла - точно такъ же, какъ и у англо-саксовъ. Но знать меровингской монархіи это уже не та родовая знать, которую описывалъ Тацитъ. Родовая знать почти поголовно погибла въ усобицахъ. Народилась новая знать - служилая, въ составъ которой входили даже полусвободные и рабы. Если мы припомнимъ слова Тацита о древне-германскихъ литахъ, приниженное положеніе которыхъ являлось лишнимъ аргументомъ свободы /impares libertini libertatis argumentum sunt/, то легко убѣдиться какая глубокая пропасть лежитъ между социальнымъ строемъ примитивнаго германскаго общества и общества франкскаго.

Что касается экономическихъ отношеній, то они опять таки неодинаковы въ различныхъ частяхъ франкской монархіи. Правда, и въ Галліи и въ Германіи замѣчается полнѣйшее господство натуральнаго хозяйства. И здѣсь и тамъ земля является единственнымъ источникомъ богатства. Но если въ Галліи преобладаетъ крупное помѣстье - наслѣдіе римскаго міра, то въ Германіи типъ земельныхъ распорядковъ - свободная сельская община, подобная общинѣ англосаксонской. Но и въ Германіи, какъ это доказано трудами Инамы Штернегга, благодаря развитію прекарныхъ отношеній, постепенно растетъ крупная земельная собственность на счетъ мелкой, а благодаря развитію личной коммендаціи нарождается помѣщичій сеньоратъ, какъ форма частнаго подчиненія экономически слабыхъ элеменовъ общества сильнымъ. Такъ происходитъ глубокое разслоеніе населенія на двѣ главныя группы - могучую земельную аристократію и крѣпостное крестьянство, въ общей массѣ котораго смѣшиваются земледѣльцы - держатели свободнаго и несвободнаго происхожденія. Нарождается рядъ самодавлѣющихъ мірковъ - помѣстій, и народныя силы отливаютъ отъ центра общественнаго организма къ его периферіи.

Правительству не остается ничего дѣлать, какъ санкціонировать означенныя общественныя измѣненія и постараться приспособить ихъ для цѣлей государственнаго

управленія. Раздача иммунитетныхъ грамотъ и есть политическая сторона процесса феодализаціи, ранѣе протекавшаго въ области экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Надѣленный политическими полномочіями, помѣщикъ превращается теперь въ служилаго человѣка, тѣмъ самымъ окончательно заслоняя собою низы населенія отъ непосредственнаго вѣдѣнія центральной власти. Частно - правовое начало, ранѣе воплощавшееся въ единоличномъ властвованіи короля, теперь воплощается во властвованіи многихъ сеньоровъ, которые являются по отношенію къ зависимому отъ нихъ населенію тѣми же варварскими королями, но только въ меньшемъ масштабѣ.

Растерявши свои государственныя прерогативы путемъ щедрой раздачи иммунитетовъ, послѣдніе меровинги воздвигли противъ себя сильныхъ соперниковъ и сдѣлались простою игрушкою въ рукахъ земельной аристократіи. Однако въ скоромъ времени процессъ ослабленія и раздробленія центральной власти переходитъ въ свою противоположность. Унизивши королевскую власть, магнаты выставили своего собственнаго вождя - такого же магната, какъ и они сами - майордома, къ которому и переходитъ фактическая власть въ государствѣ. Потомки майордомовъ и создаютъ новую централизованную комбинацію общественныхъ силъ, построенную на феодальной основѣ.

Литература: Фюстель де Куланжъ. Франкская монархія

X. ЭПОХА КАРЛА ВЕЛИКАГО

I. ПАМЯТНИКИ ВОПРОСА.

Мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ внѣшнюю исторію и внутренній строй франкской монархіи при меровингахъ. Теперь намъ предстоитъ обратиться къ эпохѣ каролинговъ и прежде всего поставить вопросъ относительно памятниковъ, которыми мы можемъ воспользоваться при изученіи этого періода франкской монархіи.

Въ эпоху разложенія меровингскаго государства, въ эпоху постоянныхъ смутъ и политическихъ неурядицъ заглохло на почвѣ Галліи и просвѣщеніе, заглохла и исторіографія. VII-VIII столѣтія - это безотрадная эпоха въ исторіи франкской культуры. Общество дичаетъ и грубѣетъ, его интеллигентный строй - духовенство омірщается и погрязаетъ въ порокахъ. Правда, кое гдѣ по монастырямъ письменность сохраняется. Кое гдѣ появляются и историческія сочиненія въ видѣ хроникъ и житій святыхъ. Но въ общемъ вся эта скудная письменность носитъ жалкій и ничтожный характеръ. Времена Григорія Турскаго, времена Фортуната, казалось, прошли безвозвратно.

О. Тьерри. Разсказы изъ временъ меровинговъ. Glasson. Histoire du droit et des institutions de la France tt. II-III, 1888-1889. Viollet. Histoire des institutions politiques et administratives de la France, t. I, 1890. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, t. II. 3 Aufl. 1882. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, tt. I-II. 1887-1892. Schröder Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 5 Aufl. 1907. Tahlbeck. La royauté et le droit royal francs. 1883.

Къ счастью, съ возвышеніемъ каролинговъ обстановка мѣняется. Новая династія упрочиваетъ государственный порядокъ, уничтожаетъ анархію , и въ успокоенномъ обществѣ снова пробуждаются высшіе интеллектуальные запросы, растетъ стремленіе къ просвѣщенію. Величайшій изъ государей средневѣковой Европы Карлъ и кладетъ начало тому умственному движенію, которому по справедливости дано названіе „каролингскаго ренессанса". Древнія римскія традиціи , отраженныя въ молодомъ умѣ варваровъ, воскрешаютъ здѣсь въ новой обстановкѣ и новой переработкѣ и порождаютъ своеобразную культуру эпохи каролинговъ, живучіе вліяніе которой ощущается и до настоящаго времени . Новыя вѣянія сказываются во всѣхъ областяхъ человѣческаго духа. Вѣкъ Карла Великаго ознаменованъ расцвѣтомъ и науки во всѣхъ ея видахъ , и поэзіи, и искусства.

Не сразу наступило это каролингское возрожденіе. Не сразу оно вылилось въ опредѣленныя формы. Первоначально Карлъ Великій заботился лишь о томъ, чтобы поднять умственный уровень духовенства - этого руководителя и воспитателя массы . Народныя массы погрязали въ это время въ невѣжествѣ и суевѣріи, близкомъ къ язычеству. Солнечное затменіе, появленіе кометы наполняли ужасомъ населеніе франкской монархіи. Талисманы , разнаго рода гаданія, отвратительные обряды на могилахъ усопшихъ - вотъ что считалось вѣрнымъ средствомъ противъ всевозможныхъ несчастій. Дѣло доходило до поклоненія источникамъ , деревьямъ и скаламъ. А Церковь - этотъ естественный оплотъ просвѣщенія, какъ уже было сказано, сама бродила въ потемкахъ и въ своей темнотѣ обладало слишкомъ незначительными средствами для борьбы съ общимъ невѣжествомъ. Карлъ Великій, считавшій себя отвѣтственнымъ за благополучіе своихъ подданныхъ не только въ здѣшней , но и въ будущей жизни, и начинаетъ свои просвѣтительныя реформы именно съ верховъ общества, съ представителей Церкви. Въ своихъ капитуляріяхъ онъ выражаетъ неоднократно пожеланіе , чтобы каждый клирикъ былъ мало мальски образованнымъ человѣкомъ, чтобы онъ могъ разбираться въ латыни, читать Библію и отправлять Божественныя службы. Съ этою цѣлью при монастыряхъ и епископскихъ каѳедрахъ учреждаются школы, въ которыхъ будущее духовенство получаетъ элементарное образованіе. Питомцы этихъ школъ въ свою очередь основываютъ школы и такимъ путемъ разносятъ любовь къ просвѣщенію, просвѣщенію, пока еще носящему ярко выраженный религіозный и утилитарный характеръ. Однако уже очень рано просвѣщеніе распространяется и въ глубь и въ ширь, и идетъ гораздо далѣе тѣхъ задачъ, которыя первоначально были поставлены ему преобразователемъ. Вкусивши отъ богословской и классической письменности, духовенство того времени начинаетъ увлекаться этою письменностью неисключительно только въ религіозно-утилитарныхъ цѣляхъ. Передовые люди эпохи очень скоро начинаютъ увлекаться

письменностью, какъ таковою, въ виду доставляемаго ею высокаго интелектуальнаго наслажденія, и въ литературныхъ занятіяхъ прежде всего начинаютъ искать удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей и вкусовъ. Въ результатѣ этого чисто безкорыстнаго стремленія къ просвѣщенію мы видимъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній времени Карла, составляющихъ лучшую славу великаго императора.

Двумя путями проникало къ франкамъ то просвѣщеніе, которое было взлелѣяно трудами Карла Великаго. Съ одной стороны, оно шло съ юго-востока, изъ Италіи, съ другой стороны, съ сѣверо-запада, изъ Британіи. Въ Италіи даже въ періодъ самыхъ страшныхъ переворотовъ не умирали традиціи классическаго міра, вѣчно оживляемыя созерцаніемъ величественныхъ памятниковъ прошлаго. Мы видѣли, какъ увлекался этими традиціями просвѣщенный готъ Теодорихъ Великій. Не устояли передъ обаяніемъ классической образованности и новые завоеватели Италіи лангобарды /VI в./, изъ которыхъ многіе предавались ученымъ занятіямъ и восхищались чистѣйшими образцами древне римской поэзіи. Карлъ Великій во время своихъ походовъ противъ лангобардовъ не могъ не оцѣнить все превосходство старинной римской культуры. Заботясь о просвѣщеніи родного народа, онъ вывезъ съ собою изъ Италіи двухъ замѣчательныхъ людей того времени - поэта и грамматика Петра Пизанскаго и историка лангобардовъ Павла Ді

акона.

Другая страна, откуда шло въ Галлію просвѣщеніе - это Британія. Еще въ VII столѣтіи контенентальная Европа была ареною просвѣтительной дѣятельности неутомимыхъ ирландскихъ монаховъ, изъ которыхъ достаточно назвать св. Колумбана съ его многочисленными учениками. Не прекретилась миссія ирландскихъ монаховъ и при Карлѣ Великомъ. На это намѣкаетъ одно преданіе, записанное у такъ называемаго Монаха Сангаленскаго /IX в./. Преданіе разсказываетъ о двухъ ирландцахъ, которые, высадившись на побережьѣ Галліи, кричали собравшемуся около нихъ народу: „Кто желаетъ пріобрѣсти мудрость, пусть придетъ къ намъ и получитъ. Именно у насъ можно купить ее". Толпа приняла этихъ людей за сумасшедшихъ, но сочла своимъ долгомъ довести о нихъ до свѣдѣнія Карла- любителя мудрости. Карлъ потребовалъ ирландцевъ къ себѣ и спросилъ ихъ, дѣйствительно ли они возятъ съ собой мудрость. Они отвѣчали: „Да, и мы готовы сообщить ее каждому, кто именемъ Бога достойнымъ образомъ будетъ просить о ней". На вопросъ Карла, что они потребуютъ за сообщеніе мудрости, ирландцы отвѣчали: „Удобное помѣщеніе и любознательныхъ учениковъ а вмѣстѣ и то, что необходимо для каждаго странника, именно, одежду и пропитаніе". Карлъ чрезвычайно обрадовался прибывшимъ изъ за моря мудрецамъ и принялъ ихъ на свою службу. Такова эта легенда, очем

вѣрно подмѣтившая проникновеніе островной культуры на территорію Галліи. Очень можетъ быть,что въ основѣ легенды лежитъ историческій фактъ. Мы знаемъ, что два ирландца-Климентъ и Дунгалъ, дѣйствительно,были сотрудниками Карла въ дѣлѣ просвѣщенія франковъ.

Естественною преемницею ирландской миссіи на континентѣ Европы съ УIII стол. выступаетъ миссія англ- саксонская. У новообращенныхъ въ христіанство англо-саксовъ еще за сто лѣтъ до времени Карла Великаго замѣчается высокій расцвѣтъ воспріятія классической письменности. Получивши крещеніе непосредственно изъ Рима /при папѣ Григоріи Великомъ / и поддерживая съ Римомъ постоянныя общенія, англо-саксы непосредственно усвоили и латинскую /итальянскую/образованность, которая успѣшно преподавалась въ многочисленныхъ монастырскихъ и епископскихъ школахъ,проникала въ широкіе слои общества, и въ сочетаніи съ кельтско-германскими традиціями отлилась въ своеобразную культуру Британіи УII-УIII ст..Мы уже знаемъ одного изъ величайшихъ ея представителей-Беду Достопочтеннаго, разносторонняго ученаго и историка - автора „Церковной исторіи англовъ". Англосаксонское просвѣщеніе съ береговъ туманной Англіи распространяется и по континентальной Европѣ. Образованные англосаксонскіе монахи, по примѣру ирландцевъ, выступаютъ въ УIII стол. въ качествѣ неутомимыхъ путешественниковъ - миссіонеровъ. Съ крестомъ и евангеліемъ въ ру-

кахъ они массами отправляются проповѣдывать вѣру Христову въ языческую Германію .Если ирландскіе монахи въ это время болѣе тяготѣютъ къ созерцательному образу жизни, то англо- саксы,наоборотъ,проявляютъ самую кипучую дѣятельность. Они основываютъ въ Германіи новыя епископства и аббатства,возрождаютъ старыя обители,и благодаря ихъ апостольскимъ подвигамъ христіанство и просвѣщеніе мало по малу распространяются отъ Рейна до Эльбы и Дуная. Изъ всѣхъ этихъ подвижниковъ наиболѣе прославился своими миссіонерскими трудами саксъ Винифридъ,извѣстный подъ именемъ св. Бонифація , мученически скончавшійся въ 754 г. при Пипинѣ Короткомъ въ санѣ архіепископа. Онъ создалъ цѣлую школу учениковъ,ревностно продолжавшихъ дѣло учителя.

При Карлѣ Великомъ Британія въ числѣ прочихъ подарила франкамъ извѣстнаго сакса Алкуина, который и насадилъ на почвѣ Галліи тѣ методы преподаванія ,которые практиковались въ епископскихъ и монастырскихъ школахъ родного ему острова, въ частности въ Іоркской епископской школѣ .Значеніе Алкуина именно въ его несравненномъ преподавательскомъ талантѣ .Никто не умѣлъ такъ заинтересовать своихъ учениковъ, никто не могъ въ такой простой формѣ сообщить имъ научныя свѣдѣнія, какъ этотъ добродушный монахъ изъ Нортумберланда.Школа,основанная Алкуиномъ въ городѣ Турѣ, въ IX-X ст.выпустила цѣлую плеяду извѣстныхъ ученыхъ.

Саксонецъ Алкуинъ, ирландскіе монахи во главѣ съ Дунгаломъ, итальянцы - Петръ Пизанскій и Павелъ Діаконъ - это главные сотрудники Карла въ его заботахъ о просвѣщеніи. Случайно къ нимъ присоединился бѣжавшій изъ Испаніи готъ Теодульфъ, лучшій поэтъ того времени. Дружными усиліями этихъ людей было создано цѣлое поколѣніе ученыхъ мѣстнаго / франкскаго/ происхожденія, во главѣ которыхъ сіяютъ какъ звѣзды первой величины Ангильбертъ и Эгингардъ - молодые друзья императора.

Окруживши себя плеядою просвѣщенныхъ сотрудниковъ, Карлъ и создалъ то, что принято называть Дворцовою или Палатинскою Академіей. Это тѣсный, интимный кружокъ, гдѣ собирались члены королевскаго семейства, дворцовые сановники, ученые и писатели - духовные и свѣтскіе. Здѣсь царили библейскія и классическія традиціи, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ самыя названія, данныя вліятельнѣйшимъ членамъ Академіи. Извѣстно, что Карлъ Великій назывался въ Академіи Давидомъ, Алкуинъ - Гораціемъ, Теодульфъ - Пиндаромъ, Ангильбертъ - Гомеромъ, а Эгингардъ - Веселеиломъ. Засѣданія Академіи носили характеръ дружескихъ разсужденій гдѣ каждый старался блистать своими познаніями и своимъ остроуміемъ. Грамматика, философія, отчасти естественныя науки, изящная литература и искусство - таковы разнообразныя отрасли человѣческаго знанія, процвѣтавшія въ Академіи. Собранія

въ Академіи были отдыхомъ отъ трудовъ, настоящими праздниками для придворныхъ и, по своему характеру, напоминали позднѣйшие литературные кружки Италіи эпохи Ренессанса. И тутъ и тамъ, наряду съ мужчинами, выступали женщины. И тутъ и тамъ господствовали свобода обращенія и легкость нравовъ, нерѣдко переходившія въ запутанныя интриги.

Преподаваніе въ Академіи, которымъ пользовалась прежде всего сама королевская фамилія, не было единственнымъ. Параллельно съ нимъ вновь оживаетъ классное преподаваніе въ старинной школѣ въ Ахенѣ. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ былъ Алкуинъ, который, по его собственному выраженію, „на утрѣ своей жизни, въ цвѣтущую эпоху возраста сѣялъ въ Британіи, а вечеромъ, когда начинаетъ стынуть кровь не переставалъ сѣять во Франціи". Самъ Карлъ чрезвычайно интересовался школою и, по преданію, лично раздавалъ награды и налагалъ взысканія. Съ теченіемъ времени выростаютъ новыя школы въ различныхъ частяхъ франкской монархіи, по образцу Ахенской. Выше уже было сказано о большой школѣ, основанной въ Турскомъ монастырѣ св. Мартина тѣмъ же Алкуиномъ, напрасно стремившимся обратно во дворецъ изъ мрачныхъ стѣнъ епископской резиденціи. Другія школы были основаны въ Кельнѣ, Фульдѣ, Мецѣ, С. Галленѣ, Зальцбургѣ. Во всѣхъ этихъ разсадникахъ просвѣщенія было обязательно прохожденіе цикла семи наукъ /septem artes/, раздѣленныхъ на

trivium и quadrivium. Они обнимали всю совокупность человеческаго познанія /philosophia/ и служили подготовкой для богословія /teologia/. „Мы читаемъ у Соломона, говоритъ Алкуинъ, что мудрость построила себѣ домъ и вырубила семь столбовъ. Точно также и книжная мудрость утверждается на семи столбахъ ,и не иначе можно довести до совершенства свое познаніе, какъ поднявшись на тѣ столбы , или, лучше сказать,ступени. Надъ ними потрудились всѣ философы, ими они просвѣтились, превзошли извѣстностью царей и прославились во вѣки". Такъ постепенно лучи просвѣщенія проникали изъ императорскаго дворца въ самыя отдаленныя части франкской державы .Знаменитые ученые съ теченіемъ времени все въ большемъ и большемъ количествѣ покидали резиденцію Карла Великаго, отправляясь, по его порученію,въ провинціи. Однако связь ихъ съ императоромъ не прекращалась. Она поддерживалась обширною перепискою ,которая , будучи чужда ученаго педантизма, открывала широкій просторъ личному элементу,яркому преобладанію юмора и дружественнымъ сердечнмъ изліяніямъ.

Вотъ та культурная почва, на которой развивалась исторіографія эпохи каролинговъ.Она является лишь частичнымъ отраженіемъ того духовнаго подъема, которымъ ознаменовано каролингское возрожденіе.Намъ и предстоитъ теперь дать бѣглый обзоръ крупнѣйшихъ явленій этой исторіографіи эпохи каролинговъ.

Уже съ VIII столѣтія - времени рѣшительнаго

преобладанія предковъ Карла Великаго - майордомовъ въ скудной исторіографіи меровингскаго періода начинаются новыя вѣянія. Прежде всего сами майордомы захватившіе власть въ государствѣ, стремятся къ увѣковѣченію своихъ дѣяній. Подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ въ Австразіи и составляется новая хроника, извѣстная подъ именемъ „Хроники продолжателей Фредегара".Въ нее вошелъ Фредегаръ, отрывки изъ „Дѣяній королей франковъ"и три самостоятельныхъ продолженія, принадлежащихъ различнымъ лицамъ. Первое изъ этихъ продолженій, принадлежащее брату Карла Мартелла - Хильдебранду, ведетъ разсказъ о событіяхъ въ Галліи съ 724 г.по 734; другое,принадлежащее неизвѣстному автору, доводитъ хронику до 75I г.;наконецъ, третье, предпринятое сыномъ Хильдебранда- Нибелунгомъ, охватываетъ собою періодъ времени съ 75I г.по 768 .Основная цѣль продолжателей Фредегара - унизить послѣднихъ меровинговъ и прославить представителей новой династіи . Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о безпристрастіи. И все-таки свѣдѣнія, доставляемыя этимъ памятникомъ ,чрезвычайно цѣнны для историка.Особенно цѣнно третье прибавленіе къ Федерагу, являющееся оффиціальною хроникою царствованія Пипина Короткаго.

Продолжатели Фредегара писали подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ правительства.Однако исторі-

ографія развивалась въ Галліи и помимо вліянія последняго. Съ VIII ст. въ монастыряхъ франкской монархіи возникаетъ обычай вести на поляхъ Пасхальныхъ Таблицъ погодную запись наиболѣе выдающихся событій эпохи .Такія записи и послужили зерномъ для новаго рода историческихъ произведеній - лѣтописей или анналовъ .Эти анналы возникали во франкской монархіи путемъ сведенія записей на Пасхальныхъ Таблицахъ и ихъ дополненій новыми записями. Такихъ лѣтописей въ VIII -IX ст. возникло много, и я не буду заниматься подробнымъ ихъ перечисленіемъ. Отмѣчу лишь такъ наз. „Великіе Лоршскіе или Королевскіе Лѣтописи",представляющія изъ себя ,повидимому, оффиціальную запись событій, возникшихъ при дворѣ Карла Великаго. Эти лѣтописи охватываютъ періодъ времени съ 741 по 829гг. и особенно полно изображаютъ эпоху царствованія Карла Великаго.

Увлеченіе классическими образцами въ Академіи Карла Великаго вызвало появленіе въ свѣтъ еще одного вида историческихъ произведеній - жизнеописанія, блестящій образецъ котораго представленъ Эгингардомъ. Жизнь и труды этого младшаго представителя каролингскаго Ренессанса стоятъ того, чтобы остановиться на нихъ нѣсколько поподробнѣе.

Эгингардъ / или точнѣе Эйнгардъ/ родился въ 770 г. въ Зарейнской Франціи,въ области Майнгау отъ благородныхъ родителей. Первоначальное воспита-

ніе онъ получилъ въ Фульдскомъ монастырѣ,подъ руководствомъ аббата Баугульфа. Замѣтивши необычайныя способности мальчика, аббатъ Баугульфъ отослалъ его ко двору Карла Великаго, для обученія въ школѣ Алкуина. Здѣсь Эгингардъ поразилъ всѣхъ своимъ громаднымъ умомъ и своею удивительною честностью. Очень скоро онъ сдѣлался членомъ Академіи и общимъ любимцемъ придворныхъ .Самъ Карлъ Великій,можно сказать,души въ немъ нечаялъ. Онъ постоянно совѣтовался съ нимъ по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ, онъ поручалъ ему выполненіе важнѣйшихъ дипломатическихъ порученій .Правда, окружающіе нерѣдко подсмѣивались надъ невзрачною наружностью Эгингарда,надъ его маленькимъ ростомъ, надъ его суетливымъ характеромъ , но это не мѣшало имъ относиться къ нему съ глубокимъ уваженіемъ .Вотъ почему,наряду съ такими названіями, какъ „человѣчекъ",„муравей",„ножка отъ стола",ему дали названіе „маленькаго нардоваго деревца",которое наполняетъ благоуханіемъ все окружающее. Нѣкоторые думали и думаютъ, что Эгингардъ былъ секретаремъ Карла Великаго .Это неправда. Оффиціальной должности секретаря Эгингардъ никогда не занималъ. Прежде всего онъ былъ другомъ и повѣреннымъ императора. А данное ему въ Академіи имя Веселеила указываетъ на то, что главное занятіе Эгингарда, повидимому, состояло въ постройкѣ общественныхъ зданій . Припомнимъ, что Веселеилъ былъ

былъ библейскій зодчій, о которомъ въ „Исходѣ"сказано: „И наполни его Духа Божія,премудрости, и разума,и умѣній всѣхъ,архитектонствовати во всѣхъ дѣлесѣхъ древодѣланія, творити злато,и сребро, и мѣдь и ваяти камени, и дѣлати древо, и творити по всему дѣлу премудрости". Невѣрно также и сообщеніе позднѣйшей легенды о томъ , что Эгингардъ состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ къ дочери Карла - красавицѣ Эммѣ. Интересное сообщеніе легенды объ одномъ похожденіи Эгингарда / оно увѣковѣчено въ стихотвореніи Лонгфелло „Эмма и Эгингардъ"/ похожденіи, будто бы окончившимся его женитьбой на Эммѣ, - чистѣйшее измышленіе. Правда, Эгингардъ былъ женатъ на Эммѣ, но эта Эмма не приходилась родственницей императору.

По смерти Карла Великаго Эгингардъ сначала былъ совѣтникомъ при Людовикѣ Благочестивомъ, а потомъ воспитателемъ его сына Лотаря . Во время междуусобій Людовика Благочестиваго и его сыновей онъ игралъ роль миротворца , но неудачно, и огорченный удалился въ свой монастырь / въ Михаельштадтѣ / подаренный ему Карломъ Великимъ. Принявши духовное званіе аббата, Эгингардъ не разлучился съ горячо любимой супругой Эммой, которая скончалась въ 836 году. Эгингардъ недолго пережилъ Эмму.Онъ умеръ въ 840 г., 70 лѣтъ отъ рожденія.

Историческій трудъ Эгингарда, давшій ему славу

въ потомствѣ,называется такъ:„Жизнь Карла Великаго-императора". „Эгингардъ, говоритъ Ранке,имѣлъ неоцѣнимое счастье найти въ своемъ великомъ современникѣ достойнѣйшій предметъ для исторической работы.Поставивши ему памятникъ, онъ и себя самого обезсмертилъ на вѣки".Задавшись цѣлью воскресить пріемы античной исторіографіи, Эгингардъ взялъ за образецъ своей работы произведенія Светонія, въ частности, біографію Августа, составленную этимъ послѣднимъ. Онъ и слѣдуетъ Светонію на всемъ протяженіи своего „Жизнеописанія".Въ расположеніи матеріала , въ последовательности главъ въ самой фразеологіи - всюду чувствуется вліяніе римскаго автора .Въ этомъ и недостатки и достоинства „Жизни Карла Великаго". Недостатки тѣ,что Эгингардъ нерѣдко старается описать своего Карла Великаго несобственными , а чужими словами, тѣми словами,которыя Светоній употреблялъ,характеризуя Августа. Достоинства тѣ,что, усвоивши планъ характеристикъ Светонія, Эгингардъ далъ именно характеристику Карла Великаго,а не простой разсказъ о его дѣятельности .Светоній своими образцами помогъ Эгингарду обратить вниманіе на такія черты императора, которыя при другихъ обстоятельствахъ непремѣнно ускользнули бы отъ взоровъ нашего автора. Въ результатѣ получилось красочное, живое и яркое возсозданіе личности Карла Великаго,

„важнѣйшій и совершеннѣйшій продуктъ каролингскаго возрожденія"- предметъ восхищенія и удивленія потомства. Если у Эгингарда много хронологическихъ и географическихъ ошибокъ, то это не такъ важно. Намъ важны правдивыя показанія очевидца, съ любовью изобразившаго самую личность великаго императора.

„Жизнь Карла Великаго"написана вскорѣ послѣ смерти императора и опубликована самимъ авторомъ. Позднѣе аббатъ Валафридъ раздѣлилъ ее на главы и издалъ съ своимъ собственнымъ введеніемъ, содержащимъ важныя свѣдѣнія изъ жизни Эгингарда. Въ настоящее время „Жизнь Карла Великаго"издается согласно раздѣленію ея Валафридомъ на главы. Въ двухъ словахъ содержаніе работы Эгингарда можно представить въ такомъ видѣ.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что онъ имѣетъ цѣлью описать „общественную и домашнюю жизнь"Карла Великаго, а равно и „значительную часть его подвиговъ",стараясь „не опустить ничего изъ дошедшихъ до него свѣдѣній, а вмѣстѣ не обременить излишними подробностями тѣхъ, кто не любитъ читать новѣйшихъ сочиненій". Далѣе Эгингардъ говоритъ, что никто кромѣ него не могъ бы описать съ такою достовѣрностью все пережитое имъ и познанное „наглядною вѣрою". Дѣянія Карла онъ считаетъ великими и едва ли возможными для настоящаго времени, почему и нельзя допустить, чтобы они погибли во мракѣ забвенія. Но есть и дру-

гая причина, заставившая автора взяться за работу. „Карлъ такъ привязалъ меня къ себѣ и сдѣлалъ меня такимъ должникомъ при жизни и за могилой, что я справедливо былъ бы обвиненъ въ неблагодарности и осужденъ, если бы ...прошелъ молчаніемъ блестящіе и знаменитые подвиги человѣка, сдѣлавшаго мнѣ столько добра." Эгингардъ, по обычаю средневѣковыхъ лѣтописцевъ, сознается, что „варвару, весьма мало знакомому съ латинскою рѣчью", слишкомъ трудно описывать подвиги великаго императора. Самъ Цицеронъ призадумался бы надъ такою задачею. Однако Эгингардъ рѣшается „лучше испытать на себѣ судъ людской и пожертвовать своею литературною репутаціею, нежели, щадя самого себя, не сохранить памяти о столь великомъ мужѣ".

Далѣе слѣдуетъ самое изложеніе. Сказавши коротко /гл. I-3/ о событіяхъ, предшествовавшихъ единодержавію Карла, авторъ въ 4 главѣ съ присущей ему честностью и откровенностью заявляетъ, что онъ „не считаетъ удобнымъ говорить о рожденіи, дѣтствѣ и даже отрочествѣ Карла",такъ какъ объ этомъ не сохранилось достовѣрныхъ извѣстій. Поэтому онъ прямо приступаетъ къ изложенію дѣяній Карла, какъ государя, по слѣдующему плану: „Я начну съ его внутренней и внѣшней дѣятельности, далѣе скажу о характерѣ и наклонностяхъ, наконецъ, перейду къ его администраціи и смерти, не опуская въ своемъ повѣствованіи ничего, что заслуживаетъ быть извѣстнымъ". Гл 5-17 посвящены изображенію „дѣяте

льности Карла въ охраненіи, расширеніи и вмѣстѣ украшеніи своего государства". Болѣе всего говорится здѣсь о многочисленныхъ войнахъ, которыя велъ Карлъ Великій на протяженіи своего 47 лѣтняго царствованія, отчасти о мирныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ государями Европы и Азіи, наконецъ, о тѣхъ величественныхъ постройкахъ, которыя онъ возвелъ на всемъ протяженіи обширной монархіи. Гл. 18- 29 едва ли не самыя интересныя. Здѣсь Карлъ Великій рисуется въ своей домашней обстановкѣ, въ кругу своихъ приближенныхъ и встаетъ передъ нами во всю мощь своей богатырской и въ то же время человѣческой натуры. Гл. 30-32 говорятъ о послѣднихъ дняхъ жизни императора, о его кончинѣ и погребеніи. Гл. 33 содержитъ предсмертное завѣщаніе Карла .

Весь этотъ разсказъ согрѣтъ теплой любовью автора къ своему незабвенному герою, дышитъ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ , знающимъ одноко свою мѣру, и блещетъ истинною художественностью изображенія . Этимъ и объясняется тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась „Жизнь Карла Великаго" у современниковъ и у потомства. Уже въ IX вѣкѣ она вызвала цѣлыхъ три подражанія. Это біографіи Людовика Благочестиваго, изъ которыхъ 2, написанныя прозою , принадлежатъ Тегану и такъ наз. Астроному, а третья , написанная въ стихахъ, Эрмольду Черному.

Съ теченіемъ времени образъ историческаго Карла, въ томъ видѣ , въ какомъ онъ изображенъ Эгингардомъ, все

болѣе и болѣе затемнялся, принимая фантастическую и легендарную окраску. Болѣе всего поработала надъ этимъ превращеніемъ Карла историческаго въ Карла легендарнаго народная поэзія, воспѣвавшая подвиги богатыря императора. Если поэтическія произведенія современниковъ и сотрудниковъ Карла Великаго - Теодульфа, Ангильберта, Дунгала, Павла Діакона и Алкуина являются настоящимъ историческимъ источникомъ, превосходно рисующимъ культурную обстановку эпохи, то совершенно другой характеръ носитъ взлелѣянная каролингскимъ возрожденіемъ такъ наз. кантилена. Многочисленныя битвы Карла Великаго , въ родѣ извѣстной битвы въ Ронсевальскомъ ущельѣ, давали богатую пищу разгоряченному воображенію народной массы. Главными пѣвцами Карла и его подвиговъ первоначально были солдаты императорской арміи. Скоро появляются и профессіональные пѣвцы - импровизаторы, бродячіе труверы, и звучная кантилена начинаетъ гулять по всему христіанскому Западу, прославляя подвиги сѣдовласаго Карла . Нарождается цѣлый циклъ поэтическихъ сказаній изъ эпохи каролинговъ, который окончательно завершается въ эпоху крестовыхъ походовъ и отливается въ величественную пѣснь о Роландѣ. И уже во второй половинѣ IX столѣтія кантилена оказала свое рѣшающее вліяніе на современную исторіографію. Монахъ С. Галленскій, писавшій свои „Дѣянія Карла Великаго" при Людовикѣ Толстомъ, всецѣло проникнутъ обаяніемъ народныхъ сказаній. Карлъ Великій въ изображеніи монаха

С.Галленскаго потерялъ чуть ли не всѣ свои историческія свойства. Въ позднѣйшую же эпоху онъ уже не человѣкъ, а полубогъ, чисто миѳическая личность, для которой не существуетъ ни времени, ни пространства. Онъ вихремъ носится по Европѣ изъ одного конца въ другой. Онъ никогда и никѣмъ не бываетъ побѣждаемъ. Онъ всегда и вездѣ торжествуетъ побѣду. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что легендарный Карлъ для насъ не менѣе интересенъ, нежели Карлъ историческій. Для насъ чрезвычайно любопытно прослѣдить, какъ широкая народная масса реагировала на жизнь и дѣятельность величайшаго изъ государей Европы, какъ она отразила въ своемъ умѣ подвиги императора. Въ этомъ смыслѣ и поэтическія сказанія о Карлѣ Великомъ - тоже историческій источникъ.

Чтобы покончить съ историческими памятниками эпохи первыхъ каролинговъ, намъ остается упомянуть многочисленныя „житія святыхъ", оставшіяся отъ этого времени, обширную переписку Карла и его приближенныхъ, формулы и грамоты, подобныя формуламъ и грамотамъ меровингскаго періода, и наконецъ, законодательные памятники - позднѣйшія Варварскія Правды и капитуляріи, т.е. законодательныя распоряженія Карла Великаго. I/

I/ Всѣ вышеупомянутыя историческія произведенія изданы въ M.G.H. (in f-o). Scriptores, tt. I-II и въ Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum. „Жизнь Карла Великаго" Эгингарда цѣликомъ переведена на русск. яз. у Стасюлевича. Исторія среднихъ вѣковъ, т. II. Изданія законодательныхъ памятн., формулъ и грамотъ названы выше.

2. ВНѢШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КАРЛА ВЕЛИКАГО.

Легенды средневѣковой Европы, полныя фантастическихъ разсказовъ о богатырѣ - императорѣ Карлѣ Великомъ, производятъ его отъ цѣлаго ряда святыхъ предковъ, то изъ Аквитаніи, то изъ Брабанта. Исторія разсказываетъ о происхожденіи каролинговъ совершенно иначе. Она ничего не знаетъ объ этомъ родѣ до VII ст., до появленія на историческомъ порищѣ Пипина и Арнульфа Австразійскихъ. Очень смутны свѣдѣнія о жизни Пипина II-го Геристальскаго. Даже относительно дѣтства и юности Карла Великаго его біографъ Эгингардъ, какъ мы видѣли, не имѣетъ достовѣрныхъ извѣстій. Домъ каролинговъ не былъ старымъ и славнымъ родомъ. Каролинги - новые люди, люди суроваго труда и твердой энергіи.

Мы довели исторію дома меровинговъ до смерти короля Хлодвига /5II/. Разсматривая государство, какъ свою частную вотчину, Хлодвигъ раздѣлилъ его между четырмя сыновьями на равныя части. Между сыновьями Хлодвига /5II-56I/ начинаются кровавыя усобицы, что однако не мѣшаетъ имъ окончательно покорить королевство Бургундское, захватить Провансъ, а на сѣверѣ присоединить къ франкской державѣ Тюрингію и обложить данью Саксонію. Единодержавіе временно возстановляетъ король Хлотарь I-й/ 558-56I/, но и онъ пе

редъ смертью дѣлитъ свое государство между четырьмя сыновьями / 561 /. Со смертію одного изъ нихъ Харибер та /567/, образуются въ Галліи три вполнѣ самостоятельныхъ королевства - Бургундія, Нейстрія и Австразія. Царствованіе внуковъ Хлодвига /561-613/-это періодъ безконечныхъ самоpастерзаній меровингской монархіи времена несовершеннолѣтнихъ королей, времена Брунегильды и Фредегонды, когда забыта была завоевательная политика предковъ. Въ завязавшейся кровавой борьбѣ сначала погибаетъ Фредегонда, а потомъ умираетъ мучительной смертью и страшная героиня Брунегильда. И лишь въ началѣ VII ст./613/ король Хлотарь II-й снова соединяетъ монархію Хлодвига въ единое государство. Но сила меровинговъ все таки рушилась. Тюрингія отложилась, нападеніе на вестготовъ кончилось неудачею, вторженія лангобардовъ отражены съ трудомъ, а внутри государства идетъ процессъ разложенія. Отдѣльныя области стремятся къ самостоятельному существованію, могущественное дворянство живетъ мятежною жизнію. Прежде всѣхъ подняли голову земельные магнаты Австразіи - т. наз. лейды, которые совершенно не хотѣли признавать надъ собою владычества меровинговъ. Въ началѣ VII ст. изъ ихъ среды особенно выдѣлился Арнульфъ, который добился того, что былъ назначенъ майордомомъ Австразіи. Въ второй половинѣ VII ст. родъ Арнульфа соединился съ другимъ могущественнымъ австразійскимъ родомъ Пипина Ланденскаго, и въ лицѣ майордома Австразіи и

и Нейстріи - Пипина II-го Гиристальскаго /конецъ VII ст./ сдѣлался фактическимъ руководителемъ всего государства. „Лѣнивые" короли были лишь ширмами для могучаго майордома. Эгингардъ въ своей „Жизни Карла Великаго" слѣдующимъ образомъ изобразилъ жалкое положеніе этихъ послѣднихъ отпрысковъ Хлодвига: „Домъ Меровинговъ ....уже давно не имѣлъ никакой жизненной силы и обращалъ на себя вниманіе однимъ тщеславнымъ титуломъ королей, потому что могущество и государственная власть находились въ рукахъ высшихъ сановниковъ двора, называвшихся майордомами, которые собственно управляли государствомъ. На долю короля оставалось только довольствоваться однимъ королевскимъ титуломъ и представлять собою изображеніе правителя, возсѣдая на тронѣ съ длинными волосами и отпущенною бородою, и выслушивая отовсюду явившихся къ нему посланниковъ, которымъ онъ давалъ, при прощаніи, отвѣты, заранѣе ему продиктованные и заученные наизусть, такимъ образомъ, что можно было подумать, будто онъ говорилъ отъ самого себя.

Король, кромѣ безполезнаго титула и скуднаго содержанія, которое выдавалось ему майордомомъ по своему усмотрѣнію, имѣлъ единственное, впрочемъ очень мало доходное, помѣстье, составлявшее его собственность, помѣщеніе и прислугу, весьма немногочисленную и едва достаточную для самаго необходимаго. Всюду, куда

бы король ни отправлялся, онъ ѣхалъ въ повозкѣ, запряженной парою воловъ, которыми правилъ пастухъ. Такъ онъ ѣздилъ во дворецъ, на народныя собранія, которыя ежегодно происходили для блага государства; тѣмъ же порядкомъ онъ отправлялся и обратно домой. Самое же управленіе государствомъ и все, что только нужно было привести въ исполненіе или устроить во внутреннихъ или внѣшнихъ дѣлахъ, о всемъ этомъ заботился майордомъ". Если это сообщеніе Эгингарда и страдаетъ преувеличеніями, то въ общемъ оно все же какъ нельзя лучше характеризуетъ взаимоотношенія лѣнивыхъ королей и майордомовъ. На самомъ дѣлѣ, послѣ смерти преемника Хлотаря II-го - короля Дагоберта I-го /639/ меровингамъ остался лишь призракъ былого величія. Государственными дѣлами они не интересовались. Они очень рано начинали жить жизнью мужчины, еще въ отрочествѣ погрязали въ развратѣ, 15 и даже 14 лѣтъ обзаводились семействомъ и обыкновенно болѣе 24-25 лѣтъ не жили. При такихъ обстоятельствахъ палатные меры превратились во всемогущихъ министровъ. Народъ не видалъ своихъ законныхъ владыкъ. Онъ видѣлъ только своего фактическаго руководителя - майордома, которому и приносилъ клятву вѣрности. Привязавши къ себѣ тѣсными узами посредственнаго и непосредственнаго вассалитета все населеніе франкскаго государства, майордомы изъ рода Пипина II-го не только пріостановили дальнѣйшее разложеніе меровингской монархіи, но

даже успѣли раздвинуть ея предѣлы далеко на югъ, на востокъ и на сѣверъ. Преемникъ Пипина II-го Карлъ / 715 г./ недаромъ получилъ прозваніе Мартелла, т.е. всесокрушающаго молота. Своими военными подвигами онъ поднялъ на недосягаемую высоту обаяніе личности меровингскаго майордома. Произведши грандіозную экспропріацію земельныхъ богатствъ Франкской Церкви и раздавши ихъ въ качествѣ военныхъ бенифицієвъ своимъ многочисленнымъ дружинникамъ, Карлъ Мартеллъ сразу создалъ хорошо организованную армію, съ которой могъ предпринимать самыя трудныя походы. Покоривши Фрисландію, онъ проникъ въ земли тюринговъ, аллемановъ, баваровъ и саксовъ, всюду одерживая блестящія побѣды. Но главная заслуга Мартелла, давшая ему безсмертную славу въ потомствѣ, это его битвы съ арабами. Съ начала VIII ст. магометане - арабы сдѣлались настоящею грозою для христіанскаго міра. Не только на востокѣ, у Золотого Рога, но и на западѣ, у Геркулесовыхъ Столбовъ появились ихъ несмѣтныя полчища. Поглотивши вестготское королевство въ Испаніи, они перешли Перенейскій хребетъ и, распространяя на своемъ пути ужасъ, двинулись къ національной франкской святынѣ - къ блещущей золотомъ церкви св. Мартина Турскаго. Христіанство, бывшее основною опорою и силою запада и мало распространенное на востокѣ государство, подвергалось опасности въ самомъ древнемъ изъ

своихъ центровъ - въ Галліи. При такой грозной опасности всѣ пробудились, а Карлъ Мартеллъ выступилъ въ качествѣ вождя соединеннаго франкскаго христіанства. Онъ разбилъ арабовъ въ двухъ битвахъ на югѣ Галліи и отбросилъ ихъ обратно за Перенеи. Церковь простила Мартеллу нѣкогда понесенныя отъ него обиды и увѣнчала его славою Божьяго воина въ битвахъ съ невѣрными. А населеніе съ восторгомъ взирало на своего вождя - героя христіанскаго міра.

/ Сынъ Карла Мартелла - Пипинъ Короткій /741г./ явился достойнымъ преемникомъ своего отца во внутренней и внѣшней политикѣ. Онъ упрочиваетъ господство франковъ на сѣверо-востокѣ и окончательно изгоняетъ арабовъ изъ Аквитаніи. Въ то же самое время онъ неустанно заботится объ организаціи національной франкской Церкви и освобождаетъ ее отъ унизительнаго подчиненія Риму. Но съ папою онъ сохраняетъ самыя дружескія отношенія, обѣщаетъ ему поддержку противъ лангобардовъ и съ его помощью въ 751 году надѣваетъ на себя корону меровинговъ. Потомъ онъ двигается и на Италію, въ двухъ походахъ уничтожаетъ могущество лангобардовъ и кладетъ основаніе вотчинѣ св. Петра /patrimonium S. Petri /. Превративши папу въ свѣтскаго государя, Пипинъ однако держитъ его въ тѣсной зависимости отъ франкскаго королевства. Подобную политику по отношенію къ папскому престолу, наряду съ широкими задачами военно административнаго

характера, онъ и завѣщаетъ своему славному сыну Карлу Великому.

Императоръ Карлъ Великій- это центральная фигура такъ наз. ранняго средневѣковья. Правда, онъ не былъ ни основателемъ своей династіи, ни виновникомъ ея возвышенія. Получивши отъ своихъ предшественниковъ вполнѣ упроченную власть, онъ въ большинствѣ случаевъ только выполнялъ ихъ грандіозныя предначертанія. А между тѣмъ не Пипинъ, а Карлъ Великій далъ свое имя всей династіи, и всякій разъ, когда о немъ разсуждаютъ, думаютъ о значеніи его времени. Не Карлъ Мартеллъ, не Пипинъ, а именно Карлъ Великій представляется каждому основателемъ и славою своего дома. И никто не оспариваетъ у Карла Великаго права называть своимъ именемъ и свой домъ, и всю свою эпоху. Онъ - геній, и ему вся слава. Совеюмогучею фигурою онъ заслонилъ отъ взоровъ послѣдующихъ поколѣній и рыцарскіе подвиги Карла Мартелла, и организаторсткіе таланты Пипина Короткаго. Народныя сказанія не хотятъ признавать доблестей предшественниковъ императора. Подвиги цѣлой династіи они приписываютъ одному только Великому Карлу - этому сверхчеловѣку - титану, воплощенію древне германскаго бога Одина. Но въ то же время многіе любятъ повторять, что этотъ титанъ въ сущности не создалъ ничего твердаго, что вся его работа погибла вмѣстѣ съ его кончиной. Онъ - яркій ме-

теоръ, внезапно вышедшій изъ мрака варварства для того, чтобы тотчасъ же потухнуть во мракѣ феодализма.

Что же на самомъ дѣлѣ представлялъ изъ себя Карлъ Великій? Каковы его реальныя заслуги передъ роднымъ народомъ и передъ общеевропейской цивилизаціей? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо прежде всего отчетливо уяснить себѣ руководящіе принципы дѣятельности императора, необходимо понять его въ его широкихъ и разностороннихъ стремленіяхъ. Необходимо, далѣе, отдѣлить въ этихъ стремленіяхъ то, что унаслѣдовано отъ исторіи, и то, что является продуктомъ личнаго творчества императора. Словомъ, намъ необходимо понять Карла Великаго въ исторической перспективѣ, и тогда особенно ярко выступитъ его міровое значеніе.

Передъ Карломъ Великимъ стояли трудныя и неотложныя задачи. Онъ долженъ былъ закончить начатое объединеніе романскихъ народовъ съ германскими и спаять разрозненныя части франкской монархіи духомъ христіанской культуры. Словомъ, онъ долженъ былъ завершить то, надъ чѣмъ трудились Пипинъ и Бонифацій. Таковы задачи, унаслѣдованныя Карломъ отъ прошлаго. Но онъ безконечно расширилъ эти задачи, поставивши себѣ цѣлью осуществить царство Божіе на землѣ, и въ этомъ личный элементъ его творчества. Чисто идеальныя по-

строенія Иппонскаго епископа Августина, хранившіяся въ умахъ лучшихъ представителей папства на протяженіи столѣтій, онъ задумалъ отлить въ конкретныя, матеріальныя формы. Искоренить царящее въ мірѣ зло, насадить въ своихъ владѣніяхъ единство, міръ и правду - вотъ къ чему были направлены усилія императора, поглотившія огромныя матеріальныя средства, накопленныя прошлымъ франкской монархіи. И если Карлъ Великій былъ настоящимъ римляниномъ въ своихъ конечныхъ стремленіяхъ, то онъ дѣйствовалъ, какъ настоящій варваръ при ихъ выполненіи. Это не патріархальный, набожный и кроткій старецъ, какимъ изображаетъ императора извѣстная пѣснь о Роландѣ. Въ своей практической дѣятельности это прежде всего сикамбръ, жестокій владыка, умѣющій, впрочемъ, подчинять свои страсти велѣніямъ холоднаго ума и расчетамъ государственной выгоды. Онъ не знаетъ никакихъ преградъ при выполненіи своихъ стремленій и утверждаетъ царство Божіе на землѣ чисто насильственнымъ образомъ. Это тотъ человѣкъ, который не задумался перебить 4000 знатнѣйшихъ саксовъ за возстаніе, человѣкъ, который каралъ своихъ подданныхъ смертною казнью за неисполненіе мелочныхъ обрядовъ католической Церкви, ревностный миссіонеръ, огнемъ и мечемъ принуждавшій „связанныя отъ начала міра узами демоновъ племена... надѣть на себя пріятное иго Христово". Это не Теодорихъ - король остготовъ, но и не вѣроломный Хлодвигъ - чисто варвар -

скій конунгъ. Это римлянинъ и тевтонъ въ одно и то же время, человѣкъ, съумѣвшій слить во едино прежде всего въ самомъ себѣ, а потомъ и во всемъ своемъ государствѣ два разнородныхъ культурныхъ начала, и въ этомъ его міровое значеніе, его слава въ потомствѣ, его никѣмъ неоспариваемое величіе. Силою и могуществомъ франковъ онъ собралъ подъ своею рукою всѣ народы германскаго и романскаго міровъ. Величіемъ христіанской культуры онъ вдохнулъ въ нихъ новую жизнь, указалъ на новыя, вѣчныя цѣли, очистилъ отъ примитивнаго варварства. Онъ, въ чьемъ широкомъ и глубокомъ умѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся средневѣковая теорія міра и человѣческой жизни, сообщилъ средневѣковому обществу форму и отпечатокъ, которые оно сохраняло въ теченіе столѣтій и слѣды которыхъ среди насъ и на насъ даже до настоящаго времени. И въ этомъ смыслѣ онъ отнюдь не промелькнулъ, какъ метеоръ, а оставилъ послѣ себя богатое наслѣдство.

Не будемъ останавливаться подробно на внѣшнихъ событіяхъ царствованія Карла Великаго, описанныхъ у Эгингарда. Замѣтимъ только, что главныя задачи внѣшной политики Карла всецѣло сосредоточивались на востокѣ государства. Западная граница была защищена моремъ, по которому еще не сновали судна норманновъ. И лишь на крайнемъ юго-западѣ Карлъ велъ малоуспѣшныя войны съ сарацинами, воспѣтыя въ пѣснѣ о Роландѣ. На востокѣ, напротивъ, предстояла трудная и продолжительная

работа. Предстояло окончательно покорить многочисленныя германскія племена, изъ которыхъ самыми могучими и воинственными были дикіе саксы. Цѣлыхъ 33 года желѣзомъ и кровью распространялъ Карлъ Великій среди саксовъ христіанство и новое государственное устройство, пока не сломилъ ихъ упорство окончательно. А покоривши саксовъ, онъ направилъ ихъ силу противъ Прибалтійскихъ славянъ - ободритовъ и лютичей, положивши начало тому кровавому движенію нѣмецкаго народа на востокъ /Drang nach Osten/, которое и понынѣ виситъ дамокловымъ мечемъ надъ авангардомъ славянскаго міра. Наконецъ, здѣсь же на востокѣ Карлъ, можно сказать, совершенно стеръ съ лица земли дикое Аварское царство / въ Панноніи /, не оставивши во многихъ мѣстахъ „и слѣдовъ человѣческой жизни", по выраженію Эгингарда.

Утверждая свое могущество на востокѣ, Карлъ въ то же время старался урегулировать свои отношенія къ Италіи и Риму. Уступая настойчивымъ просьбамъ папскаго престола поразить „коварный, ужасный и зловонный народъ лангобардовъ, которые не могутъ даже и считаться народомъ, такъ какъ прокляты Богомъ и внесли въ міръ неправду", онъ покоряетъ королевство Дизидерія и въ 774 г. провозглашаетъ себя верховнымъ владыкою послѣдняго. Римская курія мечтавшая о всемірной политической власти и смотрѣвшая на земли лангобардовъ, какъ на свою законную добычу, осталась очень недоволь-

на подобнымъ оборотомъ дѣла. Папа не хотѣлъ ограничиться властью надъ однимъ только Римомъ и Равенскимъ экзархатомъ, властью, которая вдобавокъ была ограничена нежелательнымъ франкскимъ протекторатомъ. Но Карлъ Великій неуклонно шествовалъ по пути, завѣщанному ему Пипиномъ. Онъ не только самостоятельно распоряжался дѣлами франкской Церкви, но и оказывалъ опредѣленное воздѣйствіе на папскіе выборы, на папское управленіе. Умный и энергичный Адріанъ не имѣлъ возможности противиться всесильному Карлу. А его преемникъ Левъ III - низкій и корыстолюбивый человѣкъ былъ безгласнымъ орудіемъ предначертаній короля франковъ. Въ 800 г. въ день Рождества Христова произошло событіе, чреватое важными послѣдствіями. Въ базиликѣ св. Петра папа Левъ III-й возложилъ на голову Карла Великаго императорскую корону, и самъ преклонился предъ нимъ, какъ передъ Божіемъ помазанникомъ. Такъ на Западѣ возстановлена была Римская Имперія, которая получила названіе „Священной". Франкская національная монархія переродилась въ монархію всемірно-христіанскую. Казалось, что Карлъ добился, наконецъ, осуществленія идеаловъ блаженнаго Августина. Церковь разрослась въ царство Господа, духовная и свѣтская власть соединились въ рукахъ одного богобоязненнаго владыки. Изъ короля франковъ и лангобардовъ Карлъ Великій превращается въ Августа, Богомъ коронованнаго, вели-

каго и миротворящаго римскаго императора, защитника Церкви /Augustus a Deo coronatus, magnus et pacificus imperator Romanorum defensor ecclesiae/. Карлъ Великій теперь уже не простой свѣтскій владыка. Онъ посредникъ между Божествомъ и народомъ, онъ блюститель божественныхъ законовъ въ подлунномъ мірѣ. Онъ-карающій мечь не только за государственныя преступленія, но и за грѣхи, т.е. за преступленія противъ нравственнаго закона. Онъ царь и первосвященникъ вмѣстѣ, ведущій свой народъ къ нравственному усовершенствованію и вѣчному спасенію. Власть для него не источникъ обогащенія и соціальной силы. Это государственное и Божіе служеніе въ одно и то же время, служеніе, налагающее высокую и тяжелую отвѣтственность. И если Алкуинъ говоритъ, что „по волѣ Всевышняго, Карлъ царствуетъ и управляетъ градомъ вѣчнаго мира, построеннымъ драгоцѣнною кровью Христовой", то это не пустыя слова, а отраженіе фактической действительности. Теперь на самомъ дѣлѣ „Божественная власть вооружаетъ Карла двумя мечами, какъ удивительнымъ и особеннымъ даромъ Божіимъ, ибо онъ съ пламеннымъ рвеніемъ старается защитить Церкви Христовы отъ опустошеній язычниковъ и очистить ихъ отъ ученій невѣрныхъ". Онъ подобенъ „возлюбленному Богомъ Давиду, ибо его десница потрясаетъ мечемъ въ торжествующей мощи, а уста звучатъ трубою каѳолической проповѣди". Онъ- „избранный Богомъ мужъ, воинъ Христовъ, сынъ Божій, защитникъ не-

вѣсты Господа Бога, отданный ему Богомъ для сохраненія"....

Широкая государственная дѣятельность Карла Великаго цѣликомъ пропитана этими высокими взглядами императора на свое назначеніе. Устраивая внутреннюю жизнь своей обширной монархіи, Карлъ Великій неизмѣнно требуетъ, „чтобы повсюду между епископами, аббатами, графами, судьями и всѣми людьми, какъ высокаго такъ и низкаго званія, царили миръ, согласіе и единодушіе, ибо ничто не угодно Богу безъ мира". Карлъ и стремится насадить у себя отличительные признаки Божьяго царства цѣлымъ рядомъ распоряженій законодательно-административнаго характера - такъ назыв. капитуляріями. Капитуляріи не являются плодомъ отвлеченныхъ размышленій досужихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Они вызваны насущными потребностями практики, нерѣдко даны по желанію самого населенія, и охватываютъ собою буквально всѣ стороны жизни великой монархіи. Здѣсь мы находимъ многочисленныя распоряженія политическаго, уголовнаго, гражданскаго, церковнаго, каноническаго, хозяйственнаго характера. Здѣсь же разсыпана масса мелкихъ практическихъ совѣтовъ и указаній имперскому чиновничеству и государевымъ посланцамъ. Это - драгоцѣнный матеріалъ для изученія внутренной дѣятельности неутомимаго императора и для характеристики всей эпохи, связанной съ его именемъ. Между прочимъ, изъ этихъ капитуляріевъ мы

узнаемъ, что для проведенія въ жизнь своихъ широкихъ предначертаній Карлъ Великій пользовался прежними органами свѣтской и церковной администраціи. Онъ лишь упорядочилъ эту администрацію, уничтоживши тѣ различія въ устройствѣ римской и германской частей монархіи, которыя существовали при меровингахъ. Въ областномъ управленіи повсемѣстно были уничтожены герцогства, зато проведено строгое дѣленіе на сотни и графства. Исчезли выборныя должности судей на мѣстахъ, и старинные рахинбурги были замѣнены назначаемыми графомъ лицами - такъ наз. скабинами. Чтобы оградить населеніе отъ произвола своихъ чиновниковъ, Карлъ Великій ставилъ графовъ подъ надзоръ епископовъ, а за дѣятельностью епископовъ поручалъ наблюдать графамъ. Но самыми вѣрными и могущественными проводниками по всѣмъ частямъ обширной Имперіи политики центра становятся такъ наз. государевы посланцы- *missi dominici*. Этотъ институтъ возникъ еще при меровингахъ, а при Карлѣ Великомъ онъ получаетъ самое широкое распространеніе. Государевы посланцы были надѣлены обширными полномочіями и были обязаны контролировать и восполнять дѣятельность обычныхъ областныхъ администраторовъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Они назначались изъ высшихъ сановниковъ государства, изъ среды сильныхъ и обезпеченныхъ людей, что гарантировало съ одной стороны, уваженіе къ нимъ со стороны населенія, съ другой стороны, ихъ не-

подкупность. Вся имперія раздѣлялась на рядъ округов говъ /missatica/, въ которые ежегодно посылалось по два государевыхъ посланца - одинъ свѣтскій, другой духовный, съ обстоятельною инструкціей самого императора. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ missi, императоръ посылалъ въ разные концы государства чрезвычайныхъ пословъ съ специальными порученіями.

Государевы посланцы прежде всего возвѣщали волю своего государя, исполняли должности графовъ и другихъ королевскихъ слугъ, епископовъ и аббатовъ, творили правосудіе, защищали слабыхъ, поучали народъ въ его нравственныхъ и религіозныхъ обязанностяхъ. Словомъ, они дѣлали все то, что могъ бы сдѣлать самъ императоръ, если бы онъ былъ въ состояніи поспѣвать во всѣ отдаленныя области своего обширнаго государства. Во всемъ преслѣдовалась двоякая цѣль - устройство порядка на этомъ свѣтѣ и подготовка душъ къ спасенію въ будущемъ.

Кромѣ missi dominici, непривязанныхъ къ опредѣленной территоріи, Карлъ Великій выдвинулъ новыхъ чиновниковъ съ чрезвычайными полномочіями - такъ наз. маркграфовъ. Это намѣстники семи пограничныхъ областей, сосѣднихъ съ враждебными народами.

Центральное управленіе попрежнему сосредоточивается во дворцѣ /palatium/, организація котораго потерпѣла лишь незначительныя измѣненія въ сравненіи съ временами меровинговъ. Такъ, должность платнаго мэра исчезла и завѣдываніе дворцомъ перешло къ такъ наз. дворцовому графу. Появилась новая должность архикапеллана, который, будучи духовнымъ лицомъ, завѣдывалъ церковными дѣлами по всему государству. Попрежнему во дворцѣ мы видѣли отдѣльныя бюро, похожія на современныя министерства. Рядомъ съ дворцомъ существуетъ постоянный королевскій совѣтъ, куда императоръ, по своему усмотрѣнію, призываетъ важнѣйшихъ сановниковъ, для совмѣстнаго обсужденія насущныхъ нуждъ государства.

Чтобы имѣть реальное представленіе о нуждахъ и потребностяхъ народа, Карлъ созывалъ ежегодно въ началѣ лѣта собраніе изъ свѣтскихъ и духовныхъ сеньоровъ и отъ нихъ собиралъ свѣдѣнія о томъ, какъ протекала жизнь въ различныхъ частяхъ государства и какія мѣры необходимо было принять для ея урегулированія. Одновременно производился смотръ народному ополченію. Это такъ наз. майскія поля, смѣнившія собою мартовскія поля меровинговъ. Кромѣ весеннихъ собраній, существовали собранія осеннія, куда Карлъ приглашалъ лишь самыхъ крупныхъ магнатовъ и сановниковъ государства, составлялъ съ ними проэкты новыхъ законовъ, которые и публиковались затѣмъ на весеннихъ собраніяхъ слѣдующаго года. И весеннія и осеннія собранія не являются народными собраніями въ духѣ древнихъ германцевъ. Они имѣютъ характеръ только совѣщательный. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Карлъ дѣйствуетъ, какъ неог-

раниченный владыка. И при всемъ томъ собранія эти имѣли громаднѣйшее государственное значеніе. Здѣсь передъ Карломъ проходили непосредственные его вассальные, могущественные феодалы сеньоры, безъ содѣйствія которыхъ императоръ не могъ предпринять буквально ни одного важнаго шага. Развивши и упрочивши вассалитетъ и бенифиціальную систему, Карлъ Великій въ сущности являлся главою централизованнаго феодальнаго государства и, какъ верховный сюзеренъ, имѣлъ возможность простирать свою власть на обширное населеніе имперіи только черезъ посредство цѣлаго ряда сеньоровъ. Римская и всемірная по своей идеологіи, имперія Карла Великаго de facto представляла изъ себя совокупность самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, которыя были чисто искуственно объединены въ одно стройное цѣлое организаторскимъ талантомъ могучаго императора.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о частной жизни императора, руководствуясь данными Эгингарда. „Карлъ, говоритъ Эгингардъ, былъ широкаго и сильнаго сложенія, высокъ ростомъ, но не превышалъ мѣры, ибо, какъ извѣстно, высота его равнялась семи футамъ; глаза весьма большіе и живые, носъ нѣсколько болѣе умѣреннаго, красивая сѣдина, лицо веселое и улыбающееся. Все это много содѣйствовало увеличенію обаянія его фигуры и достоинства, сидѣлъ ли онъ или стоялъ. Хотя шея его, казалось, была велика и толста, а животъ выступалъ впередъ, но пропорціональность остальныхъ частей тѣла скрывала эти недостатки. Походка Карла была твердая, все очертаніе тѣла мужественное, голосъ хотя звучный, но не совсѣмъ соотвѣтственный величинѣ стана здоровье цвѣтущее, исключая того, что передъ смертью, послѣдніе четыре года часто страдалъ лихорадкою, и наконецъ, даже прихрамывалъ на одну ногу". Одежду Карлъ носилъ простую - обыкновенную національную одежду франка, единственное украшеніе которой висящій у пояса мечь, съ рукоятью изъ серебра или золота. Императоръ не любилъ иностранныхъ нарядовъ. И лишь въ торжественныхъ случаяхъ онъ надѣвалъ „одежды, затканныя золотомъ и обувь, выложенную драгоцѣнными камнями, съ плащемъ, застегнутымъ золотою пряжкою, и въ золотой коронѣ съ камнями".

Такова внѣшность Карла Великаго, въ которой, какъ видимъ, отсутствуютъ многіе элементы позднѣйшей легенды, именно, великолѣпная борода, ниспадающая до средины груди, сказочное по своему богатству одѣяніе, скипетръ, держава. Что касается внутреннихъ качествъ императора, то Эгингардъ прежде всего подчеркиваетъ, что онъ былъ умѣренъ въ отношеніи напитковъ и не навидѣлъ пьянство. „Но въ пищѣ не могъ быть одинаково воздержнымъ, и часто жаловался на то, что посты вредны его здоровью". Впрочемъ, столъ императора былъ такъ же простъ, какъ и его одежда. И лишь въ торжественные дни давались большіе обѣды. Изображая интеллектуальныя ка-

чества Карла Великаго, Эгингардъ замѣчаетъ, что онъ обладалъ большимъ краснорѣчіемъ, превосходно зналъ латинскій языкъ, „но по гречески болѣе понималъ, нежели говорилъ". Въ Академіи онъ обучался риторикѣ, діалектикѣ, астрономіи и исторіи. Въ особенности любилъ читать произведеніе Августина „ О градѣ Божіемъ". Очень увлекался музыкой и пѣніемъ, въ особенности національными германскими пѣснями, которыя были имъ бтщательно собраны и записаны. Вообще Карлъ питалъ большое пристрастіе ко всему національному. Онъ началъ составлять грамматику родного языка, далъ отечественныя наименованія „двѣнадцати вѣтрамъ", т.е. двѣнадцати мѣсяцамъ.

Карлъ былъ женатъ четыре раза и имѣлъ 3-хъ законныхъ сыновей и 5 дочерей. Императоръ питалъ самую нѣжную привязанность къ своимъ дѣтямъ и лично занимался ихъ обученіемъ и воспитаніемъ. Сыновья его должны были, помимо занятій науками, „ѣздить верхомъ, владѣть оружіемъ и охотиться, а дочерей приказано было занимать пряжею льна за прялкою и веретеномъ"... „Дочери были весьма красивы и такъ имъ любимы, что -удивительно сказать- онъ не хотѣлъ ни одной изъ нихъ выдать ни за своего, ни за чужестранца, но держалъ всѣхъ у себя дома до самой смерти"... Зато императоръ не мѣшалъ дочерямъ заводить интриги съ придворными. И мы знаемъ, что одна изъ нихъ - Ротруда - состояла въ связи съ графомъ Роруго, а другая - Берта - съ „бѣлокурымъ Гомеромъ"-поэтомъ Ангильбертомъ. Карлъ и самъ не отличался строгостью нравовъ. По смерти послѣдней своей жены Ліутгарды, онъ 68 лѣтъ отъ роду завелъ 4-хъ наложницъ, отъ которыхъ имѣлъ цѣлое потомство. Вообще легкость нравовъ, это отличительная черта веселаго императорскаго дворца въ Ахенѣ. Ласковый и добродушный характеръ императора привлекалъ сюда, наряду съ тысячами молодыхъ талантовъ, массу всевозможнаго сброда. Толпы странствующихъ пѣвцовъ и фигляровъ все разростались, не мало и продажныхъ женщинъ расположилось на житье въ Ахенѣ. И не даромъ послѣ смерти Карла его благочестивый сынъ - Людовикъ серьезно думалъ уничтожить огнемъ и мечемъ нечестивое наслѣдіе стараго порядка.

Карлъ Великій скончался, какъ извѣстно, въ 814 г., 82 лѣтъ отъ рожденія. Смерть императора произвела огромное впечатлѣніе на народную массу, которая окружила послѣдніе дни любимаго героя цѣлымъ рядомъ чудесныхъ предзнаменованій. „Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, читаемъ мы у Эгингарда, происходили безпрерывно солнечныя и лунныя затмѣнія, и на солнцѣ цѣлыхъ семь дней сряду замѣчали темныя пятна". Внезапно упалъ и разсыпался портикъ между соборомъ и королевскимъ жилищемъ. Также и мостъ на Рейнѣ у Майнца, строившійся въ теченіе десяти лѣтъ, сгорѣлъ въ три часа отъ несчастнаго случая. Во время послѣдняго похода Карла въ Саксонію внезапно спустилось съ неба пламя,

и императоръ упалъ съ своего боевого коня, попортивши боевые доспѣхи. „Ко всему этому присоединялись частыя потрясенія ахенскаго дворца, и въ домахъ, гдѣ бывалъ императоръ, наблюдали трескъ балокъ. Соборъ, въ которомъ онъ былъ погребенъ, испыталъ на себѣ удар молніи, и золотое яблоко, которымъ украшалась вершина купола, было разбито и отброшено на прилегавшій къ собору домъ епископа". Такъ повѣствуетъ о смерти императора легенда, которая со временемъ создастъ своего собственнаго Карла. Но легендарный Карлъ - это неисключительно продуктъ воображенія. Это самый настоящій Карлъ, возвеличенный потомствомъ подобно тому какъ заходящее солнце удлиняетъ тѣни предметовъ, оставляя въ то же время характерныя ихъ очертанія.

Подведемъ итоги всему, что сказано о Карлѣ Великомъ. Какъ было выше отмѣчено, онъ не промелькнулъ въ исторіи подобно метеору, а оставилъ послѣ себя богатое наслѣдство. Переработавши въ одно стройное цѣлое романскую и германскую культуры, онъ опредѣлилъ на нѣсколько вѣковъ впередъ характеръ западно-европейской цивилизаціи. Именно при немъ исчезло то рѣзкое раздѣленіе между romani и barbari, которое давало себя чувствовать на каждомъ шагу въ предшествующую эпоху. Именно при немъ отлилась въ опредѣленныя формы оригинальная культура средневѣковаго общества, которая потекла затѣмъ по тремъ различнымъ ручьямъ, вышедшимъ изъ одного общаго русла. Какъ ве-

ликій человѣкъ, онъ сумѣлъ вѣрно схватить назрѣвшія потребности времени и дать имъ надлежащее удовлетвореніе. И напрасно нѣмцы любятъ выставлять Карла Великаго своимъ національнымъ героемъ. Его геній принадлежитъ всему романо-германскому міру, мало того, онъ драгоцѣнное достояніе всего всего человѣчества. Его могучая личность не подходитъ подъ узко-націоналистическія опредѣленія. Человѣкъ, провозгласившій міровые принципы, имѣетъ и міровое значеніе. И если міровая монархія Карла Великаго разсыпалась послѣ его кончины, то этимъ дѣятельность великаго человѣка вовсе не была сведена къ нулю, какъ это думаютъ нѣкоторые. Этимъ были уничтожены лишь политическія завоеванія Карла Великаго. И надо сказать, что немедленное крушеніе политическихъ идеаловъ императора еще болѣе подчеркиваетъ обаяніе этой замѣчательной личности. Надо удивляться той организаторской способности и той желѣзной волѣ, при помощи которыхъ Карлъ Великій сумѣлъ поддерживать единую цѣльность своего обширнаго государства. Того государства, внутри котораго бурлили центробѣжныя силы, выросшія тихо и незамѣтно, путемъ естественной эволюціи. Эти силы и проявили себя самымъ осязательнымъ образомъ тотчасъ же послѣ кончины Карла Великаго. Они раздѣлили западно-европейское общество на тысячи самостоятельныхъ организмовъ, они предоставили его всѣмъ ужасамъ безпорядка, анархіи.

Здѣсь не было ничего твердаго и опредѣленнаго. Все шло вразбродъ, все стремилось къ самобытному существованію. Такъ продолжалось дѣло до тѣхъ поръ, пока строго выработанная феодальная система не облекла Западно-Европейское общество цѣлою сѣтью другъ другу подчиненныхъ сеньорій и не внесла нѣкотораго строя и порядка въ бурное море политической неурядицы. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться съ действіемъ тѣхъ разрушительныхъ силъ, которыя привели къ крушенію монархію Карла Великаго. Но предварительно необходимо изучить ту экономическую среду, которая питала вновь народившіяся общественныя силы.

Литература о франкской монархіи при каролингахъ:
Кромѣ работъ, указанныхъ на стр. 363, см. Lavisse. Histoire de France, II, 1, 1903. Warnkönig et Gérard. Histoire des Carolingiens, 1862. Kleinclausz. L'empire carolingien, ses origines et ses transformations, 1902. Fustel. Les transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne. 1892. Hauréau. Charlemagne et sa cour. 1868. На русскомъ языкѣ: Лампрехтъ. Исторія германскаго народа, т. I. 1894. Брайсъ. Священная Римская Имперія. 1891. Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка, II, 1903. Вязигинъ. Идеалы „Божьяго царства" и монархія Карла Великаго. 1912.

XI. АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ ЭПОХИ РАННЯГО СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.

I. Исходные пункты аграрныхъ отношеній средневѣковой Европы. Земельные распорядки древней Германіи и императорскаго Рима

Аграрныя отношенія эпохи ранняго средневѣковья, надъ изученіемъ которыхъ такъ много поработала наша наука, къ сожалѣнію, и до настоящаго времени съ надлежащею полнотою не выяснены. И сейчасъ мы находимъ въ данной области цѣлый рядъ гипотетическихъ построеній, нерѣдко другъ друга исключающихъ. Споръ ведется главнымъ образомъ по вопросу о томъ, что было отправною точкою аграрной эволюціи средневѣковой Европы - свободная сельская община древнихъ германцевъ, или же большое помѣстье римской эпохи. Сторонники такъ наз. „общинной" теоріи, во главѣ съ Мауреромъ, склонны признавать въ данномъ случаѣ рѣшительное преобладаніе начала германскаго, а Фюстель де Куланжъ со своими послѣдователями - преобладаніе начала римскаго. Сущность теоріи Маурера сводится къ слѣдующему. Древніе германцы эпохи Цезаря и Тацита знали и практиковали собственность общинную. Типъ земельныхъ распорядковъ древней Германіи земельная община-марка, построенная не на началахъ кровнаго родства, а на началахъ равноправнаго товарищества. Пахот-

ныя поля и угодья - все это собственность цѣлой деревни. Пахотное поле представляло изъ себя совокупность неравноцѣнныхъ, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ участковъ - такъ наз. коновъ /Gewanne /. Въ каждомъ кону способные носить оружіе члены общины получали равно великія доли путемъ ежегоднаго метанія жребія. Такимъ образомъ практиковалась широкая черезполосица участковъ, а въ результатѣ принудительный сѣвооборотъ и общіе выпасы на пару. Угодья передѣлу не подлежали. Ими пользовались сообща всѣ члены деревни, или марки. Вся территорія деревенскаго округа являлась, такимъ образомъ, общинною собственностью - алльмэндою. Марковый строй германцы переносятъ съ собою и въ мѣста своихъ новыхъ поселеній. Вездѣ, куда только проникалъ германскій мечъ, насаждалась и древне-германская марка. Въ V-VII ст. не только саксы, аллеманы, бавары, но и франки, бургунды, вестготы живутъ марковымъ строемъ. И лишь въ послѣдующія столѣтія марка постепенно разлагалась, порождая индивидуальную собственность на пахотное поле. Феодализирующіе процессы привели къ замѣнѣ мелкой земельной собственности крупною и къ превращенію свободныхъ земледѣльцевъ - крестьянъ въ крѣпостныхъ людей - сервовъ. Однако помѣстные распорядки не сокрушили распорядковъ сельской общины. Напротивъ, они сами къ нимъ приспособились и въ нихъ растворились. Помѣстная организація - это та же сельская организа-

ція, съ тѣмъ лишь различіемъ, что право верховной собственности на землю перешло къ сильному магнату или сильной карпораціи, а прежніе свободные крестьяне превратились въ сервовъ. Черезполосица участковъ и общинное землепользованіе сохранились попрежнему, и самъ верховный собственникъ земли /сеньоръ/ долженъ былъ съ ними считаться. Съ теченіемъ времени, при наличности благопріятныхъ экономическихъ условій, крѣпостное село стряхиваетъ съ себя зависимость отъ помѣщика и снова возвращается къ свободному состоянію.

Построенная въ большей своей части на аналогіяхъ, т.е. на сравненіяхъ съ аграрнымъ строемъ другихъ народовъ, стоящихъ на невысокой стадіи культурнаго развитія, теорія Маурера подверглась рѣзкой критикѣ со стороны Фюстель де Куланжа, рѣшительно не признававшаго другихъ методовъ научнаго изслѣдованія, кромѣ текстуальнаго изученія памятниковъ. По мнѣнію Фюстель де Куланжа, ученіе о марковомъ строѣ это - чистѣйшій плодъ воображенія нѣмецкихъ историковъ. Вопреки Мауреру и его послѣдователямъ, онъ находитъ у германцевъ времени Тацита не общинную, а семейную, и даже индивидуальную земельную собственность. И земельные распорядки германцевъ, говоритъ Фюстель де Куланжъ, не такъ уже разнились отъ порядковъ Римской Имперіи, какъ это принято думать. И здѣсь существовала крупная земельная собственность, такъ какъ поля, по свидѣтельст-

ву Тацита, дѣлились не на равно-великія доли, а *Secundum dignationem*, т.е.соотвѣтственно достоинству каждаго.И здѣсь существовали оброчные рабы, подобные римскимъ колонамъ. Вотъ почему германцы цѣликомъ приняли строй большого помѣстья, который они нашли на развалинахъ Римской Имперіи. Хозяйственная эволюція Рима не подверглась большому видоизмѣненію подъ вліяніемъ варварскаго нашествія. Не древне-германская марка, въ смыслѣ свободной сельской общины, а большое помѣстье римской эпохи-вотъ исходная точка аграрной эволюціи средне-вѣковой Европы.Переживши вторженіе варваровъ, это помѣстье получило дальнѣйшее развитіе при меровингахъ и каролингахъ, поглотило на всемъ протяженіи Карловой монархіи мелкую земельную собственность, и лишь въ результатѣ своего разложенія породило село-общину свободныхъ земледѣльцевъ.

Теорія Фюстеля въ корнѣ подорвала ученіе Маурера о марковомъ строѣ. Но и сама она не свободна отъ недостатковъ и вызвала существенныя возраженія.Въ настоящее время замѣчается новое теченіе въ разработкѣ затронутаго нами вопроса, теченія, которое, стараясь избѣжать узости построеній германистовъ и ихъ противниковъ, стремится найти истину посрединѣ. Это новое теченіе пытается представить процессъ аграрной эволюціи средневѣковой Европы во всемъ его разнообразіи, считаясь и съ характеромъ мѣстности, и съ составомъ ея населенія. Но результаты этого направленія, требующаго цѣлый рядъ спеціальныхъ монографическихъ изслѣдованій, лежатъ впереди. А пока мы можемъ дать лишь приблизительную картину аграрной эволюціи эпохи ранняго средневѣковья. Мы и попытаемся это сдѣлать, пользуясь исключительно письменными памятниками эпохи: Варварскими Правдами, сборниками грамотъ и формулъ, капитуляріями королей, хартуляріями и политиками, отчасти историками.

„Невозможно выяснить характеръ средневѣковаго землевладѣнія, справедливо замѣчаетъ Фюстель де Куланжъ, не обрисовавъ сначала аграрныхъ порядковъ, господствовавшихъ въ концѣ римской имперіи. Это можетъ удивить тѣхъ, кто склоненъ представлять себѣ средневѣковый строй зародившимся внезапно и сложившимся сразу. Это не удивитъ тѣхъ, кто, путемъ болѣе полнаго и правильнаго наблюденія фактовъ, дошелъ до пониманія закона исторической преемственности".Къ этому мы бы добавили, что для выясненія характера средневѣковаго землевладѣнія не менѣе важно и изученіе аграрныхъ отношеній древней Германіи,такъ какъ источники средневѣковой культуры слѣдуетъ искать не только въ императорскомъ Римѣ, но и у варваровъ.Каковы были земельные распорядки римскаго и варварскаго міровъ наканунѣ ихъ столкновенія?-вотъ тотъ вопросъ, съ разрѣшенія котораго должно начинать изученіе аграрной эволюціи средневѣковой Европы.

Съ земельными распорядками древнихъ германцевъ эпохи Цезаря и Тацита мы уже познакомились детально. Напомню, что въ эпоху Цезаря у германцевъ вообще нѣтъ собственности на землю - ни частной, ни общинной. При полукочевомъ образѣ жизни земля ничья -*res nullius*, и лишь временно находится въ пользованіи отдѣльныхъ кровныхъ соединеній. Но уже при Тацитѣ германцы успѣли крѣпко осѣсть на занятой ими территоріи. Живутъ они деревнями, причемъ каждая деревня /*vicus*/ повидимому, представляетъ изъ себя поселеніе рода. Появляется и земельная собственность, но не индивидуальная, а родовая. Родовая, т.е. кровная, а никакъ не товарищеская община является единственнымъ собственникомъ всей прилегающей къ деревни территоріи. Но землепользованіе у германцевъ строго индивидуальное /или скорѣе подворное/. Если земля принадлежитъ всей родовой общинѣ, то обрабатывается она каждымъ домохозяиномъ въ отдѣльности. Она раздѣляется не на равныя доли, а *secundum dignationem*, т.е. соотвѣтственно соціальному положенію и матеріальному благосостоянію отдѣльныхъ домохозяевъ, и обрабатывается ими или единолично/ если не считать ближайшихъ членовъ семейства/, или же при помощи рабовъ, посаженныхъ на оброки. Такимъ образомъ земельные участки, состоящіе въ пользованіи извѣстныхъ домовъ, неодинаковы. На ряду съ мелкимъ землевладѣніемъ / но отнюдь не собственностью/, существуетъ землевладѣніе крупное, конечно, только сравнительно.

Объ аграрныхъ отношеніяхъ поздней Римской Имперіи мы говорили меньше. Мы видѣли, что они характеризуются ростомъ крупной земельной собственности насчетъ мелкой. Мы видѣли, что, если помѣстные распорядки и не были единственнымъ типомъ земельной собственности и земельнаго держанія Римской Имперіи IУ У ст., если, наряду съ ними, существовала мелкая собственность, эмфитевза и срочная аренда, то все же они были порядками преобладающими. Намъ и не мѣшаетъ теперь познакомиться съ этими порядками детальнѣе, въ виду того огромнаго значенія, которое они будутъ имѣть въ дальнѣйшихъ судьбахъ Европы.

Каждая вилла- помѣстье раздѣлялась на двѣ неравныя части. Первая - меньшая часть обрабатывалась самимъ господиномъ, при помощи даровааго рабскаго труда, вторая, разбитая на мелкіе участки, отдавалась въ пользованіе разнаго рода держателямъ. Въ центрѣ господской части помѣстья возвышался великолѣпный домъ - жилище самого собственника, окруженнаго толпою кліентовъ. Кліенты - это по большей части рабы, отпущенные на волю, обязанные своему господину „послушаніемъ и покорностью" -*reverentia et obsequium*. Фактически такая покорность выражалась въ оказаніи патрону цѣлаго ряда мелкихъ услугъ самаго разнообразнаго характера. Рядомъ съ жилищемъ господина помѣщались постройки, предназначенныя для рабовъ, составляющихъ одну многочисленную фамилію. Они раздѣлялись на *familia urbana*, несшую домашнія службы, и *familia rustica*, обрабатывавшую

поле. Изъ членовъ послѣдней никто не работалъ отдѣльно или свободно. Смотря по характеру работъ, *familia rustica*, повидимому, дѣлилась на нѣсколько службъ или занятій такъ наз. *officia* или *ministeria*. Одни были хлѣбопашцами, другіе виноделами, третьи пастухами и т.д. Если рабовъ было много, они раздѣлялись на десятки /декуріи/, причемъ каждая декурія сообща обрабатывала землю, занималась жнитвомъ и уборкой винограда.

Изъ среды той же *familia rustica* обычно выдѣлялись мастеровые, ремесленники, мужчины и женщины, трудившіеся въ отдѣльныхъ мастерскихъ и производившіе всѣ необходимые для помѣстья продукты. Помѣстье являлось, такимъ образомъ, самостоятельнымъ міркомъ; оно ни отъ кого не хотѣло зависѣть и само удовлетворяло своимъ нуждамъ.

Для управленія рабами нужны были начальники. Вотъ почему во главѣ каждой декуріи стояли особые надзиратели-*monitor'a*, во главѣ каждаго ремесла - смотрители за работами-*magistri operum*. Всѣ эти начальники выбирались изъ рабовъ. Надъ ними стоялъ главный управляющій-*villicus*, тоже рабскаго состоянія.

Рабъ - полная собственность своего господина - его *dominium* или *proprietas*. Государство не имѣетъ съ рабами никакого дѣла. Господинъ является ихъ единственнымъ властелиномъ. Рабъ не имѣетъ своего дома, своей семьи, своихъ пенатовъ. Рабъ не имѣетъ и собственности, такъ какъ онъ самъ является лишь собственностью другого. Впрочемъ, рабъ можетъ обладать нѣкоторой вещью - такъ наз. *peculium'омъ*.

Но господинъ во всякое время можетъ отобрать у раба этотъ *peculium*. Онъ же наслѣдуетъ *peculium* послѣ смерти владѣльца. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ эпоху упадка Имперіи произволъ господина надъ рабами подвергся нѣкоторому ограниченію со стороны государства. Напримѣръ, безпричинное убійство раба господиномъ влекло для послѣдняго извѣстное наказаніе. А Константинъ Великій издалъ спеціальное распоряженіе, запрещавшее продавать мужа отъ жены, сына отъ матери.

Во второй части виллы, на отдѣльныхъ участкахъ живутъ земледѣльцы - крестьяне, соціальный составъ которыхъ отличается крайнею пестротою. Это прежде всего такъ наз. *servi rustici* или *servi casati* -рабы, пересаженные на участки. Юридически они тѣ же рабы, что и члены помѣстной *familia*. Фактически они болѣе самостоятельны и обезпечены ибо имѣютъ свой домъ и свой участокъ. Съ теченіемъ времени улучшается и юридическое ихъ положеніе. Руководствуясь фискальными цѣлями, правительство IУ ст. „приписываетъ" рабовъ въ кадастральныя описи и запрещаетъ отчуждать этихъ „приписанныхъ" рабовъ безъ земли, ими обрабатываемой. Такъ древнее рабство начинаетъ мало по малу эволюціонировать по пути къ средневѣковому серважу.

Въ числѣ держателей участковъ мы находимъ также вольноотпущенниковъ. Юридическое положеніе ихъ разнится въ зависимости отъ формы отпущенія на волю. Нѣкоторые изъ нихъ свободные римскіе граждане, дру-

гіе занимаютъ среднее положеніе между рабомъ и свободнымъ. Но главный контингентъ держателей земельныхъ участковъ составляютъ колоны, смѣнившіе прежнихъ вполнѣ свободныхъ арендаторовъ. Здѣсь опять таки слѣдуетъ различать нѣсколько группъ, правовое положеніе которыхъ неодинаково: съ одной стороны, въ зависимости отъ ихъ происхожденія, съ другой стороны, отъ способа поселенія въ предѣлахъ помѣстья. Впрочемъ, фактически положеніе всѣхъ этихъ держателей разнится мало. Всѣ они лично свободны, но прикрѣплены къ землѣ, которую обрабатываютъ. Всѣ они платятъ опредѣленную подать деньгами и натурой, иногда отправляютъ барщину и пользуются нѣкоторыми гражданскими правами, напримѣръ, правомъ вчинять судебные иски и вступать въ законные браки. Колонъ вовсе не рабъ своего господина. Въ глазахъ государства онъ - человѣкъ и гражданинъ, пользующійся защитой закона. Земельный собственникъ не имѣлъ даже права измѣнять качество и количество арендной платы земледѣльца колона, разъ навсегда опредѣленной договоромъ или помѣстнымъ обычаемъ. Колонъ пока еще не спустился до положенія серва каролингской эпохи.

Но это экономическая зависимость колона отъ помѣщика - зависимость не единственная. Помѣщикъ не только собственникъ земли, на которой обитаютъ держатели. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ должностное лицо, снабженное правительственными функціями. Слабое бюрократическое правительство, какъ извѣстно, не имѣло возможности услѣдить за правильнымъ функціонированіемъ всѣхъ безчисленныхъ колесъ огромнаго государственнаго механизма. Привлекши себѣ на помощь коллегіи куріаловъ и ремесленниковъ, оно не забыло и о помѣщикѣ. До извѣстной степени оно дѣлаетъ помѣщика своимъ служилымъ человѣкомъ, оно возлагаетъ на земельнаго магната фискальныя и полицейскія функціи, обязывая его отвѣчать за исправное поступленіе всѣхъ падающихъ на населеніе помѣстья государственныхъ податей и за постановку рекрутовъ для арміи. Съ другой стороны, помѣщикъ долженъ смотрѣть за соблюденіемъ общественной безопасности, въ силу чего онъ и получаетъ право отправлять въ предѣлахъ своего помѣстья низшую юстицію. Такъ зарождаются начатки будущихъ сеньоріальныхъ правъ и помѣстной юстиціи.

Таковы внутреннія распорядки римскаго и въ то же время галльскаго помѣстья эпохи упадка имперіи. Мы видимъ, что уже здѣсь ясно намѣчается послѣдующее расчлененіе *dominium'а* на его составныя части, расчлененіе, столь характерное для бенефиціальной и феодальной системы. На самомъ дѣлѣ, если помѣщику принадлежитъ право собственности на землю - *proprietas*, то держателю принадлежитъ лишь право эксплуатаціи, пользованія землею - *usufructus*. Въ ряду съ этимъ правомъ существуетъ право владѣнія землею - *posessio*, ко-

торое на практикѣ въ однихъ случаяхъ можетъ быть соединено съ правомъ *proprietas* ,въ другихъ случаяхъ съ правомъ *usufructus*, наконецъ, въ третьихъ случаяхъ можетъ существовать и независимо. Могло ,напримѣръ, случиться,„что одно и то же поле принадлежало тремъ лицамъ, какъ бы поставленнымъ другъ надъ другомъ:въ рукахъ одного находилась собственность, или верховное право распоряженія -*dominium*; у другого было владѣніе-право реальной эксплуатаціи, *dominium utile*; третьему, наконецъ, передавалось держаніе, т.е. обработка"/Фюстель/.

Proprietas, posessio и usufructus-таковы формы отношенія личности къ землѣ,признаваемыя римскимъ общегосударственнымъ правомъ эпохи упадка Имперіи. Но жизненная практика римлянъ знала еще одну форму аграрныхъ отношеній,непризнаваемую правомъ и стоящую, такъ сказать, внѣ даннаго права. Это такъ наз. *posessio precaria* или просто *precarium* . *Posessio precaria* есть результатъ частноправовой сдѣлки,именно, дарованія прекарія. По опредѣленію Ульпіана,„прекарій есть то, что дается для пользованія просящему въ силу его настоятельной просьбы"-письменной или устной.Дарованіе прекарія является, такимъ образомъ,простымъ актомъ милости со стороны земельнаго собственника. Въ данномъ случаѣ *posessio* землею не обезпечивается никакими условіями.Собственникъ во всякое время можетъ отобрать прекарій у прекариста, и послѣдній поневолѣ долженъ напрягать всѣ свои силы,чтобы заслужить расположеніе собственника. Въ результатѣ установленіе между двумя сторонами тѣсныхъ узъ чисто личной зависимости. Здѣсь передъ нами новый видъ отношенія человѣка къ землѣ, чрезвычайно богатый послѣдствіями, какъ зерно будущаго бенефиція.

Въ эпоху упадка Имперіи прекарій получаетъ очень широкое распространеніе,часто прикрывая собою разнаго рода сдѣлки спекулятивнаго характера. Прежде всего прекарій входитъ въ систему денежныхъ займовъ. Давая должнику извѣстную денежную ссуду, кредиторъ бралъ отъ него,въ обезпеченіе долга, земельный участокъ,и передавалъ этотъ участокъ обратно, въ видѣ прекарія. Далѣе прекарій вошелъ въ систему патроната . Мелкій земельный собственникъ - крестьянинъ часто стремится поставить свой маленькій участокъ подъ защиту крупнаго землевладѣльца. Но послѣдній можетъ охранять законнымъ порядкомъ лишь свое собственное достояніе. Поэтому крестьянинъ даритъ или фиктивно продаетъ свой участокъ могущественному сосѣду,а самъ продолжаетъ пользоваться имъ, какъ прекаріемъ. Наконецъ, прекарій смѣшивается съ фермерствомъ,съ мелкой арендою. Держатель прекарія выплачиваетъ собственнику опредѣленный оброкъ, но пользуется землею безъ всякаго обезпеченія, не на основаніи законнаго контракта, а единственно по милости собственника. Широкое распространеніе прекарія окружало богатаго помѣщика группою свободныхъ людей,готовыхъ къ его услугамъ клієнтовъ.

2. АГРАРНЫЯ ОТНОШЕНІЯ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛѢ НАШЕСТВІЯ ВАРВАРОВЪ.

Таковы земельные распорядки римскаго и германскаго міровъ наканунѣ ихъ столкновенія. Что же получилось въ результатѣ этого столкновенія? Какія начала оказались преобладающими, римскія или германскія? Такова обычная постановка вопроса у большинства изслѣдователей аграрныхъ отношеній средневѣковой Европы, постановка, надо сказать, въ корнѣ неправильная. И само собою разумѣется, что неправильная постановка вопроса влечетъ за собою и неправильное его разрѣшеніе. И утвердительный и отрицательный отвѣты одинаково предполагаютъ однородность земельныхъ порядковъ на всей огромнѣйшей территоріи континентальной Европы. И здѣсь и тамъ замѣчается то стремленіе къ излишнему упрощенію, къ излишней схематизаціи историческаго процесса, которая такъ гибельно отзывается на цѣнности научныхъ изслѣдованій. Вѣдь нельзя же на самомъ дѣлѣ предполагать, чтобы земельные порядки Западной Европы, до сихъ поръ бывшіе для разныхъ ея частей разнородными, вдругъ перестроились по одному римскому или германскому образцу, давши рѣшительное преобладаніе тому или другому началу. И напрасно Фюстель де Куланжъ старается доказать, что между римскими и германскими земельными порядками въ сущности не замѣчалось большого различія. На самомъ дѣлѣ между ними лежала глубочайшая пропасть, которая сводится къ коренному различію между селомъ и помѣстьемъ. И это глубокое различіе не могло быть стерто взаимодѣйствіемъ двухъ разнородныхъ міровъ, - уже по той простой причинѣ, что подобнаго взаимодѣйствія во многихъ мѣстностяхъ Западной Европы не было совершенно. Если, съ одной стороны, самыя нѣдра Германіи - Саксонія, Тюрингія, Баварія и Аллеманія почти вовсе не подверглись вліянію римскаго начала, то съ другой стороны, нѣкоторыя части Западной Римской Имперіи совершенно не подверглись вліянію начала германскаго. Все это заставляетъ насъ разсматривать земельные порядки романскаго и германскаго обществъ каждаго по отдѣльности. Сначала мы посмотримъ, какъ видоизмѣнились подъ вліяніемъ варварскаго вторженія аграрные порядки на территоріи Римской Имперіи, въ частности, Галліи, а затѣмъ скажимъ нѣсколько словъ объ аграрной эволюціи и въ самомъ сердцѣ Германіи.

Варварское вторженіе, какъ это доказано трудами Фюстель де Куланжа, не было стремительнымъ и бурнымъ завоеваніемъ, носившимъ характеръ неожиданной катастрофы. Мы видѣли, что варвары осѣдали на территоріи Римской Имперіи постепенно, и даже при массовыхъ передвиженіяхъ прокладывали себѣ дорогу не столько силой оружія, сколько путемъ мирныхъ переговоровъ съ римскимъ правительствомъ. Такой характеръ нашествія опредѣлялъ и отношеніе пришельцевъ къ туземному населенію. Послѣднее никогда не разсматривалось, какъ простая добыча побѣдителей. Оно никогда не обращалось въ рабство, никогда не терпѣ-

ло отъ массовыхъ конфискацій имущества.

Такимъ образомъ, римскіе порядки на территоріи Галліи не были сметены съ лица земли германскимъ нашествіемъ. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы въ жизни туземнаго населенія право земельной собственности послѣ германскихъ нашествій было измѣнено или ослаблено. Напротивъ, судя по тому уваженію, съ которымъ относились варвары ко всему римскому, мы въ правѣ уже *a priori* предполагать, что пришельцы и сами были склонны къ воспріятію римскихъ порядковъ, въ частности, порядковъ земельныхъ. И на самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ документальнымъ даннымъ, и прежде всего къ Варварскимъ Правдамъ, возникшимъ на почвѣ Галліи, мы не найдемъ въ нихъ ни одного рѣшительнаго свидѣтельства въ пользу того, что германское населеніе Галліи знало и практиковало земельные распорядки, рѣзко отличавшіеся отъ римскихъ. Достаточно сказать, что даже пресловутый титулъ XLУ Салической Правды „*De migrantibus*", на который такъ любятъ ссылаться сторонники общинной теоріи, нѣкоторыми изслѣдователями толкуется въ смыслѣ указанія на частную земельную собственность /Фюстель/, и даже въ смыслѣ указанія на помѣстные распорядки, характеризуемые несвободнымъ держаніемъ /Флакъ/. Что касается утвержденія Блюменштока, который отрицаетъ существованіе у германцевъ УI-УII ст. какой бы то ни было собственности на землю, то это утвержденіе рѣшительно не согласуется съ многочисленными свидѣтельствами гра-

мотъ и формулъ. „Ихъ нельзя прочитать безъ того, справедливо замѣчаетъ Фюстель де Куланжъ, чтобы не прійти къ убѣжденію, что право земельной собственности осталось такимъ же, какимъ оно было раньше, безъ измѣненія и ограниченія. Въ формулахъ и грамотахъ это право опредѣлено очень ясно: это „право имѣть, владѣть, продавать и дарить, мѣнять, оставлять своимъ дѣтямъ и завѣщать кому угодно, совершенно свободно, вообще дѣлать съ своей землей все, что угодно".

Однако признаніе существованія у германцевъ УI-УII ст. права частной собственности на землю отнюдь еще не значитъ, что это право воплощалось исключительно въ крупномъ землевладѣніи, въ помѣстномъ строѣ. Характеръ мѣстности, занятой германскими народностями въ Галліи, конечно, не являлся вездѣ и повсюду однороднымъ. Были здѣсь и старинныя благоустроенныя хозяйства, цвѣтущія помѣстья и селы; были и заброшенныя мѣстности, разоренныя долгими политическими неурядицами; были, наконецъ, и огромные лѣса, пустоши и болота, т.е. мѣстности совершенно некультивированныя. Само собою разумѣется, что и характеръ германскихъ поселеній на этой, столь разнородной территоріи Галліи долженъ былъ принять далеко неоднородныя формы.

Прежде всего нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что тамъ, гдѣ существовали старинныя римскія *villae*, онѣ по большей части цѣликомъ были восприняты германскими королями и представителями знати. Тамъ, гдѣ онѣ были

разорены ,онѣ возрождались. Онѣ создавались и вновь совмѣстными усиліями туземнаго и германскаго населенія. Наконецъ, онѣ воздвигались духовными корпораціями - церквами и монастырями, получавшими въ даръ или пожалованіе огромныя территоріи . Древнія римскія villae , такимъ образомъ, отнюдь не были уничтожены германскимъ нашествіемъ. Послѣ работъ Фюстель де Кулянжа намъ нѣтъ особой надобности настаивать на этомъ, можно сказать, общепринятомъ положеніи.

Что касается массы германскаго населенія Галліи, то и оно получало земельную собственность, прежде всего путемъ королевскаго пожалованія. Далѣе изъ Бургундской Правды мы видимъ, что, если и не во всей Галліи, то, по крайней мѣрѣ, въ Бургундіи германцы осѣдали среди туземнаго населенія на правахъ hospitalitas, получая отъ римскихъ posessores двѣ трети полей, часть движимости и имѣя въ нераздѣльномъ пользованіи съ ними угодья. Такъ получаетъ новыя силы мелкая аллодіальная собственность, которая въ однихъ случаяхъ сосредоточивается въ предѣлахъ помѣстья, дробя послѣднее на нѣсколько portiones, I/ въ другихъ случаяхъ въ предѣлахъ деревни. Существованіе на территоріи меровингской Галліи свободныхъ деревень со смѣшаннымъ - туземнымъ и германскимъ населеніемъ-фактъ несомнѣнный, признаваемый даже Фюстелемъ

I/ Впрочемъ въ дробленіи villa на portiones принимали главное участіе другіе факторы, именно, наслѣдованіе, купля-продажа, пожалованіе.

де Кулянжемъ. И количество подобныхъ деревень вовсе не было такъ минимально, какъ это думалъ упомянутый французскій историкъ. „На болѣе чѣмъ тысячу двѣсти villae говоритъ Фюстель де Кулянжъ, мнѣ удалось найти ихъ /деревень/ десятковъ пять, не больше. Такова была, повидимому, пропорція между деревнями и помѣстьями". На самомъ же дѣлѣ оказывается, что у одного только Григорія Турскаго слово vicus съ несомнѣннымъ значеніемъ деревни употреблено 63 раза. Vici неоднократно упоминаются и въ „Житіяхъ святыхъ", матеріалъ которыхъ недостаточно использованъ Фюстель де Кулянжемъ.

Не всѣ упомянутыя гагіографами vici непремѣнно унаслѣдованы отъ римской эпохи. Можно думать, что въ пустопорожнихъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ Галліи германцы воздвигали новыя села, осѣдая цѣлыми группами. Здѣсь новоселы были совершенно свободны отъ римской традиціи и жили по своимъ германскимъ обычаямъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что послѣ германскихъ нашествій коренного измѣненія въ распредѣленіи земельной собственности на территоріи Галліи не послѣдовало. Германцы вовсе не стремились разрушить земельные распорядки римской эпохи. Напротивъ, они сами въ большинствѣ случаевъ имъ подчинялись, и лишь въ мѣстахъ, нетронутыхъ римской культурою, по необходимости заводили свои самобытные германскіе распорядки. Правда, такимъ путемъ, они съ одной стороны, оживили старыя свободныя деревенскія поселенія, съ другой стороны, создали новыя. Но отсюда

еще не значитъ, что они дали торжество селу надъ помѣстьемъ. Въ многочисленныхъ памятникахъ эпохи помѣстье и его составныя части фигурируютъ на каждомъ шагу. Между тѣмъ село, какъ жилище свободныхъ собственниковъ, продолжаетъ оставаться на второмъ планѣ и упоминается лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Словомъ, въ Галліи помѣстье попрежнему остается центромъ народной жизни эпохи.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ эволюціи аграрныхъ отношеній въ Германіи. Ни въ Варварскихъ Правдахъ, записанныхъ на территоріи Германіи, ни въ капитуляріяхъ франкскихъ королей мы не находимъ ни одного намека на существованіе здѣсь свободной сельской общины въ духѣ Маурера. Вездѣ пахотное поле выступаетъ какъ полная индивидуальная собственность, которая старательно отгораживается отъ другихъ полей тыномъ или заборомъ, которая можетъ быть продаваема, дарима и передаваема въ наслѣдство по мужской линіи. Угодья въ однихъ случаяхъ тоже частная собственность, въ другихъ случаяхъ собственность общинная. Все это заставляетъ предполагать, что родовая община Тацитовской эпохи въ большинствѣ случаевъ разложилась. Народился новый типъ сельской общины, въ которой общая собственность - только угодья, а поля всегда и неизмѣнно собственность частная.- аллодіальная, т.е. вотчинная земля, полученная отъ предковъ. Правда, сохранились въ нѣкоторыхъ слуяаяхъ и слѣды древней родовой собственности. По крайней мѣрѣ, въ Аллеманской Правдѣ прямо говорится о спорѣ двухъ кровныхъ группъ /genealogiae/ относительно границъ ихъ земли / t. LXXXVII/. Можно видѣть намекъ на такую кровную общину и въ одномъ изъ капитуляріевъ, гдѣ говорится о человѣкѣ, убитомъ между двумя селеніями, причемъ жители каждаго изъ этихъ селеній, повидимому, тѣсно связаны другъ съ другомъ общими интересами / Capit. I, 9, y Hessels'a /. Наконецъ, въ одной изъ формулъ vicus и genealogia являются синонимами / Zeumer. Formulae, p. 459 /. Итакъ, если въ предѣлахъ вліянія римской культуры на протяженіи V, VI, VII ст. типомъ земельной собственности остается помѣстье, то въ самомъ сердцѣ Германіи такимъ типомъ является свободная сельская община, съ индивидуальною собственностью на пахотное поле, но съ общими выпасами и угодьями. Однако и въ Германіи, какъ это выяснено трудами Инамы Штернегга, замѣчается ростъ крупной земельной собственности насчетъ мелкой. И здѣсь складывается въ меровингскую эпоху помѣстный строй, со всѣми его характерными особенностями. Этому прежде всего способствуютъ такъ наз. феодализирующіе процессы, протекавшіе повсемѣстно во франкской монархіи и повсемѣстно продившіе одинаковые результаты.

3. ФЕОДАЛИЗИРУЮЩІЕ ПРОЦЕССЫ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ РАЗВИТІЯ ПОМѢСТНЫХЪ РАСПОРЯДКОВЪ. ПРОИСХОЖДЕНІЕ СРЕДНЕВѢКОВАГО СЕРВАЖА.

Феодализмъ, какъ цѣлая система соціально-политическихъ отношеній, выросъ очень поздно, уже на поч-

въ вполнѣ сложившагося помѣстнаго строя, которымъ питались его корни. Однако феодализирующіе процессы, первое дѣйствіе которыхъ сказывалось уже въ меровингскую эпоху, въ свою очередь наложили неизгладимую печать на ростъ помѣстныхъ распорядковъ, давши имъ окончательное торжество и побѣду. Я имѣю въ виду первые слѣды дѣйствія прекарія / бенефиція/, вассалитета и имунитета. Эти три элемента позднѣйшей феодальной системы, съ одной стороны, втянули въ составъ помѣстья мелкую собственность, бывшую ранѣе независимой; съ другой стороны, окончательно освободили крупнаго собственника отъ правительственнаго контроля, тѣмъ самымъ отдавши въ его полное распоряженіе все многочисленное населеніе помѣстья.

Мы уже наблюдали развитіе прекарныхъ отношеній въ эпоху упадка Имперіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прекарій меровингской эпохи ведетъ свое начало отъ римскаго. Въ теоріи прекарій попрежнему остается простымъ дареніемъ со стороны земельнаго собственника. На практикѣ же прекарій въ большинствѣ случаевъ является лишь фикціей подобнаго даренія, прикрывая собою такого рода сдѣлку, въ результатѣ которой земельная собственность превращается въ земельное держаніе. На практикѣ мелкій собственникъ, не будучи въ состояніи выносить тяжести общественныхъ налоговъ, вынужденъ отдать

или продать свою землю сильному человѣку, съ тѣмъ, чтобы получить свой участокъ /иногда съ придачею другого участка/ на правахъ условнаго пользованія. Прекаристъ обычно пользуется своимъ участкомъ пожизненно, будучи обязанъ уплатою въ пользу новаго собственника ежегоднаго, разъ навсегда опредѣленнаго ценза. Лучше всего эти отношенія вскрываются формулами. Такъ, одна изъ формулъ свидѣтельствуетъ о практикѣ слѣдующаго рода: мелкій собственникъ передаетъ свой участокъ аббатству, получая взамѣнъ этого, кромѣ своего прежняго участка, другой земельный участокъ на правахъ пожизненнаго прекарнаго держанія и обязуясь уплачивать аббатству опредѣленный чиншъ, въ опредѣленные сроки. /Zeumer. Formulae. Formulae Salicae Merkelianae, no 34, p. 254-255. Ср. no 33, p. 253-254. / Другая формула говоритъ о продажѣ земельнаго участка, полученнаго затѣмъ въ качествѣ прекарія его прежнимъ владѣльцемъ / Ibid., no 36, 255/

Практика прекарія до безконечности размножала число земель, подчиненныхъ духовнымъ корпораціямъ и крупнымъ магнатамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она ставила прекариста въ зависимость или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное подчиненіе по отношенію къ лицу, пожаловавшему прекарій. И эта зависимость отнюдь не была зависимостью призрачной. Прекаристъ долженъ былъ твердо помнить, что онъ вовсе не собственникъ своего участка, что онъ имъ пользуется лишь временно, благодаря милости настояща-

го собственника. Одна изъ формулъ Маркульфа /средина VII в./даетъ любопытную иллюстрацію этого положенія. Рѣчь идетъ о прекаристѣ,который вздумалъ присвоить собственность на уступленную ему землю. Онъ проигралъ дѣло, но потомъ собственникъ вернулъ ему землю, заставивши написать такого рода грамоту „Славному господину,собственному моему господину такому то.Вслѣдствіе дурныхъ совѣтовъ и вопреки долгу, я пытался прежде похитить у васъ собственность на землю,которая принадлежитъ вамъ и пользованіе которою вы мнѣ уступили;но я не смогъ этого сдѣлать,такъ какъ не имѣлъ на то права.Вы...взяли землю и изгнали меня съ нея. Но потомъ,по просьбѣ почтенныхъ лицъ,вы вернули мнѣ ее для воздѣлыванія. Потому я и обращаюсь къ вашей милости съ настоящей прекарной грамотой, чтобы мнѣ было разрѣшено занимать эту землю до тѣхъ поръ, пока это вамъ будетъ угодно безъ ущерба для вашего блага. Я обязуюсь платить вамъ такіе же оброки,какъ и другіе люди, владѣющіе вашими землями. Если же я не уплачу ихъ или запоздаю съ платежемъ,или проявлю нежеланіе платить, то настоящей грамотой я объявляю, что подчинюсь законной карѣ и что вы будете имѣть право прогнать меня съ этой земли"/ Ibid. Marculfi Formulae, II, 41, p. 100/.

Прекарій, охватывавшій земли различныхъ разрядовъ-и крупныя / сравнительно/,и мелкія,велъ къ образованію и неодинаковаго рода держаній - отъ „чистыхъ",т.е.необремененныхъ никакими повинностями, до „подлыхъ",т.е.крестьянскихъ включительно.Другое названіе прекарія - бенефицій.Такимъ образомъ,прекарная и бенифиціальная системы - это одно и то же. И если бенифицій по существу своему былъ подчиненіемъ земли, и уже черезъ это велъ къ подчиненію личности, то другой элементъ феодальной системы - патронатъ или коммендація - былъ подчиненіемъ личности и уже черезъ это велъ къ подчиненію земли,т.е.подчиненію экономическому.

Патронатъ или коммендація,одинаково существовавшія и въ Римѣ, и въ древней Германіи,при меровингахъ и каролингахъ, подъ вліяніемъ постоянныхъ политическихъ неурядицъ ,получаетъ широкое развитіе. Правительство слишкомъ слабо, чтобы защищать маленькаго человѣка отъ хищничества крупныхъ магнатовъ. Даже Карлъ Великій,пытавшійся защитить pauperi ,т.е. безпомощныхъ людей своего государства отъ грабежа и разбоя, не имѣлъ возможности оказать имъ дѣйствительной помощи. И этимъ pauperi ничего не оставалось дѣлать, какъ искать защиты у тѣхъ же potentiores homines, которые ихъ притѣсняли. Они и дѣлаются clientes или homines послѣднихъ, прекрасно понимая, что лучше потерять свою свободу добровольно,нежели быть вынужденными къ этому силою. Само собою разумѣется, что „коммендація"личности ведетъ за собою и „коммен-

дацію"земли, т.е. приводитъ къ тѣмъ же результатамъ что и развитіе бенефиція. Оба института, различавшіеся въ теоріи, но переплетавшіеся на практикѣ, работаютъ въ одномъ и томъ же направленіи - они всасываютъ свободное село въ составъ большого помѣстья. Собственность становится держаніемъ. Свободный человѣкъ превращается въ несвободнаго. Такимъ путемъ уже въ IX ст. крупная собственность торжествуетъ повсемѣстно въ Европѣ. Помѣстные распорядки становятся типомъ соціально-экономическихъ отношеній эпохи.

Охватывая широкую территорію, привлекая въ свои нѣдра огромное количество людей несвободнаго состоянія, помѣстье вмѣстѣ съ тѣмъ стремится окончательно освободиться отъ правительственнаго контроля, получить самостоятельность политическую. Этого оно добивается при помощи иммунитета, т.е. свободы отъ вмѣшательства въ свои дѣла правительственныхъ чиновниковъ. Пожертвованъ ли иммунитетъ сверху - королевскою властью, какъ думаетъ Фюстель де Кулянжъ захваченъ ли онъ снизу самими магнатами, какъ думаетъ Флакъ, для насъ не важно. Намъ важно установить, что уже въ IX столѣтіи онъ получаетъ широкое распространеніе, а данное обстоятельство оказываетъ громадное вліяніе на дальнѣйшую эволюцію внутреннихъ распордковъ помѣстья. Теперь уже земельный магнатъ самъ является верховнымъ судьею людей, обитающихъ на его обширномъ домэнѣ. Прежніе общественные налоги онъ теперь получаетъ въ свою пользу, какъ частныя повинности. Словомъ, всѣ обязанности, которыя ранѣе населеніе помѣстья отправляло въ пользу государства, теперь отправляются въ пользу магната, который самъ становится маленькимъ государемъ. Такъ иммунитетъ надѣляетъ большое помѣстье полнѣйшей независимостью, полнѣйшей автономіей. И если такое положеніе дѣлъ, съ одной стороны, расшатываетъ власть государства, какъ цѣлаго организма, то, съ другой стороны, оно, такъ сказать, оттѣняетъ отличительныя особенности помѣстнаго строя, позволяя имъ развиваться естественнымъ путемъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Съ этого момента народныя силы окончательно отливаютъ отъ центра къ периферіи общественнаго организма и сосредоточиваются въ маленькихъ самостоятельныхъ міркахъ, живущихъ исключительно мѣстною жизнью.

Посмотримъ теперь, какъ отразилась эволюція помѣстныхъ распорядкахъ на судьбахъ земледѣльческаго населенія Западной Европы - крестьянства. Мы уже видѣли, что римское помѣстье эпохи упадка Имперіи, въ цѣляхъ земельной эксплуатаціи, обычно раздѣлялось на двѣ половины - одну, обрабатываемую массовымъ рабскимъ трудомъ, другую, отдаваемую по участкамъ въ держаніе. Такимъ образомъ, система плантаціоннаго хо-

зяйства времени Катона и Кулумелы, характеризуемая коллективнымъ рабскимъ трудомъ на пользу одного господина, уже въ IУ-У ст. уступила мѣсто новымъ порядкамъ. Рабъ, вольноотпущенникъ, колонъ получали въ господской землѣ небольшіе участки, отправляя въ пользу земельнаго собственника извѣстныя повинности. Массовый трудъ все болѣе и болѣе терялъ почву въ сельскомъ хозяйствѣ. Личный трудъ для себя отдѣльно посаженнаго на надѣлъ земледѣльца становился на мѣсто коллективной и безличной рабской культуры.

Этотъ естественный процессъ не остановился и послѣ нашествій. Германцы не могли къ нему относиться враждебно, такъ какъ они и сами привыкли у себя на родинѣ къ такой же системѣ земельной эксплуатаціи. Изъ Тацита мы узнаемъ, что сельскій рабъ получалъ у германцевъ отдѣльный участокъ земли, которымъ и пользовался, уплачивая владѣльцу часть сбора. Итакъ, переходъ римскаго общества къ системѣ мелкихъ держаній съ одной стороны, съ другой стороны, существованіе подобной же практики у древнихъ германцевъ - таковы двѣ причины, благодаря которымъ эксплуатація крупныхъ помѣстій въ формѣ раздачи земли мелкимъ съемщикамъ небольшими участками возобладала и въ меровингское время.

Мы видѣли далѣе, какія слѣдствія повлекло за собою развитіе системы держаній въ жизни земледѣльческихъ классовъ Римской Имперіи. Различаясь по своему юридическому положенію въ обществѣ, по своему фактическому положенію въ помѣстьѣ и рабы и вольноотпущенники, и свободные колоны имѣли тенденцію слиться въ общей массѣ крѣпостныхъ крестьянъ - земледѣльцевъ. Теперь въ меровингскую эпоху этотъ соціальный процессъ пошелъ еще далѣе. Можно сказать даже, что фактически онъ уже почти завершился. Правда, общественное состояніе рабовъ, вольноотпущенниковъ и колоновъ въ меровингскую эпоху осталось почти безъ всякаго существовеннаго измѣненія по сравненію съ эпохой упадка Имперіи. Но съ одной стороны, количество рабовъ благодаря частымъ освобожденіямъ, значительно уменьшилось; съ другой стороны, моральный уровенъ раба былъ поднятъ стараніями Церкви, которая дала ему человѣческую душу, освятила его бракъ, окружила его законной семьею. Самымъ же важнымъ является то обстоятельство, что на практикѣ древнее рабство, какъ такое соціальное состояніе, которое характеризуется прикрѣпленіемъ человѣка къ личности его господина, встрѣчается лишь въ видѣ исключенія.

На такомъ положеніи, т.е. на положеніи древнихъ рабовъ, остаются люди, обслуживающіе личныя нужды господина - такъ называемые дворовые слуги, или дворовая челядь; но такихъ людей сравнительно было немного. Подавляющая масса рабовъ посажена на участки. А рабъ, посаженный на участокъ, въ обыденной

жизни помѣстья отличается отъ вольноотпущенника и колона только названіемъ. Если рабъ не могъ оставлять помѣстья, то и колона, который оставлялъ его, преслѣдовали и возвращали. Платежи и повинности отправлялись и тѣмъ и другимъ одинаково. Самыя отталкивающія работы не предназначались преимущественно для рабовъ :въ большинствѣ случаевъ онѣ дѣлились между рабами,вольноотпущенниками и колонами безразлично.Словомъ, всѣ крѣпостные крестьяне - земледѣльцы, каково бы ни было ихъ соціальное состояніе, каково бы ни было ихъ положеніе въ обществѣ, служили помѣстью, а не лицу, и служили разъ навсегда установленнымъ образомъ.

---

4. ПОМѢСТЬЕ ЭПОХИ КАРОЛИНГОВЪ.

/ по даннымъ Политика аббата Ирминона /.

Такъ постепенно сложился къ IX ст. повсемѣстно въ Западной Европѣ помѣстный строй, со всѣми его характерными особенностями. Эти особенности какъ нельзя лучше отразились въ такъ наз. Политикѣ аббата Ирминона - описи земельныхъ владѣній аббатства Сэнъ-Жермэнъ де Прэ начала IX ст. Намъ и предстоитъ теперь проникнуть во внутренніе распорядки большого помѣстья Франціи эпохи Карла Великаго, пользуясь данными этого памятника.

Мы видѣли, что уже въ римскую эпоху крупный земе-

льный собственникъ не имѣлъ возможности непосредственно эксплуатировать свои земли. Съ одной стороны,недостатокъ рабочихъ рукъ, съ другой стороны, поворотъ къ натуральному хозяйству, доведшій до минимума сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ - всѣ эти условія заставили земельнаго магната перейти отъ системы плантаціоннаго хозяйства къ системѣ держаній. Въ результатѣ раздѣленіе помѣстья на двѣ части - господскую землю и участки держателей. Это дѣленіе перешло и въ средніе вѣка, и сдѣлалось характернымъ дѣленіемъ помѣстья въ меровингскую и каролингскую эпохи. Вотъ почему и въ Политикѣ каждый фискъ/помѣстье/распадается на двѣ половины -mansus dominicatus или indominicatus господская земля - и манзы, отданные разнаго рода держателямъ. Въ сохранившейся до насъ части Политика господскіе манзы содержатъ нѣсколько болѣе земли, нежели манзы держателей. Это касается земли во всѣхъ ея видахъ считая лѣса и угодья. Что же касается пахотной земли, то количество ея въ манзахъ держателей почти втрое болѣе, нежели въ манзахъ господскихъ. Такое распредѣленіе земли вполнѣ естественно. Если угодья, и въ особенности лѣса не требуютъ приложенія большого количества рабочихъ рукъ, то пашни какъ разъ наоборотъ, требуютъ самой интенсивной обработки. Вотъ почему первые аббатство предпочитаетъ удержать при себѣ, вторыя стремится распредѣлить между держателями.

Каждое breve Политика аббата Ирминона обычно начина-

ется съ описанія господскаго манза - этой основной части помѣстья, центра его внутренней жизни. "Есть / слѣд. названіе фиска/ господская земля съ домомъ и прочими приличными постройками"...такова обычная формула, начинающая каждое бреве. Господскій домъ, иногда окруженный садомъ, это мѣстопребываніе собственника или его представителей. Рядомъ помѣщаются болѣе мелкія постройки - жилища помѣстной челяди рабскаго состоянія. Здѣсь же расположены скотные дворы, конюшни, птичники, мастерскія разнаго рода ремесленниковъ, риги, амбары и т.п. службы. Всѣ эти строенія обносятся тесовымъ или плетенымъ заборомъ и образуютъ то, что въ Политикѣ называется терминомъ *curtis*.

Рядомъ съ *curtis dominica* помѣщаются церкви и мельницы /водяныя/. Непосредственно къ *curtis dominica* прилегаютъ земли, эксплуатируемыя самимъ аббатствомъ. Какъ мы видѣли, они раздѣляются на пахотныя поля, лѣса, луга, виноградники. Система землепользованія трехпольная. Полиптикъ неоднократно упоминаетъ о запашкѣ поля подъ озимое и подъ яровое. Такимъ образомъ аббатство ежегодно засѣиваетъ только 2/3 пахатнаго поля, а I/3 оставляетъ подъ паромъ. Подъ озимое, вѣроятно, сѣялась рожь, подъ яровое - пшеница, овесъ, полба, ленъ и горчица.

Виноградники даютъ аббатству вино; на лугахъ собирается сѣно; лѣсъ доставляетъ строительный матеріалъ и дрова для отопленія. Впрочемъ, лѣсъ имѣетъ и

другое значеніе для аббатства, какъ мѣсто для пастбища. Вотъ почему въ Полиптикѣ онъ иногда называется *silva passionalis* или просто *pastura*. Лѣса почти исключительно дубовые Этимъ и объясняется то обстоятельство, что аббатство преимущественно занимается разведеніемъ свиней, которыя откармливаются желудями.

Таковъ имущественный составъ господскаго манза, одной половины фиска или помѣстья. Мы уже говорили, что другая половина помѣстья отдается въ держаніе. Единица держанія - манзъ. Это сравнительно небольшая частичка земли, на которой обитаетъ /*manet*/ земледѣлецъ-крестьянинъ. Впрочемъ, выраженіе „*manet*", т.е. „обитаетъ на участкѣ" не слѣдуетъ понимать буквально. Иногда земледѣлецъ живетъ и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего участка. Но онъ *manet* на немъ въ томъ смыслѣ, что питается собираемыми съ него продуктами. Съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что манзъ не есть компактная масса земли, сосредоточенной въ одномъ мѣстѣ. Изъ Полиптика мы узнаемъ, что въ составъ манза обычно входили поля, виноградники и луга /иногда и лѣса/. И трудно предположить, чтобы виноградники и луга всегда лежали рядомъ съ пахотной землею. Да и пахотная земля едва ли лежала въ одномъ полѣ, при господствѣ многопольной системы.

„Величина манза, говоритъ профессоръ М.М.Ковалевскій, на земляхъ аббатства различна въ разныхъ помѣстьяхъ, но одинакова, если не выходитъ за предѣлы одного и того же иначе, очевидно, и быть не могло при сущест-

вованiи надѣльной системы. Вотъ почему въ одномъ и томъ же имѣнiи колонъ и сервъ, разъ они занимаютъ служилые манзы /*serviles* /, владѣютъ равнымъ числомъ арпановъ *de terra arabili* и равнымъ числомъ арпановъ *de prato* . Вотъ почему также весьма часто встрѣчается выраженiе: *tenet similiter* или *facit similiter* , что указываетъ на одинаковый размѣръ владѣнiя и связанныхъ съ ними службъ и платежей" / Эконом. ростъ Европы до возникн. капитал. хоз., т.I,170-171 /. Утвержденiе это безусловно неправильно. Характерная особенность манзовъ въ томъ и состоитъ, что они именно неравномѣрны, даже въ предѣлахъ одного и того же помѣстья. Возьмемъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ обльшихъ фисковъ Политика -фискъ *de Villamilt*. Здѣсь размѣры манзовъ колеблятся между 4 1/2 и 60 боннуарiями / пахатной земли/. Подобныя же колебанiя мы находимъ и въ другихъ фискахъ, между прочимъ , и въ фискѣ *de Novigento*, на который почему то ссылается проф.Ковалевскiй. Здѣсь минимальный размѣръ манза = 2 бон.,максимальный = 11 бон.Что касается выраженiя *tenet similiter* то такого выраженiя въ Политикѣ нѣтъ Напротивъ, здѣсь всегда чрезвычайно тщательно отмѣчаются размѣры каждаго держанiя. Одинаковыя по размѣру держанiя вообще рѣдки до чрезвычайности. Выраженiя *facit /faciunt/similiter* и *Solvit/solvunt/similiter* встрѣчаются очень часто. Но они отнюдь не указываютъ на одинаковые размѣры держанiя.

Ошибка Ковалевскаго проистекаетъ изъ его стремленiя

во что бы то ни стало отыскать въ помѣстномъ держанiи слѣды древнихъ общинныхъ распорядковъ, при которыхъ земельные надѣлы членовъ общины были равны.Но въ томъ то и дѣло, что данные Полиптика рѣшительно не позволяютъ принять гипотезу о происхожденiи помѣстья изъ общины. Вѣдь въ такомъ случаѣ неравенство манзовъ въ предѣлахъ одного и того же же помѣстья было бы исключенiемъ. А мы видимъ какъ разъ наоборотъ: неравенство манзовъ есть общее правило, а равенство встрѣчается, какъ исключенiе. Но можетъ быть, это неравенство произошло путемъ постепеннаго дробленiя участковъ, ранѣе бывшихъ одинаковыми? И такое предположенiе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущено.Въ Полиптикѣ раздробленный манзъ уже не называется манзомъ. Онъ превращается въ полуманзы, четверть манзы и другiя частички манза. А если мы встрѣчаетъ въ Полиптикѣ цѣлый манзъ, то это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ земельной единицей, неподвергшейся раздробленiю. И эта нераздробленная единица держанiя въ Полиптикѣ выступаетъ, какъ типичная. Данное обстоятельство объясняется тѣмъ, что надобности въ раздробленiи участковъ въ то время не ощущалось. Годныхъ для обработки земель было достаточно, и для каждаго новаго земледѣльца легко могли выдѣлить новый участокъ земли изъ господскаго манза. Наконецъ,въ Полиптикѣ неоднократно упоминаются такъ наз. *mansi absi*, т.е. незанятые манзы, которые аббатство могло предоставить каждому желающему.

Чѣмъ же все таки объясняется различная величина манзовъ держателей? По мнѣнію Фюстель де Куланжа, мѣркою при отводѣ манзовъ держателямъ служилъ не столько размѣръ участковъ, сколько ихъ цѣнность и доходность. „Въ общемъ мы можемъ допустить, говоритъ этотъ изслѣдователь, что манзъ былъ количествомъ земли, достаточнымъ для того, чтобы, за уплатою повинностей, прокормить семью" /Аллодъ, и сельск. пом. ,447-448/. Точно такого же мнѣнія придерживается и Henri Sée / Les classes rurales, 35-36/. По поводу этого объясненія надо замѣтить слѣдующее. Прежде всего изъ Полиптика рѣшительно не видно, чтобы при отводѣ манзовъ играла роль различная степень доброкачественности земельныхъ участковъ. Это ясно изъ слѣдующихъ примѣровъ: Въ фискѣ de Villamilt пять домохозяевъ держатъ манзъ, содержащій 60 боннуаріевъ. Рядомъ четыре домохозяина держатъ манзъ въ 16 боннуаріевъ. Возьмемъ другой примѣръ. Въ фискѣ de Villaru I домохозяинъ держитъ половину манза въ 20 боннуаріевъ, а рядомъ тоже одинъ домохозяинъ держитъ цѣлый манзъ въ 4 боннуарія. Очевидно, что манзы , лежащіе рядомъ, не могутъ сильно разниться другъ отъ друга по качеству земли. А между тѣмъ размѣры ихъ сильно колеблятся. Слѣдовательно, большая или меньшая доброкачественность земли не есть мѣрка при отводѣ участковъ держателямъ.

Приведенные примѣры говорятъ также за то, что въ эпоху изданія Полиптика размѣры манзовъ не опредѣлялись количествомъ ихъ населенія, т.е. потребностями и работоспособностью держателей. Вообще, правильнѣе, на нашъ взглядъ, думать, что размѣры манзовъ зависили единственно отъ усмотрѣнія собственника, который раздавалъ участки кому хотѣлъ и какъ хотѣлъ, руководствуясь соображеніями собственной выгоды. Конечно, въ данномъ случаѣ нельзя было не принимать во вниманіе потребностей земледѣльцевъ и степени ихъ работоспособности. Каждому давалось не болѣе того, что онъ могъ обработать, и не менѣе того, что необходимо было для пропитанія его семейства. Такъ, надо думать, обстояло дѣло при первоначальномъ выдѣленіи манзовъ. Однако съ теченіемъ времени извѣстное соотвѣтствіе между размѣрами манза и его населеніемъ мало по малу нарушалось. Количество населенія манза могло увеличиваться или уменьшаться, но размѣры самого манза, при устойчивости помѣстныхъ обычаевъ, продолжали оставаться неизмѣнными.

Крестьянскіе участки не были однородными. Типичнымъ раздѣленіемъ манзовъ держателей является ихъ раздѣленіе на mansi ingenuiles, lidiles и serviles . Можно сказать, что въ эпоху изданія Полиптика такое раздѣленіе было простымъ пережиткомъ, свидѣтельствовавшимъ о соціальномъ положеніи ихъ прежнихъ, а не современныхъ держателей. Если ранѣе свободные манзы могли быть заняты только свободными, лидскіе - полусвободными, а сервскіе - рабами, то теперь каждый изъ названныхъ ман

зовъ могли держать люди самыхъ различныхъ состояній. Произошло это благодаря насущнымъ потребностямъ времени. Земельный собственникъ прежде всего преслѣдовалъ свои личныя выгоды. Для него было важно только то, чтобы его земли не оставались необработанными, чтобы онѣ приносили ему извѣстные доходы. Для него не было важно, кто ихъ обрабатывалъ, колоны, литы или сервы. Вотъ почему съ теченіемъ времени пустующіе участки свободныхъ стали отдаваться литамъ и сервамъ, и наоборотъ, пустующіе участки литовъ и сервовъ стали отдаваться свободнымъ колонамъ. Древнее дѣленіе участковъ на ingenuiles, lidiles и serviles ко времени изданія Полиптика осталось/ опять таки благодаря косности помѣстныхъ обычаевъ/ въ силѣ, но держатели ихъ окончательно перемѣшались. Лица различныхъ состояній сплошь и рядомъ держатъ одного и того же характера участки.

По подсчету Герара, всего въ Полиптикѣ перечислено I,646 тяглыхъ манзовъ. Изъ нихъ I,430 mansi ingenuiles, 24 mansi lidiles и 191 mansi serviles. Прежде всего названныя категоріи манзовъ разнятся по своимъ размѣрамъ. По общему правилу, свободный манзъ болѣе лидскаго, а лидскій болѣе сервскаго. Мы увидимъ также, что, соотвѣтственно этому, первые несутъ болѣе повинностей, нежели вторые, а вторые болѣе, нежели третьи. Въ общемъ же различіе въ характерѣ манзовъ невелико, и въ Полиптикѣ намѣчается явная тенденція къ

сліянію ихъ въ общей массѣ тяглыхъ держаній.

Манзъ - типичная единица тяглаго держанія, но отнюдь не единственная. Наряду съ манзами, мы встрѣчаемъ держательскіе участки, носящіе наименованіе hospitia. Отъ mansi hospitia отличаются своими меньшими размѣрами и меньшимъ количествомъ лежащихъ на нихъ повинностей. По установившемуся въ наукѣ взгляду, hospitia - это земли, заново культивированныя новоселами - hospites и отданныя имъ на льготныхъ условіяхъ. Однако такое толкованіе, построенное почти исключительно на соображеніяхъ филологическаго характера, до сихъ поръ твердо не обосновано. Вообще, данныя о hospitia и hospites скудны. Мы знаемъ, что hospitia входившія въ систему тяглыхъ надѣловъ, подобно манзамъ дѣлились на servilia и ingenuilia. - Мы знаемъ также что съ теченіемъ времени всякое различіе между малыми манзами и большими госпиціями исчезло окончательно, такъ что и тѣ и другія стали обозначаться однимъ общимъ названіемъ - манзы или госпиціи.

Возникаетъ вопросъ, являлись ли тяглыя держанія пожизненными только, или наслѣдственными. Отвѣта на данный вопросъ въ Полиптикѣ мы не находимъ. Зато въ art. 30 капитулярія 862 года манзы держателей прямо называются hereditates/ наслѣдственными/. И нѣтъ ничего удивительнаго, если такое превращеніе тяглаго держанія въ hereditas иногда заставляло крестьянина забывать о своемъ настоящемъ положеніи и разсматри-

вать себя, какъ свободнаго собственника. Тотъ же капитулярій говоритъ намъ о колонахъ, которые продаютъ свои участки. Интересно далѣе отмѣтить, что капитулярій не содержитъ категорическихъ запрещеній устраивать такія продажи; колонамъ запрещается продавать земли лишь безъ согласія помѣщиковъ.

Познакомившись съ хозяйственными распорядками аббатства, обращаемся къ разсмотрѣнію соціальнаго состава его населенія. Юридически социальный составъ "людей св. Германа", т.е. людей, поставленныхъ подъ покровительство аббатства, разнообразится до безконечности. Фактически онъ можетъ быть сведенъ къ слѣдующимъ тремъ группамъ: 1/ дворовые рабы, 2/ сервы - земледѣльцы и 3/ люди свободные.

Дворовые рабы - это остатокъ когда то многочисленнаго класса рабовъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе уменьшавшагося, а въ X-XI ст. исчезнувшаго окончательно. Какъ и въ римскую эпоху, они живутъ при господскомъ дворѣ и отправляютъ различныя службы, по усмотрѣнію господина или его замѣстителей. Одни изъ нихъ составляютъ то, что можно назвать барскою челядью, другіе отправляютъ разнаго рода ремесла. Точно такъ же, какъ и въ римскую эпоху, рабы этого разряда не пользуются никакими человѣческими правами. Они могутъ быть даримы, завѣщаемы, продаваемы, словомъ, они попрежнему - *instrumentum vocale*.

Въ нашемъ Полиптикѣ о дворовыхъ рабахъ содержатся

очень немногочисленныя упоминанія. Зато здѣсь мы находимъ ясныя указанія на то, что дворовыхъ рабовъ часто пересаживали на участки, т.е. фактически приравнивали къ остальнымъ держателямъ манзовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что количество дворовыхъ рабовъ продолжало уменьшаться и въ эпоху изданія Полиптика. Повидимому, большой надобности въ нихъ не ощущалось. Потребности господскаго дома были не велики, а господскую землю обрабатывали держатели. Для аббатства, какъ и для всякаго крупнаго помѣстья, было важнѣе населить земледѣльцами пустующія земли. Вотъ почему и растетъ число такъ наз. *servi casati*, существовавшихъ, какъ мы видѣли еще въ эпоху поздней Имперіи. *Servi casati* - это уже не рабы въ собственномъ смыслѣ даннаго слова. Это - держатели - земледѣльцы, положеніе которыхъ мало чѣмъ отличается отъ положенія другихъ земледѣльцевъ крупныхъ помѣстій.

Мы уже видѣли, что соціальная эволюція средневѣковаго общества съ неизбѣжностью вела къ смѣшенію пестрой массы зависимаго крестьянскаго населенія въ одномъ общемъ классѣ крѣпостныхъ крестьянъ или сервовъ. Въ эпоху изданія Полиптика аббата Ирминона данный процессъ почти кончился. Лучшимъ доказательствомъ этого положенія является то обстоятельство, что платежи и повинности держателей по большей части опредѣляются уже не соціальнымъ ихъ положеніемъ, а характеромъ занимаемыхъ ими участковъ. Рабъ, попавшій на свободный участокъ, несетъ и свободныя повинности, и наоборотъ, колонъ

попавшій на рабскій участокъ, несетъ повинности рабскія. Ясно, что сословныя перегородки, ранѣе отдѣлявшія глубокой пропастью раба отъ свободнаго, теперь почти окончательно стерлись. Для свободнаго это означаетъ ухудшеніе его положенія, для раба , наоборотъ, улучшеніе. Теперь и тотъ и другой-крѣпостные, не столько привязанные къ личности собственника, сколько къ землѣ, которую они обрабатываютъ. Словомъ,это - люди, которые, будучи обязаны обрабатывать землю въ пользу господина помѣстья, не могутъ ни покинуть данное помѣстье самовольно, ни быть оторванными отъ него властью самого господина. Это и есть отличительная черта средневѣковаго серважа, складывавшагося естественнымъ путемъ на протяженіи ряда столѣтій.

Въ Полиптикѣ мы находимъ любопытные примѣры такого смѣшенія старыхъ сословій. Такъ, въ фискѣ de Villamilt на одномъ и томъ же участкѣ живутъ колонъ съ женою колоною и дочерью, лидъ съ женою рабынею и I сыномъ, колонъ съ женою - лидою и 2 дѣтьми и, наконецъ рабъ съ женою extranea. Всѣ они вмѣстѣ держатъ одинъ манзъ, неизвѣстнаго качества, содержащій 16 бон. пахатной земли и 6 бон. лѣса, платятъ одинаковыя повинности и несутъ одинаковую барщину. Такіе случаи въ Полиптикѣ нерѣдкость. Опять таки они съ наглядностью говорятъ намъ о томъ, что помѣстный обычай перестаетъ уже отличать колона отъ лида и раба, что для него всѣ они одно и то же - зависимые землевладѣльцы, крѣпостные крестьяне.

Однако слѣды старыхъ сословныхъ перегородокъ окончательно не изгладились. Такъ, лиды, по Полиптику, платятъ особую подать -lidimonium, повидимому,знакъ ихъ болѣе тѣсной зависимости отъ господина. Еще болѣе помнитъ о старыхъ сословныхъ различіяхъ государство. Прежде всего въ своихъ публичныхъ актахъ оно никогда не смѣшиваетъ колоновъ съ лидами и рабами. Далѣе, оно старается отчетливо опредѣлить положеніе дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Въ принципѣ оно является противникомъ таковыхъ браковъ; оно только ихъ терпитъ и, повидимому, старается воспрепятствовать ихъ распространенію, заставляя дѣтей наслѣдовать худшее положеніе родителей.

Подавляющее количество держателей аббатства С.Ж. де Прэ - колоны . Гораздо менѣе лидовъ; и менѣе всего сервовъ. По подсчету Герара, послѣднихъ всего только 120 семей изъ общаго количества 2800 семей земельныхъ держателей, упомянутыхъ въ описи.

Количество свободнаго населенія аббатства незначительно. Свободныхъ держателей, упомянутыхъ въ Полиптикѣ можно раздѣлить на два разряда. Одни изъ нихъ, отдавшись подъ покровительство аббатства съ своими землями, сохраняютъ эти земли на правахъ условнаго владѣнія и никакихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей въ пользу аббатства не отправляютъ. Другой разрядъ свободныхъ, упоминаемый въ Полиптикѣ это лица, держащія участки земли нарав-

нѣ съ крѣпостными земледѣльцами / нерѣдко даже совмѣстно съ ними / и отправляющія за свое держаніе тѣ же повинности и службы, что и крѣпостные. Эти лица фактически мало чѣмъ разнятся отъ колоновъ. Наконецъ, въ большихъ помѣстьяхъ современной эпохи иногда живутъ свободные - недержатели. Это люди, отдавшіеся подъ покровительство крупнаго собственника безъ земли и не получившіе землю для пользованія. Получая отъ господина помѣстья защиту и покровительство, они взамѣнъ этого уплачиваютъ ежегодный поголовный налогъ /въ размѣрѣ 4 денар./, почему и называются capitales, capitalitii, homines de capite, cavaticarii.

На какой бы низкой стадіи не стоялъ свободный человѣкъ, онъ юридически рѣзко отличается отъ лица несвободнаго. Главнѣйшее его отличіе состоитъ въ томъ, что онъ не прикрѣпленъ ни къ личности, ни къ мѣсту и можетъ итти, куда ему вздумаетъя. Впрочемъ, фактически свободные низшихъ разрядовъ мало чѣмъ отличались отъ несвободныхъ. Что касается въ частности, держателей и свободныхъ, и не свободныхъ, то уже въ X ст. они сольются въ одномъ общемъ классѣ вилланоаъ.

Я не буду перечислять всѣхъ платежей и службъ земельныхъ держателей аббатства I/. Отмѣчу только I/ что они обычно опредѣляются не соціальнымъ положеніемъ земледѣльца, а характеромъ занимаемаго имъ участка / свободнаго, литскаго или сервскаго /, 2/ что

I/ См. о нихъ подробно въ моей статьѣ „Крѣпостное крестьянство на помѣстьяхъ аббатства св. Германа въ началѣ IX стол"/Сборникъ статей въ честь проф. В.П. Бузескула. Харьковъ/.

размѣры платежей и службъ не зависятъ отъ размѣровъ держаній: очень часто манзы малаго размѣра несутъ гораздо большее количество платежей, нежели манзы большого размѣра, 3/ что наибольшее количество платежей и службъ падаетъ на свободные манзы, а наименьшее на сервскіе / рабскіе /. Чтобы дать вамъ нѣкоторое представленіе о повинностяхъ людей св. Германа, приведу слѣдующую выдержку изъ Полиптика. „Иворіусъ - колонъ и жена его - Эрмина. Дѣти ихъ/слѣд 9 имени /. И Фродакусъ - колонъ и жена его - колона, именемъ Этла. Дѣти ихъ / слѣд. два имени/. И Фродоардусъ и жена его колона, именемъ Эрбедилдисъ. Дѣти ихъ / слѣд. четыре имени /. Всѣ они люди св. Германа; живутъ въ Вилламилтѣ; держатъ одинъ свободный манзъ, содержащій пахотной земли бонуаріевъ XI, винограднику поларипинна. Если будутъ имѣть возможность, платятъ въ качествѣ военнаго налога полбыка; если не будутъ имѣть возможность заплатить полбыка, платятъ 4 овецъ; кромѣ того каждый по 4 денарія поголовной подати; за пользованіе дровами въ общей сложности 4 денарія; пять модіусовъ ячменя для прокорма коня; 100 досокъ, если не пользуются лѣсомъ, а если пользуются лѣсомъ, даютъ 200 досокъ и привозятъ эти доски на господскій дворъ. Половина ихъ остается на господскомъ дворѣ, а другую половину..

везутъ въ монастырь. Платятъ также въ общей сложности 100 драней, не изъ господскаго лѣса, а собственнаго пріобрѣтенія, 6 куръ съ яйцами. Платятъ также черезъ два года въ третій одного ягненка. Пашутъ подъ озимое 4 пертика, подъ яровое 2. Несутъ полевую барщину когда въ ней есть надобность; если не несутъ, работаютъ три дня / въ недѣлю /; /отправляютъ/ ручныя работы. Ежегодно даютъ ....одну подводу въ портъ Wicus, если имъ будетъ приказано" /IX,9/.

Одна изъ отличительныхъ особенностей средневѣковаго помѣстнаго строя , какъ мы уже говорили, состоитъ въ томъ, что населеніе помѣстья видитъ въ земельномъ магнатѣ не только помѣщика - землевладѣльца, но и сеньора - покровителя, съ которымъ оно связано тѣсными узами кліентелы, т.е. личнаго подчиненія. Этотъ помѣщичій патронатъ, развивавшійся постепенно и въ концѣ концовъ признанный государствомъ , надѣляетъ земельнаго магната рядомъ правительственныхъ функцій, отправленіе которыхъ является источникомъ особыхъ сеньоральныхъ правъ, прежде всего права баналитета и права помѣстной юстиціи . Баналитетъ , т.е. право сеньоральной монополіи на продажу и обработку разнаго рода продуктовъ ,вытекъ изъ административныхъ , или , точнѣе полицейскихъ функцій земельнаго магната, отправляемыхъ имъ въ предѣлахъ помѣстья . Заботясь объ общественной безопасности и общественномъ благосостояніи ,сеньоръ могъ издавать разнаго рода полицейскія постановленія,

обязательныя для всего населенія его обширнаго домэна. Само собою разумѣется, что дѣло не могло обойтись безъ злоупотребленій. Забота объ общественной безопасности часто являлась простою фикціей, прикрывавшей стремленіе сеньора къ соблюденію собственной выгоды. Одно изъ такихъ злоупотребленій и вылилось въ форму установленія баналитета т.е. провозглашенія помѣщичей монополіи на продажу и обработку предметовъ первой необходимости.

Въ Полиптикѣ аббата Ирминона можно видѣть намекъ на существованіе одной только мельничной монополіи, или мельничнаго баналитета / Ср. IX,2;XX,2/, но въ другихъ памятникахъ современной эпохи уже говорится и о хлѣбной и винной монополіяхъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что пока право баналитетовъ едва лишь намѣчается. Развитіе этого права, иногда принимающее прямо чудовищные размѣры, относится къ болѣе позднему времени - X и XI столѣтіямъ.

Изъ этого же помѣщичьяго патроната вытекаетъ право сеньоральной юстиціи. Будучи защитникомъ и покровителемъ своихъ homines, т.е. несвободнаго населенія домэна, помѣщикъ въ то же время лично наблюдалъ за ихъ поведеніемъ и лично наказывалъ ихъ преступленія и проступки, совершенныя въ предѣлахъ помѣстья. Въ этомъ смыслѣ,т.е.въ смыслѣ опеки и власти помѣщика надъ несвободными, сеньоральная юстиція существовала издавна. Но пожалованіе иммунитета раздвинуло ея рам-

ки, подчинивши ей въ извѣстныхъ случаяхъ и свобод - ныхъ обитателей помѣстья, наряду съ несвободными.

Изъ capitulare de villis мы узнаемъ, что на императорскихъ помѣстьяхъ вотчинная юстиція отправлялась управляющими - judices. Что касается частно владѣльческихъ земель, на которыхъ judices отсутствовали, то здѣсь вотчинная юстиція, повидимому, отправлялась такъ наз. majores, т.е. старостами. Такъ, вѣроятно, обстояло дѣло и на помѣстьяхъ аббатства св. Германа.

Намъ остается сказать объ организаціи помѣстнаго управленія по даннымъ Полиптика. Одна изъ отличительныхъ чертъ помѣстныхъ распорядковъ каролингской эпохи та, что собственникъ лично не управляетъ своими доменами. Онъ поручаетъ это дѣло цѣлому штату служащихъ, извѣстныхъ подъ именемъ ministeriales. Главная обязанность послѣднихъ - наблюдать за правильнымъ поступленіемъ платежей и отправленіемъ личныхъ службъ тяглыхъ держателей помѣстья. Кромѣ земельныхъ держаній, эти лица получаютъ за свою службу извѣстную часть изъ господскихъ доходовъ.

Изъ capitulare de villis Карла Великаго мы узнаемъ, что первое мѣсто среди министеріаловъ императорскихъ помѣстій начала IX в. занимали такъ наз. judices. Это не исключительно судьи. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ полицейскія функціи въ предѣлахъ домэна, они въ то же время завѣдуютъ всею хозяйственной жизнью помѣстій, до мельчайшихъ подробностей и ежегодно да-

ютъ отчетъ о своей дѣятельности самому императору.

Изъ того же capitulare de villis мы узнаемъ, что на императорскихъ помѣстьяхъ начала IX ст. въ непосредственномъ подчиненіи у judices стояли такъ наз. majores, т.е. старосты. Кругъ дѣятельности majores уже круга дѣятельности judices. Съ одной стороны, полицейскихъ и судебныхъ функцій majores, повидимому, не отправляютъ. Съ другой стороны, они имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи лишь такую территорію, какую „можно обойти въ одинъ день", т.е., повидимому, территорію одной только виллы, между тѣмъ какъ judices управляютъ нѣсколькими villae сразу. Вообще, majores, въ сравненіи съ judices - служащіе низшаго ранга. „Старостъ никоимъ образомъ не назначать изъ людей болѣе сильныхъ, а изъ людей среднихъ, да повѣрнѣе", говоритъ въ своемъ капитуляріи императоръ.

Такимъ образомъ major императорскихъ помѣ - стій каролингской эпохи - это подчиненный управляющему староста, завѣдующій хозяйственными распорядками одной только villa. На частно-владѣльческихъ земляхъ управляющіе обычно отсутствуютъ и всѣ ихъ функціи переходятъ къ старостамъ /majores/ отдѣльныхъ villae. Въ Полиптикѣ аббата Ирминона каждый фискъ обычно имѣетъ одного только старосту. И лишь въ огромномъ фискѣ de Villamilt мы, въ видѣ исключенія, встрѣчаемъ двухъ сттаростъ.

Помѣстные старосты по большей части назначаются

изъ среды тѣхъ же тяглыхъ держателей. Въ однихъ случаяхъ это колоны. На равнѣ съ остальными крестьянами они получаютъ въ держаніе земельные участки. Правда, эти участки иногда больше другихъ, но они несутъ обычныя повинности держателей, до manopera/ ручныхъ службъ/ включительно. Нерѣдко majores обязаны дѣлать аббатству специальныя приношенія, которыя въ однихъ случаяхъ освобождаютъ ихъ отъ части обычныхъ повинностей, въ другихъ случаяхъ не освобождаютъ и взимаются сверхъ этихъ повинностей.

Управляющіе и старосты имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый штатъ низшихъ служащихъ. Это прежде всего десятники / decani /, стоящіе во главѣ десятковъ, на которые иногда, чисто въ хозяйственныхъ цѣляхъ, подраздѣляются помѣстья. Изъ нашего Полиптика мы узнаемъ, что въ одномъ изъ фисковъ аббатства de Villamilt было три десятника, стоявшихъ во главѣ трехъ отдѣльныхъ десятковъ, причемъ каждый изъ нихъ имѣлъ помощника, называвшагося младшимъ десятникомъ. Трехъ десятниковъ мы видимъ и въ фискѣ de Bisconcella. Наконецъ, въ фискахъ de Bulido, de Agmanto, de Mantula мы находимъ по одному только десятнику или декану. Всѣ эти названные въ Полиптикѣ десятники - колоны, держащіе земельные участки наравнѣ съ остальными крестьянами. Повинности ихъ въ однихъ случаяхъ тѣ же, что и повинности прочихъ держателей, въ другихъ случаяхъ они уменьшены propter servitium, или за-

мѣнены специальными службами и приношеніями. По своему служебному положенію въ помѣстьѣ, десятники, повидимому, стоятъ въ такомъ же отношеніи къ старостамъ, какъ послѣдніе къ управляющимъ.

Изъ другихъ низшихъ служащихъ / ministeriales / большого помѣстья каролингской эпохи слѣдуетъ назвать лѣсничаго, который смотритъ за лѣсами, а иногда и за виноградниками, мельника, эконома и magistri operum, т.е. завѣдующихъ различными ремеслами. Всѣ эти лица - обычно колоны или сервы. Одни изъ нихъ держатъ земельные участки и несутъ за это извѣстныя повинности, другіе, принадлежа къ разряду дворовой челяди рабскаго состоянія, повидимому, земельными держаніями не пользуются. Я уже говорилъ, что всѣ эти служащіе низшаго ранга состоятъ подъ непосредственнымъ руководствомъ управляющаго или старосты и являются ихъ орудіемъ въ дѣлѣ урегулированія хозяйственной жизни помѣстья.

Разборъ Полиптика аббата Ирминона познакомилъ насъ съ помѣстными распорядками Франціи въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились къ началу IX столѣтія. Не забудемъ, что это время было временемъ наивысшаго расцвѣта верховной власти франкскихъ королей изъ династіи каролинговъ. Послѣ Карла Великаго эта власть, какъ мы знаемъ, сдѣлалась фикціей, и наступилъ продолжительный періодъ анархіи, когда право сильнаго сдѣлалось чуть ли не единственнымъ

правомъ, признаваемомъ на всемъ огромномъ протяженіи раздробленной Имперіи. Такова была та политическая обстановка, въ которой совершалась дальнѣйшая эволюція помѣстныхъ распорядковъ. Если и ранѣе помѣстье пользовалось извѣстной политической самостоятельностью, впрочемъ, поставленною въ опредѣленныя рамки бдительностью императора, то теперь оно фактически дѣлается ни отъ кого независимымъ. Соотвѣтственно этому характеръ власти земельнаго магната измѣняется кореннымъ образомъ. Если ранѣе онъ являлся по отношенію къ подвластному ему населенію все таки болѣе помѣщикомъ, нежели государемъ, то теперь какъ разъ наоборотъ, онъ становится болѣе государемъ, нежели помѣщикомъ. Иначе говоря, политическія права земельнаго магната начинаютъ играть большую роль, нежели права экономическія. Вотъ почему можно сказать, что помѣстная система, какъ система, основанная на территоріальномъ, экономическомъ принципѣ, съ этихъ поръ уступаетъ мѣсто сеньоральной системѣ, основанной на принципѣ политическаго подчиненія. На самомъ дѣлѣ, захвативши въ свои руки всѣ элементы растерянной каролингами верховной власти, земельный магнатъ теперь можетъ дѣлать со своими подчиненными все, что угодно. Отсюда масса злоупотребленій, выразившихся въ установленіи безконечнаго множества сеньоральныхъ повинностей, которыя отнюдь не вытекали изъ положенія сеньора, какъ простого помѣщика. Произвольная талья и

другіе экстренные налоги и поборы, всякаго рода „угощенія", „помочи", безконечные баналитеты, шеважи, шампары, формаріажи и т.п. - все это порожденіе того мрачнаго времени, когда „насиліе заставляло искать покровительства, а это покровительство, въ свою очередь, превращалось въ насиліе". И само собою разумѣется, что это время было временемъ окончательнаго порабощенія нѣкогда свободнаго крестьянства. Слѣдующій примѣръ какъ нельзя лучше говоритъ намъ о судьбѣ лицъ, вынужденныхъ искать среди этого всеобщаго крушенія покровительства и защиты. Жители одного домэна - свободные собственники - вздумали отдаться подъ покровительство сосѣдняго сеньора - могучаго магната. Тотъ немедленно обложилъ ихъ сеньоральными повинностями, затѣмъ отнялъ у нихъ имущество и поставилъ ихъ въ положеніе сервовъ. Напрасно несчастные отправились съ жалобами къ королю, когда онъ праздновалъ свое коронованіе въ Soleure'ѣ. Они никакъ не могли пробраться сквозь блестящую толпу вельможъ, составлявшихъ королевскую свиту, а ихъ грубая деревенская рѣчь не давала имъ возможности объяснить свое дѣло. Ничего не добившись, они принуждены были возвратиться домой и безропотно покориться насилію. Это происходило въ первой половинѣ XI ст. Въ началѣ XII ст. незаконно пріобрѣтенное имущество было продано потомками узурпатора аббатству Мури, въ Швейцаріи. И гуманный монахъ - лѣтописецъ, оставившій намъ подробный разсказъ

о злодѣйскомъ захватѣ, выражаетъ свое живѣйшее негодованіе и порицаніе корпораціи, купившей добычу разбойника. „Пусть каждый поразмыслитъ самъ съ собою поучаетъ лѣтописецъ, что за польза и что за счастье можетъ произойти для души и для тѣла отъ столь нечестно пріобрѣтеннаго имущества. Вѣдь, каждый о томъ только и долженъ заботиться, чтобы не питать свое тѣло душѣ на погибель. Пусть каждый призадумается, что за польза, если злодѣй будетъ грабить, а монахъ питаться его пріобрѣтеніями".

Никто лучше Флака не изобразилъ общественной катастрофы X-XI ст., выразившейся въ развитіи сеньоріальнаго режима.

Этотъ же изслѣдователь далъ великолѣпную картину постепеннаго оздоровленія и возрожденія общественнаго организма въ послѣдующія столѣтія. Одинъ изъ факторовъ этого возрожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ разложенія помѣстнаго / сеньоріальнаго/ строя - свободная крестьянская община. Если ранѣе помѣстье поглотило село, всосавши въ свои нѣдра мелкую аллодіальную собственность, то въ XII-XIII ст. село разрушаетъ помѣстье, мало по малу вырываясь изъ подъ тягостной опеки сеньоральныхъ министеріаловъ и захватывая сеньоріальныя владѣнія въ собственность.

Крестьяне очень рано стали стремиться къ освобожденію изъ подъ тяжкаго гнета крѣпостного права. Еще въ Каролингскую эпоху они составляли противозаконные союзы противъ своихъ господъ, строго преслѣдуемые правительственной властью. Въ X и XI ст. вспыхиваетъ цѣлый рядъ возстаній во Франціи, подавленныхъ съ страшной жестокостью. Возставшимъ отрубали руки и ноги, вырывали зубы и глаза, замучивали до смерти. „И приходилось деревенщинѣ покидать свои сходки и возвращаться къ сохамъ", лаконически замѣчаетъ лѣтописецъ. Освобожденіе крестьянъ совершалось постепенно, не путемъ кровавыхъ возстаній и битвъ, а путемъ продолжительной экономической эволюціи. Причины, способствовавшія паденію крѣпостного права, съ особою силою стали обнаруживать свое дѣйствіе въ эпоху крестовыхъ походовъ. Тогда начала развиваться торговля и промышленность, тогда возродилась городская жизнь послѣ продолжительной спячки средневѣковья. Натуральное хозяйство разлагалось, уступая свое мѣсто хозяйству городскому. У помѣщика, до сихъ поръ получавшаго все необходимое у себя дома, теперь возникаютъ новыя, болѣе широкія потребности; а для удовлетворенія этихъ потребностей необходимы денежныя средства. Вотъ почему натуральныя крестьянскія повинности обычно замѣняются денежными, разъ навсегда установленными. Параллельно съ такой коммутаціей юридическое положеніе крестьянъ возвышается. Они уже перестаютъ быть простымъ имущественнымъ инвентаремъ своего господина, и во многихъ случаяхъ добиваются личной свободы. Нерѣдко ихъ поддерживаетъ въ этомъ стремленіи королевская власть объ-

явившая безпощадную войну феодальнымъ сеньорамъ. Французскіе юристы провозглашаютъ принципы естественнаго права, а Церковь посылаетъ проклятія тому, кто грабитъ имущество бѣдныхъ. Духовенство нерѣдко властно вмѣшивается въ частныя отношенія сеньоровъ и крестьянъ, содѣйствуя облегченію участи послѣднихъ. Подъ совокупными дѣйствіями всѣхъ этихъ причинъ старые помѣстные порядки разрушаются. Крестьянство группируется около приходской церкви въ тѣсные союзы. Эти союзы, мало по малу, вырываются изъ подъ власти помѣщиковъ, общими силами добывая себѣ свободу. Коммунальная революція является яркимъ примѣромъ освобожденія. Коммунальная хартія даетъ горожанамъ человѣческія права. Городской воздухъ доставляетъ человѣку свободу отъ гнета феодализма. Крестьянинъ тоже хочетъ добыть для себя коммунальную хартію, онъ хочетъ превратить свое село въ маленькую коммуну. Въ противномъ случаѣ онъ угрожаетъ сеньору сбѣжать въ городъ и превратиться въ свободнаго буржуа - горожанина. Цѣлыя села добиваются освобожденія и выбираютъ своихъ собственныхъ представителей ешевеновъ. Такимъ путемъ крестьянинъ превращается въ свободнаго собственника своей земли, правда, обремененной массой феодальныхъ повинностей. Впрочемъ, это далеко не общее правило. Во Франціи, напр., крестьяне часто остаются вилланами, т.е. не собственниками, а лишь свободными держателями земли на извѣстныхъ условіяхъ. Въ сѣв-восточной Германіи и Даніи освобожденіе нерѣдко сопровождает-

ся обезземеленіемъ. Въ Англіи пролетаризація крестьянской массы - общее правило. Долго и томительно идетъ этотъ процессъ уничтоженія средневѣковаго серважа, съ частыми уклоненіями въ сторону и задержками. Нерѣдко онъ осложняется бурными крестьянскими возстаніями, подавляемыми съ безпримѣрной жестокостью. Въ 50-хъ годахъ XIУ ст. поднимаются французскіе „Жаки". Въ 1381г. встаютъ англійскіе крестьяне, подъ начальствомъ Уота Тайлера. Въ XУ ст. съ оружіемъ въ рукахъ добиваются отмѣны „дурныхъ обычаевъ" каталонскіе ременсы. А въ началѣ XУI ст. загорается великая крестьянская война въ Германіи, имѣвшая для несчастнаго крестьянскаго люда самыя плачевныя послѣдствія.

Литература: Маурерь. Введеніе въ исторію марковаго подворнаго, сельскаго и городского хозяйства и общественной власти, рус. пер. 1880. Фюстель де Куланжъ. Аллодъ и сельское помѣстье, рус. пер. подъ редак. проф. Гревса. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства, т. I. 1893. Удальцовъ. Свободная деревня въ Западной Нейстріи въ эпоху Меровинговъ и Каролинговъ /журн. Мин. Нар. Пр. 1912/. Sée. Les classes rurales, 1901. Flach. Les origines de l'ancienne France, t. I. 1886. Inama-Sternegg. Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolinger Periode, tt. I-III. 1879-1901 /2 Aufl. 1906/. Meitzen. Siedelung und Agrarwesen etc. tt. I-III. 1895. Lamprecht. Deutschlands Wirthschaftsleben im Mittelalter, tt. I-II. 1885-1886.

XII ПРОИСХОЖДЕНІЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ НА ЗАПАДѢ.

Научнымъ терминомъ феодализмъ принято обозначать одно изъ крупнѣйшихъ явленій всемірной исторіи человѣчества въ области соціально-политическихъ отношеній. И если ранѣе феодализмъ считали исключительной принадлежностью западно-европейскаго общества эпохи средневѣковья, то съ теченіемъ времени значеніе этого термина безконечно расширилось. Научныя изысканія новѣйшаго времени доказали, что феодализмъ, или по крайней мѣрѣ его составные элементы присущи многочисленнымъ государствамъ всего земного шара, въ различные періоды ихъ историческаго развитія. Само собою разумѣется, что въ данный моментъ мы не имѣемъ возможности заняться разсмотрѣніемъ феодализма въ послѣднемъ, широкомъ значеніи этого слова. Мы изучимъ ту форму феодализма, которая присуща западно-европейскому средневѣковому обществу, и которая съ наибольшею яркостью и полнотою воплотилась въ исторіи королевства французскаго. Съ французскимъ феодализмомъ, этимъ чистѣйшимъ типомъ феодализма средневѣковой Европы, намъ и предстоитъ сейчасъ познакомиться.

Можно сказать, что развитіе и разрушеніе феодальной системы наполняетъ собою всю средневѣковую исторію западно-европейскаго общества. Если феодализмъ широко раскинулся во времени, то не мало мѣста онъ занимаетъ и въ пространствѣ. Это въ высшей степени слож

ное явленіе, охватывающее собою буквально всѣ проявленія широкой общественной жизни. Вотъ почему на изученіе феодализма съ самыхъ давнихъ поръ было обращено серьезное вниманіе ученыхъ изслѣдователей. И если всѣ они болѣе или менѣе согласно опредѣляютъ сущность феодализма, какъ раздѣленіе государственной территоріи и власти надъ людьми между крупными земельными собственниками, то по вопросу о самомъ генезисѣ феодальныхъ отношеній ихъ мнѣнія существенно расходятся. Если одни ученые склонны были считать феодализмъ римскимъ учрежденіемъ, завѣщаннымъ среднимъ вѣкамъ Имперіей, то другіе объясняли феодализацію ролью германскаго племени въ исторіи человѣчества. Въ противоположность этимъ теоріямъ, нѣкоторые искали причинъ феодальнаго процесса совершенно независимо отъ племенного начала. При этомъ одни ставили этотъ процессъ въ зависимость отъ политическаго переворота, совершеннаго каролингами, другіе искали его причинъ глубоко - въ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ, общихъ какъ романскимъ племенамъ, такъ и германскимъ.

Романская гипотеза для объясненія феодализма съ наибольшею рѣзкостью изложена у Энрико Поджи - итальянскаго писателя половины прошлаго вѣка. Процессъ феодализаціи Э. Поджи раздѣляетъ на два періода - первый, начавшійся еще въ римскую эпоху, вырабатываетъ основы, второй начавшійся въ каролингскую эпоху, доставляетъ этимъ основамъ развитіе и преобладаніе въ политической сфе-

рѣ. Германское завоеванiе совершенно во вниманiе не принимается. Наибольшее распространенiе романская гипотеза естественно получила въ романскихъ странахъ Францiи и Италiи. Аббатъ Дюбо, Пересcio, Шампоньеръ таковы яркiе представители этого направленiя, направленiя, надо сказать, совершенно устарѣвшаго главнымъ образомъ въ силу того, что оно не ставитъ вопроса на почву строго эволюцiоннаго изученiя, и представляетъ феодализмъ сложившимся издавна въ средневѣковомъ обществѣ. Тѣми же недостатками страдаетъ и другое объясненiе феодализацiи, данное германистами. Теорiи Монтескье, Гизо, Шлегеля, видѣвшихъ готовые элементы феодализма въ исконныхъ учрежденiяхъ древнихъ германцевъ, въ настоящее время отвергнуты. Большого вниманiя заслуживаетъ теорiя Вайца, одного изъ самыхъ умѣренныхъ германистовъ. Зачатки феодализма онъ признаетъ въ франкскомъ государствѣ, хотя и не въ совсѣмъ законченной формѣ. Уже при меровингахъ, говоритъ онъ, находимъ мы зародыши бенефицiя, вассалитета и иммунитета. Но окончательная побѣда феодальныхъ учрежденiй и правъ совершается очень поздно. До самаго XII в. элементы феодализма не преобладаютъ въ обществѣ, а перемѣшиваются съ элементами государственными. Взгляды Вайца большинству германскихъ ученыхъ показались слишкомъ расплывчатыми. Послѣдующiе ученые - Ротъ и Зомъ выдвинули другую точку зрѣнiя. Организацiя меровингскаго государства, говорятъ они, организацiя совершенно правильная и здоро-

вая. Разложенiе государственности и преобладанiе частно-правовыхъ отношенiй начинается лишь со времени каролинговъ. Тогда то и развивается бенефицiальная система путемъ королевскихъ пожалованiй. Развивается и вассалитетъ, разрушившiй непосредственную связь короля съ его подданными. Во всякомъ случаѣ, въ образованiи феодализма виновато не все германское племя, а каролингскiй родъ съ его неумѣлой политикой.

У всѣхъ перечисленныхъ до сихъ поръ германистовъ главное вниманiе при объясненiи феодализацiи обращено на политическую сторону процесса - на характеръ верховной власти и элемента ея разложенiя. Но процессъ феодализацiи имѣетъ еще внутреннюю сторону - экономическую и соцiальную, на изученiи которой и сосредоточилъ свое главное вниманiе уже извѣстный намъ Мауреръ. Мауреръ изучилъ первоначальную клѣточку государства, основную его ячейку - сельскую общину. Экономическiя измѣненiя въ составѣ послѣдней, по его мнѣнiю, опредѣлили и соцiально политическiя отношенiя. Только съ разложенiемъ общиннаго союза могли возобладать сословныя неравенства, феодальное землевладѣнiе и присвоенiе государственной власти крупнѣйшими землевладѣльцами. Процессъ феодализацiи въ сущности сводился къ процессу перерожденiя марки въ сеньорiю. Взглядъ

Маурера развилъ англійскій ученый Мэнъ, широко вос - пользовавшійся при изученіи феодальныхъ отношеній сравнительнымъ методомъ изслѣдованія. Феодализмъ для Мэна и его послѣдователей не есть продуктъ мѣст - ныхъ историческихъ причинъ, а цѣлый фазисъ развитія, чуть ли не необходимая форма перехода отъ господст-ва коллективнаго принципа въ обществѣ и государствѣ къ преобладанію принципа индивидуальности.

Такова историческая постановка вопроса о феода-лизмѣ накануне появленія въ свѣтъ произведеній Фюстель де Куланжа. Я уже неоднократно говорилъ, что Ф.де Ку-ланжа напрасно считали романистомъ Онъ является осно-вателемъ реалистическаго направленія въ исторіи,пред-ставителемъ школы органическаго роста человѣческихъ обществъ. Въ частности, по вопросу о феодализмѣ онъ заявилъ, что послѣдній „не былъ ни римскимъ ни герман-скимъ.,а принадлежитъ вообще человѣческой природѣ". Широкая концепція непрерывности исторической эволю-ціи блестящимъ образомъ примѣнена Фюстель де Кулян - жемъ къ истолкованію одного изъ важнѣйшихъ явленій въ исторіи человѣчества. Французскій историкъ изо - бражаетъ средневѣковый строй хотя и вышедшимъ изъ рим-скихъ корней, но выработавшимся подъ сложнымъ влія - ніемъ древнихъ началъ , переродившихся въ новой ис-торической средѣ , подъ вліяніемъ новыхъ историче-скихъ факторовъ . Въ числѣ послѣднихъ онъ, правда,

сравнительно мало видитъ специфически германскихъ элементовъ, въ особенности подчеркивая живучесть богатѣйшей культуры римскаго общества . Труды Ф.де К. - это лучшее, что написано до сихъ поръ по вопро-су о феодализмѣ.

Феодальная система, говоритъ Ф.,слагалась мед-ленно и постепенно, на протяженіи цѣлаго ряда сто-лѣтій. И прежде чѣмъ сдѣлаться политическимъ учреж-деніемъ, она послѣдовательно укоренялась въ частной жизни, развертывалась въ области частно-правовыхъ отношеній. Въ явленіяхъ частной, а не общегосудар-ственной жизни и слѣдуетъ искать ея корни. Вассали-тетъ, бенефицій, иммунитетъ - эти основные элементы феодальной системы - появились не вдругъ, а путемъ медленной исторической эволюціи, путемъ послѣдовате-льнаго перерожденія старыхъ началъ въ нѣдрахъ нова-го общества. Еще въ римскую эпоху существовало дер-жаніе прекарное,характеризуемое расчлененіемъ права собственности и права владѣнія. Прекарій переходитъ и въ меровингскую эпоху, перерождаясь здѣсь въ бене-фиціальное держаніе, впослѣдствіи связанное съ воен-ною службою. Съ другой стороны, и въ Римской Имперіи и въ древней Германіи мы находимъ особую форму пат-ронатныхъ отношеній - зерно позднѣйшаго вассалитета, позднѣйшей коммендаціи. Наконецъ, въ Римской Имперіи мы находимъ и слѣды иммунитета. Но если бенефицій и

вассалитетъ пришли снизу, будучи затѣмъ лишь санкціонированы государственной властью, то иммунитетъ пожалованъ сверху, волею государя. Три элемента феодальной системы развиваются и дѣйствуютъ параллельно, будучи прикрыты крѣпкою государственной организаціей франкской монархіи. Но съ теченіемъ времени они сливаются въ стройную систему, причемъ бенефицій влечетъ за собою вассалитетъ, а все это накрѣпко связывается иммунитетомъ.

Къ сожалѣнію Ф.де К. не удалось прослѣдить окончательную формацію феодальной системы. Я уже говорилъ, что его работа дополнена и закончена другимъ извѣстнымъ изслѣдователемъ - французомъ Флакомъ. Главныя разногласія Ф.де К. и Флака по вопросу о феодализмѣ сводятся къ слѣдующему: I/ если Ф де К. въ процессѣ феодализаціи выдвигаетъ на I-й планъ связи территоріальныя, т.е. экономическія, а личнымъ связямъ, личной коммендаціи отводитъ второстепенное мѣсто, то Флакъ какъ разъ наоборотъ - выдвигаетъ на I-й планъ именно связи клановыя, личныя, т.е. духовныя. 2/ Если Ф.де К. полагаетъ, что бенефицій предшествовалъ коммендаціи, то по Флаку, наоборотъ, коммендація предшествовала бенефицію. Наконецъ, 3/ Флакъ, вопреки своему предшественнику, считаетъ иммунитетъ въ большинствѣ случаевъ пришедшимъ снизу, а не сверху, т.е. склоненъ разсматривать его, какъ результатъ захвата, а не даренія. Съ нѣкоторыми поправками Флака нельзя не согласиться. Что же касается его объясненія феодальнаго процесса чисто личными связями между сеньоромъ и вассалами, то это объясненіе вызываетъ существенныя возраженія. Въ данномъ случаѣ Флакъ привлекъ себѣ на помощь оригинальный чисто литературный матеріалъ - chansons de geste. Приводя многочисленныя свидѣтельства этихъ chansons de geste, Флакъ утверждаетъ, что чисто личныя связи любви и покорности занимали главное мѣсто въ отношеніяхъ сеньора ко всему подвластному ему населенію и въ меровингскую и въ каролингскую эпохи и позднѣе. Однако слѣдуетъ замѣтить, что chansons de geste - крайне ненадежный историческій источникъ. Каждому извѣстно, что рыцарская поэзія пропитана сплошною идеализаціей средневѣковаго строя. И судить о сущности феодальнаго контракта по chansons de geste, это все равно, что судить о положеніи женщины въ средніе вѣка по тѣмъ же пѣснямъ трубадуровъ, или характеризовать Карла Великаго по пѣснѣ о Роландѣ. Правда, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ отношеніяхъ рыцаря къ его непосредственной свитѣ - къ его дамуазо, экюйе и т.п. личныя связи занимали очень видное мѣсто. Но нѣтъ также никакого сомнѣнія и въ томъ, что въ отношеніяхъ сеньора къ остальной части подвластнаго ему населенія первое мѣсто занимали связи земельныя, т.е. чисто экономическія, а не духовныя.

Какъ я уже замѣтилъ, Флаку пришлось выполнить

ту работу, которую не удалось довести до конца Ф.де К. Феодальныя отношенія въ ихъ окончательномъ видѣ, по Флакку, сложились очень поздно, въ XII-XIIIвв,когда усилившаяся королевская власть уже подготовляла торжество новаго,централизованнаго общества. Такимъ образомъ, торжество феодализма, по словамъ Флака ,совпадаетъ съ началами его разрушенія. А въ предшествующую эпоху - приблизительно съ IX по XI ст. феодализмъ переживалъ бурный періодъ никубаціи . Это время борьбы центробѣжныхъ силъ, воплощенныхъ въ сеньоральномъ/помѣстномъ/режимѣ, съ силами центростремительными, постепенно кристализировавшимися въ феодальной системѣ . Это эпоха безпорядка, и анархіи, „когда насиліе заставляло искать покровительства, а это покровительство въ свою очередь превращалось въ насиліе Можно сказать, что работы Ф.де К. и Флака являются исчерпывающими работами по вопросу о феодальной системѣ. Здѣсь историческая наука сказала свое послѣднее слово. Я и представляю краткое обобщеніе тѣхъ результатовъ, которые добыты этими двумя изслѣдователями по вопросу о средневѣковомъ феодализмѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія что зерна феодальной системы, ея первоначальныя задатки слѣдуетъ искать въ строѣ Римской Имперіи эпохи упадка. Мы видѣли, что государственный организмъ Римской Имперіи былъ въ корнѣ расшатанъ естественнымъ процессомъ дезорганизаціи. Центробѣжныя силы побѣдили силы центростремительныя, а въ результатѣ полное торжество большого помѣстья, не только въ сферѣ экономическихъ отношеній, но и въ сферѣ отношеній соціальныхъ ,отчасти даже политическихъ. Государство, какъ единый организмъ, гибнетъ и разрушается, а помѣстье цвѣтетъ и развивается, скопляя въ своихъ нѣдрахъ все новыя и новыя жизненныя силы. Всѣ, кто только можетъ убѣжать изъ подъ бдительной опеки правительства, ищутъ убѣжища и спасенія въ маленькомъ организмѣ помѣстья. Это прямой регрессъ въ смыслѣ перехода отъ широкихъ формъ государственности къ болѣе узкимъ прямое торжество частноправоваго начала надъ началами общегосударственными. Центръ тяжести народной жизни переместился къ периферіи государственнаго организма - помѣстью. Въ немъ основа экономическаго благосостоянія широкихъ народныхъ массъ, въ немъ, подъ защитою помѣщичьяго патроната, убѣжище отъ насилій и произвола, въ немъ, зачатки своей собственной юстиціи и полиціи,словомъ, въ немъ наростаетъ сила политическая. Это вполнѣ самодовлѣющій мірокъ, который очень мало нуждается въ постороннихъ услугахъ. Зерно вассалитета въ немъ - патронатъ, зерно бенефиція - держаніе прекарное, зерно иммунитета - судебно-полицейскія и фискальныя функціи земельнаго магната. Это несомнѣнно феодализирующій процессъ, и его теченіе не могло быть остановлено крушеніемъ Имперіи и нашествіемъ варваровъ. Франкское государство не могло дать перевѣса центростремительнымъ силамъ надъ центробѣжными. Оно не въ силахъ было дать

надежной защиты слабымъ элементамъ общества отъ произвола сильныхъ. А въ результатѣ дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе частно-правовыхъ связей. Силенъ только тотъ, кто владѣетъ землей. Другихъ мѣрокъ соціальной цѣнности нѣтъ, да и быть не можетъ при господствѣ замкнутаго хозяйства. У земельнаго магната подъ рукою масса послушныхъ людей. Съ ихъ помощью онъ не только можетъ лишить свободы своего слабаго сосѣда но и отнять у него все движимое и недвижимое имущество. Защиты сверху ждать нечего. Ее можетъ дать только грубая сила, т.е.тотъ же самый земельный магнатъ, тотъ же самый помѣщикъ. И мелкій собственникъ спѣшитъ добровольно сдѣлать то, къ чему онъ во всякое время можетъ быть вынужденъ силою. Онъ отдаетъ свою собственность могучему сосѣду, получая ее обратно лишь въ качествѣ держанія. Одновременно онъ признаетъ свою зависимость отъ сеньора, онъ обѣщаетъ ему послушаніе. Развивается бенефиціальная система, увеличивается число прекарныхъ держаній. Бенефицій и прекарій - это въ сущности одно и тоже. Прекарій есть результатъ просьбы, бенефицій - благодѣяніе. Это одинъ и тотъ же актъ, разсматриваемый съ различныхъ точекъ зрѣнія. Для получающаго землю въ держаніе онъ - результатъ просьбы / прекарій/, со стороны держателя земли онъ благодѣяніе /бенефицій/. Итакъ, бенефицій /прекарій/ прежде всего актъ, посредствомъ котораго земля отдается въ держаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обозначаетъ и

самое держаніе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ бенефицій есть всякое держаніе земли, всякое владѣніе землею, не собственность. Но видовъ бенефиція много, начиная отъ „чистаго", благороднаго держанія земли /нерѣдко въ размѣрахъ всего помѣстья/, при условіи обѣщанія „помощи", „дружбы" и кончая „чернымъ" держаніемъ небольшого участка за „подлую" работу и оброки. Въ первомъ случаѣ свободный человѣкъ подчиняетъ себѣ такого же свободнаго. Во второмъ случаѣ безсильный и беззащитный крестьянинъ подчиняется знатному барину. Все это, повторяю, бенефицій или прекарій. И лишь съ теченіемъ времени бенефицій сталъ обозначать исключительно перваго рода держаніе - „чистое", благородное, а прекарій - держаніе исключительно „черное", „подлое". И здѣсь и тамъ различается „dominium eminens" - право собственности, распоряженія, и dominium utile, право только владѣнія, пользованія.

Рядомъ съ перерожденіемъ земельныхъ отношеній, какъ я уже замѣтилъ, перестраивались и отношенія между личностями. Полученіе бенефиція сопровождалась для получившаго бенефицій установленіемъ извѣстной зависимости отъ покровителя или пожалователя. Это такъ наз. коммендація, которая при подломъ держаніи выливается въ крѣпостничество, кабалу, а при благородномъ держаніи - въ вѣрность - hommagium. Впрочемъ, бенефицій не необходимо былъ связанъ съ коммендаціей или съ hommagium'омъ. Можно было сдѣлаться homo сеньора, и не

получить бенефицій, можно было получить бенефицій и не сдѣлаться homo

Всѣ эти отношенія - исключительно частно-правовыя, стоявшія какъ бы внѣ сферы воздѣйствія государственной власти. Но и само государство по необходимости имъ подчинялось. Франкскіе короли сами широко практиковали на своихъ домэнахъ прекарій. Они сами растрачивали свое земельное имущество дареніемъ бенефицій. Но они стремились установить общее правило, что бенефицій является только дареніемъ за службу, и отнимали эти бенефиціи въ случаѣ нерадѣнія и измѣны. Такимъ образомъ, короли своимъ собственнымъ примѣромъ какъ бы легализировали, узаконяли бенефиціальную систему. Они же освящали своимъ примѣромъ патронатъ, поставляя нѣкоторыхъ лицъ подъ свое особое покровительство. А эта королевская коммендація подрывала идею всеобщаго подданства и ставила договоръ между отдѣльными личностями на мѣсто закона. Такъ въ ущербъ государственной власти все болѣе и болѣе выростала власть крупныхъ магнатовъ, крѣпла ихъ сила политическая. Росту этой политической силы въ особенности содѣйствовали иммунитеты. Иммунитетъ - это освобожденіе отъ обязанности подчиняться обычнымъ королевским чиновникамъ - графамъ. Лица, добившіяся иммунитетовъ, не позволяли графамъ переступать границы своихъ помѣстій. Они сами собирали подати, созывали военное ополченіе и творили судъ и полицію среди подчиненнаго имъ

населенія. Вотъ приблизительная картина состоянія франкскаго общества наканунѣ политическаго переворота, произведеннаго каролингами. Все здѣсь идетъ вразбродъ, стремится къ самобытному существованію. Но феодальной системы еще нѣтъ. Хотя всѣ ея существенные элементы уже вполнѣ обрисовались, но они еще не координировались въ одно стройное цѣлое. Бенефицій, вассалитетъ и иммунитетъ не необходимо связаны другъ съ другомъ и очень часто существуютъ порознь. Естественный процессъ феодализаціи франкскаго государства на нѣкоторое время даже былъ пріостановленъ представителями новой династіи. Благодаря громаднымъ усиліямъ организаторскихъ талантовъ каролинговъ, широкія публично-правовыя начала пріобрѣтаютъ новую силу. Подъ вліяніемъ внѣшней опасности общество напрягаетъ свою военную мощь, на время отказывается отъ внутреннихъ смутъ и подчиняется единой міровой силѣ - императорской. Впрочемъ, центробѣжныя начала были слишкомъ сильны, чтобы можно было долгое время ихъ сдерживать. Самъ Карлъ Великій, мощная воля котораго задерживала естественный процессъ разложенія государственнаго организма, вынужденъ былъ разрушать одною рукою то, что созидалъ другою. Въ эпоху каролинговъ и происходитъ окончательная феодализація франкскаго общества. Сущность этой феодализаціи, съ одной стороны, состояла въ дальнѣйшемъ развитіи и упроченіи бенефиція, вассали-

тета и иммунитета, съ другой стороны, въ окончательномъ сліяніи этихъ разрозненныхъ элементовъ феодальной системы въ одно стройное цѣлое. Я и попытаюсь теперь наметить основные этапы даннаго процесса соціально политической эволюціи Запада.

Прежде всего о бенефиціи. При каролингахъ бенефицій получаетъ своё дальнѣйшее развитіе, все болѣе и болѣе вытѣсняя аллодіальную собственность. Между прочимъ, само правительство способствовало упроченію бенефиціальной системы, воспользовавшись ею для военной организаціи государства. Карлъ Мартеллъ и Пипинъ Короткій, какъ извѣстно секуляривовали массу церковныхъ земель и роздали эти секуляризованныя земли своимъ вѣрнымъ, обязавши ихъ за это военною службою. При Карлѣ Великомъ бенефиціальное держаніе окончательно превращается въ держаніе военное, чего не было ранѣе - до каролинговъ. Бенефиціалъ становится воиномъ-рыцаремъ. А это еще болѣе укрѣпляетъ его самостоятельность, еще болѣе пріучаетъ его къ независимости.

Съ другой стороны, при каролингахъ понятіе бенефиція расширяется. Бенефиціями становятся не только земли, но и государственныя должности. Произошло это такимъ образомъ. При господствѣ натуральнаго хозяйства, королевскіе чиновники - графы обычно получали за свою службу землю въ качествѣ бенефиція. И они склонны были разсматривать эту землю какъ неотъемлемую принадлежность ихъ должности. Государст-

венная служба графа такимъ образомъ сливается съ пожалованными ему землями - съ бенефиціями, и сама получаетъ характеръ бенефиція, т.е. считается не тяжелою обязанностью, отправляемою на пользу всѣхъ, а королевскимъ дареніемъ, источникомъ личнаго обогащенія. Одинъ и тотъ же терминъ honor сталъ обозначать и должность и землю, пожалованную за ея отправленіе.

При преемникаха Карла Великаго бенефицій все болѣе и болѣе имѣетъ тенденцію превратиться изъ пожизненнаго въ наслѣдственный. И уже Керсійскій капитулярій 877 г. провозглашаетъ наслѣдственное пользованіе землями и должностями. Въ X ст. наслѣдственность бенефиція становится общепризнаннымъ правиломъ.

Теперь о вассалитетѣ. Если при меровингахъ вассалитетъ существовалъ исключительно въ области частно-правовыхъ отношеній, былъ, такъ сказать, внѣ вѣдѣнія государственной власти, то теперь онъ санкціонированъ государствомъ, сталъ общеправовой нор-

Уже Карлъ Великій говоритъ въ своихъ капитуляріяхъ объ обязанносяхъ вассаловъ по отношенію къ сеньорамъ, а Карлъ Лысый въ 847 г. распоряжается, чтобы каждый свободный человѣкъ изъ его подданныхъ выбралъ себѣ сеньора въ лицѣ короля или королевскихъ вассаловъ. Государство, такимъ образомъ не разрушаетъ жизненной практики. Напротивъ, считая къ насущными потребностими времени, [illegible]

укрѣпляетъ, стараясь лишь привлечь ее на службу общегосударственнымъ цѣлямъ. Такъ, при созывѣ народнаго ополченія каролинги обращаются не ко всему свободному населенію своей монархіи, а только къ сеньорамъ. Каждый сеньоръ и обязанъ лично созвать отрядъ своихъ вѣрныхъ, чтобы вести его въ походъ подъ начальствомъ королевскихъ чиновниковъ. Далѣе мало по малу вводится въ практику отвѣтственность сеньоровъ за ихъ васаловъ въ дѣлахъ судебныхъ. Государство не само привлекаетъ провинившихся вассаловъ въ публичный трибуналъ, а поручаетъ это дѣло сеньорамъ. Словомъ, вассалитетъ, будучи легализированъ государствомъ пока состоитъ на службѣ у послѣдняго. Но это до поры до времени .Недалеко то время,. когда онъ обратится противъ государства.

Параллельно съ расширеніемъ и укрѣпленіемъ бенефиціальныхъ и вассальныхъ отношеній происходило тѣснѣйшее сліяніе первыхъ съ послѣдними. Выше было сказано, что въ смеровингскую эпоху можно было получить бенефицій и не сдѣлаться вассаломъ и на оборотъ, можно было сдѣлаться вассаломъ и не получить бенефицій. Теперь - при каролингахъ мало по малу устанавливается практика другого рода. Бенефиціалъ обычно становится вассаломъ, а вассалъ бенефиціаломъ. Въ первомъ случаѣ территоріальныя связи скрѣпляются личными: во второмъ - личныя - территоріальными. Въ общемъ же, территоріальныя, т.е. экономическія связи рѣшительно

преобладаютъ въ отношеніяхъ сеньора къ вассаламъ, отодвигая на второй планъ связи личнаго подчиненія,узы чисто духовной зависимости.Можно сказать, что теперь, по общему правилу, не человѣкъ привязанъ къ человѣку, а земля къ землѣ, и уже черезъ подчиненіе земель устанавливается подчиненіе личностей.

Сдѣлавшись изъ временнаго наслѣдственнымъ, слившись съ вассалитетомъ и, такъ сказать, растворивши въ себѣ послѣдній, бенефицій превращается въ феодъ. Феодъ - это уже нѣчто приближающееся къ собственности. Во всякомъ случаѣ, это такого рода держаніе,которое болѣе обезпечено, нежели держаніе бенефиціальное. Если бенефицій все время остается / по крайней мѣрѣ, въ теоріи/ простымъ результатомъ милости держателя, то феодъ или ленъ есть результатъ строго формулированнаго феодальнаго контракта. Надо сказать, что подлое,крѣпостное держаніе давно уже на практикѣ получило характеръ феода,т.е. держанія вѣчно-наслѣдственнаго, на строго опредѣленныхъ условіяхъ. Теперь же и благородное, чистое держаніе превращается въ держаніе феодальное. Теперь и вверху общества произволъ сеньора уступаетъ мѣсто обоюдному договору, который можетъ быть разорванъ лишь въ случаѣ нарушенія его однимъ изъ договаривающихся. Актъ,посредствомъ котораго устанавливается этотъ дого-

воръ, попрежнему коммендація и инвеститура. Актъ, посредствомъ котораго онъ расторгается - такъ наз. exfestucatio, т.е. символическое преломленіе зеленой вѣтви или пучка соломы.

Превращеніе бенефиція въ феодъ - это дальнѣйшій шагъ по пути къ независимости королевскихъ чиновниковъ и крупныхъ земельныхъ магнатовъ. Но окончательное торжество феодализму, въ смыслѣ преобладанія частно-правового начала надъ публично - правовымъ, даетъ развитіе иммунитета. Иммунитетъ при послѣднихъ каролингахъ не то, что иммунитетъ при меровингахъ и первыхъ каролингахъ. Нужно твердо помнить, что до IX в. иммунитетъ, избавляя земельнаго магната отъ произвола королевскихъ чиновниковъ, тѣмъ самымъ отнюдь не избавлялъ его отъ подчиненія центральному правительству, которое, въ лицѣ короля или его уполномоченныхъ, всегда могло вмѣшиваться во внутреннюю жизнь сеньоріи. Въ IX же и послѣдующихъ столѣтіяхъ иммунитетъ начинаетъ прикрывать собою настоящее распыленіе верховной власти, настоящее крушеніе публично-правового начала. Иногда иммунитетъ-результатъ королевскаго даренія, иногда-простая санкція узурпаціи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ лицо, получившее иммунитетную грамоту, становится ни отъ кого независимымъ политически и превращается въ настоящаго государя въ предѣлахъ своей сеньоріи. Уже не въ качествѣ представителя верховной

власти, а исключительно отъ своего собственнаго имени и для своихъ собственныхъ надобностей иммунистъ созываетъ народное ополченіе, собираетъ налоги и судебные штрафы, чеканитъ монету. Элементы верховной власти становятся, такимъ образомъ, частнымъ достояніемъ королевскихъ вассаловъ. Можно сказать, что король спускается до ранга простого сеньора, а сеньоръ возвышается до положенія государя.

Когда бенефицій, слившись съ вассалитетомъ, сдѣлался наслѣдственнымъ феодомъ, а держатель этого феода, будь онъ королевскій чиновникъ или простой земельный магнатъ, сталъ иммунистомъ, тогда и народилась на Западѣ такъ наз. феодальная система. Ея основа-крупная земельная собственность въ предѣлахъ натуральнаго хозяйства. Ея сущность - раздѣленіе политическихъ правъ и соціальной власти надъ людьми между представителями земельной аристократіи.

Народившись приблизительно въ концѣ IX или началѣ X ст., феодализмъ не застылъ въ неподвижности. Какъ и всякое учрежденіе, онъ медленно эволюціонировалъ, незамѣтно измѣнялъ свои формы. На первыхъ порахъ онъ ознаменовалъ собою раздробленіе общества на самостоятельные политическіе мірки и повергнулъ это общество въ сплошной безпорядокъ, въ анархію. Это такъ наз. „никубаціонный" періодъ феодальной системы, который тянется приблизительно до начала XII ст. Въ корнѣ подкопавши старую политическую ор-

ганизацію всемірной монархии.феодализмъ даннаго періода не успѣлъ еще выработать своихъ собственныхъ политическихъ формъ, которыя объединили бы общество на новыхъ началахъ. Чисто отрицательный процессъ политическаго тѣла пошелъ далеко и въ глубь и въ ширь, а процессъ его возсозданія едва намѣчался.

Въ 843 году по Верденскому трактату, Священная Римская Имперія раздробилась на три королевства, къ концу IX в. она раздѣляется уже на 7 королевствъ, при чемъ каждое изъ этихъ королевствъ, въ свою очередь, идетъ по тому же пути безконечнаго расчлененія. Императорская и королевская власть - простыя фикціи. Ихъ никто не признаетъ, никто не хочетъ слушать.Это самая мрачная пора въ жизни Западно-Европейскаго общества, эпоха грубѣйшихъ насилій и кулачнаго права. Низы общества пришиблены и забиты. Разбойники рыцари, свившіе себѣ орлиныя гнѣзда, въ видѣ неуклюжихъ, но неприступныхъ замковъ, вольны распоряжаться ими по своему произволу, такъ какъ сдерживающаго начала не существуетъ. Это одна сплошная смута, носители которой напрягаютъ всѣ свои силы для борьбы другъ съ другомъ изъ за личной выгоды и добычи. Они и сами истекаютъ кровью въ этой борьбѣ. Болѣе же всего терпятъ отъ нихъ широкія крестьянскія массы.

Однако мало по малу неустойчивыя феодальныя отношенія кристализируются въ стройную политическую систему. Подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, возникаю

новые общественные союзы - во Франціи, въ видѣ такъ наз. большихъ титулованныхъ сеньорій - герцогствъ и графствъ,которыхъ насчитывается около двухъ десятковъ. А эти титулованныя сеньоріи въ концѣ концовъ сливаются въ единый національный союзъ - монархію,организованную капетингами. Прежніе безпорядокъ и анархія уничтожаются. Феодальныя сеньоріи становятся въ строго - іерархическое подчиненіе другъ другу, во главѣ съ верховнымъ сеньоромъ-такъ наз. сюзереномъ. Флакъ очень вѣрно подмѣтилъ,что расцвѣтъ феодализма во Франціи является и началомъ его разложенія. Верховные сюзерены, т.е. короли изъ могучаго рода капетинговъ, опираясь на поддержку вновь выросшей соціальной силы - такъ наз. третьяго сословія,уже въ XIII ст. разбиваютъ феодализмъ по всѣмъ фронтамъ. Такимъ образомъ, создавши въ конечномъ итогѣ своего развитія монархію, феодализмъ погибаетъ отъ своего же собственнаго созданія. Но, разлагаясь, какъ цѣлая система общественныхъ отношеній, феодализмъ не исчезаетъ безслѣдно съ политическаго горизонта. Будучи крайнимъ воплощеніемъ принципа индивидуальности, онъ завѣщаетъ новому обществу одно драгоцѣнное достояніе - широкое народоправство. И мы едва ли ошибемся,если скажемъ, что наши представительныя учрежденія - это прямые потомки средневѣковаго феодализма.

Литература: Кромѣ не разъ уже названныхъ работъ Маурера, Вайца, Бруннера, Глассона, Віолля и Виноградова, особенно см. Фюстель. Начала феодальнаго строя. 1910 и Flach. les origines de l'ancienne France, t. I-III. 1886-1904. См. также хорошія обобщ. ст. въ Histoire de France, подъ ред. Lavisse t. II 1903 и ст. [illegible]

Важнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
10	12 снизу	кимвротенвтонской	кимвротевтонской
15	6 снизу	-повѣенности	-повѣшенности
18	12 снизу	силошъ	сплошь
19	14 снизу	Фудько	Фулько
19	4 сверху	Бретнии	Бретани
27	2 снизу	бурзуазіи	буржуазіи
31	11 снизу	Антвернеиѣ	Антвернеиѣ
35	11 снизу	2 т.	2 тысячъ
42	13 сверху	оно-	сво-
42	7 снизу	возобновивъ	возобновляя
53	3 сверху	угадыва	угадыванія
60	1 снизу	каролнлвскую епоху	каролингскую эпоху
63	7 снизу	смыола	смысла
64	11 сверху	Галикармасскому	Галикарнасскому
82	6 сверху	вассольными	вассальными
84	15 снизу	очъ	мечъ
89	11 сверху	-родоправства	-родоправства
90	2 снизу	сто	чисто
100	2 снизу	Констатитуціонной	[illegible]нституціонной
118	9 сверху	чиновенства	чин[illegible]ства
127	1 сверху	рацвитіе	[illegible]тіе
131	14 снизу	пазывала-	назыв. ла-
132	2 сверху	салтусовъ	сальтусовъ
135	1 снизу	servas	servus
171	6 сверху	свидительствѣ	свидѣтельствѣ
174	2 сверху	заммкѣ	замкѣ
177	7 снизу	землѣ	землю
184	12 сверху	поспошно	поспѣшно
193	9 сверху	избрагіе	избраніе

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
194	8 сверху	текств	токетъ
199	2 сверху	Ройнѣ	Рейнѣ
239	4 снизу	бургдиды	бургунды
244	13 сверху	осяхательныхъ	осязательныхъ
247	11 сверху	многочисленности	немногочисленности
247	2 снизу	въ разнородности	въ силу разнородности
265	6 сверху	„Правдъ	„Правда
266	2 снизу	исчезала	исчезали
276	12 снизу	атестаціи	тестаціи
280	1 сверху	по	по Са-
282	7 снизу	слирнеяжников	сопрцсяжниковъ
283	7 снизу	кяянутся	клянутся
298	4 снизу	гречискія	греческія
301	5 снизу	хитрось	хитрость
307	4 сверху	рла	эрла
310	8 сверху	домократиче-	демократиче-
314	7 сверху	хроническй	хронологически
317	13 снизу	епискоау	епископу
330	6 сверху	правдывымъ	правдивымъ
339	9 сверху	ли	или
354	10 снизу	образцу римскаго	образцу власти римскаго
360	5 сверху	королевскимъ	королевскимъ palatium'омъ
364	10 сверху	воскрешаютъ	воскресаютъ
391	5 сверху	міръ	миръ
398	2 снизу	потерпѣла	протерпѣла
400	4 сверху	феодалы	феодальные
417	2 снизу	Въ ряду	На ряду
427	7 снизу	продивщіе	породившіе
431	4 сверху	про-	пре-
431	13 снизу	получаетъ	получаютъ
458	1 сверху	признаваемомъ	признаваомымъ